

Пьер Амбруаз Франсуа
ШОДЕРЛО де ЛАКЛО
**ОПАСНЫЕ
СВЯЗИ**

Первый полный перевод
Двадцать семь иллюстраций
Жоржа Барбье

БИБЛИОТЕКА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Пьер Амбруаз Франсуа Шодерло де Лакло

(1741–1803)

Шодерло де Лакло

ОПАСНЫЕ СВЯЗИ

творческое объединение
Алькор

*Совместный проект издательства СЗКЭО
и переплётной компании
ООО «Творческое объединение «Алькор».*

Санкт-Петербург
СЗКЭО

ББК 84.(4)-44
УДК 821.133.1
Ш78

Текст в современной орфографии воспроизводится по изданию:

*Лакло П. А. Ф. Ш. де. Вредныя знакомства, или
Письма, собранныя одним обществом для предостережения других. —
Санктпетербург : в Театральной типографии, 1804–1805*

Иллюстрации воспроизводятся по изданию:

*Choderlos de Laclos, Pierre-Ambroise-François. Les liaisons dangereuses. —
Paris, Le Vasseur et Cie, 1934*

Первые 100 пронумерованных экземпляров
от общего тиража данного издания переплетены мастерами
ручного переплета ООО «Творческое объединение „Алькор“»

Классический европейский переплет выполнен
из натуральной кожи особой выделки растительного дубления.

Инкрустация кожаной вставкой с полноцветной печатью.

Тиснение блинтовое, золотой и цветной фольгой.

6 бинтов на корешке ручной обработки.

Использовано шелковое ляссе, золоченый каптал из натуральной кожи,
форзац и нахзац выполнены из дизайнерской бумаги Malmero
с тиснением орнамента золотой фольгой. Обработка блока
с трех сторон методом механического торшенирования
с нанесением золотой матовой полиграфической фольги горячим способом.

Оформление обложки пронумерованных экземпляров
разработано в ООО «Творческое объединение „Алькор“»

Ш78 **Шодерло де Лакло.** Опасные связи. — СПб. : СЗКЭО, 2022. — 336 с., ил.

Эпистолярный роман французского генерала, изобретателя и писателя Пьера Шодерло де Лакло (1741–1803) «Опасные связи», один из лучших и наиболее читаемых французских романов XVIII века, публикуется в первом полном русском переводе, выполненном Александром Ивановичем Левандой (1765–1812). Книгу украшают 27 рисунков французского художника и иллюстратора Жоржа Барбье (1882–1932).

ISBN 978-5-9603-0774-1 (7БЦ)
ISBN 978-5-9603-0775-8 (Кожаный переплет)

© СЗКЭО, 2022

Les Liaisons

Dangerieuses.

Уведомление¹

Не вступаясь за достоверность сих писем и не оспаривая названия *романа*, приданного сочинению сему некоторыми иностранными знатоками, защищавшими *честь нашего века*, покажем, какова была цель издателя.

Многие (говорит между прочим трудившийся над приведением в порядок писем сих) станут также спорить и о пользе сего труда; но всего легче убедить их в том. Кто чувствует, что обнаруживающий все средства, употребляемые злонравными людьми для развращения добронравных, делает истинную услугу обществу, тот, всеконечно, не станет опорочивать цели сих писем. Он найдет в них новые доказательства и пример двух важных истин, едва ли не забытых: что всякая женщина, принимающая в свое общество человека худых правил, бывает наконец его жертвою; и что всякая мать поступает безрассудно, не стараясь снискать доверенности своей дочери и позволяя *другим* пользоваться оною. Молодые люди обоего пола могут также научиться из сей переписки, что дружба людей вольнодумных бывает всегда опасными сетями для их благополучия и добродетели. Опасаясь, однако ж, заблуждений, свойственных сему возрасту, не только не советую им читать книги сии, но желаю даже, чтоб удалили от них все такого рода сочинения. «Лучшее время для нашего пола, — сказала одна здравомыслящая дама, — заняться сими письмами есть замужество, и я надеюсь оказать услугу моей дочери, открыв ей „Вредные знакомства“² в день свадьбы». Если все добрые матери скажут то же самое, я вечно буду доволен своим трудом³.

¹ В переводе А. И. Леванды вступительные тексты даны в сокращении. Полные тексты «Предостережения издателей» и «Предисловия редактора» см. на следующих страницах (*примеч. ред.*).

² В переводе А. И. Леванды роман назывался «Вредные знакомства» (*примеч. ред.*).

³ В первом русском издании романа после «Уведомления» следовало посвящение переводчика: «Его высокородию милостивому государю Ивану Антоновичу Пукалову; истинный почитатель его»; *Иван Антонович Пукалов (Пукалов)* (ок. 1748–1818) — один из приближенных графа А. А. Аракчеева, чиновник коллегии иностранных дел, в 1801 г. — и. о. обер-прокурора Синода, позже — член департамента герольдии Сената, советник Военной коллегии (*примеч. ред.*).

Предостережение издателей

Мы считаем, что должны предупредить читателей, что, несмотря на название этой книги и то, что редактор говорит в своем предисловии, мы не гарантируем подлинность этого собрания писем и что у нас даже есть серьезные основания полагать, что это всего лишь роман.

К тому же нам кажется, что автор, который, тем не менее, казалось бы, искал правдоподобия, разрушил его сам, и весьма неуклюже, вследствие времени, в которое он поместил публикуемые события. В самом деле, некоторые из изображаемых им персонажей имеют такие дурные нравы, что невозможно предположить, чтобы они жили в нашем веке, в веке торжества философии, когда просвещение, распространившееся повсюду, сделало, как всем известно, всех мужчин такими честными, а всех женщин такими скромными и такими сдержанными.

Поэтому мы считаем, что если приключения, описанные в этой книге, основаны на истине, то они могли произойти только в иных местах или в другое время; и мы очень порицаем автора, который, по-видимому, соблазненный надеждой вызвать больший интерес, приблизившись к своему веку и своей стране, осмелился показать в наших обличьях и с нашими обычаями столь чуждые нам нравы.

По крайней мере, мы хотели бы уберечь, насколько это возможно, слишком доверчивого читателя от всяких недоумений по этому поводу, поэтому подкрепляем свое мнение рассуждением, которое предлагаем ему с уверенностью, поскольку оно кажется нам бесспорным и неопровержимым: дело в том, что одни и те же причины, несомненно, будут приводить к тем же следствиям, однако в наши дни мы не наблюдаем ни молодых девиц с доходом в шестьдесят тысяч ливров, постригающихся в монахини, ни молодых и красивых президентш, умирающих от несчастной любви.

Предисловие редактора

Это сочинение, или, вернее, этот сборник писем, который читатель, возможно, найдет слишком объемистым, содержит лишь незначительную часть переписки, из которой он извлечен. Владельцы этих писем поручили мне привести его в порядок, а я в качестве вознаграждения попросил лишь позволения убрать все бесполезное и оставить лишь то, что казалось мне нужным либо для понимания событий, либо для развития характеров. Если добавим к этой несложной работе порядок расположения оставленных писем, почти всегда хронологический, и, наконец, несколько кратких примечаний, в основном указывающих на источники тех или иных цитат или обосновывающих допущенные мною сокращения, то тем самым исчерпаем всю мою роль в этой работе. Дальше моя миссия не простиралась¹.

Я предложил внести и более существенные изменения, и почти все они касались чистоты слога или стиля, имеющих в письмах немало недостатков. Я также хотел, чтобы мне разрешили сократить несколько слишком длинных писем, в ряде которых повествуется без всякой связи и перехода о вещах, друг с другом не связанных. Этой работы, разрешения на которую я не получил, несомненно, не хватило бы для придания произведению истинной художественной ценности, но она, по крайней мере, устранила бы некоторые из имеющихся недостатков.

Мне возражали, что было бы желательно опубликовать сами письма, а не некое изготовленное из них произведение; что если бы восемь-десять человек, участвовавших в этой переписке, писали с одинаковыми слогом и чистотой языка, это было бы прегрешением и против правдоподобия, и против истины. А на мои замечания, что до этого весьма далеко и что среди имеющихся авторов писем нет ни одного, кто не допускает серьезных ошибок и кого не преминут подвергнуть критике, мне отвечали, что всякий разумный читатель наверняка ожидает найти недостатки в сборнике писем нескольких частных лиц, поскольку во всех опубликованных до сих пор сборниках от различных уважаемых авторов и даже от нескольких академиков не было найдено ни одного, полностью свободного от этого упрека. Эти доводы меня не убедили, я был уверен тогда и уверен до сих пор, что любые доводы легче приводить,

¹ Должен также предупредить, что я вычеркнул или изменил имена всех лиц, упомянутых в этих письмах, и что если среди придуманных мною имен есть такие, которые кому-либо принадлежат, считайте это только случайной ошибкой с моей стороны, из которой не следует делать никаких выводов.

чем с ними соглашаться; но я не являюсь хозяином писем, и я подчинился. Впрочем, оставил за собой право быть несогласным и заявить, что придерживаюсь иного мнения; что и делаю прямо сейчас.

Касательно возможных достоинств данного произведения, пожалуй, не мне о них рассуждать, поскольку моя позиция не должна и не может повлиять на чье-либо мнение. Однако те, кто, прежде чем приступить к чтению, предпочитают более или менее знать, на что им рассчитывать, те, повторюсь, пусть продолжают читать это предисловие; другим же лучше сразу приступить к чтению самого произведения: они уже достаточно узнали.

Прежде всего добавлю, что хотя моей идеей было — признаюсь — опубликовать эти письма, тем не менее я очень далек от ожидания оглушительного успеха; и пусть никто не примет эту искренность с моей стороны за игривую скромность автора; ибо я заявляю с той же откровенностью, что, если бы это собрание писем не показалось мне достойным быть предложенным публике, я бы не стал им заниматься. Попробую разъяснить это кажущееся противоречие.

Достоинство произведения складывается из его полезности или очарования, и даже одновременно из того и другого, если таковы его свойства; но успех, который не всегда служит показателем достоинства, часто больше зависит от выбора темы, чем от ее изложения, больше от набора объектов, которые он представляет, чем от того, как с ними поступают. Однако в этом сборнике, содержащем, как следует из названия, письма целого общества, царит разнообразие интересов, ослабляющее интерес читателя. При этом почти все чувства, выраженные в нем, будучи лживыми или притворными, могут лишь возбудить интерес любопытства, а он всегда значительно слабее интереса, вызванного подлинным чувством, которое в меньшей степени ведет к снисхождению и тем больше позволяет увидеть недостатки, присутствующие в мелких деталях.

Эти недостатки, быть может, отчасти искупаются качеством, которое также обусловлено характером данного произведения: разнообразием стилей — достоинством, которого иной автор достигает нечасто, но которое здесь проявляется само собой и спасает, по крайней мере, от скуки однообразия. Многие также оценят довольно большое количество наблюдений, разбросанных в этих письмах, как новых, так и малоизвестных. Вот, я думаю, и все, на что можно надеяться, судя о них даже с величайшей благосклонностью.

Полезность данной работы, быть может, будет оспариваться еще больше, но мне кажется, что ее значительно легче установить. По крайней мере, я уверен, что разоблачение средств, используемых бесчестными людьми для развращения людей порядочных, послужит нравственности, и я полагаю, что эти письма помогут эффективно способствовать достижению этой цели. В ней также нетрудно найти доказательство и пример двух важных истин, которые можно было бы считать проигнорированными, видя, как мало они соблюдаются: во-первых, любая женщина, которая соглашается принять в свое

общество мужчину без морали, в конце концов становится жертвой; во-вторых, всякая мать по крайней мере неблагоразумна, если позволяет своей дочери больше доверять какой-либо другой женщине, нежели себе самой. Молодые люди обоего пола могут также узнать из этой книги, что дружба, которую люди с дурными нравами, кажется, так легко им дарят, всегда есть не что иное, как опасная ловушка, столь же фатальная для их счастья, как и для их добродетели. Все хорошее так часто может употребляться во зло, что я не только не рекомендую молодежи чтение настоящей переписки, но и считаю весьма существенным держать подобные произведения подальше от нее. Время, когда эта книга может перестать быть опасной и стать полезной, как мне кажется, очень хорошо уловила некая достойная мать, обнаружившая не только рассудительность, но и подлинный ум. «Мне кажется, — сказала она мне после прочтения рукописи этой переписки, — что я оказала бы своей дочери настоящую услугу, подарив ей эту книгу в день свадьбы». Если все матери станут так думать, я буду бесконечно рад, что это опубликовал.

Но, даже исходя из этого благоприятного предположения, мне все же кажется, что этот сборник мало кому должен понравиться. Развратные мужчины и женщины будут осуждать эту работу, которая может им навредить; а так как они не лишены известной ловкости, то, быть может, им удастся включить в свою партию ригористов¹, встревоженных картиной дурных нравов, которую мы не побоялись изобразить.

Так называемые сильные умы не заинтересуются набожной женщиной, которую именно по этой причине они сочтут жалкой бабенкой, а набожные будут сердиться, увидев гибель добродетели, и будут жаловаться, что религиозное чувство не проявило достаточной силы.

С другой стороны, людям с тонким вкусом будет противен слишком простой и слишком несовершенный стиль некоторых из этих писем, в то время как рядовой читатель, убежденный, что все, что печатается, является плодом писательского труда, увидит в некоторых письмах неумелую манеру автора, скрытого за персонажами, которых он заставляет говорить.

Наконец, пожалуй, могут высказать единодушное мнение, что каждая вещь имеет силу только на своем месте и что если изысканный стиль авторов действительно умаляет естественные достоинства частных писем, то небрежность их становится по-настоящему ошибочной и в печати делает их неудобочитаемыми.

Я искренне допускаю, что все эти упрёки могут быть оправданы. Я также полагаю, что мог бы на них возразить, нимало не выходя за рамки предисловия. Но надо понимать, что для того, чтобы отвечать здесь на все, само произведение не должно было бы отвечать ни на что, а если бы я так рассуждал, я не стал бы создавать ни это предисловие, ни эту книгу...

¹ *Ригорист* (книжн.) — человек, строго следующий определенным нравственным принципам (примеч. ред.).

The book cover features a highly decorative border. At the top, two cherubs are depicted holding up a large, draped fabric with a leopard print pattern. This fabric is adorned with a central golden crown-like ornament and hangs down the sides of the cover. At the bottom, two more cherubs are shown, each holding an oval portrait of a person in 18th-century attire. The entire border is embellished with floral motifs and blue fabric-like elements.

ОПАСНЫЕ СВЯЗИ

или

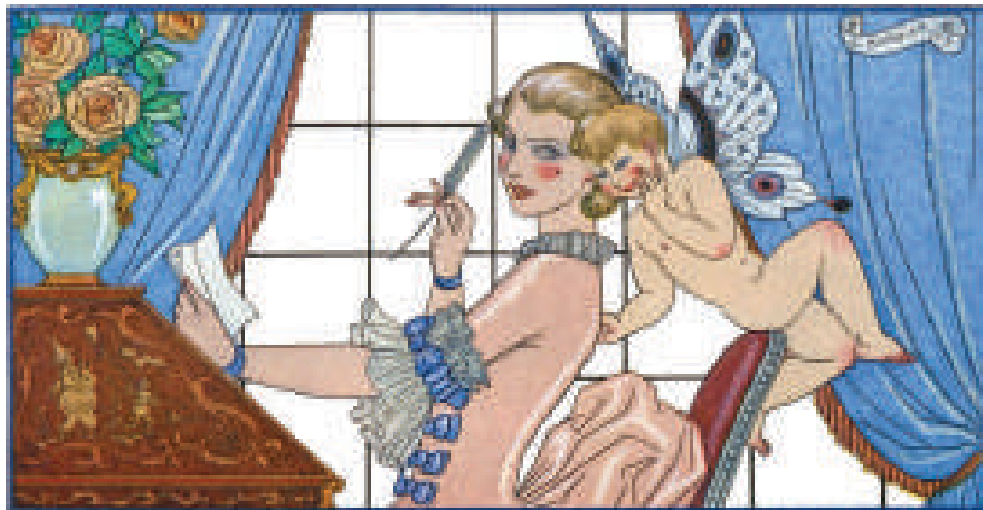
Письма, собранные одним обществом
для предостережения других

Познав нравы современников
своих, издал я сии письма.

Ж.-Ж. Руссо
в предисловии «Юлии, или Новой Элоизы»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПИСЬМО I

Сесилия Воланж к Софии Карне
(в *** монастырь)

ы видишь, милая моя, что я держу свое слово; чепчики и головные уборы не вовсе еще занимают меня; для твоих писем всегда найду время. Сказать ли тебе? Во все четыре года, как мы жили вместе, не видала я столько нарядов, как сегодня; и я уверена, что гордая Танвиль¹ треснет с досады, когда я приду навестить вас и покажу ей, что я перещеголяла ее своим платьем. Матушка обо всем со мной советуется и перестает уже обходиться со мной, как с монастыркой: мне дана особливая горничная, особливая

комната и кабинет, коими я одна располагаю; теперь пишу к тебе на прекрасном бюро, от которого отдан мне ключ, и я могу запираť в нем все что ни захочу. Матушка сказала мне, что всякое утро буду я с ней видеться, когда она

¹ Того же монастыря пансионерка.

[Пансионерка — здесь: учащаяся в пансионе, т. е. закрытом учебном заведении с общежитием. Пансион при монастыре не налагал на воспитанницу монашеских обязанностей (примеч. ред.).]

встанет, что довольно если успею причесаться только к обеду, потому что за столом мы всегда будем одни, и что всякий день назначит она мне час, когда приходишь к ней после обеда. Достальное¹ же время все в моем расположении; у меня есть арфа, рисунки и книги, точно так же как и в монастыре, недостает только *Безотвязной*², надзирательницы нашей, которая беспрестанно бы на меня ворчала. От меня зависит совсем ничего не делать; но так как здесь нет милой моей Софии, с которой бы могла я разговаривать и хохотать, то для меня все равно будет чем-нибудь да заниматься.

Теперь еще пятый час, а к матушке должна я идти в осьмом: сколько свободного времени, если б было о чем писать к тебе! Но мне и самой ни о чем еще не говорили, и если б я не видела всех приуготовлений и множества мастеровых, которые все на меня работают, то, право, подумала бы, что и не мыслят выдать меня замуж, и что это также бредни простодушной Жозефины³. Однако ж матушка часто говаривала мне, что девица до самого замужества своего должна оставаться в монастыре: так для чего же взяла она меня оттуда? Чушь, полно, не права ли Жозефина!

Карета остановилась у ворот, и матушка прислала сказать мне, чтобы я тотчас шла к ней. Ну, если это жених? Я еще не одета, рука дрожит и сердце сильно начинает биться. Спрашиваю у своей горничной, не знает ли она, кто у матушки? «Как не знать, сударыня, — сказала она мне, — это господин С***», — и начала смеяться. Ах! верно, это он! Возвратясь, обо всем отпишу к тебе. По крайней мере, знаем, как его зовут. Неловко, чтоб меня дожидались. Прощай, милая, на минуточку.

Как ты будешь хохотать над бедной Сесилией! Ах, как мне было стыдно! Но и ты на моем месте сделала б то же. Входя к матушке, увидела я одного господина, порядочно одетого, который стоял подле нее. Я присела перед ним как можно ниже и остановилась как вкопанная. Подумай сама, имела ли я время рассмотреть его! «Сударыня, — сказал он матушке, поклонясь мне, — вот прелестная девица! Теперь-то я чувствую всю цену вашей ко мне милости». От сих слов, столь ясных, бросило меня в такую дрожь, что я не могла устоять на ногах, опустилась в первые кресла, которые мне попались, краснела и была сама не своя. Лишь только я села, господин этот очутился передо мной на коленях. Бедная твоя Сесилия совсем тогда обезумела. Матушка сказывала, что я ужась как перепугалась. Я вскочила и закричала со всей мочи... помнишь ли? точно так, как во время грозы. Матушка покатила со смеху и сказала мне: «Что с тобою делается? Садись и протяни ногу...» Как же бы ты думала, милая моя, господин этот вышел на проверку башмачник. Я не могу описать тебе,

¹ Перевод был опубликован в 1804 году; при подготовке текста мы намеренно сохранили устаревшее употребление некоторых любопытных слов и речевых оборотов (*примеч. ред.*).

² В оригинале — *la Mère Perpétue*, матери Перпетуи (*примеч. ред.*).

³ Монастырская прислужница.

как я была пристыжена! К счастью, кроме матушки, никого не было. Мне кажется, что когда я выйду замуж, то башмачник этот не станет более на меня работать.

Признайся, что мы очень умны. Прощай. Скоро шесть часов ударит, горничная моя твердит, что пора одеваться. Прости, любезная София; я люблю тебя точно так же, как и в монастыре.

P. S. Не знаю, с кем переслать это письмо; стану дожидаться Жозефину.

Париж, 3 августа 17...

ПИСЬМО II

Маркиза де Мертей¹ к виконту де Вальмону
(в *** замок)

озвратись, любезный виконт, возвратись: что ты делаешь? И что может занять тебя у старой тетки? Имение ее укреплено уже за тобою. Выезжай тотчас; ты мне нужен. Я затеяла нечто бесподобное и хочу поручить тебе исполнение моего предприятия. Казалось бы, сего и довольно, чтобы заставить тебя скакать сюда с нетерпеливостью и чтобы ты, чувствуя цену моего выбора, спешил у ног моих принять мои повеления; но ты пренебрегаешь моими благосклонностями, с тех пор как перестал ими пользоваться, и, сколь я ни колеблюсь между вечною ненавистью и всегдашним прощением, счастью твоему угодно, чтоб привязанность моя к тебе во всяком случае одерживала надо мною верх. Оставляя все, хочу уведомить тебя о своих намерениях: но поклянись мне, что ты, как верный рыцарь, не погонишься ни за какою интригою, покуда не окончишь той, которую я тебе предлагаю. Не стыдно и герою заняться ею! Ты послужишь любви и мщению; одним словом, это *удальство*² будет не из последних в твоих похождениях, которые со временем намерена я выдать в свете. Но возвратимся к прежнему предмету.

¹ В переводе А. И. Леванды — «Мертэйль»; здесь и далее имена персонажей, географические названия и т. п. приведены в соответствие с общепринятой ныне нормой (*примеч. ред.*).

² В оригинале — *rouerie* (*фр.*), можно перевести как «шалопайство»; далее следовало примечание автора: «Слова „шалопай“ и „шалопайство“, от которых, к счастью, начали избавляться в хорошем обществе, были широко распространены в то время, когда писались эти письма» (*примеч. ред.*).

Госпожа де Воланж выдает замуж свою дочь: этого еще никто не знает, вчера, однако ж, объявила она мне о сем секрете. Кого же бы ты думал выбирает она себе зятем? Графа де Жеркура! Кто бы мог предсказать мне, что я буду свояченицею Жеркура? Я так взбешена... Ну что ж, ты все еще не догадываешься? Куда как ты бестолков! Неужели ты простил ему приключение твое с интендантшею? А я мало имею причин жаловаться на него? Скажи, повеса?¹ Но я успокаиваюсь; надежда отомстить утешает меня.

Тысячу раз докучал он тебе и мне важными своими рассуждениями о будущей своей супруге и глупым надеянием на себя, чрез которое уверился он, что избегнет неминуемой участи здешних мужей. Тебе известно смешное его предубеждение в пользу монастырского воспитания и скромности белокурых. Я готова удариться об заклад, что, несмотря на шестьдесят тысяч ливров приданого малютки Воланж, никогда не пустился бы он в это супружество, если б невеста была смуглянка и не знала монастыря. Докажем же ему, что он глупец; конечно, он будет со временем одурачен, но я об этом не забочусь: всего бы лучше, если б он тем начал. Как бы мы на другой день повеселились, слушая его рассказы: я уверена, что он и тогда станет хвастать. Сверх же того, если тебе однажды удастся образовать эту девочку, то надобно уже быть совершенному несчастью, чтоб о жеркуровой свадьбе, как и о других, не протрубили во всем Париже.

Впрочем, героиня нового сего романа стоит того, чтобы ты занялся ею: она, право, недурна; ей не более пятнадцати лет; это расцветающая розовая почка; признаться, неловка до крайности и не знает еще никаких приемов. Но для мужчин это не опасно; томные ее глаза многое обещают; прибавь к этому, что я рекомендую ее; итак, остается тебе благодарить меня и повиноваться.

Завтра получишь ты это письмо поутру; я требую, чтобы ты был у меня ввечеру в семь часов. До восьми никого, даже и счастливого шевалье², не впустят ко мне; у него не достанет ума для столь щекотливого дела. Ты видишь, что любовь не ослепляет меня; в восемь часов отпущу тебя, в десятом возвратишься ужинать с милым своим предметом; мать с дочерью ужинают у меня. Прощай. Двенадцать бьет, и я скоро перестану заниматься тобою.

Париж, 4 августа 17...

¹ Для лучшего уразумения сего места надлежит знать, что граф де Жеркур оставил маркизу де Мертей ради интендантши ***, которая пожертвовала ему виконтом де Вальмоном, и что тогда маркиза и виконт вступили в тесную связь. Переписка их не помещается здесь, дабы не обременить читателя побочными происшествиями.

² *Шевалье* (фр. *chevalier*) — букв. «сдущий на коне», здесь — рыцарь, кавалер (*примеч. ред.*).

ПИСЬМО III

Сесилия Воланж к Софии Карне

о сие время ничего еще не знаю, милая моя. Вчера ужина-
ло у матушки множество гостей. Со всем тем, что я ста-
ралась заняться ими, а особливо мужчинами, мне очень
было скучно. Мужчины и женщины, все часто погляды-
вали на меня и перешептывались на ухо; я чувствовала,
что они про меня говорили; мне было стыдно, я краснела,
но не могла никак укрепиться и сама на себя досадовала,
что не умела подделаться к городским женщинам. Я при-
метила, что когда смотрят на них, то они нимало не крас-
неют; может быть, румяна мешают видеть природный их
румянец, замешательством произведенный. Мне так кажется, очень мудрено
не краснеть, когда мужчина пристально на тебя смотрит. Более же всего бес-
покоило меня то, что я не знала, что обо мне думают; кажется, однако ж, что
я слышала раза с два или три отголосок слова *пригожа*; но *неловка*, очень ясно
было сказано; и это должна быть совершенная правда, потому что гостья, ко-
торая обо мне так отзывалась, близкая родня и короткая приятельница ма-
тушки; и, если я не ошибаюсь, она с первого взгляда полюбила меня. Из всех
гостей она одна разговаривала со мной, и то недолго. Завтра мы у нее ужина-
ем. После ужина услышала я также, что один незнакомый мужчина, разгова-
ривая с другим, верно, обо мне, сказал: «Пусть созреет; нынешняя зима пока-
жет нам!» Может быть, он-то на мне и женится; когда так, то еще осталось че-
тыре месяца до свадьбы; мне бы очень хотелось знать, когда все это кончится.
Вот и Жозефина входит и говорит, что ей некогда дожидаться. Однако ж я рас-
скажу тебе и еще одну из моих *неловкостей*. Конечно, эта госпожа говорила
правду!

После ужина принялись за карты. Я села подле матушки; не знаю, как это
случилось, только я почти в ту же минуту захрапела. Сильный хохот разбудил
меня. Не знаю, чему они смеялись, но чуть ли не надо мною. Матушка позво-
лила мне идти в мою комнату, и я очень была довольна этим. Мудрено ли, что
я вздремала в двенадцатом часу! Прощай, любезная София, люби по-прежне-
му твою Сесилию; уверяю тебя, что в собраниях не так-то забавно, как мы себе
представляли.

Париж, 4 августа 17...

ПИСЬМО IV

Виконт де Вальмон к маркизе де Мертей

овеления ваши прелестны; уловка, с каковою вы их насылаете, и того любезнее; вы в состоянии заставить обожать и самый деспотизм. Не первый уже раз, как вам известно, сожалею я о том, что перестал быть невольником вашим; и хотя вы и величаете меня повесою, но я никогда не могу вспомнить без удовольствия о том времени, когда называли вы меня гораздо нежнейшими именами. Неоднократно также желаю я заслужить их снова, дабы наконец вместе с вами подать свету пример постоянства. Но выгоды несравненно важнейшие ожидают нас; побеждать есть наша участь, и мы должны повиноваться ей: может быть, мы еще встретимся с вами на пределах поприща, ибо, не в досаду вам сказать, милая маркиза, вы не отстаете от меня ни на шаг; и с тех пор, как мы, расставшись, к счастью общества, принялись проповедовать всякий свое, кажется, что в любовном сем подвиге более обратили вы к себе последователей, нежели я. Ваше усердие, ваше пылкое рвение мне известны; и если бы Амур судил нас по нашим заслугам, вы бы, верно, по примеру древних избраны были заступницею какого-нибудь знатного города, а друг ваш едва ли бы попал в покровители бедной деревушки. Баснословный язык сей удивляет вас, не правда ли? Но дней с восемь слышу и употребляю одни только любовные выражения, и одно желание усовершенствоваться в оном принуждает меня теперь послушаться вас.

Не гневайтесь и выслушайте меня. Обладательница всех сердечных моих тайн! Тебе вверяю предприятие мое, которое почитаю важнейшим из всех бывших в жизни моей! Что вы мне предлагаете? Обольстить молодую девушку, которая ничего еще не видала, ничего не знает; которая, так сказать, безо всякой обороны предана мне будет; которая от первого любовного приветствия сделается без ума и которую любопытство, может быть, гораздо далее заведет, нежели любовь. Всякий на моем месте предупредит в сем случае, так же как и я. Но нельзя сего сказать о предприятии, коим я занимаюсь; успех оно-го обещает мне столько же славы, как и удовольствия. Любовь, приуготовляя мне венец, колеблется в выборе мирта или лавра¹, или, лучше сказать, она их соплетет вместе, чтоб увеличить блеск моего торжества. Вы сами, нежнейший мой друг, вы сами объяты будете священным восторгом и скажете: «Се человек по сердцу моему...»

¹ *Мирт* символизирует чувственную любовь и счастливый брак, *лавр* — триумф и победу (примеч. ред.).

Вы знаете президентшу¹ де Турвель, ее набожность, супружескую ее верность и строгие ее правила. Вот на кого нападаю я, вот неприятель, достойный меня; вот цель, до которой надеюсь достигнуть.

Хотя успех в моих стараниях будет мал,
Я славен буду тем, что их предпринимал.

Можно сослаться и на дурные стихи, если они принадлежат славному автору².

Вы знаете также, что президент, муж ее, в Бургундии хлопочет по важной тяжбе (я надеюсь между тем оттягать у него лучшую его усадьбу). Безутешная его половина остается здесь во все время горестного сего вдовства. Не пропускать ни одной обедни, навещать бедных в своем околодке³, утро и вечер проводить на молитве или же в уединенных прогулках и в набожных беседах с престарелой моей тетушкой, а иногда прогонять скуку заунывным вистом, — вот все ее упражнения. Но я приуготавливаю ей гораздо деятельнейшие. Ее и мое счастье завело меня сюда. Безумный! Для тебя несносно было проводить и один день в пустых приветствиях. Какое ж будет для тебя наказание, если принудят тебя возвратиться в Париж? К счастью, вист требует четырех игроков; исключая же приходского священника, здесь никого нет; обветшавшая тетушка моя неотступно просила меня пожертвовать ей несколькими днями. Вы чувствуете, что я не стал отговариваться, но не поверите, как госпожа Турвель с тех пор ласкает меня и сколь она довольна, видя, что я всякий раз бываю с нею вместе на молитве и у обедни. Ей и в ум не придет, которую святую я ублажаю.

Таким-то образом, четыре уже дня предаюсь я очарованиям любви. Вам известна пылкость желаний моих и неутомимость моя в преодолении препятствий: но вы не можете себе представить, до какой степени уединение воспламеняет желания. Один предмет занимает все мысли мои днем и ночью. Я должен непременно покорить эту женщину, дабы не стали смеяться, что я в нее влюблен: до чего не доводит препятствуемое желание! Сладостная утеха! Тебя умоляю, доверши мое блаженство, возврати мне прежнее мое спокойствие! Сколь мы счастливы, что женщины так худо защищаются! В противном случае мы бы пред ними были робкие токмо невольники. В сие мгновение чувствую я чистосердечную признательность к сговорчивым женщинам, увлекающую меня к вашим ногам. Я повергаюсь к ним для испрошения себе прощения и тем оканчиваю бесконечное сие письмо. Прости, прелестный друг: чур, не сердиться.

Из замка ***, 5 августа 17...

¹ Т. е. супруга *президента* — в данном случае председателя одной из палат провинциального парламента (*примеч. ред.*).

² Лафонтену.

³ *Околодок (околоток)* — здесь: окрестность, округа (*примеч. ред.*).

ПИСЬМО V

Маркиза де Мертей к виконту де Вальмону

наешь ли, виконт, что твое письмо дерзко до чрезвычайности и что я должна бы на тебя за него сердиться? Но оно ясно доказывает мне, что ты *рыхнулся*; это одно и спасает тебя от моего негодования. Как нежный и великодушный друг твой, забываю все свои обиды и занимаюсь твоею опасностью, и, как ни скучно умствовать и рассуждать, но я повинуюсь необходимости единственно для твоей пользы.

Тебе достать президентшу Турвель? Смешная, по чести, прихоть! Она обнаруживает вновь ветреную твою голову, которая того только и желает, чего не надеется получить. Но рассмотрим эту женщину. Признаться, черты ее правильны, но без всякой живости: довольно стройна, но без всякой приятности; одевается на смех всей публики! Грудь, навьюченная косынками, врезывается в подбородок. Поверь, довольно двух женщин, подобных ей, чтобы помрачить всю твою славу; вспомни, если можешь, тот день, когда она с блюдцем собирала на бедных в церкви Святого Роха и когда ты благодарил меня с таким жаром за доставленное тебе зрелище. Я как будто теперь вижу ее, что она, идучи за старостою, спотыкается за всяким шагом и краснеет за всяким поклоном. Кто бы мог уверить тебя тогда, что ты влюбишься в эту женщину? Полно, виконт, постыдись самого себя и опомнись. Я обещаю тебе, что никто не узнает глупостей твоих.

Кроме того, взгляни на ожидающие тебя неприятности! Какого соперника должен ты опрокинуть? мужа! Куда же денешься от стыда, если дашь промах! Да хотя бы и успел, какая слава! Скажу более: не жди тут никакого удовольствия. И можно ли требовать сего от настоящей святоши? Будучи воздержны и среди самых утех, они доставляют одни только полунаслаждения. Совершенное забытие самих себя, роскошный восторг, в коем удовольствие тем чувствительнее, чем утонченнее бывает, — сии сокровища любви вовсе им неизвестны. Послушай; предполагая всему счастливейшую развязку, наперед скажу тебе: президентша твоя сочтет, что все уже сделала, когда станет обходиться с тобою, как со своим мужем; в супружеских же свиданиях, даже и в самых нежных, поверь мне, все происходит машинально. Но твое положение тысячу крат хуже; скромница твоя из числа тех добродушных богomoлок, коих набожность заставляет вечно ребячиться. Может быть, ты и преодолеешь препятствие сие; но не надейся никогда искоренить его: удалив ее от любви к Богу, не думай, чтоб ты успел выбить у нее из головы адские мучения. Хотя бы любовница твоя и трепетала в объятиях твоих, будь уверен, что это трепетание произойдет от боязни, а не от любви. Может быть, что-нибудь и сделал бы ты из этой женщины, если б познакомился с нею попрежде; но ей от роду двадцать два года, замужем же около двух лет. Поверь мне, виконт, когда

женщина до такой степени *врютилась*¹ уже, то лучше оставить ее на произвол судьбы; из нее ничего не сделаешь *путного*.

Вот для какого прелестного предмета не хочешь ты послушаться меня, зарываешься в деревню и отказываешься от самой приятнейшей победы, которая, скорее всего, может прославить тебя. Почему же Жеркур должен во всяком случае брать преимущество? Послушай, не сердясь, я начинаю думать, что ты недостойн той славы, которая о тебе носится: едва ли и я не лишу тебя своей доверенности! Как можно верить свои тайны любовнику госпожи Турвель?

Знай, однако же, что малютка Воланж успела уже вскружить голову молодому Дансени. Он без ума от нее! Они пели вместе; признаться, нельзя было ожидать от монастырки такой ловкости. Однако долго еще твердить им соло, а мне кажется, она охотнее принялась бы за дуэт: но Дансени — ребенок, он потеряет время в волокитстве и кончит пустяками. Монастырка довольно также дика; но чтобы ни последовало с нею, все не выйдет той развязки, какой можно бы ожидать от тебя: это-то меня и бесит, и я, верно, поссорюсь со своим шевалье, коль скоро он налетит ко мне. Я бы советовала ему не горячиться; сегодня мне ничего не стоит разладить с ним. Я уверена, что если бы взялась за ум и бросила его теперь же, то довела бы его до отчаяния; а меня ничто так не утешает, как любовное отчаяние. Он стал бы называть меня изменницей, а название сие всегда доставляло мне удовольствие; после слова «жестокая» оно приятнее всего для женщины, да и заслужить его не так трудно. Шутки на сторону, я хочу заняться разрывом. Вот что ты наделал! Пусть же это на твоей совести и остается. Прощай. Препоручи меня молитвам своей президентши.

Париж, 7 августа 17...

ПИСЬМО VI

Виконт де Вальмон к маркизе де Мертей

так, нет женщины, которая бы не употребляла во зло власти, доставленной ей любовью! Вы сами, вы, которую называл я всегда снисходительным своим другом, перестаете быть таковою и не страшитесь нападать на меня в предмете моей привязанности! Какими красками осмеливаетесь вы описывать госпожу Турвель!.. Кто бы из мужчин не пожертвовал жизнью за сию нагую дерзость? И какой женщине, исключая вас, не вменили бы поступка сего

¹ *Врючиваться* (устар.) — увязать, погрязать (примеч. ред.).

по крайней мере в бесстыдство? Умилосердитесь, не подвергайте меня более жестоким сим испытаниям; я не отвечаю за себя, чтоб мог их выдержать. Заклинаю вас дружбой нашею: если хотите злословить эту женщину, то потерпите, покуда она будет моею. Разве вы не знаете, что утех только имеет право снять завесу с любви?

Но что я говорю! Нужно ли обольщение для госпожи Турвель? Нет; она сама по себе достойна обожания. Вы упрекаете ее, что она не умеет одеваться; поверю: всякий наряд невыгоден для нее, все, что закрывает, безобразит ее, и никогда не бывает она так прелестна, как в своем *неглиже*. Благодаря здешним жарам линобатистовое¹ *дезабилле* позволяет мне видеть круглый и гибкий ее стан. Одна кисея прикрывает ее грудь; скромные, но пронизательные взоры мои успели уже рассмотреть очаровательные глобусы. Черты ее, сказываете вы, ничего не изображают; но что могут изобразить они, когда сердце ее ничем еще не занято? Конечно, она не умеет так, как наши кокетки, бросать лукавые взгляды, редко обольщающие, но всегда обманывающие нас. Не умеет приукрасить пустой речи притворною улыбкою; хотя у нее и прекраснейшие зубы, но она смеется тому только, что ее утешает. Надобно видеть ее в резвых играх: какая приятность и непринужденная веселость! Какое непорочное наслаждение и сострадательное попечение изображается в глазах ее, когда она старается помочь кому-нибудь из несчастных! Надобно видеть, особливо же при малейшей учтивости, при самой умеренной похвале, как на ангельском ее лице разливается нежное замешательство непринужденной скромности!.. Она степенна и набожна, а потому и заключаете вы, что в ней нет ни пылкости, ни чувств? Я совсем противного мнения: какую удивительную чувствительность потребно иметь, дабы распространить ее даже и на своего мужа и любить постоянно того, кто всегда в отлучке? Еще ли не достаточны для вас убедительные сии доказательства? Я, однако ж, успел открыть и еще разительнейшие.

Госпожа Розмонд прохаживалась с госпожою Турвель; я расположил прогулку таким образом, что надлежало перескочить небольшую канаву; скромница моя хотя чрезвычайно легка, но при всем том робка. Вы знаете, что скромницы не отваживаются широко шагать². Надлежало ввериться мне, и я держал в своих объятиях смиренную эту женщину. Сборы наши и переправа устарелой тетушки заставили смеяться до слез резвую сию богомолку; коль скоро подхватил я ее, то руки наши по умысленной неосторожности переплелись вместе; прижав грудь ее к своей, почувствовал я в продолжение мгновения сего, что сердце ее билось сильнее обыкновенного. Приятный

¹ *Линобатист* (устар.) — тонкий льняной батист, употреблявшийся для пошива легких летних платьев (примеч. ред.).

² Вариант перевода — «делать первый шаг»; в оригинале далее следовало примечание автора: «Мы признаем здесь дурной вкус каламбуров, который тогда начал закрепляться и в наши дни достиг такого большого прогресса» (примеч. ред.).

*...прижав грудь ее к своей, почувствовал я в продолжение мгновения сего,
что сердце ее билось сильнее обыкновенного.*

румянец разлился по ее лицу; скромное сияние довольно показало мне, *что сердце ее билось от любви, а не от страха*. Тетушка моя, однако, обманулась так же, как и вы, и сказала: «Малютка испугалась», но прелестное чистосердечие малютки не допустило ее солгать, и она с простодушием отвечала: «Ох! Нет, но...» Самое это слово вразумило меня, сладостная надежда с сей самой минуты заменила жестокое беспокойство. Женщина эта будет моя. Ничто не воспрепятствует мне похитить ее от мужа, недостойного владеть ею. Я не утрушусь совратить ее с пути истины. Какое восхитительное удовольствие быть попеременно предметом и победителем ее терзаний. Не думайте, чтобы я стал искоренять предрассудки, коими она окружена; они увеличат счастье и славу мою. Пусть гоняется она за добродетелью, лишь бы мне пожертвовала ею! Пусть прегрешения ужасают ее, лишь бы не воздерживали ее; я желаю, чтобы, волнуема будучи тысячей опасностей, могла она позабыть и победить их в моих только объятиях.

Нельзя не признаться: в наших интригах, столь же холодных, как и беспрепятственных, то, что мы называем счастьем, едва ли может назваться удовольствием. Сказать ли вам? Почитая сердце свое увядшим и находя в себе одно только чувство, жаловался я на безвременную свою устарелость. Турнель возвратила мне прелестное ослепление молодости: при ней не нужно мне наслаждение, дабы быть счастливым. Одно только устрашает меня: время, потребное для развязки происшествия сего. Наудачу не смею пускаться. Тщетно стараюсь приводить себе на память счастливые свои дерзости, ничто не в состоянии заставить меня употребить их в сем случае! Я не могу быть совершенно благополучным, если она сама не отдастся мне; а это не безделица!

Я уверен, что вы будете удивляться моему благоразумию. О любви я еще не поминал ни слова; но мы уже дошли до доверенности и участия. Желая как можно менее обманывать ее и стараясь предупредить действие слухов, которые могли бы и до нее дойти, я сам рассказал ей под видом обвинения себя некоторые из известнейших моих проказ. Вы бы расхохотались, увидя, с каким чистосердечием проповедует она мне. Ей хочется обратить меня на путь спасения. Она и не воображает себе, как дорого будет ей стоять подвиг сей и не думает, что, *вступаясь*, как говорит она, за *несчастных, коих погубил я*, вступается заблаговременно за саму себя. Мысль сия пришла мне вчерашнего дня, в то самое время, как она душила меня поучениями своими. Прощай, прелестный друг. Ты видишь, что я не безвозвратно пропадаю.

P. S. Кстати: не застрелился ли с отчаяния бедный ваш шевалье? Право, вы во сто раз хуже меня; счастье мое, что я не самолюбив.

Из замка ***, 9 августа 17...

ПИСЬМО VII

Сесилия Воланж к Софии Карне¹

не пишу к тебе ничего об замужестве своем, потому что и сама по сие время ничего еще не знаю, да даже и перестаю уже думать о том; так-то весело здесь жить! Учусь без отдыху играть на арфе и петь; кажется, что меня что-то тянет к ней с тех пор, как не стало у меня учителя, или лучше сказать, с тех пор, как имею самого искусного. Шевалье Дансени, тот самый, о котором я тебе говорила и с которым пела я у госпожи Мертей, по дружбе своей ходит к нам всякий день и поет со мною по несколько часов сряду. Как он мил! Поет, как ангел, сочиняет прекрасные арии, на которые и слова сам кладет. Жаль только, что он мальтийский кавалер!² Мне кажется, если б он мог жениться, жена бы его чрезвычайно была счастлива... Он всякого пленяет своею приятностию. Неприметно никогда, чтоб он хотел ласкать; со всем тем, все слова его лестны. Он беспрестанно журит меня, как за музыку, так и за другие вещи; и все это делает так ловко и с таким веселым духом, что нельзя не быть ему обязанной. Даже когда и глядит, кажется, что и тогда хочет сказать что-нибудь приятное. К тому же, услужлив до бесконечности. Вчера, например, просили его на огромный концерт; но он предпочел остаться во весь вечер у матушки. Я была этому очень рада, потому что когда его нет, никто со мной не говорит, и мне бывает очень скучно; а когда он у нас, то мы поем и разговариваем вместе. Он всегда найдет о чем говорить со мной. Его да госпожу Мертей только и люблю я. Прощай, однако ж, милая моя; я обещалась к нынешнему дню вытвердить одну арийку, чрезвычайно трудную для музыки, а мне хотелось бы сдержать свое слово. Пойду и теперь же засяду играть, пока он не придет.

Из ***, 7 августа 17...

¹ Дабы не употребить во зло терпения читателя, здесь выпущены многие письма ежедневной сей переписки и помещаются те только, кои служат к пояснению происшествий и связи сего общества. Для сей самой причины выпущены также все письма Софии Карне, а частию и других действующих в сем приключении особ.

² Т. е. член Ордена мальтийских рыцарей, давший обеты бедности и целомудрия (примеч. ред.).

ПИСЬМО VIII

Президентша де Турвель к госпоже де Воланж

Никто, милостивая государыня, не может принять с большею признательностью доверенности вашей, кою вы меня удостоиваете, и никто не примет столь искреннего участия, как я, в замужестве вашей дочери. Сердечно желаю ей всего благополучия, которого, без сомнения, достойна она и в чем удостоверяет нас благоразумие ваше. Я не знаю графа де Жеркура; но когда вы удостоили его своим выбором, то всяк должен думать о нем с хорошей стороны. Итак, остается мне пожелать, милостивая государыня, чтоб предполагаемое супружество имело столь же благополучный успех, как и мое замужество, вашим же старанием составленное и за которое благодарность моя к вам ежедневно умножается. Да будет счастье любезнейшей вашей дочери наградою вам за то благополучие, которое вы мне доставили, и да будет нежнейшая приятельница счастливейшего матерью!

Жалею крайне, что не могу изустно засвидетельствовать вам чистосердечного сего желания и познакомиться с девицею Воланж так скоро, как бы мне хотелось. Пользуясь вашими милостями, по справедливости сказать родительскими, имею право надеяться, что и она будет любить меня так, как сестру свою. Подружите меня, милостивая государыня, с нею и уверьте ее, что я постараюсь заслужить ее дружбу. Я располагаюсь прожить в деревне до возвращения господина де Турвеля и провести это время у почтенной и милой госпожи де Розмонд. Лета ничего не похитили у ней: память и веселость нимало не изменились, одно лицо ее показывает восемьдесят четыре года, разум же — не более двадцати.

Уединению нашему немало придает веселости племянник ее, виконт де Вальмон, который согласился пожертвовать нам несколько дней. Я его знала только по слуху, и, признаюсь, не желала знать его покороче; но мне кажется, что он заслуживает, чтобы лучше о нем разумели. Здесь вихри модного света не кружат его: он судит обо всем справедливо и с удивительною беглостью; обвиняет сам себя за свои прегрешения с редким чистосердечием и говорит со мной с крайнею доверенностью, а я проповедую ему с крайнею строгостию. Вы его знаете, и вы признаетесь, что обратить его на путь истины было бы дело похвальное; но, несмотря на все его обещания, я уверена, что, прожив восемь дней в Париже, он забудет все мои поучения. Оставаясь здесь, он воздержится,

по крайней мере, от обыкновенного своего поведения; и я думаю, судя по прежнему образу его жизни, что он тогда только хорошо и делает, когда ничего не делает. Узнав, что я к вам пишу, препоручил он мне засвидетельствовать вам свое почтение. Примите также, милостивая государыня, со свойственной вам приязнию и мое уверение о искренней моей к вам преданности, с кою честь имею быть и пр.

Из замка ***, 9 августа 17...

ПИСЬМО IX

Госпожа де Воланж к президентше де Турвель

иногда не сомневалась я, милая моя, ни о твоей ко мне дружбе, ни об искреннем участии, которое принимаешь ты во всем, что до меня касается. Но не об этом намерена я объяснитьсь с тобою; я уверена, что связь сия навсегда утверждена между нами, а потому и почитаю долгом поговорить с тобою о графе де Вальмоне.

Признаюсь, я никогда не думала видеть его имя в твоих письмах. Да и какая может быть связь между им и тобою? Ты не знаешь этого человека, и где можно было тебе получить понятие о душе развратного? Ты пишешь ко мне о его *редком чистосердечии*: о! конечно, чистосердечие Вальмона должно быть действительно редкое. В нем более притворства и коварства, нежели приятности и пленяющих достоинств; и он никогда, с самых молодых своих лет, не делал еще ни одного шага, не сказав ни одного слова без намерения, и никогда не имел намерения, которое не было бы порочно или бесчестно. Ты меня знаешь, друг мой, тебе известно, что не менее прочих добродетелей почитаю я снисхождение. Следственно, если б Вальмон увлечен только был стремительностию страстей, если бы он, подобно другим, ослеплен был заблуждениями своих лет, то, порицая поведение его, я сожалела бы о нем и в молчании ожидала бы счастливого исправления, которым мог бы он возратить к себе почтение честных людей. Но Вальмон совсем не таков: поведение свое располагает он по своим правилам, у него исчислены все пакости, на которые злодей может пуститься, не обнаруживая себя; а потому, не опасаясь быть жестоким и злым, выбрал он себе в жертву бедных женщин. Я не стану исчислять здесь всех тех, коих он развратил, увы! сколько и тех, коих он погубил! В скромной и уединенной твоей жизни слух о постыдных его делах до тебя не доходит. Я могла бы рассказать несколько приключений его, которые привели бы тебя в ужас, но непорочный

твой взор, так же как и душа, оскорбились бы подобною картиною. Зная, что Вальмон никогда не может быть для тебя опасен и что тебе не нужны предохранительные сии оружия, скажу только, что изо всех женщин, к которым он приставал с успехом или без успеха, нет ни одной, которая бы не пожаловалась на него. Одна маркиза де Мертей выключается из общего сего правила; она одна умела устоять и обуздать его коварство. Признаюсь, что поступок сей в моих глазах делает ей более чести, нежели все прочие, и он-то оправдал ее пред всем обществом в некоторых подозрительных приключениях, которыми можно было упрекнуть ее в начале ее вдовства¹.

Оставя все, милая моя, лета мои, опытность, более же всего дружество дают мне право предостеречь тебя, что в обществе начинают замечать отсутствие Вальмона, и что если узнают, что он несколько времени пробыл у своей тетушки сам-третей² с тобою, то честное твое имя будет уже в его руках, а это величайшее для женщины несчастье. Итак, советую тебе уговорить его тетушку, чтобы она не удерживала его долее; если же он поупрямится, я надеюсь, что ты, не размышляя долго, уступишь ему свое место. Но зачем ему оставаться? Что он делает у вас в деревне? Если вы прикажете присматривать за ним, то, верно, откроете, что он выбрал выгодное сие убежище для новых козней, которые строит он против кого-нибудь в окольных от вас местах. Но буде нельзя уже пособить беде, постараясь по крайней мере предостеречь себя.

Прощай, любезный друг; замужество дочери моей отсрочено на некоторое время. Граф де Жеркур, которого ожидали мы со дня на день, уведомил меня, что полк его отправился в Корсику³; а так как военные действия не совсем еще прекращены, то и нельзя ему возвратиться прежде зимы. Хотя это меня и расстраивает, однако я надеюсь чрез то иметь удовольствие видеть у себя на свадьбе милую мою Турвель; мне, право бы, досадно было сыграть ее без тебя. Прощай, остаюсь без дальних уверений верная твоя.

P. S. Напомни обо мне госпоже де Розмонд как об истинной почитательнице ее достоинств.

Из ***, 11 августа 17...

¹ Заблуждение, в коем находится госпожа де Воланж, доказывает нам, что Вальмон, подобно прочим злодеям, не открывал своих сообщников.

² *Сам-третей (устар.)* — втроем (*примеч. ред.*).

³ В 1729–1769 гг. на Корсике бушевали восстания против генуэзских правителей, для подавления которых Генуя призвала на помощь Францию; военные силы привлекались на остров и впоследствии (*примеч. ред.*).

ПИСЬМО X

Маркиза де Мертей к виконту де Вальмону

икак ты, виконт, изволил на меня надуться? Или нет уже тебя в живых? Или же, что всего вернее, живешь ты для одной своей президентши? Женщина эта, возвратившая тебе *ослепление молодости*, вскоре возвратит тебе и глупые сего возраста предрассудки. Ты, ничего не видя, стал уже робким и закабалил себя; не все ли равно влюбиться по уши? О т к а з ы в а е ш ь с я от *счастливых своих дерзостей*; стало быть, поступаешь теперь без правил и пускаешься наудачу. Разве ты позабыл, что любовь, так же как и лекарство, есть *искусство пособлять природе*?

Ты видишь, что я поражаю тебя твоим же оружием; не думай, однако ж, чтоб я стала тем гордиться; лежачего бить ничуть не славно. *Надобно, чтоб она отдалась*, говоришь ты; и, конечно, надобно; она таки и отдастся, так же как и другие, с тою только разницею, что все это будет неловко и без малейшей приятности. Но чтоб она кончила сдачею, надлежит начать атакою. Разность, которую ты находишь тут, почитаю я любовным сумасбродством. Я называю «любовным», потому что ты влюблен. Говорить с тобой иначе — значит изменять тебе, скрывать от тебя твою болезнь. Скажи мне, однако, томный Линдор¹, неужели думаешь, что ты получил добровольною сдачею всех тех женщин, которых ты имел? Как бы наша сестра ни хотела, как бы ни торопилась сдаться, все-таки надобна извинительная причина; можно ли же быть выгоднее для нас той, которая дает нам право сказать, что уступаем силе? Признаюсь, для меня нет ничего приятнее, как сильная и хорошо распорядившаяся атака, где, несмотря на стремительность, все идет по порядку; где никогда не доводят нас до скучного труда заглаживать такие оплошности, которыми должны бы мы, но не умели воспользоваться; где все происходит под видом насилия, даже и в таких вещах, на которые мы сами соглашаемся; словом: атака, лестная для любимых наших страстей, для славы, отпором получаемой, и для удовольствия видеть себя пораженной. Признаюсь, что уловка сия, не столь обыкновенная, как себе воображают, во всякое время была для меня приятна, даже и тогда, когда она не ободряла меня, и что иногда случалось мне сдаваться единственно для награждения. Таким-то образом в древних каруселях² красота раздавала награды за храбрость и ловкость.

¹ Здесь: воздыхатель; *Линдор* — псевдоним графа Альмавивы из комедии французского драматурга П. Бомарше «Севильский цирюльник, или Тщетная предосторожность» (1773) (*примеч. ред.*).

² *Карусель* — здесь: праздничное кавалерийское состязание, заменившее средневековый турнир (*примеч. ред.*).

Но ты уже совсем не тот, что был прежде; ты точно так поступаешь, как будто опасаясь получить успех. Давно ли ты зачал ездить на долгих, да и то по проселочным дорогам? Когда хочешь поспеть, друг мой, скачи на почтовых и по битой дороге! Но прекратим этот разговор, я лишь в большую прихожу от того досаду; упрямство твое лишает меня удовольствия видеть тебя. Пиши ко мне по крайней мере почаще и уведомляй о своих успехах. Знаешь ли, что уже более двух недель занимает тебя смешное это приключение, для которого не заботишься ты ни о ком на свете?

Кстати, о беззаботливости; ты похож на тех людей, которые всякий день посылают осведомляться о здоровье больных своих приятелей, но никогда не спрашивают об ответе. В окончании последнего твоего письма спрашиваешь ты меня, не умер ли мой шевалье. Я не отвечаю, а тебе и нужды нет. Разве ты позабыл, что любовник мой — задушевный твой друг? Успокойся, однако, — он жив, а если бы и умер, то разве что от чрезвычайных восторгов. Как нежен бедный этот шевалье! как страстен! какая живость в чувствах! я без ума от него. По чести, совершенное благополучие, которое он находит быть мною любимым, не на шутку привязывает меня к нему.

В самый тот день, как я писала к тебе, что постараюсь о разрыве, сколь счастливым я сделала его! В самом деле, занималась я выдумыванием средств, могущих довести его до отчаяния, когда доложили мне о нем. Не знаю, причудилось ли мне или же и в самой точности это было, но он никогда не был так мил на мои глаза, как в тот вечер. Несмотря на то, приняла я его довольно сурово. Он располагался просидеть у меня часа два, до приезда гостей. Я сказала ему, что еду со двора; куда — спросил он; я не хотела отвечать, он настоял; «Туда, где вас не будет», — примолвила я с досадою. К счастью его, он онемел от сего ответа; а если б вымолвил хоть одно слово, то непременно дошло бы у нас до размолвки, а потом и до разрыва, которого я искала. Удивляясь молчанию сему, взглянула я на него, боюсь тебе, без намерения, а только чтоб посмотреть, какую он рожицу делал. Я увидела на прелестном его лице ту глубокую и нежную печаль, против которой, как ты сам говоришь, нет возможности устоять. Одинакая причина произвела одинакое действие; я была вторично побеждена. С самой той минуты занималась уже я средствами избегать его упреков и не быть пред ним виновной. «Я еду по делу, — сказала я ему несколько поласковее, — и по такому делу, которое относится до тебя: но не спрашивай меня. Я ужинаю дома, приезжай, все узнаешь». Тогда насилиу он опаматовался; но я не дала выговорить ему ни слова. «Мне пора ехать, — продолжала я, — оставь меня; вечером увидимся». Он поцеловал у меня руку и вышел.

Чтобы утешить его, или, может быть, чтобы наверстать потерянное, тотчас решила я познакомить его с наемным моим домиком, о котором он ничего не знал. Призвав верную свою Викторину, приказала сказать домашним, что я не очень здорова и легла в постель; оставшись наедине с своей *Хитраною*, принялись мы переодеваться: она слугою, а я горничною. Потом

привела она извозчицью карету к садовой калитке, и мы в минуту отправились в храм Любви. Там выбрала я себе щегольское, или, лучше сказать, прелестное дезабилье; оно моей выдумки: не позволяет ничего видеть, однако ж заставляет обо всем догадываться. Я обещаюсь доставить тебе с него выкройку для твоей президентши, когда твоим старанием она будет достойна его носить.

После сих приуготовлений Виктория занялась хозяйством, а я пробежала главу из «Софы»¹, прочитала одно письмо из «Элоизы»² и две лафонтеновы сказочки, дабы вытвердить разные роли, которые хотелось мне сыграть. Между тем рыцарь мой прискакал к моему подъезду с обыкновенною своею торопливостью. Швейцар отказывает и говорит, что я больна; подает ему записочку от меня, но не моей руки: я всегда придерживаюсь благоразумного сего правила. Он разворачивает и видит викторину руку: «*Ровно в девять часов, на бульварде, против кофейного дома*³». Приезжает туда; мальчик, которого он не узнал, или, лучше сказать, не хотел узнать, потому что это была та же Виктория, рассказывает ему, чтобы он отослал карету и шел за ним. Романическое⁴ сие приключение разгорячило воображение его, а разгоряченное воображение никогда не портит. Наконец он является, совершенно обвороченным от любви и удивления. Чтобы дать ему время опаматоваться, я пошла с ним прогуляться в рощу; потом ввела в комнаты. Сперва увидел он два прибора, и вслед за сим роскошный диван. Дошли и до будуара, с редким вкусом убранного. Там, побуждаема и умыслом, и чувствами, обхватила я его руками и пала перед ним на колена. «Друг мой! — сказала я ему, доставив удовольствие нечаянного сего удивления, — жалею крайне, что огорчила тебя притворною досадою и что могла скрыть от тебя на одно мгновение свое сердце. Прости вину мою: я постараюсь загладить ее силою любви». Ты можешь себе представить, какое действие произвела сентиментальная сия речь. Счастливый шевалье поднял меня, и прощение мое было заключено на том самом *оттомане*⁵, на котором мы с тобою так весело и таким же точным образом заключили вечный наш разрыв.

Я положила пробить с ним вместе шесть часов, и, желая, чтоб все сие время было равно восхитительно, умеряла восторги его; приятное кокетство заступило место нежности. Мне кажется, никогда не старалась я столько *нравиться* и никогда не была столь довольна собою, как в этом случае. После

¹ «Софа» — эротико-сатирический роман французского писателя Клода Кребийона-сына (примеч. ред.).

² Имеется в виду роман в письмах Жана-Жака Руссо «Юлия, или Новая Элоиза» (примеч. ред.).

³ Т. е. «на бульваре, против кафе» (примеч. ред.).

⁴ Романический — такой, как в романе, т. е. вымышленный, не связанный с реальной действительностью (примеч. ред.).

⁵ Оттоман (оттоманка) — широкий и мягкий диван с подушками, заменяющими спинку (примеч. ред.).

ужина играла я попеременно то роль степенной, то резвой, то чувствительной, иногда же и самовольной. Мне вздумалось угостить его как султана, не жащегося в своем серале, и я попеременно представляла лицо различных его любовниц. Я действительно успела в том. Неоднократно брошенный им платок, хотя на одну и ту же женщину, всегда, однако ж, был поднят новою любовницею.

Наконец, на рассвете должно было нам расстаться, и что он ни говорил, что ни делал, дабы удержать меня, но ему столь же мало было в том нужды, как и охоты. Выходя из дому, при самом прощанье взяла я ключ от счастливового сего жилища и отдала ему: «Для тебя он приискан, — сказала я ему, — ты один имеешь право быть здесь хозяином: жрецу надлежит властвовать в храме». Сею-то уловкою отвратила я от себя все подозрения, которые обыкновенно наводит наемный домик, когда им располагает женщина. Впрочем, я коротко его знаю и уверена, что он будет пользоваться этим ключом для меня одной; если ж бы и вздумалось мне когда-нибудь загулять туда, у меня есть другой в запасе. Он всячески упрашивал, чтобы я назначила день для нового свидания, но, любя еще его, не хочу истощить так скоро. И з л и ш е с т в а сии позволительны с таким только человеком, которой назначается в отставку. Он еще не знает сего, но, к счастью его, я знаю за двух.

Теперь только заметила я, что уже три часа за полночь и что я исписала целую тетрадь, думая написать к тебе не более двух строк. Вот каково очарование доверенности и дружбы: она-то заставляет меня любить тебя более прочих; признаюсь, однако ж, шевалье нравится мне более всех.

Из ***, 12 августа 17...

ПИСЬМО XI

Президентша де Турвель к госпоже де Воланж

строгое ваше письмо, милостивая государыня, устрало бы меня, если б, по счастью, не находила я здесь множества причин, которые обеспечивают меня от представляемых вами страхов. Опасный этот господин Вальмон, ужас всех женщин, кажется, низложил губительное свое оружие, вступая в наш замок. Он не только не занимается здесь никакими умыслами, но и не показывает даже ни малейшей к тому склонности; достоинство любезного человека, которое и самые неприятели его приписывают ему, почти исчезло в нем и оставило одни качества доброго человека.

...прощение мое было заключено на том самом оттомане...

Может быть, деревенский воздух произвел это чудо. Я могу уверить вас, что, бывая непрестанно со мною и, кажется, находя в том удовольствие, не вымолвил он ни одного слова, похожего на любовь, ни одного выражения, всем мужчинам свойственного, хотя они и не имеют на сие такого права, какое он имеет. С ним не нужна осторожность, которую добродетельная женщина должна наблюдать в нынешнем свете для воздержания мужчин, окружающих ее. Умея возбудить веселость, он умеет не употреблять оной во зло. Может быть, любит льстить, но с такою разборчивостию, что и самую скромность приучил бы к похвале. Короче сказать, если б у меня был брат, я желала бы, чтобы он был таков, каким господин де Вальмон показывает себя здесь. Может быть, многие из женщин пожелали бы, чтобы он повольнее с ними обходился; что касается до меня, признаюсь, я ему весьма благодарна, что он мыслит обо мне с лучшей стороны и не смешивает меня с ними.

Портрет этот нисколько не сходен с описанием, которые вы мне о нем сделали; несмотря на то, оба могут быть верны, приноровив их к времени, в которое были писаны. Он сам часто признается, что за ним было много шалостей; легко также статья может, что на его счет много и выдуманно! Как бы то ни было, но я мало находила мужчин, которые б о добродетельных женщинах говорили с таким почтением и даже с таким восхищением, как он. Вы сами заметили, что, по крайней мере, в сем случае он не притворяется. Обращение его с госпожою де Мертей служит сему доказательством. Он часто разговаривает о ней, и всегда с похвалою; оказывает к ней столь искреннюю привязанность, что я до получения вашего письма почитала настоящею любовью то, что он называет взаимною между ними дружбою. Как же мне не винить себя за дерзкое сие заключение, когда он сам неоднократно брал ее сторону и старался оправдывать ее? Признаюсь, я почитала добродетельное его чистосердечие утонченною хитростию. Не знаю, но мне кажется, что от того, кто в состоянии чувствовать столь непрерывную дружбу к столь почтенной женщине, можно надеяться исправления в его распутстве. Впрочем, мне неизвестно, не умысел ли какой, на окрестные места простирающийся, причиною скромной его здесь жизни, так, как и вы предполагаете. В соседстве у нас есть довольно любезных женщин; но он редко выходит, кроме как утром, да и то на охоту, говорит он. Правда, он не приносит дичи, но если верить ему, так это потому, что он худой стрелок. Да и какая мне нужда беспокоиться о том, чем он занимается, выходя из дому. Если же и захотелось бы мне разведать об этом, то разве для того, чтоб утвердиться в вашем мнении или же склонить вас на свое.

Вы предлагаете мне, чтобы я старалась выжить отсюда господина Вальмона, но мне кажется дело сие столь же отважным, как и трудным: уговорить тетюшку, чтоб она удалила своего племянника, коего чрезвычайно она любит. Со всем тем обещаю вам, из единого повиновения, однако же не по необходимости, улучив время, просить об этом ее или самого Вальмона. Что ж до меня

касается, господин де Турвель уведомлен уже, что я расположилась остаться здесь до его возвращения; переменив свое намерение, я заставила бы его удивляться, не без причины, моей ветрености.

Вот, милостивая государыня, довольно длинное объяснение; но я считаю себя обязанною отдать всю справедливость господину Вальмону, которую, как кажется, вы намерены оспаривать у него. Не менее того чувствую я всю цену вашей ко мне дружбы, подающей мне сии советы. Ей также обязана я за лестный ваш ко мне отзыв по случаю отсроченной свадьбы любезнейшей вашей дочери. Примите искреннейшую мою благодарность. Впрочем, сколь ни приятно для меня проводить у вас это время, я охотно пожертвовала бы сим удовольствием, дабы узнать поскорее о совершившемся благополучии девицы Воланж; если только она может быть благополучна, расставшись со столь почтенной и нежной матерью. Разделяя с нею сии чувствования, прошу быть уверенной о вечной моей к вам преданности.

Имею честь быть и пр.

Из ***, 13 августа 17...

ПИСЬМО XII

Сесилия Воланж к маркизе де Мертей

Пожалейте обо мне, милостивая государыня! Матушка нездорова, она никуда не пойдет, и я должна быть при ней: итак, я не буду иметь чести быть с вами в театре. Поверьте, что мне жаль не спектакля, а того, что не удастся увидеться с вами. Ах! Сделайте милость, не сомневайтесь в этом. Я так люблю вас! Могу ли просить вас, милостивая государыня, сказать господину Дансени, что у меня нет тех нот, о которых он говорил мне и что он крайне одолжит меня, если завтра принесет их ко мне. Если он придет сегодня, то ему откажут, поскольку матушка никого не хочет принимать. Я надеюсь, что завтра будет ей полегче.

Имею честь быть и пр.

Из ***, 13 августа 17...

ПИСЬМО XIII

Маркиза де Мертей к Сесилии Воланж

ердечно сожалею, милая моя, как о том, что лишаюсь удовольствия видаться с тобою, так и о причине расстройки сей. Но дни еще впереди, и потерянный случай не последний. Я исполню вашу просьбу в рассуждении господина Дансени и, конечно, опечалю его, уведомив, что матушка ваша больна. Если завтрашний день станет она принимать гостей, то я заеду к ней. Мы подденем с нею шевалье Бельроша¹ в пикет²; и, выигрывая у него деньги, будем также иметь удовольствие слушать, как вы станете петь с прелестным вашим учителем, которому предложу я эту партию. Если матушка ваша и вы на это согласны, я отвечаю за своих товарищей. Прощай, милая моя; поклонись от меня матушке; целую тебя заочно.

Из ***, 13 августа 17...

ПИСЬМО XIV

Сесилия Воланж к Софии Карне

не писала к тебе вчера, милая София: но не потому, что была занята, право, нет! Матушка была больна, и я не отлучалась от нее во весь день. Вечеру, когда я ушла в свою комнату, не было у меня охоты ни к чему. Я бросилась поскорей в постель, чтоб поскорее окончить день: признаюсь, он показался мне бесконечным. Не оттого, чтобы я не любила матушку, но я и сама не знаю, что бы это значило. Меня было отпустили в оперу с госпожою Мертей; шевалье Дансени хотел туда же быть. Ты знаешь, что я более всех люблю двух этих особ. Как настало то время, что мне надлежало быть в театре, то, против воли моей, сердце мое заныло, и мне ужас как было грустно. Все для меня было противно, я плакала, плакала и не могла унять слез. К счастью моему, матушка лежала в постели и не могла меня видеть.

¹ Тот самый, о котором упоминает в письмах своих госпожа де Мертей.

² *Пикет* — здесь: старинная карточная игра в 32 карты для двух-четырех игроков (примеч. ред.).

Я уверена, что и Дансени так же скучал; но опера и многолюдство могли рассеять его мысли: а я одна была, какая разница!

Слава богу, матушке сегодня легче, и госпожа де Мертей будет к нам с Дансени и еще с кем-то: но она вечно приезжает поздно, а одной сидеть так долго, право, очень скучно. Теперь только одиннадцать часов. Правда, мне надобно еще поиграть на арфе, а потом сесть за туалет; мне хочется сегодня приубрать голову получше, и, кажется, *Безотвязная* правду говорила, что мы, вступая в свет, делаемся кокетками. Я никогда так не желала быть красавицей, как с некоторого времени, и теперь только вижу, что я не так пригожа, как прежде о себе думала; да и то сказать: наряду с нарумяненными женщинами всегда покажешься хуже. Все мужчины, например, находят, что госпожа де Мертей гораздо пригожее меня, но я на это не досаую, потому что она меня очень любит, притом же она уверяет меня, что Дансени находит во мне более красоты, нежели в ней. Не правда ли, что она мила? Она сама сказывала мне это, и даже, казалось, чрезвычайно была тому рада. Я, право, не понимаю сего. Разве потому, что она до крайности любит меня и его!.. Ах, ты не согласишься, как для меня это приятно! Мне кажется, что стоит только взглянуть на него, чтоб сделаться пригожее. Я беспрестанно глядела бы на него, если б не боялась повстречаться с ним глазами, чем приводит он меня всегда в замешательство и почти в досаду; но это ничего не значит.

Прощай, милая моя: пойду теперь заняться своим туалетом. Верь, что люблю тебя по-прежнему.

Париж, 14 августа 17...

ПИСЬМО XV

Виконт де Вальмон к маркизе де Мертей

Вы хорошо делаете, любезная маркиза, что не оставляете меня в печальной моей участи. Здешняя моя жизнь совершенно несносна, по излишнему спокойствию и несмачной своей единообразности. Читая ваше письмо и описание прелестного вечера, тысячу раз покушался я увернуться отсюда под каким-нибудь предлогом, лететь к ногам вашим и просить вас, чтобы вы для меня изменили своему рыцарю, который, сказать правду, не заслуживает быть столь счастливым. Знаете ли, что вы заставили меня ревновать к нему? К чему говорить мне о вечном разрыве? Я отрекаюсь от сей клятвы, произнесенной в исступлении: мы недостойны были бы произнестъ,

если б должны хранить ее. Ах! Сколь желал бы я отмстить в объятиях ваших невольную досаду, нанесенную мне счастьем вашего шеваля! Признаться, я бешусь, когда воображаю, что этот человек, без всяких замыслов, ни о чем не беспокоясь и следуя наравне с животными врожденным побуждениям своего сердца, наслаждается таким благополучием, до которого не могу я достигнуть. О! Я расстрою его! Обнадежьте только меня. Разве вы не чувствуете своего унижения? Вы стараетесь обмануть его, а он счастливее вас. Вы думаете, что он в ваших цепях! но вы сами носите его оковы. Он спит спокойно, а вы между тем заботитесь о его забавах. Что бы еще осталось делать невольнице его?

Послушайте, прелестная маркиза, доколе вы будете уделять себя для многих, божусь вам, не почувствую ни малейшей ревности: я стану взирать тогда на ваших любовников, как на преемников Александра Македонского, не могущих общими силами удержать за собою такого владения, в коем я один царствовал. Но чтобы вы совершенно отдались одному из них, чтобы кто-нибудь из смертных был столь счастлив, как я, — нет, нет, никогда не потерплю сего, поверьте, что не потерплю! Или примитесь опять за меня, или же выбирайте себе другого, но не нарушайте прихотливым исключением вечного дружества, в коем клялись мы друг другу.

Довольно и того, что я принужден уже жаловаться на любовь! Вы видите, что я согласен с вашим мнением, а потому и признаюсь в своей ошибке. В самом деле, если быть влюбленным значит быть самому себе в тягость, не обладать тем, к чему стремятся все наши желания, жертвовать для сего временем, всеми удовольствиями и своею жизнью, — то я по уши влюблен. Но тем не много еще выиграл, и мне нечего бы было и писать к вам о моем волочитстве, если б не повстречалось со мною одно приключение, которое заставляет меня много думать и о котором не знаю и сам, как судить: надеяться или бояться.

Вы знаете моего егеря, сокровище для любовных интриг! Настоящий театральный слуга! Из этого можете заключить, что в инструкции моей предписано ему влюбиться в горничную и поить лакеев. Плут этот счастливее меня: он успел уже во всем. Он-то и открыл, что госпожа де Турвель поручила одному из своих людей разведать о моем поведении и даже присматривать за мною в утренних моих прогулках как можно поближе, не оставаясь, однако, примеченным. Чего она хочет? Итак, скромнейшая из всех женщин отваживается на то, на что едва бы и мы осмелились. Божусь... Но теперь не время еще отмщевать за женскую сию хитрость, постараемся прежде обратить ее в свою пользу. Доселе прогулки мои, в коих подозревают меня, не имели никакого предмета; надобно придать им благовидное намерение. Дело это заслуживает моего внимания, и я оставляю вас, дабы обдумать все. Прощай, прелестный друг.

По-прежнему из замка ***, 15 августа 17...

ПИСЬМО XVI

Сесилия Воланж к Софии Карне

у, милая моя Софья, новостей у меня тьма! Может быть, я и не должна бы тебе об них сказывать: но с кем-нибудь да надобно же поговорить о сем; а мне не утерпеть. Этот шевалье Дансени... Я так расстроена, что не могу и писать; не знаю, с чего начать. С тех пор, как я уведомила тебя о приятном вечере¹, которой провела я у матушки с ним и с госпожою де Мертей, не писала уже тебе о нем ни слова: да мне и не хотелось ни с кем более говорить об этом, со всем тем беспрестанно думала я о нем. С тех самых пор сделался он пасмурен, и так пасмурен, так пасмурен, что и мне грустно стало, и когда я спросила у него, какая тому причина, он отвечал мне, что нет никакой; но я изо всего видела, что он недаром грустит. Вчера сверх обыкновения был он еще пасмурнее, но это не помешало, однако, петь со мною по-прежнему; но когда он ни взглядывал на меня, мое сердце замирало. Когда перестали мы петь, он отнес мою арфу и запер ее в футляре; отдавая ключ, просил он меня поиграть на ней ввечеру, когда я буду одна. Я ни в чем не подозревала его, однако же не хотела; но он так усиленно просил меня, что я наконец согласилась. Он недаром упрасивал. Возвратясь в свою комнату, когда горничная моя вышла, принялась я за арфу. Промеж струн нашла я письмо его руки, не запечатанное, а сложенное только. Ах! Если б ты знала все то, что он ко мне пишет! С тех пор как я прочла письмо его, такое чувствую удовольствие, что ни о чем более и думать не могу. Я прочла его четыре раза сряду и потом спрятала в свой комод. Затвердила его наизусть, и когда легла в постель, то беспрестанно повторяла его, а спать и не думала. Закрыв глаза, увидела его пред собою, и он сам повторил мне все то, что я читала в письме. Я уснула довольно поздно и коль скоро проснулась (это было чрезвычайно рано), то схватила за его письмо, чтоб перечитать на досуге; положила с собой на постель и ну его целовать! Как буд-то... Может быть, и нехорошо целовать так письма, но я не могла удержаться.

Теперь, милая моя, я до крайности довольна, но не знаю и сама, что мне делать; конечно, мне не должно отвечать на это письмо. Знаю, очень знаю, что не следует, однако он от меня сего требует, и если не стану отвечать, я уверена, что он опять запасмурится. Как он несчастлив! Что ты мне присоветуешь? Но ты столько же в этом знаешь, как и я. Я намерена поговорить о сем с госпожою де Мертей, она меня чрезвычайно любит. Мне бы очень хотелось утешить его, но не хотелось бы сделать ничего дурного. Нам беспрестанно твердят быть

¹ Письма, в коем описывала она вечер сей, не отыскано; по всему видно, что это тот самый, о коем упомянуто в записке госпожи де Мертей и в последнем письме Сесилии Воланж.

добросердечными, да после и запрещают делать то, что сердце велит, когда дело идет о мужчине! Это также несправедливо. Разве мужчина не такой же ближний наш, как и женщина? Несравненно более! Ведь мы все имеем отцов, матерей, братьев и сестер; а муж все-таки надобен! Однако же если я сделаю что-нибудь непростительное, то, может быть, и сам Дансени перестанет обо мне хорошо думать. О! Если на это пойдет, так пусть лучше он грустит. Сверх же того, я еще успею ответить. Он писал ко мне вчера, так неужели я обязана отвечать к нему сегодня; ввечеру увижусь я с госпожою Мертей, и ежели станет у меня духу, то все ей расскажу. Делая то, что она мне скажет, не могу ни в чем упрекать себя. Да, может быть, и она скажет мне, что я могу написать к нему слова два, чтобы он только не грустил! Ах! как меня это тревожит.

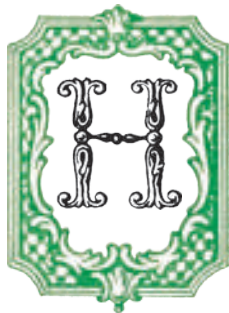
Прощай, милая моя, пожалуй, отпиши мне, что ты о сем думаешь.

Из ***, 19 августа 17...

ПИСЬМО XVII

Шевалье Дансени к Сесилии Воланж

е предаваясь, милостивая государыня, сказать ли, удовольствию или же необходимости, писать к вам, прежде всего умоляю вас выслушать меня. Чувствую, что мне потребно все ваше снисхождение, дабы осмелиться открыть вам мои чувствования; если бы я хотел только оправдывать их, снисхождение ваше было бы для меня совершенно бесполезно. Что же после сего остается мне делать? Показать вам ваше творение. Что могу сказать вам, чего бы взгляды мои, замешательство, поступки и самое даже молчание мое не сказали уже вам прежде меня? Ах! Для чего же огорчаться вам таким чувствованием, которое вы сами возродили? Оно произведено вами, следственно, и должно вам посвятить его; если оно столь же пламенно, как мое сердце, то столь же и непорочно, как душа ваша. Неужели вменяете мне в преступление то, что я умею ценить пленяющие черты лица вашего, обольщающие ваши достоинства, очаровательные ваши прелести и нежное сие чистосердечие, превосходящее все прочие бесценные ваши качества? Конечно, нет: но, не будучи виновным, можно быть несчастным; и вот участь, ожидающая меня, если вы отвергнете уверение сие о моей к вам преданности. Жертву сию сердце мое приносит в первый еще раз! Без вас был бы я и теперь, не скажу счастлив, но спокоен. Увидел вас, и спокойствие мое далеко удалилось от меня, благополучие же мое еще неизвестно. При всем том вы удивляетесь

*Вчера сверх обыкновения был он еще пасмурнее,
но это не помешало, однако, петь со мною по-прежнему...*

моей печали. Спрашиваете меня о причине, и даже, как мне кажется, печаль сия иногда трогает и вас. Ах! Скажите одно слово, и вы составите мое счастье. Но прежде, нежели выговорите оное, подумайте, что одним же словом можно так же довершить и мое несчастье. Итак, решите мой жребий. Через вас буду я вечно счастлив или несчастлив. В чьи, как не в ваши драгоценные руки, могу я вручить столь важное дело?

Я оканчиваю тем, чем начал: испрашиваю вашего снисхождения. Я желал, чтобы вы меня выслушали; отваживаюсь более: прошу об ответе. Отказ ваш заставит меня думать, что вы считаете себя обиженною. Сердце мое порукою вам, что почтение мое равно моей любви.

P. S. Вы можете доставить мне ответ ваш тою же самою дорогою, которою воспользовался я для доставления вам сего письма; я нахожу ее столь же безопасною, как и выгодною.

Из ***, 18 августа 17...

ПИСЬМО XVIII

Сесилия Воланж к Софии Карне

ак, Софья! Ты наперед уже порочишь то, что я намерена делать! У меня и без того довольно беспокойств, а ты и еще умножаешь их. Нет сомнения, говоришь ты, что я не должна отвечать. Хорошо тебе так судить на досуге, не зная наверное, как все происходит; ты ничего не видишь. О! Я уверена, если б ты была на моем месте, то тоже бы сделала, что и я. Конечно, всякий знает, что не должно отвечать, да ты и сама видела из вчерашнего моего письма, что и я не хотела; но я не думаю, чтобы когда-нибудь случилось с кем-нибудь то, что случилось со мною.

Притом же мне самой надлежало решиться! Я надеялась увидеться вчера ввечеру с госпожою Мертей, но она не приехала. Все идет наперекор: она причиною моего с ним знакомства. При ней почти всегда видела я его и говорила с ним. Я не досаую на нее за это; но для чего же оставила она меня при таком замешательстве? Ах! Как я жалка!

Представь себе, вчера пришел он в таком же виде, как и прежде. Я так смешалась, что не смела на него и взглянуть. Ему нельзя было говорить со мной, потому что матушка была с нами. Я наперед была уверена, что он опечалится, когда увидит, что я ему не отвечала; ах! я и сама не знала, что мне делать! Минуту спустя спросил он меня: не прикажете ли вынуть из ящика вашу арфу?

У меня сердце так сильно начало биться, что я насилу могла выговорить: хорошо. Когда же он возвратился, то и того хуже было. Я успела мельком взглянуть на него; он не глядел на меня, но, судя по лицу его, всякий бы сказал, что он болен. Меня это ужас как тронуло! Он принялся настраивать арфу; потом, подавая ее мне, сказал: «Ах! Сударыня!..» Эти только два слова и сказал, но таким голосом, что я сделалась совсем не своя. Я перебирала струны, не зная и сама, что делала. Матушка спросила, станем ли мы петь. Он извинился, сказав, что не очень здоров; а я, не имея никакого извинения, должна была петь. Я бы желала тогда не иметь совсем голоса; выбрала нарочно такую арию, которой не знала, потому что была уверена, что не могла бы спеть никакой, а привела бы только маменьку в сомнение. К счастью, приехали гости; и лишь только услышала я, что карета въехала на двор, то перестала и просила его отнести арфу на свое место. Я боялась, чтобы он в это время не ушел; однако он остался.

Между тем как матушка разговаривала с гостьей, мне опять захотелось поглядеть на него немножко. Глаза наши повстречались, и я не могла уже свести с него своих. Немного погодя увидела я, что у него покатались слезы, и он принужден был отвернуться, чтобы его не заметили. Тут-то я не могла устоять; я чувствовала, что и сама собиралась плакать. Я вышла и тотчас написала карандашом на лоскутке: «Бога ради, не будьте так печальны; обещаю вам ответить». Конечно, ты не можешь сказать, что я и тут оплошала. Мне нельзя уже было переломить себя. Я заложила свою бумажку промеж струн, точно так, как было завернуто его письмо, и возвратилась в гостиную. Я почувствовала, что мне стало гораздо легче, и желала, чтобы гостья поскорей уехала. К счастью, она развозила визиты и недолго у нас просидела. Лишь только она откланялась, я сказала, что мне хотелось поиграть, и просила его принести арфу: из лица его видно было, что он ничего не подозревал, но когда возвратился, ах! как он был доволен! Поставя арфу против меня, он так сел, что матушка не могла видеть, взял мою руку и пожал... но как пожал!.. мигом только; но я не могу описать тебе, какое тогда чувствовала я удовольствие. Однако я отняла свою руку; итак, я не могу себя ни в чем винить.

Теперь, милая моя, ты видишь, что мне нельзя не отвечать ему, давши слово; да я и сама не захочу опять заставить его тосковать; меня это более мучит, нежели его. Если бы тут было какое-нибудь худое намерение, конечно, я бы этого не сделала. Но какая же беда может быть в том, чтоб писать, а особливо когда это делается для того, чтобы избавить кого-нибудь от несчастья? Меня одно только то тревожит, что я не умею хорошенько написать своего письма: но он легко догадается, что не я тому причиною; а притом я уверена, что он чрезвычайно будет рад и тому уже, что от меня его получит.

Прощай, милая моя София. Если ты найдешь, что я в чем-нибудь виновата, уведоь меня; но я этого не думаю. Чем ближе подходит та минута, в которую должна я писать к нему, тем сильнее во мне бьется сердце, я и сама не понимаю этого. Надобно, однако же, сдержать свое слово.

Из ***, 20 августа 17...

ПИСЬМО XIX

Сесилия Воланж к шевалье Дансени

ы так были, милостивый государь, вчера печальны, и это мне было столь чувствительно, что я, забыв себя, обещалась отвечать вам. Со всем тем я чувствую, что мне не должно сего делать; но так как я уже обещала, то и не хочу не сдержать своего слова; и это должно уверить вас в моей к вам дружбе. Теперь, как вы уже это знаете, я надеюсь, что вы не станете требовать, чтобы я больше к вам писала. Я надеюсь также, что вы никому не скажете, что я к вам писала: для меня это было бы предосудительно и могло бы нанести мне огорчение. Более же всего надеюсь я, что и вы не заключите из сего обо мне худого, а это всего бы для меня несноснее было. Я могу вас уверить, что кроме вас ни для кого на свете не сделала бы я сего снисхождения. Я желала бы, чтоб и вы также были снисходительны и не грустили бы более, а это лишает меня всего удовольствия, которое я чувствую, видя вас. Вы видите, милостивый государь, что я говорю с вами довольно откровенно. Для меня весьма приятно будет, если дружба наша продолжится навсегда; только прошу вас не писать ко мне более.

Имею честь быть,
Сесилия Воланж.

Из ***, 20 августа 17...

ПИСЬМО XX

Маркиза де Мертей к виконту де Вальмону

-а, господин поддипало, ты для того льстишь мне, чтоб я не смеялась над тобою! Добро, я прощаю тебе: ты мне столько наговорил дурачеств, что я и поневоле должна извинить целомудрие, в котором держит тебя президентша твоя. Я не думаю, чтобы мой шевалье был столь снисходителен, как я, и чтоб ему понравилась наша сделка и твои вздорные затеи. Однако ж я досыта нахохоталась и досадовала, что принуждена была смеяться одна. Если бы ты случился на ту пору, я не знаю, до чего бы довела меня тогда веселость; но я имела время образумиться

и вооружиться строгостию. Не подумай, чтобы я отказывала навсегда, это только одна отсрочка, для которой я имею свои причины. Может быть, и честолюбие мое вмешивается тут; одиножды погорячившись в игре, не скоро уже остепенишься. Я в состоянии опять сделать тебя своим невольником и заставить позабыть твою президентшу; но отвратить тебя от добродетели, смотри, какой соблазн! Для избежания же опасности сей прими следующие условия: коль скоро получишь прелестную свою богомолку и доставишь мне на то верные доказательства, приезжай, и я твоя. Но тебе известно, что в важных делах принимают одни только письменные документы. Через эту сделку, во-первых, послужу я наградою вместо утешения, и мысль эта чрезвычайно нравится мне; с другой же стороны, успех твой будет для тебя несравненно приятнее, доставляя тебе способ к измене. Поспешай же, поспешай поскорее принести мне залог твоего торжества, подобно древним нашим рыцарям, повергавшим у ног своих красавиц знаменитые трофеи своих побед. По чести, мне очень хочется знать, что напишет святоша в подобном случае и каким покровом прикроет свои выражения, обнажив себя. Теперь остается тебе судить, дорого ли я себя ценю; но сказываю наперед, что ничего не сбавлю. А до тех пор, любезный мой виконт, ты не прогневаешься, если я останусь верна своему шевалье и, несмотря на твою досаду, буду утешаться, делая его счастливым.

Однако если б я не придерживалась благонравия, то, верно, он имел бы теперь опасного совместника: а именно, маленькую Воланж. Ты не поверишь, я без ума от этой девочки, и это нешуточная страсть. Если я не ошибаюсь, она превзойдет всех женщин. Сердчишко ее начинает уже разворачиваться, и это меня восхищает. Она по уши влюблена уже в своего Дансени, не зная про то и сама. Он также без ума от нее, но по робости, молодым людям свойственной, не смеет ей открыться. Оба же припадают ко мне. Малютке чрезвычайно хочется верить мне свою тайну; особливо с некоторого времени примечаю, что это ее чрезвычайно тяготит. Конечно, я бы могла помочь ей, но мне нельзя забыть, что она еще ребенок, а я не хочу выставить себя. Дансени говорил со мною несколько пооткровеннее, но я положила не вмешиваться в его дела. Что же касается до малютки, я уже неоднократно думала сделать из нее свою ученицу; мне крайне хочется оказать услугу сию господину Жеркуру. Он дает мне довольно времени, оставаясь на Корсике до октября. Мне кажется, время сие употреблено будет с пользою, и мы доставим ему жену совершенно образованную на место невинной его монастырки. Но что за глупая безопасность, в коей осмеливается он покоиться, в то время когда обиженная им женщина не отомстила за себя? По чести, если б малютка была теперь здесь, я не знаю, чего бы я ей ни насаждала.

Прощай, виконт; желаю тебе доброй ночи и добрых успехов: но, бога ради, не плошай. Не забудь, что если ты не получишь этой женщины, то те, которые любили тебя, сгорят от стыда.

Из ***, 20 августа 17...

ПИСЬМО XXI

Виконт де Вальмон к маркизе де Мертей

аконец, любезный друг, я сделал шаг вперед, и шаг очень важный, который если не довел меня до желаемой цели, то по крайней мере открыл мне, что я напал на дорогу, и рассеял страх, в коем находился я, опасаясь заблудиться. Я успел наконец открыться в своей любви; и хотя противоположено мне было упорнейшее молчание, однако ж я получил ответ, может быть, не столь двусмысленный, сколько лестный; но на что отгадывать наперед! Лучше рассказать, как все это происходило.

Вы помните, что велено было следить за моими прогулками. Так знайте, что я вознамерился обратить соблазнительную сию уловку благим примером для всех, и вот что я сделал. Я приказал своему поверенному отыскать в околodge какого-нибудь бедняка, которому бы нужна была помощь. Поручение сие нетрудно было выполнить. Вчера после обеда уведомил он меня, что сегодняшнего утра собирались захватить пожитки целого семейства, которое не в состоянии было заплатить ни подати, ни поземельных. Удостоверясь, что в этом доме не было ни девушки, ни женщины, которая бы летами своими или личиком своим могла учинить поступок мой подозрительным, объявил я за ужином, что намерен идти поутру на охоту. Здесь должен я отдать справедливость моей президентше, начинающей, без сомнения, раскаиваться в повелениях, отданных ею в рассуждении меня. Не имея довольно сил победить свое любопытство, усиливалась она опровергнуть по крайней мере намерение мое, стараясь уверить, что жар будет несносный; что я могу занемочь; что ничего не застрелю и приму только напрасный труд. В продолжении сего разговора глаза ее изъяснялись, быть может, более, нежели бы она хотела, и достаточно дали мне почувствовать, что она желала б, чтобы я принял плохие сии убеждения за справедливые. Нетрудно отгадать, что я не хотел согласиться; и для того принужден был выдержать небольшую, но колкую диссертацию против охоты и охотников и видеть во весь вечер некоторую досаду на прелестном ее лице. Я начинал уже бояться, чтоб она не отменила своих приказаний и тем самым не расстроила бы моего плана. Но я не рассчитал любопытства женщин, а потому и обманулся. Егерь мой успокоил меня того же вечера, и я лег спать.

На рассвете я встал и отправился. Лишь только отошел шагов на пятьдесят от дому, увидел я своего надзирателя, вслед за мною идущего. Я пустился скорее на охоту, пробираясь через поля к деревне, в которую надлежало мне идти. Не имея дорогою иного удовольствия, заставил я своего скорохода потрястись; он, опасаясь спустить меня с глаз, делал беспрестанный круг и бежал, сколько сил доставало, чтобы не отстать от меня. Мучая его таким образом, измучился я и сам и сел отдохнуть под дерево. Как же б вы думали, наглец

этот не боялся подкрасться за кустик и сесть почти в двадцати шагах от меня. Я хотел было попотчевать его дробью и проучить за любопытство; к счастью его, я вспомнил, что он полезен и даже нужен будет для моего предприятия; размышление сие спасло его.

Между тем дошел я до деревни; слышу шум, подхожу, спрашиваю; мне рассказывают все дело. Призываю сборщика, и, повинувшись великодушному состраданию, плачу барски пятьдесят шесть ливров, за которые пять человек доведены б были до совершенного разорения и отчаяния. По совершении столь обыкновенного дела вы не можете себе представить, с каким восторгом все зрители осыпали меня своими благословениями! Сколько благодарных слез пролил престарелый Авраам сего семейства и как сии слезы украшали патриаршеское лицо его, которое за минуту пред тем отчаяние делало ужасным. Я наслаждался сим зрелищем, когда другой крестьянин, гораздо помоложе, ведя за руку жену и двух детей и приближась ко мне скорыми шагами, сказал им: «Упадем все к ногам сего ангела-избавителя», и в то же мгновение был я окружен целым семейством, стоявшим на коленях предо мною. Признаюсь в своей слабости, слезы у меня навернулись на глаза, и я почувствовал в себе невольное, но приятное движение. Я удивлен был удовольствием, какое ощущают, оказывая благодеяние, и начинаю думать, что люди, которых называем мы добродетельными, не имеют отменных тех достоинств, о коих старики наши проповедуют нам. Как бы то ни было, справедливость требовала заплатить бедным сим людям за доставленное мне от них удовольствие. При мне было десять луидоров, и я их роздал им. Здесь опять началась благодарность, но не была уже столь трогательна: крайность произвела главное, настоящее действие; остальное изображало простые чувства признательности и удивления, излишним подаянием произведенных.

Невзирая, однако ж, на многоглаголивые благословения сего семейства, я очень хорошо играл роль театрального героя в таком явлении, где начинается развязка; приметьте, что в толпе был также и верный надзиратель богомолки моей. Намерение мое было выполнено; вырвавшись от них, возвратился я в замок. Что ни говорите, а я доволен своею выдумкою. Эта женщина стоит того, чтобы я не жалел трудов, они в свое время послужат мне документами; и я, заплатив ей вперед, так сказать, за свой откуп получу право располагать им по своей воле, не упрекая себя ни в чем.

Я позабыл было сказать вам, что, желая обратить все в свою пользу, просил я добродушных сих людей молить Бога об успехе моего предприятия. Вы увидите, что едва ли не услышаны отчасти молитвы их... Меня зовут ужинать, и я не успею отправить к вам своего письма, если сей же час не окончу его. *Итак, до будущей почты.* Жаль, право жаль перервать, потому что в окончании осталось что ни самое лучшее. Прощайте, милая моя. Вы меня лишаете на несколько минут удовольствия видеть ее.

Из***, 20 августа 17...

ПИСЬМО XXII

Президентша де Турвель к госпоже де Воланж

ы, конечно, довольны будете, милостивая государыня, узнав поступок господина Вальмона, совсем, как мне кажется, противный тем чертам, коими описали вам его. Как тягостно заключать невыгодно о ком бы то ни было и как прискорбно находить одни пороки в том, кто имеет все нужные свойства, чтобы примером своим заставить любить добродетель! Сверх того, вы сами столь любите быть ко всем снисходительными, что я надеюсь сделать вам одолжение, разуверив вас в строгом вашем суждении.

Господин Вальмон, кажется, имеет основательную причину ожидать себе сей благосклонности, или, лучше сказать, сей справедливости; вот почему я так думаю.

Сегодняшнего утра ходил он на охоту, которая могла иметь и другую цель в околных местах, так как вы сами заметили мне то, но я сожалею теперь, что, может быть, поторопилась в сем случае склониться на ваше мнение. К счастью его, более же к нашему, потому что мы не станем впредь судить несправедливо, одному из моих людей случилось идти в одну с ним сторону¹; и этим самым достойное порицания, но счастливое любопытство мое было удовлетворено. Он-то и рассказал нам, что господин де Вальмон нашел в деревне *** одно несчастное семейство, коего пожитки хотели было уже продавать с молотка, поскольку не в состоянии были выплатить своих податей, не только поспешил взнести за них должную сумму, но и, сверх того, роздал им довольное число денег. Человек мой был свидетелем добродетельного сего поступка; и он же донес мне, что крестьяне, разговаривая с ним и между собою, сказывали про какого-то лакея (по их приметам и по словам моего человека это должен быть Вальмонов слуга), который вчера навевывался о поселянах, пришедших в бедность. Если это правда, то этого нельзя уже назвать случайным состраданием, но твердым намерением делать добро, благодетельным попечением, беспримерною добродетелью, беспримерным душам свойственною; но как бы то ни было, случайно ли или с намерения все это происходило, но поступок сей делает ему честь и славу; я не могла удержаться от слез, слыша только, как об этом рассказывали. Справедливость также заставляет меня сказать вам, что когда начала я говорить ему о сем происшествии, то он сперва запирался и так мало ценил великость души своей, когда уже должен был признаться, что скромность его удваивала знаменитость сего поступка.

¹ Госпожа де Турвель не посмела, однако, сказать, что это было сделано по ее приказу, хотя и обнаруживает себя любопытством своим.

*...в то же мгновение был я окружен целым семейством,
стоявшим на коленях предо мною.*

Скажите, почтенный мой друг, неужели вы и теперь почитаете господина де Вальмона безвозвратно распутным? Если же он действительно таков, а ведет себя так похвально, то что ж останется делать добродетельным людям? Как! Неужели злые могут разделять с добрыми священное удовольствие делать благодеяние? И позволит ли Всемогуший, чтоб добродетельное семейство приняло от руки нечестивого помощь, за которую должно оно благодарить Божие Провидение? Скорей поверю я, что заблуждение, как бы продолжительно оно ни было, должно, однако же, иметь свой конец; и не могу даже думать, чтобы тот, кто делает добро, мог быть врагом добродетели. Может быть, господин де Вальмон служит только новым примером, сколь опасны вредные знакомства. Я останавливаюсь на сей приятной для меня мысли, которая если и не может оправдать его пред вами, то, по крайней мере, может заставить меня гордиться нашим знакомством и, почитая нашу дружбу бесценною, быть вам по гроб преданной.

P. S. Сейчас идем мы с госпожою де Розмонд навестить честное и несчастливое сие семейство и присовокупить к пособию господина де Вальмона позднее наше подаяние. Мы его берем с собою, и этим самым доставим добрым сим людям удовольствие увидеть опять своего благодетеля. Вот все, что он оставил для нас, как мне кажется.

Из ***, 20 августа 17...

ПИСЬМО XXIII

Виконт де Вальмон к маркизе де Мертей

ы остановились на моем возвращении в замок.

Успев кое-как приодеться, взвошел я в гостиную, где прелестница моя сидела за шитьем, а приходской священник читал престарелой тетушки моей газеты. Я сел подле пялец. Взгляды нежнее обыкновенного и почти ласкательные заставили меня тотчас догадаться, что слуга отдал верный отчет в своей посылке. В самом деле, любопытная моя богомолка не могла скрывать более выведенной ею тайны. «У меня также есть новость!», — не опасаясь прервать почтенного священника, вскричала она, и в ту же минуту рассказала им похождение мое с подробностями, свойственно лучшим историкам. Я долго скромничал, стараясь заставить ее переменить разговор; но кто может остановить женщину, которая, не чувствуя и сама, принимается хвалить любимый свой предмет? Итак, я дал ей волю, а сам между тем примечал

с некоторою надеждою для любви сверкающие ее глаза, пылкое телодвижение и голос, приметным образом переменяющийся сей голос, ясно показывавший мне сильное волнение ее сердца. «Поди, любезный племянник, поди ко мне, позволь себя обнять», — сказала мне госпожа Розмонд. Я смекнул, что и прелестной проповеднице нельзя уже было отказаться поцеловать меня в свою очередь. Она пустилась было бежать, но вскоре очутилась в моих объятиях и не только не имела сил противиться мне, но едва могла держаться на ногах. Чем более рассматриваю я эту женщину, тем сильнее возбуждает она мои желания. Она поторопилась сесть за пяльцы и для всех казалась занятою своим шитьем, и я один приметил, что трепещущая рука ее мешала ей продолжать работу.

—

После стола дамы собрались навестить тех несчастных, коих воскресил я благочестивым своим подаянием, и я ездил с ними. Не опасайтесь, я не стану утомлять вас рассказами признательности и похвалы, вторично мне оказанных. Сердце мое, будучи исполнено сладостным воспоминанием, спешит возвратиться в замок. Дорогою прелестная моя президентша была задумчива сверх обыкновения и не говорила ни слова. Я также молчал, занимаясь единственно приискиванием средств, коими бы можно было обратить в свою пользу впечатление, произведенное над нею сегодняшним приключением. Госпожа Розмонд одна разговаривала, правда, мы отвечали ей, но изредка, да и то отрывисто. Ей это наскучило; а мне того и хотелось. Выходя из кареты, прошла она в свою комнату и оставила меня наедине с моей красавицей в слабо освещенной гостиной; приятная темнота! помощью твою и робкая любовь становится смелее.

Мне нimalого труда не стоило довести разговор до желаемого пункта. Ревностное усердие прелестной моей проповедницы услужило мне более, нежели я мог ожидать того от своей ловкости. «Не понимаю, — сказала она, устремив на меня н е ж н ы й свой взгляд, — как можно заниматься худыми делами тому, кто, кажется, рожден для добрых?» «Я не заслуживаю, — отвечал я ей, — ни похвалы сей, ни порицания; и не постигаю, как вы, будучи столь умны, не проникли еще меня. Знаю, что чистосердечие мое может обратиться мне во вред, но я должен теперь открыться пред вами из почтения к вашим достоинствам. Вы сами найдете ключ поведения моего в характере, по несчастию слишком переимчивом. Окружен будучи развратными людьми, я подражал их порокам, и, может быть, из самолюбия старался превзойти их. Здесь, прельщен будучи равномерно примером добродетели и не надеясь сравняться с вами, покусился я следовать, по крайней мере, по стезям вашим. Ах! Может быть, поступок, который вы теперь похваляете, потерял бы в глазах ваших всю свою цену, если б вы знали истинную всему причину (вы видите, милый мой друг, сколь я признателен)! Не мне, — продолжал я, — несчастные сии одолжены за оказанное им пособие. Там, где вы видите похвальное деяние, искал я только средства нравиться и был, когда уже должно все открыть,

слабым только орудием обожаемого мною божества. (Здесь хотела она прервать меня, но я не дал ей времени.) В самую даже сию минуту, — примолвил я, — слабость моя исторгает у меня мою тайну. Я клялся было скрывать ее от вас и поставлял свое благополучие в том единственно, чтоб обождать втайне добродетели и прелести ваши; но, не в состоянии будучи обманывать, имея пред глазами пример чистосердечия, не хочу более обвинять себя в порочном сем против вас притворстве. Не думайте, чтобы я дерзал оскорблять вас злодейскою надеждою. Знаю, что буду несчастлив; но и самые страдания мои будут для меня драгоценны; они станут доказывать мне чрезмерную мою любовь, и я у ног ваших верю сердцу вашему мучения мои. В нем почерпну силы для новых страданий, в нем найду сострадающее милосердие и почту себя утешенным, когда вы пожалеете обо мне. Владычица души моей! Выслушай меня, пожалей обо мне, помоги мне!» Я был тогда у ног ее и жал ей руки; она, мгновенно вырвав их от меня, с изъявлением отчаяния, покрыв глаза свои, вскричала: «Ах, несчастная!» — и потом залилась слезами. К счастью, я был в такой *пассии*¹, что и сам плакал, и, взяв опять ее за руки, омывал их слезами. Предосторожность весьма нужная, потому что она так была занята своею горестию, что и не заметила бы моей, если б я сим способом не вздумал обнаружить своей чувствительности. Сверх того я имел и ту выгоду, что мог беспрепятственно рассмотреть прелестное сие лицо, украшенное еще более очаровательною силою слез. Голова моя начинала разгорячаться, я не владел уже собою и хотел даже воспользоваться сею минутою.

Какова ж наша слабость! каково могущество обстоятельств! Когда я сам, позабыв свои намерения, отваживался преждевременным торжеством лишиться приятности продолжительного сопротивления и прелестей трудной сдачи; когда, обольстясь желанием, молодому человеку свойственным, едва не заставил победителя госпожи Турвель воспользоваться за все его труды глупою только выгодою умножить свой счет и еще одной женщиной! Так, пусть сдастся, но в бою; не имея довольно сил победить, пусть по крайней мере сопротивляется, пусть исподволь познает свою слабость и необходимость признать свое поражение. Одни плохие стрелки убивают оленей в засаде, настоящий охотник должен взогнать его и утомить. Не бесподобное ли предприятие? Но, может быть, оставалось бы мне только жалеть, что не следовал своему плану, если б случай не подкрепил моего рассудка.

Мы слышали шум. Кто-то шел в гостиную. Госпожа Турвель, испугавшись, встала с опрометчивостию, схватила свечу и ушла. Надлежало дать ей волю. Это был слуга. Уверясь в том, тотчас пустился я за нею. Едва успел я сделать несколько шагов, как она, от того ли, что узнала меня, или же по одним пустым страхам, поторопилась бежать и бросилась, так сказать, в свою комнату, хлопнув за собой дверьми. Подхожу, но ключ был изнутри. Не подумайте,

¹ *Пассия* — здесь: страсть (примеч. ред.).

чтобы я начал стучаться; этим самым доставил бы я ей способ противоположить надежное сопротивление. Мне пришла счастливая, хотя и обыкновенная мысль: посмотреть в замочную щелочку, и я увидел сию обожания достойную женщину — в слезах, на коленях, с горячностью молящуюся. Кого осмеливалась она призывать? и кто в состоянии укротить любовь? Тщетно ищет она теперь посторонних пособий; жребий ее в моих руках.

Полагая, что для одного дня довольно было сделано, отправился и я в свою комнату и принялся писать к вам. Я надеялся увидиться с нею за ужином, но она, сказавшись нездоровой, легла в постель. Госпожа Розмонд хотела было зайти к ней, но лукавая больная отговаривалась головною болью, не позволявшею ей никого принимать. Нетрудно отгадать, что после ужина мы не засиделись и что и у меня также разболелась голова. Возвратясь в свою комнату, написал я предлинное письмо, жалуясь на сию жестокость, потом лег спать, надеясь отдать его сегодня же поутру. Я спал очень дурно, как вы можете увидеть из подписи сего письма. Проснувшись, прочитал свое послание и заметил свою оплошность: в нем оказывал я не столько любви, сколько горячности, не столько печали, сколько досады. Надобно будет переделать, но прежде должно успокоиться.

Кажется, начинает уже рассветать; может быть, с наступлением утреннего холода наступит и сон мой. Лягу опять. Впрочем, как бы женщина эта ни владычествовала надо мною, как бы я ни занимался ею, но уверяю вас, что всегда найду время беседовать с вами. Прощай, прелестный друг.

*Из ***, 21 августа 17...,
в 5-м часу утра*

ПИСЬМО XXIV

Виконт де Вальмон к президентше де Турвель

х! Сжальтесь, милостивая государыня, и не откажитесь успокоить смятение души моей; удостойте меня вашим извещением: чего должен я надеяться или страшиться. Находясь среди совершенного благополучия и несчастья, мучаюсь жестокою неизвестностью. Для чего говорил я с вами? Для чего не воспротивился сильному очарованию, которое обнаруживало вам все мои мысли? Обожая вас в молчании, наслаждался я, по крайней мере, своею любовью; и сие непорочное чувство, не смущавшее тогда вас, составляло все мое благополучие: но сей источник

счастья учинился теперь источником отчаяния, с тех пор, как увидел я, что вы проливаете слезы; с тех пор, как услышал жестокое сие выражение: «*Ах, несчастная!*». Долго, милостивая государыня, долго сии два слова будут отдаваться в моем сердце! Но по какому роковому предопределению нежнейшее чувство производит в вас единым только ужас и от чего происходит страх сей? Ах! Конечно, не от того, чтоб вы боялись разделить сие чувство: сердце ваше, которое худо знал я, не сотворено для любви, одно мое, порицаемое вами беспрестанно, чувствительно; ваше же чуждо и самого сострадания. Если б это не так истинно было, вы бы не отказались утешить хотя б одним словом несчастного, открывающего вам свои страдания; вы бы не избегали его взоров тогда, когда он все свое удовольствие поставляет в том только, чтоб вас видеть; вы бы не стали так жестоко издеваться его беспокойством, приказав сказать, что вы больны и не дозволив ему даже войти к себе осведомиться о вашем здоровье; вы бы почувствовали, что сия самая ночь, служившая вам полусуточным отдохновением, должна была составить бесконечное его мучение.

Скажите, чем заслужил я мучительную сию суровость? Я не страшусь избрать вас судьбою; что я сделал? Последовал невольному чувствуванию, внушенному красотою и оправданному добродетелью. Почтение всегда удерживало меня; невинное же мое в том признание было действием доверенности, а не надежды: неужели намерены вы изменить сей самой доверенности, до коей, мне кажется, вы сами допустили меня и коей я слепо предался? Нет, я не могу верить сему, не могу предполагать в вас никакого порока, и сердце мое мятется уже от единой сей мысли: я отрекаюсь от укоризн, сделанных вам; я мог написать их, а не подумать! Ах! Не препятствуйте мне верить, что вы совершенны! Я не имею иного теперь удовольствия. Докажите мне, что вы таковы, великодушным своим состраданием. Кто из несчастных, облагодетельствованных вами, имел более меня в том надобности? Не оставляйте меня в иступлении, в кое вы сами ввергли меня! Лишив меня рассудка, подкрепите своим; исправьте меня, наставьте, дабы вам всем был я обязан.

Я не намерен обманывать вас: вы никогда не успеете истребить любви моей, но можете научить меня управлять ею; руководствуя моими поступками, моими речами, вы спасете меня, по крайней мере, от ужаснейшего несчастья прогневить вас. Более же всего постарайтесь рассеять страх мой, ввергающий меня в отчаяние; скажите, что вы прощаете мне, что вы сожалеете обо мне, обнадежьте меня в своем снисхождении. Знаю, что никогда не окажете того, коего я желаю, и потому умоляю о том, без коего не могу обойтись: неужели вы откажете мне и в этом?

Прощайте, милостивая государыня; примите с благосклонностию уверение о моих к вам чувствованиях, нисколько не противных должному нам почтению.

Из ***, 20 августа 17...

ПИСЬМО XXV

Виконт де Вальмон к маркизе де Мертей

от перечень вчерашних происшествий.

Перед обедом вошел я к госпоже Розмонд и под ее покровительством введен был к мнимой больной; она была еще в постели. Глаза ее чрезвычайно были томны; я надеюсь, что и она так же худо спала, как и я. Воспользовавшись минутою, в которую госпожа Розмонд отвернулась от нас, отдал я ей свое письмо; она не хотела принять, но я его оставил на постели и с вольным духом стал придвигать кресла для старой своей тетушки, которой хотелось сесть поближе *к милому своему дитяти*: надлежало по необходимости припрятать письмо, чтобы избежать соблазна. Больная весьма некстати сказала, что ее начинает принимать лихорадка. Госпожа Розмонд просила меня пощупать у ней пульс, выхваляя до крайности врачебное мое искусство. Итак, прелестница моя имела двойную досаду: видеть себя принужденною отдать в мою власть руку свою и чувствовать, что притворство ее обнаруживается. В самом деле, взял я ее руку и прижимал своею, между тем как другая прогуливалась по нежному ее телу; лукавица ни на что не отвечала, что и принудило меня сказать, опустив руку, что в ней нет ни малейшего жару. Я ожидал суровых ее взглядов, но чтобы наказать ее, не старался встретиться с ними: минутою спустя сказала она, что хочет встать, и мы оставили ее одну. Она вышла к скучному нашему обеду и объявила, что не намерена идти прогуливаться, и этим давала мне чувствовать, что я не буду иметь случая говорить с нею. Я расшел, что тут надлежало, тяжело вздохнув, бросить на нее печальный взгляд; конечно, она ожидала его, потому что в течение дня в это только мгновение повстречались глаза наши. При всей своей скромности не без хитростей и она, так же как и любая другая. Я нашел время спросить у нее, *сделала ли она милость уведомить меня о моей участи...* и немало удивлен был, когда она отвечала: «*Да, милостивый государь, я отписала к вам*». Нетерпеливость получить поскорее это письмо мучила меня; но от хитрости, или от неловкости, или же от боязни получил его не раньше как вечером, когда она пошла на свою половину. Я посылаю его к вам вместе с моим, начерно написанным; прочтите и судите; посмотрите, с каким бесстыдным лукавством утверждает она, что не чувствует любви — в то самое время, когда я уверен в противном; да после и станет жаловаться, что я ее обманывал, а сама не боится обманывать меня с самого начала! Милая маркиза! Самый хитрый мужчина едва только может равняться с женщиною примерной честности! Надобно будет, однако, показывать, что я верю всем этим бредням и истаивать от отчаяния, потому что красавице моей угодно играть роль неприступной. Как же можно не мстить за сии ухищрения?.. Ах! Потерпим... Прощайте, однако ж, мне много еще должно писать.

Да, кстати, пришлите назад письмо бесчеловечной моей; легко статься может, что она впоследствии станет требовать, чтобы я дорожил этими мелочами, а потому и должно быть осторожным.

Я ничего не говорю вам о маленькой Воланж; при первом случае займемся и ею.

Из ***, 22 августа 17...

ПИСЬМО XXVI

Президентша де Турвель к виконту де Вальмону

ы бы, конечно, милостивый государь, не получили от меня ни одной строчки, если бы глупый мой поступок вчерашнего вечера не принудил меня теперь войти с вами в изъяснение. Так, признаюсь, я плакала; может быть, и два слова, повторенные вами с такою точностью, вырвались также и у меня; слезы и слова, все заметили вы; итак, я должна вам все объяснить.

Я привыкла внушать одни честные чувствования, слушать такие только речи, которые не заставляли бы меня краснеть, следовательно, наслаждаться спокойствием, которое, осмеливаясь сказать, я заслужила. Не умею я ни скрывать, ни противиться ощущаемым мною впечатлениям. Удивление и замешательство, в которые ввергло меня ваше обращение; не знаю... какой-то страх, внушенный положением, в коем никогда не должна была я находиться; может быть, огорчительная мысль видеть, что меня смешивают с теми женщинами, которых вы сами презираете, и что вы обходитесь со мною так же вольно, как и с ними, — все сии причины, соединясь вместе, заставили меня плакать и сказать с некоторым основанием: я думаю, что я несчастна. Выражение сие, показавшееся вам столь сильным, было бы еще довольно слабо, если б слезы и слова мои происходили от иной причины; если б вместо того, чтобы отвергнуть оскорбительные для меня чувствования, боялась я только предаться им.

Нет, милостивый государь, я не чувствую этого страха, а если бы и чувствовала, то скрылась бы от вас на край света; в пустыне бы стала оплакивать несчастье, что вас узнала. Может быть, сколь, впрочем, ни уверена я, что никогда не любила и не буду любить вас, может быть, гораздо лучше бы я сделала, если б последовала совету приятелей своих и не допускала вас к себе.

Я думала, — и вот единственная моя вина, — я думала, что вы окажете должное почтение честной женщине, которая сердечно желала, найдя в вас

такую же честность, отдать вам справедливость; которая начинала уже защищать вас в то самое время, как вы оскорбляли ее порочными своими намерениями. Вы не знаете меня; нет, милостивый государь, вы не знаете меня. Иначе бы вы не почли себя вправе обижать меня: и потому только, что вы говорили мне о том, чего бы я не должна была слушать, вы бы не осмелились написать ко мне письма, которого я не должна была читать; и вы просите, чтобы я *руководствовала вашими поступками и вашими речами!* Очень хорошо, милостивый государь мой: молчание и забвение, — вот совет, который мне прилично дать, а вам — следовать оному; тогда-то подлинно будете вы иметь право на мое снисхождение и от вас зависеть будет приобрести за сие признательность мою... Но нет, я ничего не стану требовать от того, кто потерял ко мне почтение, и не подам ни малейшего знака доверенности тому, кто употребил во зло беспечность мою. Вы принуждаете меня опасаться вас, может быть, ненавидеть вас; я не желала сего; желала только видеть в вас племянника почтеннейшей приятельницы моей; противопоставляла глас дружества всеобщему гласу, обвиняющему вас. Вы все разрушили; и я предвижу, что вы не захотите ничего загладить.

В заключение же объявляю вам, государь мой, что чувствования ваши и признание ваше равно для меня оскорбительны и что вместо того, чтоб заставить меня разделять их, заставите никогда не видаться с вами, если не станете вечно молчать о сем происшествии; чего имею я, кажется, право ожидать и даже требовать от вас. При сем посылаю к вам письмо, которое вы писали ко мне, и надеюсь, что и вы возвратите мне мое; я действительно буду терзаться, если останутся какие-нибудь следы такого приключения, которому никогда не должно было случиться.

Имею честь быть и пр.

Из ***, 21 августа 17...

ПИСЬМО XXVII

Сесилия де Воланж к маркизе де Мертей

оже мой! Как вы добры, милостивая государыня! Как вы хорошо угадали, что мне легче будет писать к вам, чем говорить с вами! Да, правду сказать, то, что я хочу изъяснить вам, чрезвычайно как трудно; но вы, милостивая государыня, друг мой, не правда ли? Конечно, так — искренний, сердечный мой друг! Итак, постараюсь прогнать свой страх; мне никак нельзя обойтись без вас и без ваших советов! В какой я теперь печали! Мне кажется, весь свет

отгадывает мои мысли, а особливо при нем; я всегда краснею, лишь только кто на меня взглянет; вчера, когда вы увидели меня в слезах, я хотела было поговорить с вами; но не знаю, что меня удерживало, и когда вы спросили меня, что со мною делается, то против воли слезы у меня навернулись на глаза, и я не могла ни слова выговорить. Без вас матушка, верно бы, заметила это; что бы тогда со мною было! Вот какова, однако, жизнь моя, а особливо с четвертого дня.

С того самого дня, милостивая государыня, — да, я во всем должна признаться, — с того дня, как шевалье Дансени написал ко мне; уверяю вас, что когда я нашла письмо его, то, право, не знала, что это за бумага; но, чтобы не солгать, скажу вам, что, читая его, чувствовала пр е в е л и к о е удовольствие. Знаете ли, что для меня сноснее б было мучиться всю жизнь, чем не иметь от него этого письма. Однако ж я знала, что не должно этого сказывать ему, и могу даже уверить вас, что я сказала, будто бы я за это на него сердита; но он рассказывает, что не мог себя переломить, и я поверю; мне и самой не хотелось отвечать ему, однако не могла удержаться. Ведь я однажды только писала к нему, да и то лишь для того, чтобы упросить его не писать ко мне; несмотря на то, он всякий день пишет ко мне; и так как я не отвечаю ему, то он, как я вижу, чрезвычайно огорчен этим; а я, глядя на него, пуще только мучаюсь, так что и сама не знаю, что мне делать и как быть; ах, как я жалка!

Сделайте милость, скажите мне, не дурно ли будет, если я изредка стану отвечать ему? До тех только пор, покуда он в состоянии будет перестать ко мне писать и останется со мною так, как было прежде; про себя же скажу вам, что я и сама не знаю, что со мною будет, если это продолжится. Представьте себе: читая последнее его письмо, я так плакала, что не могла перестать; и я уверена, что если я опять оставляю его без ответа, то обоим нам будет очень больно.

Я пришлю к вам его письмо, или хоть копию; вы сами увидите, что из того, чего он просит, не может выйти ничего худого. Однако же, если вы найдете, что это непристойно, я обещаюсь вам ничего не делать; но я думаю, что вы одних со мною мыслей, что тут нет ничего худого.

Покамест я еще не кончила, позвольте, милостивая государыня, задать вам еще один вопрос: мне рассказывали, что нехорошо любить кого бы то ни было; почему же бы это? Я потому спрашиваю вас, что шевалье Дансени утверждает, что тут нет ничего дурного и что весь свет любит; если это правда, я не понимаю, почему я одна не должна делать того, что все делают; или же дурно только для девиц: а я сама слышала от матушки, что госпожа Д*** любит господина М***, и она не с таким видом говорила, чтоб это было дурно; со всем тем я уверена, что она бы рассердилась на меня, если бы заметила только, что я чувствую дружбу к Дансени. Она всегда обходится со мною как с ребенком и ничего не хочет мне сказать. Я думала, что она для того взяла меня из монастыря, чтоб выдать замуж; но теперь вижу, как мне кажется, что не для того; я не печалюсь обе этом, право, нет; но вы, будучи с нею в такой тесной дружбе,

вы знаете, может быть, для какой причины, и если вы знаете, я надеюсь, что вы и мне скажете.

Письмо мое довольно длинно; но вы сами, милостивая государыня, позволили мне писать к вам; и я, пользуясь сим случаем, решилась во всем открыться вам, а потому и полагаюсь на вашу дружбу.

Имею честь быть и пр.

Париж, 23 августа 17...

ПИСЬМО XXVIII

Шевалье Дансени к Сесилии Воланж

так, милостивая государыня, вы все еще отказываетесь отвечать на мои письма? Ничто не может склонить вас, и всякий день уносит с собою надежду, обещанную им! Какая же дружба может существовать между нами, когда она не сильна даже сделать вас чувствительною к моим страданиям; когда она оставляет вас в равнодушии и спокойствии в то самое время, как я снедаюсь пламенем, коего не могу утешить; когда она не только доверенности, но и самого сострадания не в состоянии возродить в вас? Как! Друг ваш страдает, а вы ничего не делаете, чтобы пособить ему!

Он от вас просит одного только слова, а вы и в том отказываете ему и хотите, чтобы он довольствовался слабым сим чувствованием, в коем боитесь даже вторично уверить его!

Вчера сказывали вы, что не хотели быть неблагодарной: ах! поверьте мне, сударыня, платить за любовь дружбою не значит опасаться неблагодарности, но одного только виду ее. Итак, я не осмелюсь более говорить вам о таком чувствовании, которое будете тяготить вас, а не занимать; я принужден сокрыть его в своем сердце, пока не научусь обуздать сию страсть. Чувствую, koliko труда будет мне это стоить; но я употреблю на то все силы и все средства; чувствую также, сколь тягостно будет моему сердцу вспоминать беспрестанно о нечувствительности вашего сердца. Я постараюсь даже видаться пореже, и теперь уже занимаюсь приискиванием благовидного предлога.

Как! Лишиться приятной привычки видеть вас всякий день! Ах! По крайней мере, стану вечно сожалеть о том. Вечное несчастье будет наградой нежнейшей любви; вы желали сего, и желание ваше исполнится вашим же старанием! Я чувствую, что никогда не смогу сыскать того счастья, которого лишюсь сегодняшнего дня; вы одни сотворены были для моего сердца; с каким бы

удовольствием поклялся я жить для одной Сесилии! Но вы не хотите принять сей клятвы; молчание ваше довольно уже изъяснило мне, что сердце ваше ничего не говорит за меня; оно служит также ясным доказательством вашего ко мне равнодушия и жестокости, с каковыми вы поступаете со мною. Прощайте, милостивая государыня.

Я не смею более ласкаться ответом; любовь написала бы его с поспешностью, дружество — с удовольствием, и самое сожаление — со снисхождением: но сожаление, дружба и любовь равно чужды вашего сердца.

Париж, 23 августа 17...

ПИСЬМО XXIX

Сесилия Воланж к Софии Карне

тебе сказывала, милая София, что есть такие случаи, когда можно писать, и мне, право, досадно теперь на саму себя, что я следовала твоим советам, которые замучили Дансени и меня. А чтоб доказать тебе, что я правду говорила, скажу, что госпожа де Мертей, которой, конечно, все эти дела известны, согласилась наконец с моим мнением. Я во всем призналась ей. Сначала и она то же твердила мне, что и ты; но когда я ей все изъяснила, то и она призналась, что видит разницу; она требует только, чтобы ей показывала все свои и дансениевы письма, дабы увериться, что я то только стану писать, что должно; итак, я теперь совершенно спокойна. Ты не поверишь, как я люблю госпожу де Мертей! Она так добра! А притом же у всех в почтении; об этом нечего и говорить.

Теперь-то пущусь писать к Дансени! Как он будет доволен! Более, нежели себе воображаете. По сие время твердила я ему о своей дружбе, а ему хотелось, чтобы я говорила о своей любви. Я думала, что это все равно, но не смела сказать ему, а он беспрестанно домогался этого. Я уведомила о сем госпожу де Мертей, и она сказала мне, что я не ошиблась, и что тогда только должно признаваться в любви, когда нельзя обойтись без этого; я же совершенно теперь уверена, что не могу обойтись; да притом это все равно, но для него гораздо будет приятнее.

Госпожа де Мертей сказывала мне также, что даст мне такие книги, в которых обо всем том написано и которые научат меня, и как себя вести, и как писать поскладнее моего, для того, что она, как ты видишь, замечает мне все мои недостатки, и это служит новым доказательством, что она меня любит;

она подтвердила мне только, чтобы я ничего не сказывала матушке об этих книгах; это б походило, по словам ее, на то, как будто бы она пренебрегла моим воспитанием; а этим могла бы она обидеться. О! Я, право, ничего ей не скажу.

Странно, однако ж, что женщина, которая почти мне не родня, более обо мне печется, нежели родная мать.

Она просила также матушку, чтобы та позволила ей взять меня послезавтра с собою в театр, и сказала мне, что мы там, будучи одни, можем все это время проговорить, не опасаясь, чтоб нас подслушивали; для меня это приятнее и самой оперы. Мы поговорим также и о моем замужестве: она сказывала мне, что действительно выдают меня замуж, и более не успела мне сказать. Это также странно, что матушка не говорит мне об этом ни слова!

Прощай, милая София, я засяду теперь писать к Дансени. Ах! Как я довольна!

Из ***, 24 августа 17...

ПИСЬМО XXX

Сесилия Воланж к шевалье Дансени

аконец, милостивый государь мой, я соглашаюсь писать к вам и уверить вас в моей дружбе, в *любви*, потому что вы без этого были бы несчастны. Вы говорите, что я не имею доброго сердца; уверяю вас, что вы ошибаетесь, и я надеюсь, что вы теперь перестанете в том сомневаться. Если вы были огорчены тем, что я не писала к вам, то не думаете ли вы, что и я не мучилась тогда? Но я ни для чего на свете не захотела бы сделать что-нибудь дурное и, верно бы, не призналась в своей любви, если б могла обойтись без того; но печаль ваша мучила меня до бесконечности. Я надеюсь, что теперь не о чем вам более печалиться и что мы будем чрезвычайно счастливы.

Я надеюсь иметь удовольствие видеться с вами сегодня вечером, и что вы придете пораньше; но как бы рано вы ни пришли, однако все-таки позже, нежели бы мне хотелось! Матушка ужинает дома, и я думаю, что она предложит и вам остаться ужинать: я надеюсь, что вы не дадите слова в другом месте, так, как сделали третьего дня. Конечно, ужин этот, куда вас звали, был очень весел; вы торопились туда идти. Но оставим это: теперь, как вы знаете, что я вас люблю, то и надеюсь, что вы станете посиживать у нас как можно долее; я тогда только и довольна, когда бываю с вами; мне бы хотелось, чтобы и вы то же самое чувствовали.

Сожалеею крайне, что вы и теперь еще тоскуете, но это не моя вина. Я спрошу арфу, как скоро вы войдете, чтобы тотчас доставить вам мое письмо. Большого сделать не могу.

Прощайте, милостивый государь, я люблю вас всем сердцем; и чем чаще повторяю это, тем я довольнее; надеюсь, что и вы также будете довольны.

Из ***, 24 августа 17...

ПИСЬМО XXXI

Шевалье Дансени к Сесилии Воланж

а, конечно, мы будем счастливы! Счастье мое несомненно, когда я люблю вами; ваше никогда не кончится, если оно продолжится столько же, сколько любовь, вами внушенная мне. Как! Вы любите меня, вы не боитесь более уверять меня в своей любви! И тем чаще повторяете мне это, тем вы довольнее! Читая прелестные эти слова: *я вас люблю*, писанные вашей рукою, слышал я, как прекрасные ваши уста повторяли мне признание сие; видел обращенные на меня прелестные и нежности исполненные ваши взоры. Клятву вашу жить для меня одного я принял. Ах! Примите же и мою — в том, что я всю свою жизнь посвящаю для вашего благополучия; примите сию клятву и будьте уверены, что я ей не изменю.

Какой счастливый день был для вас вчера! Ах! Для чего госпожа де Мертей всякий день не запирается с вашей матушкой, чтобы говорить с нею о секретных делах? Отчего мысль ожидающего нас принуждения тревожит приятное воспоминание, коим я теперь занят? Почему не могу я держать беспрестанно прекрасной ручки, написавшей мне: *я вас люблю*! осыпать ее поцелуями и отомстить таким образом за отказ ваш в дальней благосклонности!

Скажите мне, милая Сесилия: когда матушка ваша вошла; когда в присутствии ее принуждены мы были глядеть друг на друга с равнодушием; когда вы не могли утешить меня уверением в своей любви, отрекшись доказать мне то на опыте, — не чувствовали ль вы тогда сожаления? И не говорили ль вы себе: поцелуй сделал бы его гораздо счастливее, а я похитила у него сие счастье! Обнадежьте меня, любезный друг, что вы при первом случае будете не столь суровы. С помощью обещания сего научусь я переносить препятствия, приготавливаемые нам обстоятельствами; и жестокие сии лишения награждены будут по крайней мере тем, что я буду знать, что они и для вас равно мучительны.

Прощайте, прелестная Сесилия: мне пора уже идти к вам. Я бы не перестал писать, если б не спешил увидиться с вами. Прощайте и верьте, что сколько ни страстно люблю я вас, но любовь моя ежедневно умножается!

Из ***, 25 августа 17...

ПИСЬМО XXXII

Госпожа де Воланж к президентше де Турвель

ы неотменно хочешь, милая моя, чтоб я поверила добродетели господина де Вальмона? Признаюсь, что не могу на это решиться; и что для меня столь же трудно почесть его честным по одному только поступку, о котором упоминаешь ты мне, как и признать порочным человека примерной честности по одной лишь погрешности. Человечество не может быть совершенно ни в каком роде, как в добре, так и в зле. Злодей имеет свои добродетели, равно как и честный человек имеет свои слабости. Истине сей тем нужнее верить, мне кажется, что от нее происходит необходимость быть снисходительным как ко злым, так и к добрым; и что она воздерживает последних от гордости и спасает первых от уныния. Ты, конечно, скажешь, что в сем случае весьма худо выполняю я проповедуемое мною снисхождение, но я почитаю его опасною слабостию, когда оно заставляет нас равно обходиться и с порочным, и с честным человеком.

Я не стану входить в исследование причин вальмонова поступка и соглашаюсь признать их столь же похвальными, как и самое его деяние; но за всем тем, не тот ли это самый человек, который всю свою жизнь провел, поселяя в семействах раздор, бесславие и соблазн? Прельщайся, если хочешь, глазом несчастного, коему он помог; но не отвращай своего слуха от вопля бесчисленных тех жертв, коих он погубил! Хотя бы он, как ты говоришь, и служил примером, сколь опасны вредные знакомства, но не меньше того опасно и его знакомство. Ты предполагаешь, что он может еще обратиться на путь истины? Скажем более: положим, что сие чудо уже сбылось. Но всеобщее мнение не против ли его будет, и не довольно ли сего заключения для управления поступками твоими? Один Бог может признать невинным кающегося; сердца наши открыты Ему: но люди судят по делам только, и ни один человек, потеряв почтение общества, не имеет права жаловаться на всеобщую недоверчивость, которая делает потерю сию почти невозвратною. Более же всего не забудь, милый мой друг, что нередко теряют сие почтение тем только, что мало

о нем думают; не называй строгости сей несправедливостию, потому что никто не пренебрегает драгоценным сим благом, имея на него право; в самом деле, тот весьма близок к пороку, кто не уважает общественное мнение. Вот, однако ж, под каким видом выставит тебя короткое твое знакомство с господином Вальмоном, сколь бы оно, впрочем, ни было невинно.

Я ужасаюсь, видя, с каким жаром защищаешь ты его, а потому и спешу предупредить все твои возражения. Ты мне поставишь в пример госпожу де Мертей, которую никто не обвиняет за сие знакомство; спросишь меня, для чего я принимаю его; скажешь мне, что честные люди не только не обегают его, но допускают и даже заманивают его в лучшие собрания. Все это я знаю и, кажется, могу на все отвечать.

Во-первых, госпожа де Мертей, предпочтенная, впрочем, женщина, надеется слишком на себя, и вот единственная, может быть, ее погрешность; ее можно уподобить искусному вожатому, который находит удовольствие ездить со своею колесницею промеж скал и пропастей и коего оправдывает один только успех: хвалит ее, требует справедливости. Но следовать ей было бы безрассудно: она сама признается в том и обвиняет себя. Чем более входит она в опытность, тем строже становятся ее правила; и я смело могу уверить тебя, что и она одних со мной мыслей.

Что касается до меня, я не могу оправдывать себя так же, как и другие. Конечно, я принимаю господина де Вальмона, и везде принимают его; но это одно из числа тех бесконечных противоречий, которые управляют обществом. Тебе известно, что все замечают их, жалуются и во всю свою жизнь следуют им. Господин де Вальмон, будучи одарен многими любезными качествами, имея хороший достаток и происходя от знатной фамилии, познал заранее, что можно владычествовать в обществах, умея с равным искусством употреблять похвалу и насмешку. Никто не располагает лучше сими способностями! Одной пленяя, заставляет бояться другой. Никто не почитает его, но все льстит ему. Вот на какой ноге принят он в обществах, где из благоразумия щадят и не смеют нападать на него.

Но ни сама госпожа де Мертей и никакая другая женщина, конечно, не осмелилась бы зарыться в деревню почти один на один с таким мужчиною. Неужели добронравнейшей и скромнейшей из всех женщин предоставлено подать собою пример подобной нелепости? Прости мне сие слово, дружество употребляет его. Ах! Самая честность твоя начинает изменять тебе, милая моя, оставляя тебя в беспечности. Вспомни также, что с одной стороны станут судить тебя люди ветреные, которые не поверят такой добродетели, которой не находят они примеру в своем круге; с другой же стороны, злые, которые из притворства не захотят верить всему, чтобы наказать тебя за то, что ты могла быть столь добродетельной. Подумай, что ты то теперь делаешь, на что не всякий и мужчина отважился бы. В самом деле, между молодыми даже людьми, у коих господин де Вальмон слывет за оракула, я примечаю, что те, кои поумнее, опасаются показывать, что они в короткой с ним связи;

а ты, ты не боишься! Ах! Познай свое заблуждение, познай, заклинаю тебя... Если сказанные мною доказательства не в состоянии убедить тебя, не противься по крайней мере моей дружбе; она заставляет меня возобновить мою просьбу. Ты назовешь ее невозможною, а я желаю, чтобы она была бесполезною; но всего приятнее, если ты станешь жаловаться не на оплошность, но на безотвязчивость ее.

Из ***, 24 августа 17...

ПИСЬМО XXXIII

Маркиза де Мертей к виконту де Вальмону

оль скоро боишься ты успеть, любезный виконт, коль скоро намерен давать оружие против самого себя и пленяешься одним противоборством, а не победою, то мне нечего уже и говорить. Поведение твое есть образец редкого благоразумия; в противном же случае будет образцом редкой глупости; короче сказать, я боюсь, чтоб ты не обольстился одной мечтою.

Я не за то укоряю тебя, что ты не воспользовался счастливою минутою. Во-первых, я не вижу еще, чтобы минута сия действительно тогда наступила; с другой же стороны, я наверное знаю, что бы ни говорили, что пропущенный случай может опять повстречаться, но опрометчивого поступка никогда нельзя поворотить.

Но ты всему этому научишься, пустившись в переписку. Ну, можешь ли ты теперь отгадать, куда это заведет тебя? Не думаешь ли ты, например, доказать этой женщине, что она должна сдаться? Эта истина, мне кажется, основана на чувствах, а не на доказательствах; и чтоб убедить кого в ней, нужно нежностью растрогать, а не умствовать: к чему же послужат твои письма, хотя бы ты и растрогал ее, когда ты не можешь быть при их чтении и воспользоваться произведенным впечатлением? Хотя бы прекрасные твои выражения и возбуждали упоение любви, неужели ты ласкаешься, что оно будет так продолжительно, что и рассудок не успеет воспрепятствовать ей признаться в том? Подумай, сколько времени потребно, чтоб написать письмо, чтобы отдать его и посуди, может ли женщина с такими правилами, как твоя богомолка, желать долгое время того, чего она старается никогда не желать? Уловка сия может быть удачна с девчонками, которые пишут «я люблю тебя», не зная, что они говорят: «Я сдаюсь». Но многоглаголивая добродетель госпожи де Турвель умеет, как я вижу, взвешивать всякое словцо. И потому-то, невзирая

на поверхность¹, которую ты взял над нею во время разговора, она сразила тебя в своем письме. Сверх же того знаешь ли, что случится? Не захотят уступить для того только, что дело пошло на спор. Приискивая справедливые причины, находят их, сказывают — и потом придерживаются их не для того только, что они справедливы, но чтоб не унизиться и не изменить себе.

Еще одно замечание; удивительно для меня, что ты не мог его сделать! — знаешь ли, что в любви всего труднее писать то, чего не чувствуешь? Разумеется писать так, чтоб походило на истину; не потому что не употребляют надлежащих слов, но их не располагают надлежащим образом, или, лучше сказать, набирают только слова. Перечитай свое письмо: в нем виден такой порядок, который обнаруживает тебя за всякою строчкою. Положим, что президентша твоя не столь еще практикована, чтоб могла приметить это. Но какая ж прибыль? Цель твоя все еще не выполнена. Это обыкновенный недостаток всех романов: сочинитель надрыдается, стараясь разгорячиться, а читатель остается по-прежнему х о л о д н ы м. Одна «Элоиза» может быть исключена из сего правила; но, несмотря на достоинства автора, по всем замечаниям моим видно, что повествование его в самом деле справедливо. Нельзя, однако ж, сказать сего о разговорах. Привычка изъяснять, управлять голосом возбуждает чувствительность; слезы умножают ее; изъяснение желаний смешивается на глазах с изъяснением нежности; короче сказать, самый н е о б р а б о т а н н ы й разговор может легко произвести сие смятение, беспорядок сей, признанный прямым красноречием любви; более же всего присутствие любимого предмета не допускает обдумывать и заставляет нас желать быть побежденными.

Поверь мне, виконт! От тебя требуют, чтобы ты перестал писать; воспользуйся этим для поправления своей ошибки и выжидай случая к изустному объяснению. Знаешь ли, что эта женщина имеет более твердости, нежели я думала? Она очень порядочно защищается; и если бы письмо ее не так было плодовито и не подала бы она тебе повод домогаться ее признательности, то она ничем не обнаружила бы себя.

Кажется, должно уверить тебя в успехе также и то, что она напрягает все силы; я предвижу, что она истощит их на одних словах и не в состоянии будет защищаться, когда дойдет до дела.

Я возвращаю тебе оба твои письма; если ты умнее, то не должен более писать до самой счастливой развязки. Ежели б не было так поздно, я бы уведомила тебя о маленькой Воланж, которая успевает не на шутку; я ею очень довольна. Мне кажется, я закончу дело прежде тебя; не стыдно ли же тебе будет? Прости покамест.

Из ***, 24 августа 17...

¹ Поверхность — здесь: преимущество (примеч. ред.).

ПИСЬМО XXXIV

Виконт де Вальмон к маркизе де Мертей

се, что вы ни говорите, милый мой друг, бесподобно; к чему, однако ж, усиливаться доказывать то, что всякий знает? В любви более выиграешь на словах, нежели на письме; вот, мне кажется, вся эссенция вашего письма. Но это ведь первоначальные основания науки, как прельщать. Замечу также и то, что вы делаете одно исключение из сего правила, а их два. К девочкам, которые по робости избирают сию дорогу и держатся оной по незнанию, надлежит еще прибавить острых женщин, которые пускаются в переписку из одного самолюбия и которых тщеславие заводит в сети. Я совершенно уверен, например, что графиня Б***, отвечавшая так охотно на мое первое письмо, столь же мало чувствовала тогда ко мне любви, как и я к ней, и что она ухватилась только за случай свести интригу, от коей ожидала себе славы.

Как бы то ни было, но нам бы и стряпчий¹ сказал, что «побочных причин не вносят в допрос». В самом деле, вы предполагаете, что от меня зависит выбор между разговором и перепискою, чего, однако же, нет. После известного происшествия и сорванного у ней поцелуя бесчеловечная держит себя в такой обороне и с такою хитростию убегает всякой встречи, что расстраивает все мое искусство. Если это надолее так пойдет, то она в самом деле заставит меня придумать средство взять над нею верх, дабы не остаться побежденным ею ни в каком случае. Самые мои письма подают повод к непрерывной войне; она не только отвечать, ниже принимать их не хочет. Для каждого письма нужна новая хитрость, которая не всегда и удается.

Вы помните, каким простым способом вручил я первое; не более стоило мне труда отдать и второе. Она домогалась, чтоб я возвратил ей письмо: я подсунул свое так, что она и не заметила. Но по досаде ли, что далась в обман, или по капризу, или, наконец, по внушениям добродетели, которой заставит она меня напоследок верить, никак не хотела принять третьего моего письма. Надеюсь, однако, что хлопоты, в кои едва не попалась она отказом своим, исправят ее на будущее время.

Отказ ее нимало не удивил меня, потому что я подавал ей письмо просто и без всяких уловок; а я ожидаю продолжительного упорства. После первой попытки, сделанной мимоходом, я запечатал свое письмо и, дождавшись той поры, когда она села за туалет при госпоже Розмонд и при горничной девушке своей, прислал к ней со своим егерем пакет, приказав сказать, что это та самая бумага, о которой она просила меня. Я знал наперед, что она побоится соблазна и не вступит в дальнейшие изъяснения. Она действительно приняла письмо,

¹ Стряпчий — здесь: юрист, чиновник по судебным делам (*примеч. ред.*).

и посланник мой, не привыкший зевать, получивший приказание наблюдать все изменения лица, заметил только некоторую стыдливость и больше смятения, нежели гнева.

Я восхищался уже своею выдумкою, будучи уверен, что она или оставит у себя это письмо, или, вздумав возвратить его, найдет случай увидаться со мною наедине и тем самым доставит мне возможность поговорить с ней; но спустя с час слуга ее принес письмо от имени своей госпожи, свернутое совсем не так, как я складываю, и на котором увидел я столь давно желанный мною почерк. Я развертываю с поспешностию... Это было мое собственное письмо, нераспечатанное и согнутое только вдвое. Я думаю, страх соблазна, от коего не предполагает она, чтобы я убежал, внушил ей дьявольский этот вымысел.

Вы меня знаете; не нужно описывать вам все мое бешенство! Надобно, однако, было принять прежнее свое хладнокровие и изыскивать новые способы. Вот что я смог придумать.

Всякое утро посылают отсель, версты за две или за три, на почту за письмами; для сего употребляют закрытый ящик наподобие церковной кружки, от которого один ключ у госпожи Розмонд, а другой у почтмейстера. Всяк кладет туда свои письма, когда ему угодно, и вечером относят их на почту, а утром посылают за новопривезенными. Все служители без разбора, даже и посторонние, не отказываются от сих посылок. Очередь была не моего слуги, но он взялся сходить — под предлогом, будто надобно исправить ему там кой-какие дела.

Между тем я изготовил свое письмо, переменил свой почерк в надписи и довольно искусно подделался под дижонский штампель. Я выбрал сей город, потому что домогался мужниных прав, и для того также, что прелестница моя твердила целый день, что ей чрезвычайно хотелось получить письмо из Дижона; как же можно было отказать ей в сем удовольствии!

Приняв такие предосторожности, нетрудно было замешать свое письмо с другими. Уловка сия доставляла мне и ту выгоду, что я мог видеть, как примут его; ибо здесь обыкновенно собираются завтракать все вместе и расходятся не прежде как получать письма. Наконец их принесли.

Госпожа Розмонд открыла ящик. «Из Дижона», — сказала она, подавая письмо госпоже Турнель. «Эта надпись не моего мужа», — отвечала президентша с видом беспокойства и с поспешностию распечатала его. При первом взгляде она все поняла. Вдруг последовала с нею такая перемена, что госпожа Розмонд, взглянув на нее, спросила: что с нею делается? Тут я подошел и сказал: «Ужели письмо это так ужасно?» Робкая богомолка не смела поднять глаз, не говорила ни слова, и, чтобы скрыть свое смятение, притворно показывала, будто пробегает глазами грамотку, которой, верно, не в состоянии была прочесть. Я веселился ее смущением и, вздумав поразгорячить ее, примолвил: «Успокоенный вид ваш заставляет думать, что письмо это причинило вам более удивления, нежели огорчения». Гнев внушил ей то, чего не дождалась бы она от благоразумия. «Содержание его, — отвечала госпожа

Турвель, — крайне для меня обидно, и я удивляюсь, как осмелились писать». «Кто бы это?» — прервала госпожа Розмонд. «Оно без подписи, — отвечала разгневанная красавица, — но как письмо, так и сочинитель его возбуждают во мне равное к ним презрение, и я почту за одолжение, если перестанут упоминать о нем». При сих словах разодрала она дерзкое послание, положила лоскутки к себе в карман, встала и вышла из комнаты.

Несмотря на весь ее гнев, письмо мое у ней; любопытство ее порукою мне в том, что она прочтет его до конца.

Описание всего дня завело бы далеко. Для сведения вашего прилагаю здесь вчерне два письма, они вас обо всем уведомят; но если вы захотите заняться нашею перепискою, то надобно будет привыкнуть разбирать черновые копии, потому что я ни для чего на свете не соглашусь переписывать их. Прости, прелестный друг.

Из ***, 25 августа 17...

ПИСЬМО XXXV

Виконт де Вальмон к президентше де Турвель

олжно повиноваться вам, милостивая государыня; должно доказать, что при всех слабостях, которые угодно вам приписывать мне, остается у меня, по крайней мере, довольно щекотливости, чтоб не позволить никому бесславить меня и самыми даже укоризнами, и довольно духу, чтобы принудить себя не тягостнейшим пожертвованьем. Вы требуете от меня молчания и забвения! Повинуюсь, заставляю молчать любовь мою и позабуду, если возможно, жестокость, с каковою вы приняли ее изъяснения.

Конечно, желание нравиться вам не было еще правом на снисхождение ваше, столь для меня необходимое; но вы почитаете любовь мою к вам оскорблением, забыв, что сами виновны в том! Привыкнув открывать вам свою душу даже и тогда, когда таковая доверенность обращалась мне во вред, не мог я уже скрыть от вас чувствований своих. И вы принимаете добродушие мое за дерзость! В награду за нежнейшую, за почтительнейшую и беспорочную любовь отдаляете меня от своих взоров и говорите даже о вашей ко мне ненависти!.. Кто бы на моем месте не жаловался на такие поступки? Я, однако, покоряюсь, переносу все и не ропщу; вы поражаете, а я обожаю. Неизъяснимая в л а с т ь ваша надо мною поставляет вас совершенною повелительницею моих чувств; и если одна любовь моя сопротивляется

вам, если вы не в силах истребить ее, то это оттого, что она ваше, а не мое творение.

Я не домогаюсь взаимства и не смел никогда им льститься; не ожидаю даже и сострадания, хотя участие, которое вы иногда принимали ко мне, и могло бы обнадеежить меня в том; но, кажется, я вправе требовать от вас справедливости.

Вы дайте мне знать, милостивая государыня, что старались очернить меня в ваших мыслях и что если б вы последовали советам ваших друзей, то не позволили бы мне и приближаться к вам: вот точные ваши слова. Кто же эти услужливые друзья? Я уверен, что сии строгие люди, отличающиеся столь высокою добродетелью, позволят, чтоб их наименовали, не захотят остаться в неизвестности, которая сравняла бы их с подлыми ябедниками, и откроют, в чем достоин я порицания. Заметьте, милостивая государыня, что я имею право знать то и другое, тем более что вы судите меня по их словам. И самого преступника никогда не обвиняют, не объявив ему злодеяний его и доносящих на него. Иной милости не прошу от вас и ручаюсь вам, что нетрудно будет мне оправдаться и заставить их просить прощения в клевете, на меня возведенной.

Статься может, что я слишком пренебрегал пустым суждением публики и иногда не уважал ее; но так ли я равнодушен к вашим заключениям? И когда посвящаю всю жизнь на то, чтоб заслужить почтение ваше, то могу ли оставить без отпущения похищающих у меня ваше доверие? Почтение сие тем для меня драгоценнее, что ему одному одолжен я требованием, которое, кажется, боитесь вы предложить мне, и которое, говорите, *доставит мне право на вашу благодарность*. Ах! Не токмо не ищу сего, но сам обязан буду вам вечною признательностью, если вы подадите мне случай быть вам приятным; будьте, следовательно, справедливее против меня и откройте, чего вы желаете. Если бы мог я отгадать ваши мысли, то без сомнения избавил бы вас от тягостного признания. Прибавьте к удовольствию видеть вас счастье угождать вам, и я доволен буду снисхождением в а ш и м. Что ж бы могло воздерживать вас? Ужели страх неисполнения повелений ваших? Ах! Как он непростителен! Не считайте еще непокорностию, если я не возвращаю письма вашего. Более вас желал бы я не иметь в нем надобности; но, привыкнув верить кроткой душе вашей, в письме только сем вижу я вас таковою, какою желаете вы казаться. Когда умоляю чувствительность вашу, оно гласит мне, что вы скорее сокроетесь от меня на край света, нежели согласитесь; когда все в вас умножает и оправдывает любовь мою, оно и тогда напоминает мне, что любовь моя оскорбительна для вас; и когда во взорах ваших любовь сия кажется мне высочайшим благом, нужно только прочесть его, чтоб познать одни несноснейшие мучения. Вы видите теперь, что я совершенно был бы благополучен, если бы мог возвратить вам пагубное это письмо. Требуя его от меня после всего сказанного, принуждаете не верить тому, что в нем начертано. Надеюсь, по крайней мере, что вы престанете сомневаться в желании моем возвратить вам его.

Из ***, 21 августа 17...

ПИСЬМО XXXVI

Виконт де Вальмон к президентше де Турвель
(под дижонским штемпелем)

уровость ваша, милостивая государыня, повседневно умножается, и, если смею сказать, вы страшитесь т о л ь к о быть снисходительною, не боясь быть несправедливою. Осудив меня заочно, почувствовали вы и сами, что легче не читать моих оправданий, нежели на них отвечать. Вы отвергаете мои письма с упорностию и возвращаете их ко мне с презрением; словом, принуждаете меня прибегать к хитрости, в то время когда я всячески стараюсь убедить вас в моем чистосердечии. Вынужденная вами необходимость защищать себя, будет, конечно, достаточна к оправданию способов, на то мною употребленных. К тому ж, убежден будучи искренностию чувств своих, что для оправдания моего довольно открыть их пред вами, не поусумнился я приступить к маловажному сему обману. В чем, надеюсь, вы простите меня и не станете удивляться, что вкрадывающаяся любовь замысловатее равнодушия, отражающего ее.

Итак, позвольте, милостивая государыня, поведать вам тайну сердца моего. Оно принадлежит вам, и справедливость требует, чтоб вы его узнали.

В начале прибытия моего к госпоже де Розмонд не мог я предвидеть ожидавшего меня там жребия и не знал даже, что вы у ней жили; скажу более, со свойственным мне чистосердечием: если б я ведал это, спокойствие мое не было бы возмущено; не потому, что я не стал бы отдавать всей справедливости красоте вашей, в чем нельзя ей и отказать, но потому, что, привыкнув ощущать и предаваться одним желаниям, возбуждаемым надеждою, не хотел я знать любовных мучений.

Вы сами были свидетельницею, как усиленно госпожа де Розмонд удерживала меня у себя. Я провел целый день с вами, ощущая, по крайней мере, так я тогда думал, одно удовольствие, столь естественное и законное, оказывать возможное уважение почтенной родственнице. Образ здешней жизни, конечно, различен от того, к которому я привык, но мне ничего не стоило приноровиться к нему, и я, не исследуя причины столь скорой перемены, со мною последовавшей, приписывал ее единственно ветрености моего нрава, о коем, думаю, уже говорил я вам.

К несчастью (и для чего должно это быть несчастье!), узнав вас поближе, вскоре узнал я, что пленяющий ваш образ, вдруг поразивший меня, есть самое малейшее ваше достоинство; божественная душа ваша восхитила, пленила мое сердце. Удивляясь прелестям, обожал я добродетель. Не занимаясь обладанием, помышлял токмо о том, чтоб быть вас достойным; умоляя ваше снисхождение в рассуждении моих поступков, жадничал я одобрения вашего

для предбудущего. Искал его в ваших разговорах, старался подстеречь во взорах, в заразительных сих взорах, испускающих опаснейший яд без намерения и приемлемый без недоверчивости.

Тогда-то познал я любовь. Но сколь удален был от малейших сетований! Решась погresti ее в вечном молчании, предавался я без опасения и осторожности сладостному сему чувствованию, усиливавшемуся со дня на день. Вскоре удовольствие видеть вас превратилось в необходимость. Удалялись ли вы на одну минуту? — сердце мое стеснялось тоскою; при малейшем шорохе, возвещавшем возвращение ваше, — оно трепетало от радости. Вами только и для вас одних существовал я. При всем том, заклинаю вас, скажите, вырвалось ли у меня в резвых играх или в важном разговоре хоть одно слово, которое могло бы изменить тайне моего сердца?

Наконец настал день, в который надлежало начаться моим несчастьям, и злобствующему року угодно было положить местное дело началом моих бедствий. Так, милостивая государыня, посреди страждущего семейства, восстановленного малозначащим пособием моим, вы, предавшись чувствительности, толико украшающей и самую красоту и возвышающей даже добродетель, довершили воспламенение моего сердца, и без того с избытком упоенного любовию. Вы, может быть, вспомните, какая задумчивость объяла меня при нашем возвращении. Увы! Я искал средства преодолеть склонность, которая начинала превозмогать меня.

По сем-то борении, истощившем все мои силы, случай, не предвиденный мною, доставил мне свидание с вами наедине. Тут, признаюсь, лишился я всех сил. Сердце мое, исполненное нежностью, не могло удержать ни слез своих, ни речей. Но преступление ли это? А если бы и было преступлением, то не довольно ли наказано жестокими мучениями, терзающими меня?

Снедаемый безнадежною любовью, умоляю сострадание ваше и встречаю одну ненависть! Желая наслаждаться счастьем, взирая на вас, ищу вас глазами против воли моей и страшусь ваших взоров. Ввергнут вами в жестокое сие состояние, днем стараюсь скрыть страдания свои, ночью предаюсь им, между тем как вы, наслаждаясь покоем и безмятежностью, торжествуете причиненными мне мучениями. Невзирая на то, вы же жалуетесь, а я оправдываюсь только.

Вот, милостивая государыня, верное изложение того, что вы называете преступлениями и что, может быть, справедливее было бы назвать моими несчастьями. Любовь беспорочная и искренняя, почтение, никогда не нарушаемое, покорность совершенная, — таковы чувствования мои, вперенные¹ вами. Чувствования, коих и само Божество не отвергнуло бы. Вы лучшее Его творение, подражайте Ему в милосердии! Помыслите о жестоких моих мучениях; помыслите более всего, что одно слово из уст ваших решит навсегда судьбу человека, поставленного вами между отчаянием и верховным блаженством!

Из ***, 23 августа 17...

¹ *Вперенные* — вонзенные, наведенные, внушенные (примеч. ред.).

ПИСЬМО XXXVII

Президентша де Турвель к госпоже де Воланж

ружеские ваши советы, милостивая государыня, приемлю с покорностию. Приобыкши во всем следовать мнениям вашим, приобыкла я и чувствовать, что они основаны на справедливости. Признаюсь даже, что господин де Вальмон действительно должен быть крайне опасен, коль умеет притворяться таким, каков он здесь, и в существе оставаться таким, как вы его описываете. Впрочем, каким бы он ни был, я удалю его от себя, когда вы того требуете; по крайней мере, употребляю к тому все способы: ибо часто вещи, по-видимому самые простые, бывают весьма затруднительны в отношении благопристойности.

Я все еще тех мыслей, что невозможно просить тетку, чтоб она удалила его; требование сие было бы равно обидно для нее и для него; и не могу также решиться выехать отсюда вдруг. Оставя уважения, должные господину де Турвелью, о коих я вам доносила уже, скажу только, что если бы отъезд мой и расстроил намерения господина де Вальмона, что всего вернее, то неужели не погонится он за мною в Париж? И его возвращение, поводом коего буду или, по крайней мере, должна я казаться, не сочтут ли страннее обыкновенной встречи в деревне, у его родственницы, а моей приятельницы?

Итак, не остается иного средства, как просить его самого, чтобы он выехал добровольно. Чувствую, что предложение это довольно щекотливо; но я не отчаиваюсь в успехе, зная, что он старается доказать мне, что в нем действительно более честности, нежели думают. Я покушаюсь даже испытать его, дабы удостовериться, подлинно ли, как он утверждает, честные женщины никогда не имели причин жаловаться на его поступки. Если он уедет, чего сердечно желаю, то, конечно, из особого ко мне уважения; ибо мне известно, что он расположился прожить здесь почти всю осень. Если же откажет на мою просьбу и захочет непременно остаться, я успею и тогда разойтись с ним, и даю вам в том честное слово.

Дружба ваша, милостивая государыня, кажется, более от меня и не требует; я спешаю удовлетворить ее и доказать вам, что с каким бы жаром ни защищала я Вальмона, но всегда готова следовать советам друзей моих.

Из ***, 25 августа 17...

ПИСЬМО XXXVIII

Маркиза де Мертей к виконту де Вальмону

ей час получила я огромный пакет твой, любезный виконт. Судя по числам, должна была я получить его одними сутками прежде; как бы то ни было, если бы я занялась теперь чтением, то недостало бы времени отвечать.

Итак, уведомив тебя о получении письма твоего, примусь за побочную материю. О себе писать нечего; осень не оставила в Париже ни одного человека, похожего на человека, потому-то с месяц уже наблюдаю я убийственную воздержность, и всякий, кроме моего шеваляе, наскучил бы убеждениями моего постоянства. Не зная, чем заняться, разбиваю мысли маленькою Воланж, и об ней-то хочу говорить с тобою.

Знаешь ли, что ты потерял более, нежели воображаешь, отказавшись от этой девочки? Она, по чести, мила! Тут нет ни характера, ни правил; суди же, какой она должна быть стоворчivosti в обращении. Не думаю также, чтоб когда-либо блеснула она сентиментальностию, но все возвещает в ней порывистую чувствительность. Не видно ни разума, ни хитрости, но некоторое природное лукавство приводит и меня в удивление и обещает великие успехи, тем более что наружный вид ее изображает простоту и чистосердечие. Она от природы чрезвычайно ласкова; всего легче вскружить ей голову, и она тогда бывает тем забавнее, что сама не знает, совершенно не знает, чего ей хочется. Нетерпеливость ее делает ее смешною, глупою; хохочет, плачет и потом просит меня, правду сказать, с пленяющим чистосердечием, вразумить и наставить ее. По чести, я завидую почти тому, для кого предоставлено будет это удовольствие.

Не помню, писала ли я к тебе, что дней с пять уже имею я честь быть ее поверенною. Ты, верно, отгадаешь, что сначала оказывала я притворную строгость; но коль скоро заметила, что она верит, будто бы убедила меня глупыми своими доказательствами, то не стала более опровергать их и дала волю торжествовать ее красноречию: предосторожность сия была нужна, дабы не выставить себя в дурном свете. Я позволила ей писать и сказать: «*Я люблю тебя*»; и в тот же день, когда она и не думала, доставила ей тайное свидание с Дансени. Но вообрази, он так недалек, что не добился и до поцелуя, а пишет прекрасные стихи! Боже мой, как глуп ученый этот народ! Воланжин Линдор из рук вон; я не знаю, что мне с ним делать, а школить его, ты знаешь, мне нельзя.

Теперь-то мог бы ты мне совершенно услужить. Тесное твоё знакомство с Дансени доставило бы тебе доверенность его, а приобрев его, поскакали бы тогда на почтовых. Отправь же поскорее свою президентшу, мне не хочется,

чтоб Жеркур вывернулся от меня; впрочем, вчера столько наговорила я о нем своей монастырке, что если бы она и десять лет была его женою, то не могла бы более ненавидеть его. Долго, однако же, толковала ей о супружеской верности и употребила в сем случае всю проповедническую строгость. Чем самым, с одной стороны, утверждаю в мыслях ее мнение о добродетельных своих правилах, которое могло бы истребить излишнее снисхождение, а с другой, усиливаю в ней ненависть к ее мужу, коего хотелось бы мне наградить и этим приданым. Наконец, уверив ее, что ей позволят заниматься начатою любовью только до замужества, надеюсь заставить ее воспользоваться поскорее всеми ее правами.

Прости, виконт; я сажусь за туалет и принимаюсь за твой роман.

Из ***, 27 августа 17...

ПИСЬМО XXXIX

Сесилия Воланж к Софии Карне

илая София, мне ужас как грустно. Я всю ночь почти проплакала; не оттого, чтоб я не была теперь счастлива, но, ах! вижу, что это недолго продолжится.

Вчера была я в спектакле с госпожою де Мертей; она много говорила мне о моем замужестве; но я ничего доброго не слышала. Меня хотят выдать за господина де Жеркура, и это будет в октябре месяце. Он богат, дворянин, полковник в каком-то полку. Все это хорошо; но тем начни, что он стар: вообрази, что ему, по крайней мере, тридцать шесть лет! А притом госпожа де Мертей говорит, что он угрюм и строг, и не думает, чтоб я за ним была счастлива. Насколько я могла приметить, она даже в том уверена, но не хотела сказать, дабы не огорчить меня. Весь вечер почти говорила она мне о должности жены в рассуждении мужа; признается, что господин де Жеркур ничуть не любим, но утверждает, однако ж, что я непременно должна его любить. Поверишь ли? Она сказала мне, что, выйдя за мужа, не должна уже я любить Дансени! Ну, возможное ли это дело! Ах! Уверяю тебя, что вечно буду его любить. Знаешь ли? Я скорее соглашусь не выходить замуж! Пусть Жеркур ворочает как хочет, ведь не я его искала. Он теперь в Корсике, очень далеко отсюда, но я желала бы, чтоб он остался там и еще на десять лет. Если б я не боялась монастыря, то смело сказала бы матушке, что этот муж не по мне; но что и в этом добра! Я и сама не знаю, что делать. Чувствую, однако, что никогда не любила

столько Дансени, как теперь; я не могу без слез вспомнить, что один только месяц остается для моей свободы; все мое утешение составляет госпожа де Мертей; по дружбе и доброму своему сердцу разделяет она со мною грусть мою, и притом так любезна, что, когда бываю с нею, то все забываю. Кроме же того, я не могу обойтись без него; если я что-нибудь и знаю, то она научила меня; она так добра, что я не стыдясь пересказываю ей все то, что думаю. Иногда журит она меня, когда видно, что я не так сужу, как должно, но с такою ласковостию, что я не перестаю целовать ее, пока она не перестанет сердиться. По крайней мере, ее могу любить, сколько душе угодно, без всякого опасения, и я этим очень довольна. Мы, однако ж, условились, чтоб я не показывала при людях, а особливо при матушке, как сильно люблю я ее, дабы матушка не стала подозревать к Дансени. Божусь тебе, что если б я всегда могла так жить, как теперь живу, кажется, что была бы счастлива. Несносный только этот Жеркур!.. Но не хочу более о нем говорить, чтоб не навестить себе скуки; а лучше примусь писать к Дансени, буду говорить ему о своей любви и ни слова не помяну о печали своей: мне и его не хочется огорчить.

Прощай, милая моя. Ты видишь, что понапрасну на меня жалуешься, и что как я ни *занята*, как ты говоришь, но имею еще довольно времени, чтобы тебя любить и к тебе писать¹.

Из ***, 27 августа 17...

ПИСЬМО XL

Виконт де Вальмон к маркизе де Мертей

иранка моя, не довольствуясь тем, что не отвечает на мои письма и не принимает их, гонит теперь меня с глаз, требует, чтобы я удалился. Но всего более удивит вас покорность моя, толиким жестокостям противопоставленная. Вижу, что вы начинаете уже бранить меня. Однако ж мне казалось, что должно было пользоваться случаем и принять приказ: я уверен, что, повелевая, мы вступаем в обязательства, что мнимая власть, которую попускаем мы брать над собою женщинам, представляет им такие сети, из коих всего труднее им выпутаться. К тому же она так искусно увертывалась от уединенных свиданий, что привела меня в тупик, и я решился во что бы то

¹ Переписка Сесилии Воланж и шевалье Дансени пропущена, потому что она заключает в себе маловажные и отнюдь не заманчивые происшествия.

ни стало выйти из опасного своего положения: быть с нею беспрерывно и не иметь случая занять ее любовною моею страстью. Я опасался, чтобы не привыкла она взирать на меня равнодушно; а вы сами знаете, как трудно переменить сие чувство!

Впрочем, вы можете догадаться, что я покорился не без условия. С умыслом вернул я такую статью, на которую невозможно согласиться, для того, чтобы быть властным сдержатъ данное слово или изменить; и чтоб завести объяснения словесные, или письменные, в то время, когда волшебница моя, будучи довольна мною, почувствует надобность, чтобы и я был ею доволен; к тому же я не буду просить так, чтоб уничтожить условие сие, хотя и неосновательное, без всякого возмездия.

Изъяснив вам все свои причины в бесконечном сем предисловии, приступаю теперь к историческому описанию последних двух дней, и в качестве документов прилагаю письмо прелестницы моей и ответ мой к ней. Согласитесь, что мало таких исправных историографов, как я.

Вы помните, какое произвело действие третьего дня поутру письмо мое «из Дижона»: оно нагнало пасмурную и бурную погоду. Милая лицемерка вышла только к обеду и жаловалась на сильную головную боль, желая под сим предлогом скрыть страшную досаду, какую только женщина чувствовать может: черты ее действительно изменились, и наместо ласковости изображалась на лице ее сварливость и придавала ей новую красоту. Открытие сие стану употреблять я в свою пользу и впредь, когда вздумается заменить нежную любовницу неуступчивою.

Предвидя, что после обеда всеми возобладает скука и желая избавиться оной, сказал я, что мне надобно писать письма, ушел в свою комнату и возвратился в гостиную на исходе уже шестого часа. Госпожа Розмонд предложила ехать в карете для прогулки; все согласились; но лишь начали садиться, мнимая больная с дьявольским лукавством отговаривалась в свою очередь, в намерении, может быть, отомстить мне за то, что я не хотел быть с нею после обеда; и, жалуюсь на усилившуюся боль, усадила меня без жалости с престарелою моею тетущею, глаз на глаз. Не знаю, услышаны ли были заклинания мои против женского сего демона, но, возвратясь, нашли мы ее в постели.

На другой день, за завтраком, ее нельзя было узнать. Природная кротость и ласковость появились опять и подали мне повод думать, что я прощен. Лишь только отзавтракали, скромница моя встала с безмятежным видом и пошла в сад; я пустился за нею вслед, как вы можете себе вообразить. «Чему приписать прогулку эту?» — спросил я, подходя к ней. «Я много писала поутру, и голова требует успокоения». — «О! Если б был я столь счастливым, чтоб мог упрекнуть себя в причиненном вам беспокойстве!» — «Именно к вам писала я, — возразила она, — но не могу решишься отдать письма. Оно содержит в себе просьбу, а вы не приучили меня ласкаться успехами оных». — «Ах! Клянусь, если только в моей возможности...» — «Нет ничего возможнее, — прервала она, — и хотя вы должны бы согласиться на то,

по справедливости, я почту, однако ж, личным одолжением, если вы исполните то, чего от вас требуют». Сказав сие, подала она мне письмо; я принял его с рукою, но она отняла ее, без гнева, однако ж, с замешательством почти, а не с досадою. «Я не думала, чтобы так было жарко, — примолвила она, — воротимся в замок». Тщетно уговаривал я ее, чтоб она осталась, но, вспомнив, что нас могут приметить, дал волю действовать одному своему красноречию. Она ушла, не сказав ни слова, и я ясно увидел, что весь предмет мнимой сей прогулки состоял в том, чтобы отдать мне письмо. Возвратясь, повернула она в свою комнату, а я в свою, дабы прочитать послание, которое прошу вас прочитать также, равно как и ответ мой, прежде чем мы пустимся дальше...

Из ***, 27 августа 17...

ПИСЬМО ХLI

Президентша де Турвель к виконту де Вальмону

удя по вашим, милостивый государь, поступкам со мною, кажется, что вы стараетесь всякий день подавать новые причины жаловаться на вас. Упорство, с каковым беспрестанно напоминаете мне о такой страсти, о коей не хочу и не должна я слушать; во зло употребляемое вами добродушие, или робость моя в доставлении писем ваших ко мне; более же всего уловка, смею сказать, неосторожная, в присылке последнего, подвергавшая меня многим неприятностям; все бы должно заставить меня прибегнуть к жестоким выговорам, истинно вами заслуженным.

Но, не упоминая об оскорблениях сих, ограничиваю себя справедливою и маловажною просьбою моею к вам, уверяя вас, что если вы исполните ее, то все будет предано забвению.

Вы сами сказали мне, милостивый государь, что я не должна страшиться отказа; и хотя по противоречию, вам одним свойственному, вместе с обещанием сим последовал и отказ, но я охотно верю, что вы теперь сдержите свое слово, данное мне с такими уверениями на сих днях.

Итак, в надежде на ваше снисхождение прошу, чтобы вы оставили меня и выехали из замка, где продолжительное ваше пребывание подвергнет меня дальнейшему суждению публики, всегда готовой делать язвительные заключения о других и которую слишком приучили вы обращать внимательные глаза на женщин, приемлющих вас в свое общество.

Давно уже приятельницы мои предостерегали меня от сей опасности, но я пропускала и даже опровергала их советы, доколе обхождение ваше со мною могло убеждать меня, что вы не намерены сравнить меня со множеством женщин, везде на вас жалующихся. Видя же, что вы и меня смешиваете с ними, не сомневаясь даже в том, должна я для публики, для друзей, для самой себя прибегнуть к необходимому сему средству. Я могла бы присовокупить здесь, что вы ничего не выиграете упорностию своею, потому что я сама решилась уехать, если вы останетесь жить у тетушки; но не хочу уменьшить обязанности, которую должна буду чувствовать за таковое ваше снисхождение и не скрою от вас, что, принудив меня выехать, вы расстроите распоряжения мои. Докажите ж, милостивый государь, что честные женщины, как вы сами уверяли меня неоднократно, никогда не будут иметь причины жаловаться на вас; докажите, по крайней мере, что если вы и виноваты перед ними, то умеете заглаживать свои проступки.

Если бы я почитала нужным оправдывать просьбу мою, то сказала бы, что вы проводите жизнь свою в том, чтобы сделать ее необходимою и для других; и что не от меня зависит образовать ее... Но к чему напоминать о происшествиях, которые хочу позабыть и которые принудили бы меня судить вас со всею строгостию, в то время когда я вам предлагаю способ заслужить всю мою благодарность. Прощайте, милостивый государь, поведение ваше покажет мне, с каким чувствованием должна пребыть к вам на веке ваша покорная и пр.

Из ... 25 августа 17...

ПИСЬМО ХLII

Виконт де Вальмон к президентше де Турвель

коль ни тягостны, сколь ни жестоки предписываемые вами условия, но я не отрекаюсь исполнить их. Чувствую, что невозможно противиться и самому малейшему желанию вашему. Но, согласясь на ваше предложение, смею ласкать себя надеждою, что и вы, милостивая государыня, позволите мне предъявить вам некоторые условия, не столь затруднительные, как ваши, и которые хочу заслужить совершенным токмо повиновением вашей воле.

Первоначальная моя просьба, за которую, надеюсь, будет ходатайствовать и самая справедливость ваша, состоит в том, чтоб открыть мне порицателей моих: они столько наделали мне зла, что, кажется, я имею полное право

узнать их. Другая просьба зависит от вашего снисхождения: позвольте мне иногда возобновлять вам почтительные уверения любви, заслуживающей теперь ваше сострадание более, нежели когда-либо.

Вспомните, милостивая государыня, что я спешу повиноваться вам с ущербом даже собственного благополучия и будучи уверен, что вы для того только желаете моего отъезда, чтоб удалить от глаз тягостный предмет несправедливости вашей.

Признайтесь, милостивая государыня, что вы не столько опасаетесь публики, привыкшей почитать вас и не осмеливающейся делать о вас дурных заключений, сколько избегаете тягостного для вас присутствия того человека, которого легче вам наказывать, нежели порицать. Вы удаляете меня от себя точно так же, как отвращают взоры от несчастного, коему не хотят помочь.

Но когда разлука усугубит мои мучения, к кому, как не к вам, могу обратиться с моим стенанием? От кого иного могу ожидать утешения, столь мне нужного? Ужели откажете мне в нем, будучи единственной виновницей всех моих горестей?

Не должно удивлять вас также и сердечное побуждение мое оправдать пред вами перед отъездом порожденные вами чувства и получить из уст ваших повеление удалиться отсюда.

Сугубая сия причина заставляет меня просить у вас минутного свидания. Тщетно думают заменить его письмами: пишут целые тома и не могут объяснить достаточно того, что разговорами в четверть часа объясняют совершенно! Вам нетрудно будет избрать для сего приличное время; я хотя и готов повиноваться вам, но вы знаете, что госпожа де Розмонд предуведомлена уже о моем намерении остаться у ней до глубокой осени, и надобно будет, по крайней мере, дожидаться какого-нибудь письма, чтобы, сославшись на дела, уехать.

Прощайте, милостивая государыня; никогда это слово не было для меня столь тягостно, как в сию минуту! Оно напоминает мне о нашей разлуке. Если б вы могли представить себе, в какие она ввергает меня мучения, вы, конечно, уважили бы повиновение мое. Примите, по крайней мере, с большею признательностью подобострастные уверения нежнейшей и почтительнейшей любви.

Из ***, 26 августа 17...

ПРОДОЛЖЕНИЕ ПИСЬМА XL

виконта де Вальмона к маркизе де Мертей

риступим теперь к заключению, прелестный мой друг. Вы чувствуете, что совестная, сомнительная, добродушная госпожа Турвель не может согласиться на первую мою просьбу, опасаясь изменить доверенности своих приятельниц, обнаружив мне порицателей моих; следовательно, обещав все на сем условии, не вступаю я ни в какие обязательства. Но чувствуете ли вы также, что отказ ее доставит мне право получить все остальное; и что тогда и самое удаление будет для меня выгодно, потому что с собственного ее согласия вступаю я с нею в настоящую переписку; свидание, о котором прошу ее, считаю я за ничто: оно с тем намерением предложено, чтоб приучить ее заблаговременно не отказывать в тех, которые будут для меня совершенно необходимы.

Итак, остается теперь узнать прежде отъезда услужливых друзей, старающихся очернить меня в ее мыслях. Я подозреваю ее мужа-педанта; желательно, чтоб это был он: не говоря о том, что супружеское запрещение подстрекает желания, я уверен, что когда красавица моя согласится писать ко мне, то муж ее не будет уже для меня опасен, потому что она сама принуждена тогда будет обманывать его.

Если ж у ней есть искренняя приятельница, вооружившаяся против меня, мне кажется, нужно будет поссорить их, и я отвечаю за это; но прежде надобно все узнать.

Я думал вчера же все открыть, но эта женщина совсем другого покрою. Мы сидели у ней в то время, когда сказали, что кушанье подано. Туалет ее только что кончился; она торопилась, извинялась, и я заметил, что она оставила ключ от письменного столика; комнаты ж своей никогда она не запирает. Размышляя о сем за столом, услышал я, что горничная ее сошла вниз: в ту же минуту я составил план и под предлогом, что у меня кровь пошла из носу, вышел из-за стола; полетел к столику; нашел все ящики открытые, но не было в них ни одного писанного лоскутка. Сжечь их, однако ж, кажется, негде. Куда же деваает она свои письма? А она часто их получает. Я везде обшарил и, ничего не добившись, уверился, что бесценное это *дело* в ее карманах.

Как достать их оттуда? Тщетно целые уже сутки изыскиваю к тому надежное средство; не могу, однако ж, истребить желания сего. Жаль, что не знаю воровских уловок! В самом деле, не худо бы обучать и этому искусству человека, пускающегося в интриги; разве не приятно ль было бы выкрасть письмо, или портрет соперника своего, или вытащить из кармана богомолки то, чем можно ее уличить? Но родители наши ни о чем не заботятся; и я как ни ломаю голову, но вижу тут неловкость свою, и помочь не могу.

Я возвратился потом за стол в крайнем неудовольствии. Красавица моя несколько смягчила мою досаду участием, принятым ею в мнимом моем припадке, и я не преминул уверить ее, что с некоторого времени чувствую сильные волнения, расстраивающие здоровье мое. Убеждена будучи, в чем я и не сомневаюсь, что она причиною сердечных сих беспокойств, не должно ли ей по совести стараться успокоить их? Но набожная эта тиранка нимало не сострадательна, она отказывает в малейшей любовной милостыне; а кто отказывает, у того, кажется, и украсть не грех! Но пора кончить, прощай; говоря с тобою, думаю беспрестанно о проклятых этих письмах.

Из ***, 27 августа 17...

ПИСЬМО XLIII

Призидентша де Турвель к виконту де Вальмону

чему стараетесь вы, милостивый государь, уменьшить мою благодарность? Для чего половину только требований моих выполняете и, так сказать, торгуетесь в честном деле? Вы недовольны, следственно, тем, что я чувствую всю цену сего поступка! Требуя многого, требуете притом и невозможного. Если и в самом деле друзья мои говорили мне о вас, то делали это из одной ко мне привязанности, да если б и обманулись они в своих заключениях, все еще намерение их остается похвальным! А вы предлагаете мне из признательности за их участие открыть вам их тайну!

Я виновата и тем уже перед ними, что говорила о них вам; а вы дадите мне почувствовать все следствия проступка моего упорным своим домогательством, чистосердечие мое почитаете неосторожным безрассудством и хотите, чтобы я сделалась вероломною, согласившись на ваше требование. спрашиваю вас самих, вашу совесть: неужели вы думаете, что я могу отважиться на такую подлость? А вы могли ли иметь право делать мне такие предложения? Конечно, нет; и я уверена, что, обдумав получше требование свое, не станете более настаивать.

Дозволить вам писать ко мне столь же трудно, как и удовлетворить первую вашу просьбу, и если вы справедливы, то не на меня должны за то досадовать. Я не хочу оскорбить вас; но, зная, что о вас говорят, зная, что вы сами оправдываете отчасти суждение публики, какая женщина отважится сказать, что она с вами в переписке? И какая честная женщина решится заведомо делать то, что принуждена будет скрывать?

К тому же, если бы я по крайней мере уверена была, что ваши письма никогда не подадут мне причины жаловаться на вас и что я могу оправдать себя в том, что их принимала, может быть, желание доказать вам, что рассудок, а не ненависть руководствует мною, заставило бы меня тогда преступить сильные сии уважения и позволить вам более, нежели бы должна, писать иногда ко мне. Если и подлинно это для вас так необходимо, как вы говорите, то исполните требование мое; оно одно может только склонить меня на ваше предложение, и если вы чувствуете малейшую признательность за то, что я сию минуту делаю для вас, я уверена, что не станете более откладывать своего отъезда.

Позвольте мне по сему случаю приметить вам, что вы получили сегодня утром письмо, но не воспользовались им и не объявили госпоже де Розмонд о своем отъезде, хотя и обещали мне. Надеюсь, что теперь ничто уже не воспрепятствует вам сдержать свое слово; что вы не станете дожидаться требуемого вами свидания, на которое ни под каким видом я не соглашусь; и что вместо изустного повеления, столь, по-видимому, для вас необходимого, довольны будете просьбою моею, сим возобновляемою. Прощайте.

Из ***, 27 августа 17...

ПИСЬМО XLIV

Виконт де Вальмон к маркизе де Мертей

орадуйся со мною, прелестный друг; меня любят; я восторжествовал над непокорным сим сердцем! Тщетно притворяется оно; удачная моя хитрость уловила все его тайны. Благодаря неусыпным моим стараниям я знаю все, что мне нужно было знать: с вчерашней ночи, со счастливой сей ночи я опять попал на свою стихию; получил обратно все свое бытие; обнаружил двойную тайну — любви и адской злобы; наслаждаясь одною и мстя за другую, стану перелезать из удовольствия в удовольствие. Одна мысль об этом приводит меня в такой восторг, что я почти потерял все свое благоразумие; при всем, однако ж, рассеянии своем расскажу вамключения свои с надлежащим порядком и точностью. Приступим.

Вчера еще, после отправления письма моего к вам, получил я таковое же от беспримерной своей богомолки. Я посылаю его к вам; вы увидите сами, что она при всей плохой увертливости своей позволяет мне писать к ней, но торопит и требует, чтобы я не отлагал своего отъезда; я чувствую и сам, что мне нельзя оставаться надолго, не наделав себе хлопот.

Желание, однако ж, узнать, кто мог писать к ней против меня, было мучительным, и я был в нерешимости, за что приняться. Покушался подкупить горничную, дабы достать через нее карманы ее хозяйки, уверял, что нет никакой о п а с н о с т и взять их вечером и утром положить опять на свое место; обещал ей десять луидоров за сию маловажную услугу; но нашел дуру слишком совестную или трусливую, которую ни деньги, ни красноречие мое не могли убедить. Я еще ублажал ее, когда позвонили к ужину. Надлежало оставить б е с т о л к о в у ю и довольствоваться обещанием ее, что она никому не откроет тайны нашей, но вы видите, что и на это нельзя было положиться.

Никогда не был я так раздосадован, чувствовал, что сам попал впросак, и укорял себя во весь вечер в безрассудном своем поступке.

В беспокойстве возвратясь в свою комнату, открылся я своему егерю, полагая, что, будучи счастливым любовником, должен он иметь и некоторое влияние. Мне хотелось, чтобы он заставил эту девочку выполнить мое требование или, по крайней мере, принудил быть скромною: но Меркурий¹ мой, никогда ничем не затруднявшийся, казалось, усомнился в успехе сего предложения, сделал некоторые примечания и удивил меня глубокомыслием своим.

«Вы, конечно, знаете, сударь, более меня, — сказал он, — что подбиться к девке значит делать то, что ей угодно, а заставить ее делать, что нам хочется, — не всегда удается».

Канальский ум его нередко изумляет².

«За эту тем меньше отвечаю я, — продолжал он, — что по всем моим замечаниям есть у нее любовник, и я почитаю себя раком на безрыбье. Без усердия моего к вам поквитался бы я с нею первым еще свиданием. (Малый этот прямое сокровище!) В рассуждении же тайны, которую вы хотите, чтобы я заставил ее хранить, скажу вам, что обещания ее ни к чему не послужат; она ничего не теряет, обманув нас, просить же ее, чтоб она смолчала, значит показать ей, что секрет этот очень для вас важен и заохотит ее подслужаться тем своей хозяйке».

Справедливые сии рассуждения умножили только беспокойство мое. Я ломал голову по-пустому. К счастью, повесе моему пришла охота болтать, и я, имея в нем нужду, дал ему волю говорить. Пустившись в рассказы и в описание интриг своих с горничною, заметил он мне, что она спит за обыкновенною перегородкою в спальне своей хозяйки, и что, опасаясь разбудить ее неосторожным шумом, жалуется к нему в комнату всякую ночь. В ту минуту составил я свой план, сообщил ему, и мы произвели его в действо с полным успехом.

Дождавшись второго часа за полночь, пошел я по условию в комнату, где происходило его свидание с нею, браня, что он не слышал моего колокольчика;

¹ В римской мифологии *Меркурий*, помимо прочего, бог красноречия (*примеч. ред.*).

² Строка из «Метромании» — стихотворной комедии французского поэта *Алексиса Пирона* (1689–1773) (*примеч. ред.*).

...пошел я по условию в комнату, где происходило его свидание с нею...

свеча была со мною. Поверенный мой, играя бесподобно все свои роли, представлял с редкою натуральностью изумленного, отчаянного и испрашивающего прощение слугу; я прервал сцену сию, приказав ему согреть воды; он вышел и оставил меня с боязливою горничною; она не могла скрыть даже и стыда своего, потому что повеса, желая перещеголять и меня в тонкостях, дабы тем более услужить моим намерениям, уговорил ее прийти в наряде, сносном, правда, для жаркой погоды, но неизвинительном и в собственных ее глазах.

Зная, что пристыдив ее, удобнее можно будет располагать ею, не позволил я ей переменить ни положения, ни убора; приказал человеку своему дожидаться меня в моей комнате, сел возле нее на постель, довольно взбитую, и вступил с нею в разговор. Мне нужно было удержать над нею власть, которую случай сей доставлял мне; признаюсь, хладнокровие мое сделало бы честь воздержанию и самого Сципиона¹. Не попустившись ни на малейшую вольность, хотя молодость, свежесть и положение ее подавали ей право ожидать всего, разговаривал я с нею о своем деле так же спокойно, как рассуждают со стряпчим.

Я обнадежил ее, что не открою никому тайных ее свиданий, если она завтра в такую же пору доставит мне карманы своей хозяйки. «Впрочем, — примолвил я, — обещанные тебе вчера десять луидоров обещаю и теперь, не желая употребить во зло твоего положения». Вы можете поверить, что она согласилась на все. Я вышел, позволив счастливой чете наградить потерянное время.

Я доволен был своим сном; поутру, не желая отвечать на письмо прелестницы своей до освидетельствования ее архива, решился ехать на охоту, где и пробыл весь почти день.

По возвращении приняли меня очень холодно. Не за то ли сердятся, что я не забочусь употребить в пользу остальное время, особливо ж после милостивого письма ее ко мне? Я потому так сужу, что после нежных выговоров госпожи де Розмонд за долговременную мою отлучку прелестница моя примолвила с приметною досадою: «Ах, можно ли укорять господина Вальмона в единственном удовольствии, которое он находит здесь!» Я жаловался на сию несправедливость и, обратив ее в свою пользу, уверял, что для приятного общества их оставил я писать очень нужное письмо. К тому ж, присовокупил я, потеряв вовсе сон, думал прогнать бессонницу усталостию; тут глаза мои изъяснили ей достаточно и содержание письма моего, и причину бессонницы. Во весь вечер старался я показывать томную задумчивость и, кажется, успел, скрывая тем самым нетерпение свое в ожидании счастливой минуты,

¹ *Публий Корнелий Сципион Африканский Старший* (235 до н. э. — 183 до н. э.) — римский военачальник и политический деятель, победитель Ганнибала; однажды он возвратил жениху пленную испанскую девушку, вместо того чтобы сделать ее своей наложницей (*примеч. ред.*).

долженствовавшей о б н а р у ж и т ь тайну, которую столь упорно скрывали от меня. Наконец мы расстались, и вскоре потом верная горничная принесла мне залог моей скромности.

Получа сие сокровище, приступил я к надлежащему свидетельству с известною вам осторожностью своею, и заметил, как, где и что лежало, чтобы после можно было всякую безделицу положить на свое место. Сперва напал я на два письма, мужем ее писанных, на вздорную смесь тяжёбных рассказов и растянутых уверений супружеской любви; я имел терпение все прочесть, не нашел ни одного слова, которое относилось бы до меня, и положил их назад с досадою; но она мгновенно исчезла при виде лоскутков незабвенного письма моего из Дижона, с великим рачением собранных. К счастью, вздумалось мне пробежать его. Судите о восторге моем, когда увидел я следы, очень явственные, божественных слез моей богомолки! Признаюсь, я поребачился и расцеловал письмо это с восхищением, коего даже и не предполагал уже в себе; но ничто не удивило меня и не порадовало столько, как первоначальное мое письмо, возвращенное мне неблагодарною, верно, списанное ее рукою, робким и дрожащим почерком, обнаруживающим сладостное волнение ее сердца во время сего занятия.

Любовь, занимая всего меня, уступила вскоре место бешенству. Кто бы, думаете вы, погубил меня в мыслях обожаемой мною женщины? Отгадайте, какая злобная фурия изливает на меня яд сей? Вы ее знаете: она ваша приятельница, родственница ваша; это госпожа Воланж. Вы не можете себе представить, какую ужасную клевету сплела на мой счет адская эта мегера. Она-то, она одна возмутила беспечность ангельской души; по ее советам и пагубным предостережениям принужден я выехать; словом, ей одной жертвуют мною. О! Должно, всеконечно должно обольстить ее дочь; но этого не довольно, надобно погубить ее; и когда лета проклятой этой женщины спасают ее от моих ударов, то надлежит поразить ее в нежнейшем ее предмете.

Так она хочет, чтобы я возвратился в Париж? Принуждает меня? Желание ее исполнится, я возвращусь, но она вечно будет оплакивать возвращение сие. Жаль только, что Дансени должен быть героем повести нашей; щекотливая честность его свяжет нас; однако ж он влюблен, и я часто вижусь с ним. Это только, может быть, и поможет нам. Досада моя так далеко завела меня, что я было позабыл отдать вам отчет о сегодняшних происшествиях. Я возвращаюсь к повести.

Попутру удалось мне увидеть чувствительную мою волшебницу. Никогда не казалась она мне столь прелестною. Сего и ожидать было должно: выгоднейшая минута для женщины, единая, в которую может она произвести то душевное восхищение, о коем говорят всегда, а чувствуют так редко, есть та, когда мы, будучи уверены в ее любви, не удостоверены еще в ее благосклонностях; в сем точно положении я находился тогда; может быть, мысль, что вскоре лишен буду удовольствия видеть ее, придавала красоте ее новый блеск. Наконец, получил я письмо ваше от 27-го, и, читая его, не знал еще, решусь ли сдержать

свое слово или нет, но, встретившись взорами с красавицею моею, почувствовал, что невозможно ни в чем отказать ей.

Итак, я возвестил о своем отъезде. Вскоре потом госпожа Розмонд вышла и оставила нас одних; не успел я подойти к неприступной святоше, как она, вскочив с места с испуганным лицом, вскричала: «Оставьте, оставьте меня, милостивый государь, ради бога, оставьте!» Усердная просьба сия, скрывавшая ее смущение, привела меня в большее еще воспаление; уже был я возле нее, держал ее руки, сложенные в виде невинницы, испрашивающей пощады, уже открыл атаку нежными жалобами, как враждующий демон поворотил назад госпожу Розмонд. Робкая богомолка, имея в самом деле некоторые причины опасаться, воспользовалась сим случаем и вышла.

Я подал ей, однако, руку; она, не отговариваясь, шла со мною; ласковость сия, в коей всегда отказывали мне, возродила надежду, и я, возобновив свои жалобы, отважился пожать ее руку. Сперва хотела она отнять ее, но по усиленной просьбе склонилась с довольною ловкостью, хотя, впрочем, не отвечала ни на телодвижения, ни на разговор мой. Подошед к дверям ее комнаты, хотел было я поцеловать ею руку перед прощаньем; мне отказали наотрез: но восклицание мое «Вспомните, что я еду», произнесенное со всею нежностью, лишило ее присутствия духа и твердости. Поцелуй возвратил ей прежнюю силу, прелестница, отняв руку, бросилась в свою комнату и позвала горничную. Тут оканчивается повесть моя.

Полагая, что завтра вы будете у фельдмаршалыши Д^{***}, где, верно, не увидите меня, и зная, что при первом свидании нужно нам говорить о многом, и особенно о маленькой Воланж, оставшейся у меня в виду, решился я послать это письмо вперед; и сколь оно ни длинно, но до самого отправления на почту не запечатаю его: в настоящем положении моем все зависит от случая; итак, оставив вас, пойду сторожить благоприятный случай.

Р. С. В восемь часов вечера.

Ничего нового. Всегда на людях, и не приметно даже, чтоб убегали свиданий. Грустит, однако ж, сколько позволяет благопристойность. Еще кое-что, заслуживающее, может быть, вашего внимания: госпожа Розмонд поручает мне пригласить госпожу Воланж погостить у нее в деревне.

Прости, прелестный друг! Завтра или послезавтра, но не позже, увидимся непременно.

Из ^{***}, 28 августа 17...

ПИСЬМО XLV

Президентша де Турвель к госпоже де Воланж

осподин Вальмон отправился, милостивая государыня, сегодня утром; отъезд сей, кажется, лежал у вас на сердце, потому долгом поставляю уведомить вас о том. Госпожа Розмонд не может забыть своего племянника; признать-ся, он крайне любезен в обществе; все утро говорила она о нем с чувствительностию, ей свойственною и вам довольно известною; похвалы ее не истощались. Я не могла отказать ей в снисхождении и слушала, не противореча, тем более что во многих случаях судила она справедливо.

Притом чувствуя, что я причиною разлуки сей, чувствовала также и то, что не надеюсь заменить удовольствия, которого я ее лишила. Вам известно, милостивая государыня, что я от природы не слишком веселого нрава; образ же жизни нашей не может развеселить никого.

Если бы не вашим советам следовала я, то подумала б, что поступила довольно легкомысленно, огорчив так сильно почтенную свою приятельницу; она так меня расстрогала, что я охотно поплакала бы вместе с нею.

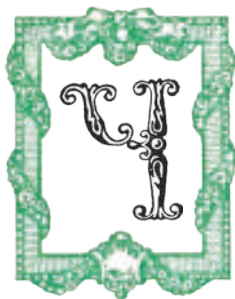
Мы утешаемся теперь надеждою, что вы, милостивая государыня, не откажетесь от приглашения госпожи Розмонд, посланного к вам чрез господина Вальмона, и приедете на короткое время погостить к нам. Надеюсь, что вы поверите удовольствию, которое доставит мне свидание с вами, и вы по всему должны наградить нас своим посещением. Я весьма была бы рада покороче познакомиться через сей случай с вашею любезною дочерью и удостоверить вас лично о всегдашнем моем почитании и пр.

Из ***, 29 августа 17...

ПИСЬМО XLVI

Шевалье Дансени к Сесилии Воланж

то делается с вами, ангел мой Сесилия! Кто мог произвести в вас столь скоропостижную и жестокую перемену? Где клятвы ваши никогда не переменяться? Вчера еще повторяли вы их с таким удовольствием! Кто ж сегодня мог вас заставить позабыть все? Тщетно стараюсь я исследовать самого себя; в себе не нахожу никакой к тому причины, в вас же страшу ее искать. Ах! Вы, конечно, не ветрены и не лукавы; в самые даже минуты отчаяния оскорбительное сомнение чуждо души моей и никогда не помрачит ее. По какому, однако же, роковому предопределению я не узнаю вас более? Нет, жестокая, ты не та уже теперь! Нежная, обожаемая мною Сесилия, клявшаяся мне в верности, не стала бы ни избегать моих взоров, ни препятствовать счастливому случаю, сблизившему меня с нею; и если бы необходимость, которой я не постигаю, принудила ее обойтись со мною с такою суровостию, она бы и тогда не оставила меня в неведении.

Ах! Вы не знаете и никогда не узнаете, любезная Сесилия, какие мучения причинили вы мне сегодня и сколько я еще и теперь страдаю. Неужели вы думаете, что я могу жить, не будучи любим вами? Однако, когда я умолял вас сказать одно словцо для рассеяния моих страхов, вы не только не отвечали мне, но притворились еще, будто бы боитесь, чтобы вас не подслушали, и не существовавшее тогда препятствие сие изыскали вы сами, усевшись между незнакомых; когда же, принужден будучи проститься с вами, спрашивал я, в которую пору можно быть у вас на другой день, вы захотели показать, что и этого не знаете, и надлежало уже матушке вашей назначить мне час. Итак, столь желаемая всегда минута, которая должна сблизить нас завтра, рождает теперь во мне одно беспокойство; и удовольствие видеть вас, доселе столь драгоценное моему сердцу, заменяется теперь страхом, что буду вам в тягость.

Чувствую, что сей самый страх начинает уже действовать надо мною, и не смею напоминать вам о моей любви. Слова «я вас люблю», которые так любил я повторять, когда и сам мог их слышать, милые эти слова, составлявшие все мое блаженство, изображают мне теперь, если вы переменились, вечное тоermo отчаяние. Не веря, однако, чтоб сей талисман потерял всю свою силу, покушусь еще раз его употребить¹. Да, милая Сесилия, я вас люблю. Повтори же со мною удостоверение сие благополучия моего. Вспомни, что ты приучила меня верить ему и что, лишая его, осуждаешь меня на такое мучение, которое, равно как и любовь моя, прекратится вместе с жизнью.

Из ***, 29 августа 17...

¹ Не имевшие случая и не чувствовавшие никогда цены какому-нибудь слову или выражению, любвию выставленному, не найдут в этих речах никакого смысла.

ПИСЬМО XLVII

Виконт де Вальмон к маркизе де Мертей

не и сегодня не удастся увидеться с вами, милый мой друг, и вот почему; прошу, однако ж, не бранить и слушать.

Возвращаясь вчера в город, вздумал я заехать к графине С***; дача ее у самой дороги, и я напросился к ней обедать. Оттуда проскакал прямо в театр, уже в восьмом часу вечера, полагая, что вы будете в опере.

После театра завернул в свой околоток и нашел там старую свою приятельницу Эмилию; у нее было множество гостей, мужчин и женщин, званных к ней на ужин за город в К***. Лишь только появился я в их круге, как все в один голос закричали: мы тебя не отпустим! Какой-то толстый карикатурный мужчина, казавшийся главным героем пиршества, тоже приглашал меня, бормоча на некоем голландско-французском языке. Я согласился.

Дорогою я узнал, что дом, куда мы ехали, был условною ценою благосклонностей Эмилии к этому уродливому чудаку и что ужин совершенно походил на свадебный. Воробей мой прыгал от радости, воображая себе благополучие, ожидавшее его; он казался настолько довольным, что возродил во мне охоту расстроить его, что я и сделал.

Одно только затруднение находил я: уговорить Эмилию, обольщенную богатством своего бургомистра. Немного пожеманившись, она все-таки согласилась на предложение мое налить эту пивную бочку вином и сбить его с пахвей¹ на всю ночь.

Пожаловав его в голландские питухи, употребляли мы все известные средства, чтобы он оправдал наше мнение, и успели в том так счастливо, что за десертом не мог уже он держать рюмки в руках; несмотря на то, услужливая Эмилия и я подливали наперерыв. Наконец повалился он без чувств под стол, и я уверен, что через неделю не соберется еще с силами. Тут решились мы отправить его в Париж; и поскольку он отпустил свою карету, то я велел взвалить его в мою, а сам остался на его месте. Поздравления посыпались со всех сторон; гости начали разъезжаться и оставили меня одного властителем поля сражения. Шутка сия, а может быть, и продолжительная отлучка моя, представили Эмилию столь интересною, что я обещал остаться с нею, доколе не воскреснет голландец.

За таковое снисхождение позволила она мне написать в объятиях своих письмо к моей богомолке. Я не хотел солгать перед нею и описал ей положение свое и подвиги. Эмилия, прочитав письмо, хохотала как безумная; я уверен, что и вы нахохочетесь вдоволь.

¹ Сбить с пахвей (устар.) — привести в замешательство, запутать; пахви (пахвы) — ремень с кольцом для закрепления седла на спине лошади (примеч. ред.).

Я посылаю к вам это письмо, дабы оно пошло под парижским штемпелем. Потрудитесь, прочитав, запечатать и отослать на почту; но не употребляйте, бога ради, ни печати своей, ни любовных эмблем: простой головки довольно. Прощай, милый друг.

P. S. Раскрываю опять письмо; я уговорил Эмилию ехать в итальянскую оперу... Воспользовавшись сим временем, явлюсь к вам в шесть часов, но не позже; и если вам не помешают, то мы поедем вместе к госпоже Воланж. Благопристойность не позволяет медлить приглашением, которое поручено мне сделать ей от имени госпожи Розмонд; нетерпение же мое влечет к маленькой Воланж.

Прощай, прелестнейшая из всех. Удовольствие, ощущаемое мною видеть и расцеловать вас, конечно, возбудит ревность в вашем шевалье.

Из П***, 30 августа 17...

ПИСЬМО XLVIII

Виконт де Вальмон к президентше де Турвель
(под парижским штемпелем)

роводя крайне мятежную и беспокойную ночь, не смыкая вовсе глаз, попеременно волнуем пожирающим пламенем или поражаем совершенным бездействием всех способностей души, обращаюсь к вам, милостивая государыня, дабы близ вас найти потребное успокоение, которым, однако, не надеюсь еще насладиться. В самом деле, положение, в коем пишу теперь к вам, доказывает мне более, нежели когда-либо, неодолимую силу любви; я едва могу владеть собою, дабы сохранить хоть некоторый порядок в мыслях, и уже предвижу, что, не окончив письма сего, принужден буду прервать его. Ах! Неужели не позволено мне надеяться, чтоб и вы разделили со мною когда-нибудь смятение, ощущаемое мною в сии минуты? Смею, однако, сказать, что если бы вы испытали его над собою, то не были б совершенно нечувствительною. Поверьте, милостивая государыня, холодное спокойствие, усыпление души, живой образ смерти не доставляют еще благополучия; одни деятельные страсти доставляют оное; и, невзирая на мучения, причиняемые вами, кажется, смело могу уверить, что в сие мгновение я счастливее вас. Тщетно обременяете вы меня мучительными вашими суровостями, они не препятствуют мне предаться совершенно любви и позабыть в исступлении, причиняемом ею, отчаяние, в которое вы ввергаете меня. Сим-то образом намерен я мстить за изгнание, вами наложенное. Никогда не чувствовал я такого удовольствия писать к вам и никогда не ощущал

...позволила она мне написать в объятиях своих письмо к моей богемолке.

в занятии сем столь сладостного и притом столь пылого волнения! Все, кажется, служит к умножению восторгов моих: воздух, коим дышу, напитан роскошеством и негою; самый стол даже, посвященный в первый раз на сие употребление, представляется мне жертвенником любви; сколь он любезен в глазах моих! Я начертываю на нем клятву любить вас вечно! Простите, заклинаю вас, несвязность мыслей моих. Мне не следовало бы предаваться с таким стремлением восторгам, коих вы не разделяете: я принужден оставить вас на минуту, дабы рассеять упоение, повсечастно умножающееся и превосмогающее меня.

Возвращаясь к вам, милостивая государыня, и, поверьте, возвращаясь всегда с одинаковым радушием. Благополучие, однако ж, убегает от меня, и жестокие отчуждения заступают его место. Какая польза говорить вам о моих чувствах, если все мои средства к убеждению вас тщетны? После столь многократных усилий надежда и силы оставляют меня в одно время. И если я напоминаю еще об утехах любви, то для того только, чтобы ощущать с большим прискорбием лишение оных. Все мое убежище в вашем снисхождении, и я чувствую в сии минуты, сколь оно необходимо для меня, хотя и не надеюсь испросить его. Любовь моя никогда, однако, не была столь почтительна; чем же может она оскорблять вас? Она такова, осмеливаюсь сказать, что и самая строгая добродетель не должна бы ее опасаться; но я страшусь даже занимать вас долго томлениями, ощущаемыми мною. Зная, что не разделяет их тот, кто причиняет, не должно по крайней мере употреблять во зло его терпения, и я преступил бы сие правило, описывая вам подолее неприятную картину сию. Итак, заканчиваю, убедительнейше прося вас удостоить меня ответом и не сомневаться никогда в искренности чувствий моих.

Париж, 30 августа 17...

ПИСЬМО XLIX

Сесилия Воланж к шевалье Дансени

е будучи ни ветреною, ни лукавою, довольно, милостивый государь, познать свои поступки, чтобы почувствовать необходимость переменить их; я клялась пожертвованием сим Богу, доколе не возмогу пожертвовать Ему и чувствами моими к вам, признанными тем более порочными, что вы вступили в такой орден, в котором запрещается жениться. Чувствую, сколь это тягостно для меня, и не скрою даже, что с третьего дня плачу всякий раз, как думаю о вас. Но надеюсь, что Бог не оставит меня и подаст мне

потребную силу, дабы забыть вас, о чем молю Его денно и ночью. Я ожидаю даже от вашей дружбы и честности, что вы не станете смущать добрых намерений, внушенных мне и в которых стараюсь я укрепиться. Почему и прошу вас сделать милость не писать ко мне никогда, тем более что я упреждаю вас, что не буду отвечать и что вы принудите меня открыться во всем матушке; чрез это я бы навсегда лишилась удовольствия видеть вас.

При всем том я сохранию к вам всю привязанность, которую только можно иметь, не делая худого; и я от всего сердца желаю вам всякого благополучия. Чувствую, что вы не станете любить меня по-прежнему, и что, может быть, вскоре полюбите другую — более, нежели меня. Но это будет новое наказание за тот грех, что я отдала вам свое сердце, принадлежавшее Богу, и мужу, который будет у меня. Надеюсь, что милосердый Бог, сжалясь надо мною, пошлет на меня те только страдания, которые могу я перенести.

Простите, милостивый государь, могу смело уверить вас, что если б мне позволено было любить кого-нибудь, то никого, кроме вас, не стала бы любить. Вот все, что могу вам сказать, и, может быть, то, чего не должна была говорить.

Из ***, 31 августа 17...

ПИСЬМО I

Призидентша де Турвель к виконту де Вальмону

ак-то исполняете вы, милостивый государь, условия, на коих согласилась я получать иногда ваши письма? И *как можно не жаловаться на них*, когда вы говорите о таких чувствах, которым страшилась бы я предаться и тогда даже, когда бы могла сие сделать, не оскорбляя своих обязанностей.

Впрочем, если бы нужно было оправдывать страх сей новыми доводами, то я легко бы нашла их в последнем вашем письме. Точно так. Вы, стараясь превознести похвалами прелести любви, обнаруживаете только ужасные напасти, ею причиняемые. Кто ж захочет такого благополучия, которое лишает рассудка и коего скоротечные удовольствия всегда сопровождаемы бывают если не раскаянием, то, по крайней мере, сожалением?

Вы сами, при всей своей привычке к опасному сему иступлению, не знаете ли, что нередко оно превозмогает вас, и не вы ли сами жалуетесь на невольное смятение, причиняемое вам сею страстию? Каких же страшных

опустошений не произвела бы она в сердце новом и чувствительном, которое усилило бы и еще больше власть ее великопостию пожертвований, принужденно для нее сделанных?

Вы думаете, милостивый государь, или заставляете думать, что любовь ведет к благополучию; а я так уверена, что она сделает меня пренесчастною, что не желала бы никогда и слышать об ней. Мне кажется, что от одних разговоров теряется уже спокойствие; и для того прошу вас, по склонности и по долгу, сделать милость оставить сию статью в молчании.

К тому же вам ничего не стоит теперь согласиться на данное требование. Возвратясь в Париж, найдете вы много случаев позабыть такое впечатление, которое, может быть, возродилось от привычки вашей заниматься беспрерывно подобными предметами и усилилось от деревенской праздности. Не в том ли вы теперь месте, где смотрели на меня с таким равнодушием? Можете ли ступить там, не встретив примера стремления вашего к переменам? И не окружены ли вы там женщинами, несравненно любезнейшими, нежели я, и имеющими более прав на ваше пламенное сердце? Тщеславие, коим упрекают пол наш, для меня неизвестно, а и того менее притворная скромность, которую почитаю я утонченным высокомерием; и, признаюсь вам со всем чистосердечием, что я сама уверена в маловажности своих преимуществ, чрез которые могла бы нравиться; да если бы и все достоинства соединяла в себе, то и тогда почла бы их недостаточными остепенить вас. Итак, требовать, чтобы вы перестали заниматься мною, значит просить вас, чтобы вы приняли за то, что вы делали прежде и что в скором времени, без сомнения, начнете опять делать, хотя бы я и просила вас о противном.

Истина сия, которой не теряю я из вида, могла бы быть уже достаточною причиною, чтобы не принимать от вас никаких уверений; но я имею множество других еще; не входя, однако ж, в продолжительное суждение, ограничиваясь повторением просьбы моей: не говорить мне более о такой страсти, которой не должна я слушать, а и того менее отвечать ей.

Из ***, 1 сентября 17...

Конец первой части

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПИСЬМО LI

Маркиза де Мертей к виконту де Вальмону

о чести, виконт, ты делаешься несносен. Ты поступаешь со мною так легкомысленно, как будто бы я была любовница твоя. Знаешь ли, что я начинаю сердиться и теперь даже чувствую страшную досаду? Как! Ты должен видиться с Дансени завтра поутру; знаешь, что мне необходимо нужно поговорить с тобою до этого свидания; и между тем, ни о чем не заботясь, заставляешь себя дожидаться целый день и рыщешь, куда глаза ведут? По твоей милости захала я к госпоже Воланж против правил благопристойности очень, очень поздно, так что все старухи приняли меня за *чудиху*. Я принуждена была ласкать их весь вечер, дабы успокоить подозрение. Старух не должно никогда сердить, потому что от них зависит доброе имя молодых женщин.

Теперь уже второй час за полночь, и вместо того, чтоб повалиться в постель, потому что смертельно хочется спать, принуждена теперь писать к тебе предлинное письмо, которое пуще еще нагонит сон несносною своею скукою. Благодарю судьбу свою, что мне нет времени бранить тебя; не думай, однако ж, чтоб я простила тебе; это одна только отсрочка. Итак, слушай со вниманием; я спешу окончить.

Если есть в тебе хотя бы несколько крох искусства и ловкости, то завтра же должен ты довести Дансени, чтобы он открылся тебе во всем. Самый благоприятный случай представляется для доверенности: он несчастлив. Малютка говела, исповедовалась и по ребячеству все выболтала; с тех пор так настращена адом, что решила прервать знакомство свое с Дансени. Она рассказывала мне о своем страхе с такою живостию, что нетрудно было видеть, до какой степени вскружили ей голову; давала мне читать разводное свое письмо, похожее на капуцинский сумбур, и проболтала со мною целый час, не сказав ни одного слова путного. Но тем не меньше озаботила меня: ты сам видишь, что мне нельзя было пуститься в откровенность с такою болтушкою, как она.

Я заметила, однако, несмотря на все ее бредни, что она и теперь еще любит своего Дансени и что любовь, будучи всегда изворотлива, запутывает ее в новые сети, о которых она и не помышляет. Мучима желанием заниматься своим

любовником и страхась согрешить, занимаясь им, вздумала она просить Бога, чтобы Он помог ей позабыть обожателя своего; повторяя же всякую минуту молитву сию, находит она средство думать о нем беспрестанно.

Всяк будучи помышленнее Дансени, ты мог бы тотчас обратить в свою пользу незначущую расстройку сию; но любовник наш так селадоноват¹, что если мы не поможем ему, то он употребит столько времени на преодоление пустых препятствий, что нам некогда уже будет привести в действие намерения наши.

Ты прав; жаль! И мне досадно, так же как и тебе, что он должен быть героем этой повести: но как быть? Что сделано, того не воротишь; это также твоя вина. Я пожелала видеть его ответ². Какая жалость! Он надрывается, доказывая ей, что невольное чувство не есть преступление: как будто не перестает оно быть невольным, когда не хотят ему сопротивляться! Мысль эта так проста, что встретилась даже и малютке нашей. Жалуется на свои несчастья довольно трогательно; но печаль его столь нежна и, кажется, столь сильна и искренна, что всякая женщина, я думаю, найдя случай довести мужчину до такого отчаяния, при столь малой опасности нехотя захочет покапризничать. Наконец изъясняет ей, что он не монах, как то она воображала; и это, без сомнения, лучшее ее доказательство. В самом деле, мальтийские кавалеры никогда не заслуживали предпочтения в монашеской любви.

Как бы то ни было, не вдаваясь в пустые рассуждения, которые могли бы изменить мне, не уверив ее ни в чем, я одобрила план разрыва, примолвив, что в подобных случаях пристойнее объявить свои причины на словах, нежели на письме; и что в обыкновении также возвращать письма и другие мелочи, которые могли быть подарены; потом, показывая вид, что вхожу в ее состояние, уговорила ее назначить Дансени свидание. Мы тотчас во всем условились, и я взялась уговорить и мать выехать в гости без дочери; решительной сей минуте должно быть завтра после обеда. Дансени уведомлен уже; но, ради бога, если найдешь случай, убеди томного этого пастушка, чтобы он поменьше таял; и вразуми его, когда уже должно все толковать ему, что истинный способ побеждать беспокойства совести — питая их, обращать в свою пользу.

Впрочем, желая отвратить навсегда смешные эти сцены, не позабыла я посеять в сердце малютки своей некоторое сомнение о скромности духовных отцов; и уверяю тебя, что я заплачена теперь за причиненный ею мне страх: ты не поверишь, как она боится, чтобы ее духовник не открыл всего маменьке! Кажется, что, поговорив с нею и еще раза с два, отважу ее пересказывать свои глупости первовстретившемуся³.

¹ *Селадон* — изнывающий от любви пастух, герой пасторального романа «Астрей» французского писателя Оноре д'Юрфэ (1568–1625) (*примеч. ред.*).

² Письма сего не нашли.

³ Читатель заметил, конечно, из характера госпожи де Мертей, сколь мало уважает она веру. Весь этот период должно бы уничтожить, если б не почли за нужное, изъяснив действия, показать и причины.

Прощай, виконт; овладей Дансени и настрой его. Не стыдно ли нам будет, если мы не управимся с ребятами? Чтоб преодолеть препятствия, о которых, быть может, мы и не воображали, стоит только вспомнить, для возбуждения ревностного нашего усердия, тебе — что дело идет о дочери госпожи Воланж, а мне — что она должна быть женою Жеркура. Прощай.

Из ***, 2 сентября 17...

ПИСЬМО LII

Виконт де Вальмон к президентше де Турвель

Вы запрещаете мне, милостивая государыня, говорить вам о моей любви; но где найти потребное мужество, дабы возможно было повиноваться вам? Занимаясь единственно таким чувствованием, которое должно быть столь сладостным и которое вы же делаете столь жестоким; томясь в изгнании, на которое вы осудили меня; питаюсь одними горестными сожалениями и отчуждениями; став жертвою мучений, тем более тягостных, что они беспрестанно напоминают мне о вашем равнодушии, — могу ли лишиться последнего оставшегося для меня утешения: открывать вам иногда мою душу, которую наполняете вы смущением и горестию? Ужели отвратите взоры ваши, дабы не видеть слез, от вас и для вас проливаемых? Откажетесь ли принять и самое подобострастное согласие на пожертвования, вами требуемые? Ужели благородная, кроткая ваша душа почитает унижительным для себя делом сожалеть о человеке, чрез вас сделавшемся несчастным, и утешается умножением терзаний его — несправедливыми и строгими запрещениями?

Вы показываете вид, будто боитесь любви, и не хотите видеть, что сами причиняете бедствия, вами ей приписываемые. Конечно, сие чувствование тягостно, когда предмет, внушающий оное, не разделяет его; где же искать счастья, если и взаимная любовь не доставляет его? Где искать нежной любви, приятной доверенности, услаждения в горести, умножения утех, ободряющей надежды, прелестных воспоминаний, где искать их, если не в любви? И вы ее порицаете, когда стоит вам только не с о п р о т и в л я т ь с я ей, дабы насладиться всеми сокровищами, ею вам предлагаемыми, — я же, забывая все горести, претерпеваемые мною, стараюсь защищать ее!

Вы приневоливаете и меня также защищаться. Зная, что я посвятил жизнь свою на то, чтоб обожать вас, занимаетесь изыскиванием во мне одних слабостей и недостатков, предполагаете уже меня ветреным и коварным,

и, обращая против меня доверенность, которую сделал я вам в некоторых погрешностях своих, находите удовольствие смешивать прежние мои поступки с настоящими, и, не довольствуясь мучениями, в которые ввергли вы меня, удалив от себя, присовокупляете к ним жестокие насмешки насчет таких забав, к коим вы сами сделали меня равнодушным. Итак, когда не хотите верить ни обещаниям, ни клятвам моим, то я должен представить вам новую поруку, ни в чем не подозрительную: вас самих. Скажите по совести, что не верите моей любви, что сомневаетесь иногда, чтоб вы одни могли царствовать в душе моей, что вы не верите, чтоб могли остепенить мое сердце, признаюсь, до сего времени прельщавшееся непостоянством; скажите, и я соглашаюсь стенать под наказаниями за свое заблуждение без малейшего роптания. Но если, напротив того, отдав нам обоим с п р а в е д л и в о с т ь, принуждены будете внутренне признаться, что не имели и никогда не будете иметь соперницы, прошу, заклинаю вас, не заставляйте впредь опровергать химер ваших и не лишайте меня последнего утешения знать, что вы не сомневаетесь более в таком чувствовании, которое, божусь, не кончится и не может кончиться прежде моей смерти! Позвольте, милостивая государыня, просить у вас решительного ответа. Если же я и оставляю эпоху сию жизни моей, по-видимому, столь для меня вредную в глазах ваших, то, конечно, не потому, что недоставало причин на защиту.

Чем виновен я, в самом деле, что не сопротивлялся вихрю, которым был увлечен? Вступив в свет молодым и без опытов, переходя, так сказать, из рук в руки многих женщин, которые сговорчивостию своею все спешили предупредить размышление, зная, что оно им невыгодно, мог ли я подать пример такого сопротивления, коего мне самому никто не оказывал? И должно ли было наказывать себя за минутные заблуждения, на которые нередко вызывались, постоянством, наверное, бесполезным и в глазах их признанным смешным? Что же, как не скорый разрыв, может оправдать постыдный выбор?

Но могу сказать, такое упоение чувств, может быть, и самого даже тщеславия, никогда не доходило до моего сердца. Оно рождено для любви; интриги могли развлекать его, наполнить же его были недостаточны. Из всех прелестных, но презрительных предметов, окружавших меня, ни один не в силах был тронуть меня; мне предлагали забавы, а я искал добродетели; и я сам почитал себя наконец постоянным, будучи только разборчивым и чувствительным.

Увидя, однако, вас, я образумился: познал тогда же, что прелести любви заимствуют силу свою от душевных достоинств, что они токмо могут произвести восхищение и оправдать его; и почувствовал наконец, что мне никого невозможно любить, кроме вас.

Вот, милостивая государыня, каково то сердце, коему боитесь вы отдаться и участь коего вы должны решить; но какой бы ни назначали вы ему жребий, никогда, однако ж, не перемените чувствований, привязывающих его к вам; они столь же непременны, как и добродетель, их возбудившая.

Из ***, 3 сентября 17...

ПИСЬМО LIII

Виконт де Вальмон к маркизе де Мертей

виделся с Дансени, но добился только полудоверенности; он в с я ч е с к и старался скрыть от меня имя малютки Во-ланж и отзывался о ней как о скромной, но слишком богемной девице; за всем тем рассказал мне с довольною откровенностью *авантюры* свои и последнее свое приключение. Я разгорячал его, сколько мог, и не переставал шутить насчет его щекотливой и разборчивой совести; все, однако ж, доказывает, что он заражен сими предубеждениями, и я не отвечаю за него; впрочем, послезавтра скажу вам что-нибудь более о нем. Завтра везу его в Версаль и дорогою постараюсь выведать все его тайны.

Свидание, которому положено быть сегодня, подает и мне некоторую надежду: развязка оно, может быть, последовала уже, к нашему удовольствию, и нам остается только заставить их признаться и собрать все доказательства. В этом вы успеете лучше меня; малютка гораздо откровеннее, или, другими словами сказать, болтливее скромного своего любовника; я, однако, не перестану хлопотать со своей стороны.

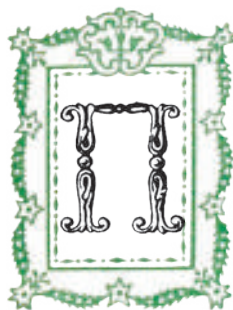
Прощай, милый друг, я очень занят и не увижусь с вами ни сегодня вечером, ни завтра. Если вы со своей стороны успели в чем-нибудь, то прошу не оставить меня без уведомления. Я, наверное, заночую в Париже.

Из ***, 3 сентября 17..., вечером

ПИСЬМО LIV

Маркиза де Мертей к виконту де Вальмону

одиноко ты напал на человека! Есть что узнать от Дансени! Хвастать — его дело; я не знаю, чтобы кто-нибудь так был глуп в любви, как он, и час от часу более укоряю себя за милости, которые мы ему оказываем. Знаешь ли, что я было пропала через него! и по пустякам! О! Я отомщу! божусь, что отмщу!

Заехав вчера за госпожою Воланж, узнала я, что она не расположена ехать с визитами и сказалась нездоровою; надлежало употребить все свое красноречие, чтобы

уговорить ее, и я того и ожидала, что Дансени нагрянет прежде нашего выезда. Чем бы он извинился перед госпожою Воланж, когда она накануне уведомила его, что не будет дома? Дочь ее и я сидели, как на иголках. Наконец собрались ехать, и малютка, прощаясь со мною, так страстно пожала мне руку, что, несмотря на твердое ее намерение окончить разрывом, коим от чистого сердца думала она еще заняться, я ожидала великих чудес от этого свидания.

Новые, однако, беспокойства ожидали меня: не прошло получаса, как мы сидели у госпожи Б***. Госпожа Воланж действительно занемогла и хотела, как и должно было, воротиться домой; но я, опасаясь, что мать, застав любовников вместе, не взяла подозрения на мои убеждения выехать со двора, решилась настрашать ее ухудшением нездоровья, что всего было легче. Я продержала ее с полтора часа, не соглашаясь ни под каким видом везти ее домой, дабы от трясения кареты не произошли опасные для нее следствия. Наконец настал условленный час, и мы возвратились. Час посрамления! Признаюсь, я надеялась, что по крайней мере труды мои не потеряны даром.

Желая все узнать, осталась я у госпожи Воланж; она тотчас легла, и мы, отужинав у ее постели, простились с нею очень рано под предлогом, что ей нужен покой, и пошли в дочернину комнату. Она, со своей стороны, сделала все, чего я ожидала: беспокойства совести заменены новыми клятвами вечной любви, и пр., и пр., ничто не забыто, одним словом, она отделалась нельзя лучше; но глупый Дансени не переступил ни на одну черту далее прежней своей точки. О! С ним можно повздорить; мировая нимало не опасна.

Малютка уверяла, однако ж, что ему хотелось более, но что она умела защититься. Я бьюсь об заклад, почти наверное, что она хвастает или же оправдывает его. Мне в самом деле пришло на мысль узнать, до какой степени может она защищаться, и я попросту, говоря то о том, то о другом, вскружила ей голову до... Словом, ты знаешь меня, и я уверяю тебя, что ни одна женщина не была столь подвержена, как она, опасным сентиментальным нечаяностям. Малютка эта, ей-ей, мила. Она заслуживает другого любовника; по крайней мере, во мне будет она иметь добрую приятельницу; признаюсь, привязанность моя к ней не может быть искреннее! Я обещала образовать ее, и, кажется, сдержу свое слово. Неоднократно заметила уже я, что для доверенности нужно мне иметь женщину, а ее предпочту я всем прочим; но не могу ничего из нее сделать, пока не будет она... чем должна непременно быть; и вот новая причина беситься на Дансени.

Прощай, виконт, завтра не заезжай ко мне, разве поутру. Я убеждена, что мой г а т е л ь с т в а м и шевалье, и вечер посвящен для маленького домика.

Из ***, 4 сентября 17...

Я обещала образовать ее, и, кажется, сдержу свое слово.

ПИСЬМО LV

Сесилия Воланж к Софии Карне

ы права, милая Софья; предвещения твои более имеют успех, нежели советы твои. Дансени, как ты предсказала, пересилил духовника, тебя и меня; точно так, мы опять на той же с ним ноге, как и прежде были. Ах! Я не раскаиваюсь; и если ты меня бранишь, так это оттого, что не знаешь, какое удовольствие любить Дансени. Тебе легко говорить, как должно поступать, ты не знаешь никаких препятствий; но если б ты испытала, как убивает нас печаль того, кого любим, как радость его делается нашею и как трудно сказать «нет», когда хочется сказать «да», то, верно, не стала б ничему удивляться: я и сама все это чувствую, очень, очень чувствую, а понять все еще не могу. Поверишь ли? Например, когда Дансени плачет, то и я плачу; боюсь тебе, что не могу удержаться от слез! А когда он доволен, то и я так же рада бываю, как и он. Однако, что ни говори, но словами не переменишь того, что есть: и это точная правда.

Я хотела бы видеть тебя на моем месте... Нет, я не то хотела сказать; признаться, я никому не согласилась бы уступить своего места; но хотела бы, чтоб и ты также кого-нибудь полюбила: не для того только, чтоб ты получше понимала и поменьше бранила меня, но и для того, что ты счастливее, или, лучше сказать, тогда бы только и начала быть счастливою.

Забавы, веселости наши, все эти детские только потехи кончились, и все прошло; но любовь, ах! любовь... одно слово, один взгляд, присутствие одно... все доставляет нам счастье. Увидев Дансени, ничего не желаю, не видя его, одного его желаю. Я не знаю, как это делается; но, кажется, что все, что мне нравится, походит на него. Когда нет его со мною, то думаю о нем; и когда могу заняться им, оставшись, например, одна, я все еще счастлива; закрываю глаза, и он тотчас представляется мне; вспоминаю его разговор, и, кажется, слышу его голос; это заставляет меня вздыхать, и я чувствую такой жар, такое волнение... что не могу усидеть на месте, как будто мучит меня что-нибудь; но мучение это доставляет непонятное удовольствие.

Я даже думаю, что влюбленные сильнее чувствуют дружбу. Чувства мои, однако, к тебе нисколько не переменились; я так же люблю тебя, как и в монастыре; но к госпоже де Мертей, поверь мне, совсем другое чувствую. Мне кажется, я люблю ее более, нежели Дансени, нежели тебя, и иногда хотелось бы мне, чтобы и она была Дансени; это может быть оттого, что дружба наше с нею не детское, или оттого, что я их часто вижу вместе; мудрено ли тут обмануться! Словом, и это точная правда, они оба делают меня счастливою; притом же, я не думаю, чтобы что-нибудь дурное крылось в том, что я делаю. И для того-то желала бы я навсегда остаться так, как живу теперь; одна только мысль

о замужестве беспокоит меня, и если, в чем я и не сомневаюсь, Жеркур таков, как мне его описали, то я не знаю, что со мною будет. Прощай, милая София; люблю тебя со всею нежностью.

Из***, 4 сентября 17...

ПИСЬМО LVI

Президентша де Турвель к виконту де Вальмону

чему послужит, государь мой, ответ, которого вы от меня требуете? Верить вашим чувствам есть новая причина опасаться их; и потому, ни опровергая, ни защищая искренности оных, повторяю прежние уверения, что я не хочу и не должна отвечать им.

Положим, что вы искренно любите меня (я соглашусь на сие предположение для того только, чтоб не упоминать более о нем); но уменьшатся ли чрез то непреодолимые препятствия, разлучающие нас? И что остается мне делать, если не пожелать, чтоб вы могли в самом начале победить сию любовь; более же всего вспомоществовать вам в том, лишив вас заблаговременно всей надежды? Вы сами признаетесь, что *чувствование сие тягостно, когда предмет, внушающий оное, не разделяет его*. Вы, однако ж, совершенно знаете, что мне никак не возможно разделять его; да хотя бы несчастье сие и последовало со мною, то я сделалась бы достойною сожаления, а вы — все еще не были бы счастливее. Надеюсь, что почтение ваше ко мне удостоверит вас в сей истине. Итак, перестаньте, заклинаю вас, перестаньте смущать сердце, требующее спокойствия, и не принуждайте меня сожалеть о том, что я вас узнала.

Любима и почитаема мужем, коего я и сама люблю и уважаю, заключила я в одном сем предмете свои обязанности и удовольствия. Я счастлива — и должна быть счастлива. Если существуют сильнейшие удовольствия, я не желаю и не хочу их знать. Но с чем сравнить удовольствие: быть в согласии с самим собою, проводить безмятежные дни, засыпать без смущения и пробуждаться без раскаяния? Называемое вами благополучие есть одно волнение чувств, обуревание страстей, вид коих ужасает даже и стоящих на берегу: кто захочет предаться сим бурям? Кто отважится плавать по морю, покрытому обломками бесконечных кораблекрушений — и с кем еще? Нет, милостивый государь, я остаюсь на берегу: приверженность моя к нему для меня драгоценна. Я не разорвала бы связей сих, хотя бы и могла; не имея же, поспешила бы составить их.

Что вас влечет ко мне? На что с такою упорностью следовать по следам моим? Письма ваши должны бы быть редки, но одни за другими летят с невероятною поспешностью; должны бы быть скромны, но вы говорите в них об одной только безрассудной вашей любви. Мне легче было укрываться от вашего присутствия, нежели от заочных ваших вздохов. Удалясь под одним видом, вы не престаёте возрождаться под другим. То, о чем просят вас, чтобы вы молчали, повторяете беспрестанно, иным только образом. Стараетесь запутать меня обманчивыми убеждениями, уклоняясь от рассуждений моих. Я не хочу и не стану более отвечать вам... Как отзываетесь вы о женщинах, которых вы обольстили! Верить можно, что некоторые и достойны того; но неужели все заслуживают презрения? Ах! Конечно, заслуживают, потому что изменили своим обязанностям для порочной любви! С той самой минуты они всего лишились, и даже почтения от того, кому всем пожертвовали. Наказание достойное, но ужасное и для самого воспоминания! Впрочем, какая мне нужда заниматься ими и вами? Скажите, по какому праву нарушаете вы спокойствие мое? Оставьте меня, не встречайтесь никогда со мною, не пишите ко мне более, я прошу вас, требую сего. Это последнее мое к вам письмо.

Из ***, 5 сентября 17...

ПИСЬМО LVII

Виконт де Вальмон к маркизе де Мертей

озвратясь вчера домой, нашел я письмо ваше, любезная маркиза. Гнев ваш довольно позабавил меня. Если б Дансени и против вас наделал столько же ошибок, вы бы и тогда не могли чувствовать более досады. Конечно, измщения исподволь приучаете вы любовницу его к неверностям; куда как вы лукавы! Точно так, нет, вы прелестны, и я не удивляюсь, что вам менее сопротивляются, нежели Дансени.

Наконец разанатомил я прелестного и романического сего героя! Нет тайны, которой бы он не вверил мне. Я столько натолковал ему, что честная любовь есть верховное благо; что одно чувство стоит более десяти интриг; что я сам теперь влюблен и робок; заключения сии столь показались сходными с его образом мыслей, что он, пленясь моим чистосердечием, рассказал мне все и клялся вечною дружбою. За всем тем невелик еще сделан шаг для нашего предприятия.

Во-первых, кажется, поставил он себе правилом, что девица более достойна пощады, нежели женщина, потому что более теряет; и слепо верит, что ничто не может оправдать мужчину, если он доведет девицу до такого состояния, чтоб она должна была или выйти за него замуж, или остаться с бесчестьем, если она несравненно богаче своего любовника, какова, например, Сесилия Воланж. Доверие матери, чистосердечие дочери, — все останавливает его и делает робким. Невеликого стоило бы труда опровергнуть все эти доказательства, сколь они, впрочем, ни справедливы. Искусство с помощью любви скоро бы затмило их, сделало смешными и противными обычаям; но его тем труднее поддеть, что он в своем положении почитает себя счастливым. И действительно, если первоначальная любовь бывает благороднее, или, как говорят, добродетельнее, если она медленнее в своем шествии, то не от разборчивой нежности, не от робости, как думают; но оттого, что сердце, удивленное неизвестным ему чувствованием, останавливается, так сказать, на всяком шагу, чтобы насладиться ощущаемым очарованием, и потому что очарование сие действует весьма сильно на неопытное сердце и занимает его до такой степени, что оно и не помышляет о других удовольствиях. Это такая истина, что и самый влюбленный повеса, если повеса может влюбиться, с той самой минуты перестает гоняться за наслаждением и что между положением Дансени с малюткою Воланж и моим с богомолкою Турвель весьма невеликая находится разность.

Чтобы расшевелить нашего шевалье, надлежало бы заставить его попотеть над препятствиями, а он почти и не встречал их, и заставить его быть скрытнее, ибо скрытность ведет к предприимчивости. Я начинаю даже думать, что вы расстраиваете наш план, услуживая ему так усердно; все, что вы сделали, было бы бесподобно для человека *практикованного*, ищущего удовлетворять свои желания; но вы могли бы предвидеть, что молодой, благородный и влюбленный человек почитает верховною благосклонностию признание в любви; и, следственно, чем более удостоверяется, что его любят, тем менее бывает предприимчив. Что делать теперь? Я ничего не знаю; но не надеюсь, чтоб удалось подцепить малютку прежде свадьбы, и мы останемся в дураках: досадно! А помочь не вижу средства.

Между тем, пока я здесь хлопочу, вы делаете свое со счастливым шевалье. Это самое напоминает мне, что вы обещали изменить ему в мою пользу; о б л и г а ц и я эта у меня — передача вашей руки, и я не намерен ждать; правда, срок еще не вышел; но не великодушнее было бы расплатиться прежде протеста, тогда уступил бы я и проценты. Как вы думаете, милая маркиза? Неужели не наскучило вам постоянство? Или шевалье этот так геркулесоват? Ах! Дайте мне только волю: я докажу, я заставлю признаться вас, что если вы находите в нем некоторые достоинства, то потому только, что забыли меня. Прости, прелестный друг; обнимаю вас заочно так, как того желаю, и не думаю, чтобы поцелуи шевалье могли равняться пылкостью с моими поцелуями.

Из ***, 5 сентября 17...

ПИСЬМО LVIII

Виконт де Вальмон к президентше де Турвель

ем заслужил я, милостивая государыня, укоризны и гнев ваш? Живейшая, но притом почтительнейшая признательность, совершенная покорность малейшей вашей воле: вот, в двух словах, картина моих чувствований и поведения моего. Удрученный горестями несчастной любви, поставляя я все утешение свое в том только, чтоб видеть вас; вы повелели мне лишиться его; я повиновался без всякого роптания. В награду пожертвования сего позволили мне писать к вам; а теперь хотите отнять у меня и последнее сие удовольствие. Допущу ли я, чтобы похитили его у меня без всякого сопротивления? Нет, конечно, нет: ах! можно ли, чтоб оно не было драгоценно моему сердцу — оно одно предоставлено мне, и я от вас испросил его!

Письма мои, говорите вы, очень часты! Подумайте, однако ж, заклинаю вас, что во все десять дней, как продолжается изгнание мое, не было ни одной минуты, чтобы я не занимался вами, а вы получили от меня только два письма! *Я говорю в них об одной только любви своей!* Ах! Что я могу говорить, если не то, что чувствую? В моей власти состояло ослабить страстные выражения, поверьте, что я обнаружил вам те только чувствования, которых не мог уже скрыть. Наконец, угрожаете вы мне, что не станете более отвечать; итак, не довольствуясь жестокостями, оказываемыми человеку, который предпочитает вас всему и уважает еще более, нежели любит, вы хотите присоединить к суровости своей и самое даже презрение! За что же угрозы и гнев сей? И нужны ли они вам? Не уверены ли вы, что не смеют ослушаться вас даже и в несправедливых ваших приказаниях? Могу ли я противиться какому-либо желанию вашему, и не доказал ли я вам сего? Но неужто вечно будете во зло употреблять власть, полученную надо мною? Ввергнув меня в несчастья, сделавшись несправедливою, еще ли можете наслаждаться спокойствием, которое, как уверяете вы, столь вам нужно? И не скажете ли когда-нибудь: он поставил меня повелительницею своей судьбы, а я сделала его несчастным? он умолял, призывал мое пособие, а я взирала на него без жалости? Знаете ли, до чего может дойти отчаяние мое? — Нет.

Чтоб успокоить мои бедствия, надлежало бы знать, до какой степени я вас люблю; а вы не знаете и моего сердца!

Чему жертвуете вы мною? пустым страхам. Кто ж внушает их? человек, над которым беспредельная власть ваша никогда не прекратится. Человек, который обожает вас. Чего же вы страшитесь? И можно ли страшиться такого чувствования, коим всегда властны будете располагать по своей воле? Но воображение ваше порождает чудовищ, а страх, ими причиняемый,

приписываете вы любви. Имейте побольше доверчивости, и привидения сии исчезнут.

Некто из философов сказал, что для рассеяния страхов довольно исследовать причины, производящие их¹. Правило сие предпочтительно может быть применено в любви. Любите, и страхи ваши исчезнут. Вместо ужасающих вас предметов ощутите сладостное чувство, найдите нежного и покорного любовника; и все ваши дни, протекая в счастье, оставят по себе одно только сожаление о днях, потерянных вами в равнодушии. Я сам с той минуты, как, оставя свои заблуждения, начал существовать для одной любви, начал также сожалеть о том времени, которое, казалось мне, проводил в утехах, и начал чувствовать, что вы одни можете сделать меня счастливым. Но, ради бога, не возмущайте удовольствия писать к вам опасением прогнать вас. Я не хочу послушаться вас; но у ног ваших молю, не похищайте единственного моего благополучия, вами мне предоставленного; заклинаю вас, сжальтесь над моими слезами: ах, милостивая государыня, ужели во всем откажете?

Из ***, 7 сентября 17...

ПИСЬМО LIX

Виконт де Вальмон к маркизе де Мертей

кажете, пожалуйста, если вы знаете, что значит дансениева эта горячка? Что с ним сделалось и чего он лишился? Может быть, красавице его наскучило бесконечное его почтение? Признаться, оно скорее всего наскучит. Что мне ему сказать при свидании, которое наудачу назначил я ему сегодня вечером? Я, право, не намерен слушать его жалобы, если они ни к чему нам не послужат. Любовные стоны приятно слушать только в *рецитативо облигато*² или в больших ариях. Почему и прошу вас известить

меня, что делается у вас и что мне должно делать; иначе я улизну и сам, чтобы избавиться от очевидной скуки. Нельзя ли переговорить нам сегодня утром? Если вы *заняты*, то дайте мне знать и укажите, за какую роль мне следует взяться.

¹ Кажется, это Руссо в «Эмиле», но цитата неточна, и Вальмон неправильно ее применяет; кроме того — читала ли госпожа де Турвель «Эмиля»?

² *Облигатный (обязательный) рецитатив* (фр. *récitatif obligé*) — речитатив в сопровождении оркестра (*примеч. ред.*).

Но скажите, где вы были вчера? Ума не приложу, как с вами видется! По чести, не стоило труда задерживать меня для этого одного в Париже в сентябре!¹ Пора, однако ж, решиться; графиня Б*** убедительно просит меня, чтобы я побывал у них на даче, дав мне при этом заметить в шутку, «что у ее мужа есть наилучший в округе заповедник, который сберегает он для одних только своих друзей». Вы сами знаете, что я имею некоторое право на этот заповедник, почему и намерен завернуть туда, если вы не имеете во мне надобности. Прощайте и не забудьте, что Дансени нагрянет ко мне в четыре часа.

Из ***, 8 сентября 17...

ПИСЬМО LX

Шевалье Дансени к виконту де Вальмону
(приложенное к предыдущему)

х! Милостивый государь, спасите отчаянного, погибающего. Не смея вверить бумаге сей тайну горестей моих, чувствую всю необходимость излить их в недра верного и надежного друга. В котором часу могу я вас видеть и просить утешения и советов? Сколь счастлив был я в тот день, когда открыл вам свое сердце! Теперь какая разница! все переменилось для меня. Страдания мои, однако ж, составляют малейшую часть мучений моих, беспокойство о бесценном предмете терзает меня, и вот чего не в силах я перенести. Вы счастливее меня, можете видеть ее, и я надеюсь, что по дружбе своей не откажете мне в том; нужно, однако, поговорить с вами и рассказать вам все. Вы пожалеете обо мне, поможете мне; на вас одних вся моя надежда. Вы сострадательны, знаете сами, что такое любовь, и вам одному могу себя вверить; не отрекитесь помочь мне!

Прощайте, милостивый государь; в печали своей я имею по крайней мере то утешение, что вы остаетесь моим другом. Прошу вас уведомить меня, в котором часу можно будет застать вас. Если нельзя утром, то хотя бы после обеда, но пораньше только.

Из ***, 8 сентября 17...

¹ См. письмо XXXVIII.

ПИСЬМО LXI

Сесилия Воланж к Софии Карне

илая Софья, пожалей о Сесилии, о бедной твоей Сесилии, она страх как несчастлива! Матушка все теперь знает. Я не понимаю, с чего взяла она подозрение, однако ж она дошла до всего. Вчера вечером показалось мне, что маменька была не в духе; я пропустила это без внимания, и, между тем даже, когда она играла в карты, я очень весело разговаривала с госпожою де Мертей: она ужинала у нас, и мы долго занимались с нею о Дансени. Впрочем, не думаю, чтобы кто-нибудь мог нас подслушать. Она распрощалась, и я пошла в свою комнату.

Я раздевалась, когда маменька вошла ко мне, выслала горничную мою и потребовала ключ от моего письменного столика. Она таким голосом спрашивала, что меня бросило в озноб и я едва могла удержаться на ногах. И хотела притвориться, будто не могу сыскать ключа: но, наконец, его надлежало отдать. Открыв первый ящик, напала она тотчас на дансениевы письма. Тут в такое приведена я была замешательство, что когда маменька спросила меня, что это такое, то я, не зная, что сказать, отвечала ей: так, ничего; но увидев, что она начала читать его письма, насилу добрела до кресел, и мне так сделалось дурно, что я упала без памяти. Как только я пришла в чувство, маменька позвала горничную, велела мне лечь в постель и вышла. Она унесла с собою все дансениевы письма. А и х о р а д к а бьет меня всякий раз, как я вспомню, что мне должно будет идти к ней. Поверишь ли? Всю ночь плакала я без умолку.

Я пишу к тебе на самом рассвете в надежде, что зайдет Жозефина; если удастся поговорить с нею наедине, то попрошу ее отдать госпоже де Мертей записочку, которую теперь же напишу к ней; а не то вложу ее в твое письмо; сделай милость, отошли ее, будто бы от себя. Она одна может подать мне некоторое утешение. По крайней мере, мы поговорим с нею о Дансени, видеть же его я более не надеюсь. Ах, как я несчастлива! Может быть, по дружбе своей ко мне согласится она переслать к нему письмо. Я не смею положиться в этом на Жозефину, а на горничную свою и еще меньше; не она ли, полно, сказала маменьке, что в моем столике были письма?

Более не пишу к тебе, потому что хочу писать к госпоже де Мертей и также к Дансени; нужно, чтобы письмо было готово, если она возьмется переслать его! Потом я опять лягу, чтоб меня видели в постели, когда войдут в мою комнату. Я скажусь больною, чтоб нейти к матушке. Немного, однако, сосну; меня действительно мучит пуще злой лихорадки. Глаза так заплаканы, что горят, и на груди так тяжело, что не могу почти дышать. Как вспомню, что не вижу более с Дансени, то желала бы лучше умереть. Прощай, милая Софья!

Я не могу ничего сказать тебе более, и так расплакалась, что у меня дух захватывает.

Из ***, 7 сентября 17...

Примечание. Письмо Сесилии Воланж к маркизе выпущено, поскольку она то же самое пишет и к ней, с меньшими только подробностями. Письма Сесилии к Дансени не отыскали: причину тому можно увидеть в письме LXIII госпожи де Мертей к де Вальмону.

ПИСЬМО LXII

Госпожа де Воланж к шевалье Дансени

потребив во зло доверенность матери и невинность малолетней дочери, нельзя, государь мой, удивляться, если вам отказывают от такого дома, где за совершенно искреннюю дружбу нарушили вы все правила честности. Я не хотела отдать об этом приказа швейцару, дабы не подать повода к разным толкам, для нас обоих невыгодным, и предпочла просить вас самих, чтобы вы оставили нас своими посещениями. Кажется, я имею право надеяться, что вы не заставите меня отказывать вам вторично через людей.

На всякий, однако ж, случай уведомляю вас, что при малейшем покушении вашем удерживать дочь мою в заблуждении, в которое вы ее ввергли, строгое и вечное заточение избавит ее от ваших происков. От вас, государь мой, зависит теперь показать, столь же ли мало страшитесь вы быть виновником ее несчастия, сколь безбоязненно посягали на ее бесчестие. Что касается до меня, мой выбор уже сделан, и она о том уведомлена.

При сем следует пакет ваших писем. Я надеюсь, что и вы пришлете мне, в свою очередь, все письма моей дочери и не захотите оставить никаких следов такого происшествия, о котором нельзя вспоминать мне — без негодований и стыда, а вам — без терзаний и укорений совести. Имею честь быть и пр., и пр.

Из ***, 7 сентября 17...

ПИСЬМО LXIII

Маркиза де Мертей к виконту де Вальмону

очно так, я растолкую тебе записку. Дансениево происшествие, понудившее его писать к тебе, есть дело мое и, кажется, самое мастерское. Получив последнее твое письмо, я не теряла времени и, подобно афинскому архитектору, сказала: «Он рек — я сделаю»¹.

Так томному герою сей повести нужны препятствия, чтобы благополучие не усыпляло его? О! Пусть положится на меня; он у меня напляшется, и я буду не я, если он сможет теперь спокойно спать. Надобно было дать ему почувствовать цену времени, и я надеюсь, что он начинает уже жалеть о потерянном. Надлежало также, говоришь ты, чтобы он имел более нужды в скрытности; знай же, что и без нее не обойдется. Есть, однако, и во мне доброе свойство: стоит только намекнуть мне о моих прегрешениях, и я до тех пор не успокоюсь, пока всего не заглажу. Но время рассказать тебе все подвиги мои и дела.

Возвратясь третьего дня домой, нашла я твое письмо; прочитала его; признаюсь, оно открыло мне глаза. Ты показал истинную причину зла, и я тотчас начала приискивать средства, как его отвратить. Прежде всего я легла в постель, потому что неутомимый шевалье не дал мне уснуть ни на минуту, и мне казалось, что меня клонит сон; но все вышло не то. Занявшись совершенно Дансени, горела я нетерпением извлечь его из беззаботности или наказать его в случае неудачи; ломала голову, и, обдумав весь план, насилу могла сомкнуть глаза часа на два.

В тот же вечер поехала я к госпоже де Воланж и по начертанному плану открыла ей в доверенность, что по всем моим замечаниям дочь ее имеет с Дансени опасную связь. Женщина эта, столь проникательная в рассуждении тебя, до такой степени ослеплена была, что сперва начала меня уверять, что я, без всякого сомнения, ошибаюсь; что ее дочь еще ребенок, и пр., и пр. Я не могла сказать ей всего, что знала, и для того сослалась на некоторые взгляды, на некоторые слова, которыми *добродетель моя и дружество были встревожены*. Потом пустилась в нравоучения, рассуждала, как набожная, и, чтобы нанести решительный удар, сказала: «Милая! Кажется, заметила я нечто похожее на передачу писем. Это напоминает мне, — примолвила я, — что однажды, когда Селилия открыла при мне свой столик, то увидела я множество бумаг, которые она, конечно, прячет. Вы, верно, знаете, с кем она в переписке?»

¹ Один афинский архитектор пространно описывал красоту своих будущих строений, а второй произнес только вышеуказанные слова (Плутарх, «Наставление государственным деятелям») (*примеч. ред.*).

Тут госпожа де Воланж переменилась в лице, и слезы навернулись у ней на глаза. « Благодарю вас, бесценный мой друг, — сказала она, пожав мне руку, — я постараюсь разведать ».

Окончив разговор в коротких словах, дабы не подать подозрения, подошла я к Сесилии и, оставив ее на минуту, возвратилась к матери, прося, чтоб она не ссорила меня с дочерью. Она тем охотнее дала мне слово не помянуть обо мне, что я заметила ей, сколь нужно для собственного благополучия малютки, чтобы она вверилась в меня и, открыв мне свое сердце, подала бы случай вразумлять ее *благоразумными моими наставлениями*. Я уверена, что она сдержит свое слово и для того даже, чтоб показать перед дочерью, сколь она проникательна. Сим изворотом осталась я на дружеской ноге с дочерью и отвратила все подозрения в глазах госпожи де Воланж, в чем наиболее и старалась я предупредить. Главная же моя выгода состоит в том, что теперь могу оставаться с Сесилией сколько мне угодно и говорить с нею по секрету, не подавая ни малейшего подозрения госпоже де Воланж.

Я воспользовалась этим правом в тот же вечер; после игры, отведав малютку в сторону, засадила ее в угол и принялась за Дансени; она никогда не может наговориться о нем. Я вскружила ей голову, войдя во все подробности удовольствия, которое почувствует она, увидясь с ним завтра; нет глупостей, которых бы я ей не насаждала. Надобно было возвратить ей хотя в надежде то, что я отнимала у нее в самом существе; притом удар будет для нее гораздо чувствительнее, и я уверена, что чем более заставить ее страдать, тем более постарается она наградить мучения свои при первом же случае. Впрочем, не худо также заблаговременно приучать к большим переломам того, кого прочат для громких *авантюр*.

К тому же удовольствие обладать Дансени стоит нескольких слез! Она без ума от него! Быть так, я обещаю ей, что она получит его, и скорее даже, нежели бы могла думать до этой грозы. Неприятный сон ее окончится сладостным пробуждением; и ежели все взвесить, то она должна благодарить меня: да если б и вмешалось тут несколько лукавства, почему и не позабавиться?

Для умных созданы игрушкой дураки¹.

Наконец, я распрощалась, будучи крайне довольна собою. Или Дансени, думала я, побуждаемый препятствиями, удвоит домогательства любви, и тогда стану помогать ему, сколько сил моих достанет; или, если он так глуп, как мне кажется, что в отчаянии почтет себя погибшим, то и в таком случае я, по крайней мере, буду отмщена, сколько от меня зависело; а между тем умножу почтение к себе матери, дружбу дочери и доверенность обеих. В рассуждении же Жеркура, первого предмета заботливости моей, надобно быть совершенному несчастью, или пошлой дуре, чтобы, овладев его женою так, как я овладела,

¹ Строка из комедии «Злюка» французского поэта и драматурга Жана-Батиста Грессе (1709–1777) (*примеч. ред.*).

не найти тысячу способов сделать ее такою, какой мне хочется. В сих-то приятных мыслях я легла; мудрено ли, что я спала очень хорошо и встала поздно!

Проснувшись, я нашла на своем столике две записки: одну от матери, другую от дочери, и не могла удержаться от смеху, видя, что обе изъясняются точно сими словами: «*От вас одних ожидаю я некоторого утешения*». Не забавно ли, в самом деле, быть утешительницей двух сторон и посредницею двух во всем противных просьб? Я уподобляюсь теперь божеству, при ем л ю щ е м у противоположные моления слепых смертных и не применяющему непреложной воли своей. Оставив, однако ж, важное это лицо, приняла я вид ангела-утешителя и, следуя правилам пастырей наших, посетила скорбящих.

Я начала с матери; жестокая ее печаль служит уже тебе некоторым отпущением за причиненные тебе досады в предостережении твоей богомолки. Все идет как нельзя лучше: я опасалась, однако ж, чтоб госпожа де Воланж, воспользовавшись сим случаем, не вкралась в доверенность своей дочери, в чем легко бы она успела, употребив в разговорах кротость и ласковость и придав советам рассудка вид и тон снисходительной нежности. К счастью, она вооружилась строгостию и так дурно себя повела, что мне не о чем теперь и беспокоиться. Однако чуть было не расстроила она всех наших замыслов, приняв намерение отвезти дочь свою в монастырь; но я отвратила удар, уговорив ее пострадать только Сесилию монастырем, буде Дансени не прекратит своих поисков; этим самым принужу я обеих поступать с большею скрытною, столь необходимою для успеха наших предприятий.

Наконец зашла к дочери. Ты не поверишь, сколько печаль придала ей прелестей! Пусть только познакомится она с кокетством, тогда, уверяю тебя, что станет почаще плакать: тут плакала она без лукавства... Поражена будучи новою сею красотою, которой не предполагала я в ней, и желая все заметить, начала я обыкновенными неловкими утешениями, которые растрavляют только горесть нашу, нимало не облегчая ее, и до того довела, что она едва не задохнулась. Слезы остановились, вздохи усиливались, и я, опасаясь судорожных припадков, присоветовала ей лечь, на что она и согласилась; я заступила должность горничной: она не одевалась во весь тот день; распущенные волосы ее вскоре упали на плечи и покатались по груди — совершенно обнаженной; я обняла ее; она опустилась ко мне на руки, и слезы полились опять ручьями. Ах, как она была прекрасна! Кающаяся только Магдалина могла с нею равняться.

Положив отчаянную красавицу в постель, принялась я утешать ее от чистого сердца, рассеяла страх ее быть опять в монастыре, возродила в ней надежду видаться тайком с Дансени и, сев к ней на постель, вскричала: «Ну, если бы он о ч у т л с я здесь!» Потом, придерживаясь сего текста, в такое рассеяние завела ее, что она вовсе позабыла свою печаль. Мы бы расстались, совершенно довольные друг другом, если б она не вздумала просить меня о доставлении письма к Дансени, в чем я ей наотрез отказала. Вот мои причины, которые и ты, конечно, найдешь справедливыми.

Во-первых, я запутала бы себя в глазах Дансени; но эта самомалейшая причина, главные относятся до тебя и до меня. Не могла ли я лишиться всего плода трудов моих, доставив вдруг любовникам столь удобный способ утешать свою печаль? Притом, мне бы хотелось заставить их вмешать в эту переписку кого-нибудь из слуг, для того чтобы после счастливой развязки, в чем я и не сомневаюсь, можно было все разгласить тотчас после свадьбы, а слуги для того всего способнее; если ж бы каким-нибудь чудом не стали они говорить, мы сами бы все рассказали, приписывая разнесшийся слух их нескромности.

Итак, надобно, чтобы ты сегодня же подал эту мысль Дансени, и, поскольку я не уверена в горничной малютки Воланж, которой и сама она не слишком доверяет, то ты можешь представить к услугам верную мою Викторию. Я постараюсь, чтобы все пошло на лад. Мысль эта тем более нравится мне, что доверенность сия нам, а не им полезна будет, как ты увидишь из последствий: я еще не кончила своей повести.

Между тем как я не соглашалась принять от Сесилии письмо, признаюсь, долго опасалась, чтоб она не предложила мне переслать его по маленькой почте¹, в чем мне никак нельзя было ей отказать. К счастью, по замешательству, или по неведению, или потому что ей хотелось через верные руки получить ответ, которого нельзя ей было ожидать сею дорогою, только она не поминала мне ни слова о сей почте; но чтобы эта мысль не пришла ей в голову, чтобы нельзя ей было даже и думать о сем, я тотчас решилась; и, войдя к госпоже де Воланж, уговорила ее увезти дочь свою на несколько времени в деревню... Куда ж бы ты думал? Не бьется ли сердце у тебя от радости?.. К твоей тетушке, к престарелой Розмонд. Она сегодня пишет к ней об этом; теперь имеешь ты все права возвратиться к своей богомолке; она не может уже отговариваться соблазнительным уединением, и, благодаря моей расторопности, сама госпожа де Воланж поможет тебе в твоих предприятиях, которые старалась расстроить.

Но послушай, занявшись своими делами со свойственною тебе пылкостью, не потеряй из виду моего поручения: вспомни, что оно лежит у меня на сердце. Я хочу, чтобы ты был корреспондентом и советником обоих любовников. Уведомь же поскорей Дансени об отъезде божества его и предложи ему свои услуги. Покажи, какого труда стоит доставить в руки красавицы кредитивную о тебе грамоту и уничтожь тотчас затруднение сие представтельством благонадежной моей Виктории. Нет сомнения, чтобы он не согласился; труды твои награждены будут доверенностью нового сердчишка, которая всегда бывает заманчива. Бедная малютка! Как она будет краснеть, отдавая тебе первое свое письмо! Признаться, роль поверенного, против которой столь вооружаются предрассудки, в моих глазах есть приятнейший отдых при других занятиях; а ты точно в этом положении.

---

¹ *Маленькой почтой* называется в Париже пешая почта, с которой пересылают письма из одной части города в другую.

Ах, как она была прекрасна!

Итак, от твоей заботливости зависит развязка этой интриги. Назначь сам время, когда должно будет совокупиться действующим лицам. Деревня представляет тысячи способов; Дансени, верно, будет готов и отправится по первому сигналу. Ночью, переодевшись, в окно... всего вдруг и не придумаешь. Но послушай, если девица Воланж возвратится из деревни такою же, какою туда поедет, то я примусь уже за тебя. Если нужно будет, чтобы я разрешила некоторые ее сомнения, уведоь меня. Я, кажется, довольно ей толковала, сколь опасно беречь письма, почему и не отваживаюсь писать к ней, имея твердое намерение сделать из нее свою воспитанницу.

Я позабыла, кажется, сказать тебе, что она сперва подозревала горничную свою в доносе на ее переписку; но я обратила подозрение на аббата, ее духовника. Это значит одним швырком два удара сделать!

Прощай, виконт; я записалась, и меня давно уже ждут с обедом: самолюбие и дружба водили моим пером, говорливость же их тебе известна. Впрочем, ты вовремя получишь это письмо, оно будет у тебя в три часа.

Ж а л у й с я теперь на меня, если смеешь, и пускайся, если есть охота, в заповедник графа Б***. Ты говоришь, что он бережет его для потехи своих друзей? Поэтому он и друг всесветный. Прощай, однако ж, мне пора обедать.

Из ***, 9 сентября 17...

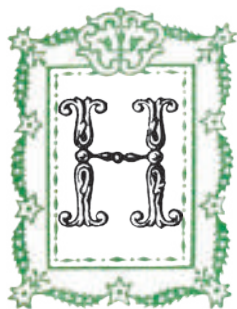

ПИСЬМО LXIV

Шевалье Дансени к госпоже де Воланж

(копия, приложенная к письму LXVI

от виконта де Вальмона к маркизе де Мертей)

е извиняя, милостивая государыня, поступка моего и не жалуясь на ваш, сокрушаюсь о происшествии, причинившем несчастье трех особ, достойных лучшего жребия. Прискорбие быть виновником убивает меня более всего; и я, забыв собственную горесть, несколько крат покушался вчера с должным почтением ответить вам, милостивая государыня, но не мог собраться с силами. Должно, однако ж, приневолить себя и сказать вам все. Я ласкаюсь, что самая несвязность письма сего, открыв вам болезненное положение мое, исходатайствует мне снисхождение ваше.

Позвольте прежде всего сделать возражение на самое начало вашего письма. Я не употребил во зло, осмеливаюсь сказать, ни вашего доверия, ни невинности Сесилии де Воланж; почитая обеих, располагал я по сему внушению

деяниями своими, единственно от меня зависевшими. Но если вы вините меня в невольной страсти, то, не обинуясь, скажу вам, что чувство, внушенное мне любезнейшею дочерью вашею, может не нравиться вам, а не оскорблять вас. В сем случае толико, для меня убийственным, поставляю вас судьбою, а письма мои свидетелями.

Вы запрещаете мне вход в ваш дом, и я, конечно, должен повиноваться вашей воле; но, отстав вдруг и навсегда, не подам ли я повода вашим людям к тем точно толкам, из-за которых вы, сами избегая, не хотите отдать обо мне приказа вашему швейцару? Я настаю в этом из единственного уважения к чести девицы де Воланж и уверен, что вы, обдумав все, не позволите строгости вашей препятствовать действию благоразумия вашего; почему и буду ожидать ваших повелений, зная, что польза любезнейшей дочери вашей будет руководствовать вашею решимостию.

Между тем, если вы позволите мне быть иногда у вас с моим почтением, я обещаю вам, милостивая государыня, и вы можете положиться на мое слово, не употреблять во зло дозволения сего, не изыскивать случаев говорить с нею наедине и не п е р е д а в а т ь ей писем. Страх помрачить доброе имя девицы де Воланж приневольивает меня к сему пожертвованию, счастье видеть ее иногда — наградит все мои мучения.

В сем состоит ответ мой в рассуждении предназначаемого вами жребия любезнейшей дочери вашей, зависящего, по словам вашим, от моих поступков. Обещать более значило бы обманывать вас. Подлый оболститель располагает предприятия свои по обстоятельствам и происшествиям; но кто руководствуется любовью, так, как я, тот не ведает иных чувств, кроме твердости и постоянства.

Как, мне! Мне согласиться забыть девицу де Воланж; мне позволить, чтоб она меня забыла? Нет, нет, никогда! Я буду ей верен; я клялся ей в том и теперь возобновляю сию клятву. Простите, милостивая государыня, рассеянность и заблуждения мои.

Я возвращаюсь к письмам, которых требуете вы от меня; мысль, что я должен присовокупить отказ к проступкам, предполагаемым вами во мне, действительно мучит меня; но умоляю вас, выслушайте мои причины и для уважения их вспомните, что единственное утешение мое, лишившись по несчастию дружбы вашей, заключается в надежде сохранить ваше почтение.

Письма девицы де Воланж, столь для меня милые, почитаю я совершенным сокровищем в настоящем моем положении. Они составляют все мое благо; я лишен всего, но они напоминают мне еще о чувстве, услаждающем жизнь мою. Поверьте, однако ж, что я не стал бы колебаться и в сем пожертвовании, что для убеждения вас в почтительной моей покорности лишился бы их беспрекословно, если бы не воздерживали меня сильные причины, которые, надеюсь, вы сами одобрите.

Тайна девицы де Воланж, конечно, открыта вам; но позвольте сказать, мне кажется, вы уловили ее, а не приобрели доверенностию. Я отнюдь не опорочиваю поступка вашего, оправдываемого родительским попечением, почитаю

ваши права, но знаю, что они не могут заставить меня позабыть мои обязанности. Священнейший долг повелевает не изменять доверенности, вверяемой нам, и я преступил бы сей самый долг, представив чуждым взорам то, что открыто было моему только сердцу. Если Сесилия намерена сообщить вам все, пусть она говорит; письма ее не нужны будут для вас; но если, напротив того, хочет, чтоб тайна ее осталась при ней, я думаю, вы не станете домогаться, чтобы я изменил ей. Впрочем, будьте спокойны в рассуждении происшествия сего, которое вы желаете ото всех скрыть; все, что касается до чести девицы де Воланж, столь же дорого и для меня, как и для сердца матери ее. Я все распорядил к совершенному успокоению вас, и драгоценный сей залог, на коем надписано было: «*Бумаги, следующие сжечь*», останется теперь под надписью: «*Бумаги, принадлежащие госпоже де Воланж*». Самое распоряжение сие должно убедить вас, что письма эти не заключают в себе ничего оскорбительного для вас.

Письмо мое довольно пространно, но оно было бы и еще пространнее, если бы я мог предполагать, что вы имеете хотя бы малейшее сомнение в честности моих чувств, в искреннем сожалении моем о прогневании вас и в глубочайшем почтении, с коим честь имею пребыть и пр.

Из ***, 7 сентября 17...

ПИСЬМО LXV

Шевалье Дансени к Сесилии Воланж

(пересланное под открытою печатью к маркизе де Мертей
в письме LXVI виконта де Вальмона)

х! Сесилия, что с нами будет! Кто спасет нас от предстоящих бедствий? Ужели любовь не подаст нам потребной твердости? Как описать вам удивление, отчаяние мое при виде писем моих при чтении записки вашей матушки? Кто изменил нам? На кого падают подозрения ваши? Не причину ли собственная ваша неосторожность? Что вы делаете теперь? Что вам сказывали? все желаю знать и ничего не знаю. Может быть, вы и сами столько же о сем знаете, как и я.

—
Я посылаю к вам записку вашей матушки и копию с ответа моего, надеясь, что вы одобрите все, что я ей сказал. Желаю, чтоб вы одобрили также и все мои поступки после пагубного сего приключения; все они стремятся к тому,

чтобы иметь от вас известие и уведомлять вас о себе; и — кто знает? — может быть, видеться с вами опять с большею еще свободою.

Скажите, милая Сесилия, какое удовольствие быть опять вместе, повторить вновь клятву вечной любви и — видеть во взаимных взглядах, чувствовать в душах наших, что клятва сия не ложная? Каких мучений не наградит столь сладостная минута! Поверьте, я надеюсь, что минута сия настанет, поступки мои, на которые испрашиваю вашего одобрения, доставят нам все. Что я говорю? Я обязан всем утешительным попечениям нежнейшего друга, и одного только прошу, чтобы друг сей был также и вашим другом.

Может быть, и не следовало мне ручаться за вашу доверенность без вашего согласия, но несчастье и н е о б х о д и м о с т ь извинят меня. Любовь руководствовала мною; она-то и испрашивает снисхождения вашего и желает, чтоб вы простили открытие тайны нашей тому, без коего, может быть, остались бы мы навсегда в разлуке¹. Вы знаете, о ком я говорю: он друг почтенной дамы, которую более всех вы любите — виконт де Вальмон.

Прибегнув к нему, я был намерен в самом начале просить его, чтобы он убедил госпожу де Мертей доставить к вам мое письмо. Средство сие показалось ему ненадежным, и вместо госпожи предложил ее горничную, которая за многое уже одолжена ему. Вы получите письмо это через нее и можете доставить с нею ответ.

Посobie сие будет, однако ж, для вас бесполезно если, как думает господин Вальмон, вы в скором времени поедете в деревню. Но тогда он сам намерен служить вам. Помещица, к которой вы едете, близкая ему родня. Под сим предлогом отправляется он туда, берется пересылать наши письма и уверяет даже, что если вы будете следовать его советам, то он доставит нам средство видеться без малейшей для вас опасности.

Итак, милая Сесилия, если вы меня любите, если жалеете о моем несчастье, если разделяете мои страдания, то не откажите в доверии вашему человеку, коего почитаю я ангелом-хранителем обоих нас. Без него, будучи доведен до отчаяния, не мог бы я улаживать причиняемых вами горестей. Они прекратятся, милая моя, но дайте слово, что вы не будете унывать. Самая даже мысль о вашей горести убивает меня. Я не пожалел бы и самой жизни, если бы мог тем составить ваше благополучие! Вы это знаете; но если удостоверение, что вас обожают, может доставить вам некоторое утешение, не отвергайте его и в утешение мое уверьте меня, что вы прощаете любви причиняемые ею бедствия.

Прости, милая Сесилия, прости, нежнейший друг!

Из ***, 9 сентября 17...

---

¹ Господин Дансени делает ложное признание. Он открылся виконту де Вальмону до сего приключения. См. письмо LVII.

ПИСЬМО LXVI

Виконт де Вальмон к маркизе де Мертей

з прилагаемых к сему двух писем увидите вы, прелестнейший друг, исполнил ли я ваши начертания. Письма сии, хотя и зачислены сегодняшним днем, но писаны вчера, у меня, на моих глазах; в послании к малютке помещено все, чего нам хотелось. Судя по успехам поступков ваших, всяк должен преклонить выю пред непостижимою обширностию ваших видов. Дансени горит, пылает, и, верно, после первой встречи вы перестанете бранить его. Если простосердечная невинница его не станет упорствовать, все будет окончено по приезде его в деревню; у меня все уже средства придуманы.

Итак, по милости вашей я теперь считаюсь *привилегированным другом Дансени*; все, что ему нужно, это быть *принцем*¹. Но как он молод еще! Поверите ли, что я не мог никоим образом уговорить его, чтобы он отрекся пред госпожою Воланж от своей любви; как будто великого труда стоит обещать то, чего не намерены мы сдержать! Я обманул бы мать, твердил он мне беспрестанно: не трогательный ли это пример добродетели, в том особливо, кто ищет обольстить дочь ее! Вот каковы мужчины! Они и самую даже слабость духа в исполнении злодейских своих предприятий величают честностию.

Теперь остается вам успокоить госпожу Воланж и не допускать, чтоб она сердилась на нашего рыцаря за упорство его и некоторые безрассудности, в письме его помещенные; спасите нас от монастыря и постарайтесь, чтобы перестали домогаться сесилиных писем. Он их не отдаст, не намерен отдать, и я одного с ним мнения: любовь и рассудок согласны в том. Как ни скучно было, но я прочел все эти письма. Они будут для нас полезны, и вот почему:

Невзирая на все наше благоразумие, интрига может случайно обнаружить: жеркурова свадьба может не состояться, и все наши затеи порушатся, не правда ли? Но так как я принял твердое намерение мстить старой Воланж, то и при самой неудаче хочу обесславить дочь ее. Некоторые письма ее, кстати разглашенные, заставят думать, что Сесилия дала повод и, так сказать,

¹ Выражение из одной поэмы господина де Вольтера.

сама навязалась; прочие же послужат ко вреду матери и *заклеймят* ее непростительною оплошностью. Знаю, что деликатный Дансени взбунтуется, но и его надеюсь уломать, представив, что тут пострадают интересы его личности. Можно биться об заклад сто против одного, что дело пойдет своим чередом; но лучше, предвидев все, принять заблаговременно надлежащие меры.

Прости, милый друг: как бы вы были любезны, если б приехали завтра на ужин к фельдмаршалше Д***... Я не мог отказаться.

Кажется, не нужно напоминать вам, чтобы вы ничего не говорили госпоже Воланж о моем намерении ехать в деревню; она, наверно, останется в городе; заехав же туда, не поворотит назад так скоро; а я отвечаю за все, если проживет там одну только неделю.

Из ***, 9 сентября 17...

ПИСЬМО LXVII

Президентша де Турвель в виконту де Вальмону

не намерена была отвечать вам, государь мой, и, может быть, беспокойство, которое я и теперь ощущаю, служит новым доказательством, что действительно не должна бы отвечать. Но не желая оставить вам ни малейшего повода жаловаться на меня, хочу притом и убедить вас, что я сделала все, что могла.

Я позволила вам писать, говорите вы, я согласна; но, напоминая мне о сем позволении, могли ли вы думать, что я забыла, на каких условиях дано вам сие право? Если бы я была столько же тверда, как вы неустойчивы в своем слове, то вы не получили бы от меня ни одного ответа. Это, однако ж, третье ответное письмо мое; и в то самое даже время, когда вы всячески стараетесь принудить меня прервать нашу переписку, я стараюсь *п р и и с к и в а т ь* средство к продолжению оной. Средство сие есть одно и последнее; не приняв его, докажете, сколь мало вы меня цените.

Оставьте выражения, которых не могу и не хочу слушать; отвергните чувство, оскорбляющее, утрашающее меня и к коему не должны бы вы так прилепяться, зная, что оно служит препятствием, разлучающим нас. Неужели не можете вы познать других чувств и не делать любви виновною в глазах моих — за исключение дружбы? Я не верю; посрамительная мысль сия возмутила и удалила бы меня от вас безвозвратно.

Предлагая вам, государь мой, дружбу свою, отдаю все, что от меня зависит, все, чем могу располагать. Чего еще можете вы желать? Дабы предаться сему чувству, столь сладостному, столь свойственному моему сердцу, о ж и - д а ю только вашего согласия и уверения, что сия дружба достаточна будет для вашего благополучия. Забыв тогда все, что мне ни говорили, положусь на вас, чтобы вы сами оправдали мой выбор.

Чистосердечие мое должно убедить вас в доверии моем; от вас зависит умножить его; но я вам говорю наперед, что первое любовное слово истребит ее навсегда, возродит все мои страхи и будет залогом вечного моего к вам молчания.

Если, как вы говорите, *оставили вы все свои заблуждения*, то не лучше ли быть предметом дружбы честной женщины, нежели предметом укоризны виновной женщины? Прощайте, государь мой; после сего изъяснения вы видите, что, не дождавшись вашего ответа, не могу более ничего сказать.

Из ***, 9 сентября 17...

ПИСЬМО LXVIII

Виконт де Вальмон к президентше де Турвель

Как отвечать, милостивая государыня, на последнее ваше письмо? Как осмеливаться быть справедливым, когда чистосердечие мое может погубить меня перед вами? Нет нужды, должно; твердость моя не изменит мне. Я положил, и люблю повторять: лучше удостоиться вас, нежели получить вас; и хотя бы вы не перестали отказывать мне в том благополучии, коего не престану я желать, надлежит, однако ж, доказать вам, по крайней мере, что сердце мое достойно его.

Не жаль ли, как вы сами говорите, *«что я оставил свои заблуждения»*? С каким бы восторгом читал я сие самое письмо, на которое страшусь отвечать теперь! В нем говорите вы о чистосердечии, о доверии вашем и, наконец, предлагаете мне вашу дружбу: сколько бесценных сокровищ, и сколь прискорбно, что я не могу ими пользоваться! Для чего я не тот, что был прежде?

Если бы я был в самом деле тот же; если бы имел к вам склонность обыкновенную, ветреную, порождаемую оболыщением и утехами, которую, однако, называют теперь любовью, я спешил бы обратить всю в свою пользу. Не будучи разборчив в выборе средств и гонясь за успехом, я поощрял бы

чистосердечие ваше необходимостью отгадывать вас; пожелал бы вашего доверия в намерении изменить ему и принял бы дружбу вашу в надежде ввести ее в заблуждение... Что, милостивая государыня, картина эта ужасает вас?... Поверьте же, что она списана была бы по прежним моим правилам, если бы я сказал, что соглашаюсь быть только вашим другом.

Как! Мне согласиться разделять с кем-нибудь чувствование, истекающее из души вашей? Если б и я стал вам об этом говорить, не верьте и мне. С той самой минуты буду стараться обманывать вас; может быть, буду еще желать вас, но, наверное, перестану любить.

Не потому, что любезное чистосердечие, прелестное доверие, чувствительная дружба не имели никакой цены в глазах моих. — Но любовь! истинная любовь, какую вы внушаете, соединяя все сии чувствования, придавая им более действенной силы, не принимает, подобно им, того спокойствия и хладнокровия души, которые терпят сравнения и даже самые предпочтения. Нет, милостивая государыня, я никогда не буду вашим другом, не перестану любить вас со всею нежностью, со всею пылкостью, впрочем, совершенно почтительною. Вы можете довести любовь мою до отчаяния, но никогда не истребите ее.

По какому праву думаете вы располагать тем сердцем, коего отвергаете и самое благоговейное почтение? По какой утонченной жестокости завидуете мне даже в благополучии моем любить вас? Благополучие сие есть моя собственность, оно не зависит от вас, и я знаю, как защищать его! Если оно составляет теперь источник бедствий моих, то в тоже время служит им и врачевством.

Нет, еще повторяю вам, нет. Продолжайте жестокие ваши отказы, но оставьте меня при любви моей. Вы находите удовольствие, делая меня несчастным! Быть так; покушайтесь утомлять мужество мое, я знаю, как заставить вас решить, по крайней мере, мою участь; и вы сами, может быть, со временем отдадите мне более справедливости. Не потому, чтоб я надеялся сделать вас когда-нибудь чувствительною; но, не будучи удостоверены, будете убеждены и скажете: я несправедливо судила о нем.

Скажем больше: вы сами идете против себя; знать вас и не любить, любить и не быть постоянным — суть две вещи, равно невозможные; и, невзирая на скромность, толико украшающую вас, вы сами знаете, что вам легче жаловаться, нежели удивляться чувствованиям, вами порождаемым. Что до меня, все мое достоинство состоит в том, что я умею ценить вас; я не хочу лишиться сего преимущества и не только не соглашаюсь на коварные ваши предложения, но у ног ваших повторяю клятву вечно любить вас.

Из ***, 10 сентября 17...

ПИСЬМО LXIX

Сесилия Воланж к шевалье Дансени

(записка, писанная карандашом и переписанная Дансени)

ы спрашиваете, что я делаю: люблю вас и заливаюсь слезами. Маменька не говорит со мною; она отобрала у меня бумагу, перья и чернила, я пишу карандашом, который, к счастью, у меня остался, на лоскутке вашего письма. Неволя велит одобрить все, что вы сделали: любя вас до чрезвычайности, согласна на все, лишь бы только можно было получать от вас известия и доставлять вам свои. Я не любила господина де Вальмона и не полагала, что вы были с ним в такой тесной дружбе; но теперь постараюсь привыкнуть к нему и для вас полюблю его. Я не знаю, кто изменил нам; я ничего не говорила никому, кроме горничной моей и аббата, духовника. Ах! Как я несчастлива! Завтра едем в деревню; не знаю, надолго ли. Боже мой! Не видеть вас! Лоскуток весь исписан! Прощайте; не знаю, разберете ли вы мой почерк. Слова сии, карандашом написанные, может быть, изгадятся, но чувства, напечатленные в сердце моем — никогда.

Из ***, 10 сентября 17...

ПИСЬМО LXX

Виконт де Вальмон к маркизе де Мертей

пешу сообщить вам, прелестный друг, весьма важное известие. Вчера ужинал я, как вам известно, у фельдмаршальши Д***; зашла речь о вас, и я вычислял все добродетели ваши, не те, о которых я извещен, но те, о которых и не помышлял. Все, казалось, были одного со мною мнения, и разговор начинал уже истаивать, что обыкновенно случается, когда хвалят ближнего, как вдруг восстал противник, оспаривавший все мои внушения: это был Преван.

«Сохрани бог, — сказал он, приподнявшись, — чтоб я сомневался в целомудрии госпожи де Мертей! Смею, однако ж, думать, что она всем обязана изворотливости своей, а не правилам. Может быть, труднее пристать к ней, нежели ей понравиться. Гоняясь за одною женщиною, почти всегда попадают на дороге другие, и, если правду говорить, другие ни в чем

ей не уступят, а может быть, и превзойдут; следственно, одних отвлекает новая склонность, другие останавливаются от усталости, так что она, кажется, меньше всех парижских женщин имела надобности в обороне. Что до меня, — примолвил он (ободрен будучи улыбкою некоторых женщин), — я до тех пор не могу верить добродетели госпожи де Мертей, пока не загоняю шестерых лошадей, волочившись за нею».

Плохая эта шутка понравилась, как и всякое злоречие; между тем все смеялись. Преван сел с важностию на свое место, и разговор обратился на другие предметы. Но обе графини Б***, возле коих сидел *неверный Фома*, завели с ним особый разговор, который, по счастью, мог я слышать.

Заклад склонить вас к чувствительности был принят; я дал слово обо всем рассказать, и оно будет свято сдержано. Я вас предостерегаю, вы сами знаете: *береженого Бог бережет*.

Остается сказать вам, что этот Преван, которого вы не знаете, до чрезвычайности мил, а и того больше ловок. Если когда-нибудь и слышали вы от меня противное, то оттого только, что я не люблю его, что перечу ему в его успехах и что знаю, какой вес имеет мой голос у моднейших наших женщин.

В самом деле, долго мешал я ему показаться, что мы называем, на большой сцене; и потому-то все его чудеса не могли доставить ему дальней славы. Но странность тройной его интриги провозглашена была повсюду и, обратив на него внимание, приобрела ему доверие, которого еще не доставало ему, и сделала его действительно грозным. Словом, с ним только одним, может быть, побоялся бы я теперь встретиться; итак, оставляя ваши выгоды в сторону, скажу вам, что вы мне чувствительную окажете услугу посвятить его мимоходом в дураки. Я поручаю его в надежные руки, и уверен, что по возвращении моем будут уже считать его в отставных.

В замену, обещаю вам окончить наилучшим образом интригу вашей воспитанницы и заниматься ею столько же, как и прелестною своею богомолкою.

Последняя прислала ко мне проект капитуляции. Все ее письмо наполнено желанием быть обманутой. Невозможно придумать выгоднейшего и обыкновеннейшего средства! Она хочет, чтоб я был *ее другом*. Но я, любя новый и трудный метод, не намерен расстаться с нею так дешево, да и стал ли бы я беспокоиться столько времени для обыкновенного обольщения!

Цель моя, напротив того, та, чтобы она чувствовала всю цену и пространство каждого пожертвования, которое будет для меня делать; не спешить ее поступками, дабы раскаяние могло иметь свое действие; довести любовь ее до изнеможения медленным томлением; обращать всегда взоры ее на сие горестное позорище; и не прежде допустить ее наслаждаться счастьем, имея меня в объятиях своих, как доведя до н е о б х о д и м о с т и не скрывать более желания сего. В самом деле, что во мне? Если я не стою труда, чтоб меня просили! И чем могу я отомстить иначе тщеславной женщине, которая, кажется, стыдится признаться, что обожает?

Итак, отвергнув бесценное дружество, остался я при титле любовника. Зная, однако ж, коликкой важности стоит получить сие название, заключающее в себе по наружности один спор на словах, старался обработать свое письмо и наполнил его беспорядочными и несвязными мыслями, столь живо обнаруживающими страсть. Наконец, пустился молоть вздор, сколько достало духу, потому что нежность всегда любит вздор; и вот, мне кажется, истинная причина неподражаемого преимущества, которое женщины имеют над нами в любовных письмах. В заключение вернул несколько ласкательства; это также следствие проницательных моих наблюдений. Искушая некоторое время женское сердце, нужно дать ему отдых; и я заметил, что ласкательство есть приятнейшее изголовье, на коем все они охотно покоятся.

Прощай; прелестный друг. Я еду завтра. Если вам угодно приказать мне что-нибудь для графини Н***, я заеду и останусь у ней отобедать. Жаль, что должен ехать, не видевшись с вами. Доставьте мне всеобъемлющие инструкции ваши и не лишайте меня благоразумных советов в сии решительные минуты.

Более же всего защищайтесь от Превана. Ах! Если бы я мог наградить вас со временем за сию услугу! Прощайте.

Из ***, 11 сентября 17...

ПИСЬМО LXXI

Виконт де Вальмон к маркизе де Мертей

роклый егерь мой оставил портфель в Париже. Письма прелестницы моей, Дансени к малютке Воланж — все осталось, а мне все нужно! Повеса этот едет исправить свою глупость; между тем, пока он оседлает лошадь, я расскажу вам приключение, случившееся со мною сегодняшней ночью; вы знаете, что я не теряю времени.

Приключение само по себе неважно; это повторение старых задов¹ с виконтессою М***; сплетение, однако, побочных обстоятельств забавно. Впрочем, я очень рад, что могу доказать вам, что если умею губить женщин, то имею также дар, когда захочу, и спасти их. Я всегда хватаюсь за трудное или за смешное средство и не раскаиваюсь, сделав доброе дело, коль скоро оно занимает или утешает меня.

¹ *Зады (устар., разг.) — то, что давно пройдено, изучено (примеч. ред.).*

Я нашел виконтессу здесь, и, видя, что и она домогалась также, с прочими наряды, чтобы я остался ночевать в замке, сказал ей: «Быть так, я согласен, но только с тем, чтобы провести эту ночь вместе с вами». — «Невозможно, — отвечала она, — здесь Врессак...» Мне хотелось только учтиво с нею обойтись, но слово «невозможно» взорвало меня. Чувствуя, сколь унижительно быть пожертвованным Врессаку, не захотел я вытерпеть сей обиды и настоял на своем.

Случай был для меня не весьма благоприятный. Этот Врессак по глупости своей подал виконту повод к некоторым подозрениям, так что виконтесса не смеет более принимать его у себя; почему и согласились они съехаться на даче услужливой графини, дабы украдкой воспользоваться несколькими ночами. Виконт п о д о с а д о в а л было, встретившись тут с Врессаком, но, занимаясь больше охотой, нежели ревностью, остался наконец; и графиня, следуя обыкновенным своим правилам, отведя комнату жене в большом коридоре, мужа поместила с одной, а любовника — с другой стороны, дав им волю разбираться между собою, как они знают. Но злобствующему року угодно было поселить меня насупротив.

Того же самого дня, то есть вчера, Врессак, обязан будучи обласкивать виконта, ходил с ним на охоту, хотя и не жалуется, надеясь, что жена наградит в свое время за скуку, претерпенную им от мужа во весь этот день: но я, рассудив, что ему нужен покой, решился убедить в том и его любовницу.

Я успел, и она дала мне слово побороться с ним именно из-за охоты, на которую, конечно, он ходил из уважения к ней. Предлог был самый плохой; но ни одна женщина не умеет с такою ловкостью, как виконтесса, заменять рассудок досадою и не принимать никаких убеждений, когда сама бывает виновата! Впрочем, все препятствовало им вступить в изъяснение до моего отъезда, и я охотно согласился, чтобы она помирилась с ним на другой же день.

Врессак, возвратясь, приметил, что на него дуются; хотел узнать причину, его разругали; старался оправдать себя, но муж, стоявший неподалеку, заставил прервать разговор; воспользовавшись наконец отсутствием его, покусился было он просить, чтобы ему позволили изъясниться вечером; но тут виконтесса блеснула неподражаемым своим дарованием. Негодовала на дерзость мужчин, которые, воспользовавшись благосклонностью женщины, почитают себя вправе делать из нее что хотят, и тогда даже, когда она имеет причину жаловаться на них; и, сею уловкою отклонив предложение его, так убедительно говорила о нежности и чувствованиях, что Врессак онемел, обезумел почти, да я и сам начинал верить, что она права.

Наконец решительно объявила, что не намерена умножать утомлениями любви охотничьих беспокойств и что не простила бы себе, вздумав потревожить столь п р и я т н ы е удовольствия. Вошел муж. Отчаянный Врессак, не имея свободы отвечать и будучи со мной откровенен, прибегнул ко мне и, изъяснив во всем пространстве свои причины, которые были мне прежде его известны, просил меня поговорить с виконтессой, что я ему и обещал.

Я и на самом деле говорил с нею, но для того лишь, чтобы поблагодарить ее и условиться, как и где нам увидаться.

Она сказала мне, что, будучи помещена между мужем и любовником, почла благоразумнейшим средством навещать Врессака, нежели принимать его в своей комнате; и, так как моя горница была напротив самых ее дверей, то и намерена была прийти ко мне, коль скоро горничная оставит ее одну, почему и просила меня дожидаться ее и не запирать дверей.

Все происходило так, как мы условились, и она явилась ко мне в первом часу за полночь:

...В простом наряде красоты,
Исторгнутой от сна средь летней теплоты.
Расин в «Британике»¹

Не будучи тщеславным, не стану и поминать о подвигах: вы меня знаете, и я был доволен собою.

На рассвете надлежало расстаться. Здесь начинается завязка. Ветреница думала, что оставила дверь полуоткрытою, но мы нашли, что она была заперта и ключ торчал изнутри: вы не можете себе представить, с каким разительным отчаянием виконтесса сказала мне тогда же: «Ах! Я погибла». Признаться, смешно бы было оставить ее в сем положении; но мог ли я позволить, чтобы женщина погибла за меня, когда я того не искал? И должен ли был я, подобно прочим мужчинам, повиноваться обстоятельствам? Итак, надлежало придумать средство; что бы вы сделали, прелестнейший друг? Я вот как поступил, и все удалось.

Удостоверясь, что можно было выломать дверь, уговорил я виконтессу, не без труда, однако ж, чтобы она кричала изо всей мочи: «воры», «разбойники» и пр. По первому крику мне надлежало выломить дверь, а ей — броситься в постель. Вы не поверите, чего мне стоило заставить ее кричать, при всей ее доброй воле. Надлежало, однако, тем кончить, и дверь при первом же ударе растворилась.

Виконтесса не стала терять времени и хорошо сделала, потому что в то самое мгновение виконт и Врессак выскочили в коридор, и горничная бежала уже к своей хозяйке.

Я один был хладнокровен и употребил это в пользу: погасив ночник, который еще горел, опрокинул его на пол; вы сами понимаете, сколь смешно было бы пугаться при огне. Потом принялся журить мужа и любовника за мертвый их сон, уверяя, что более пяти минут прошло, покуда я выломал дверь.

Виконтесса, опомнившись в постели, подтвердила мои слова, клялась всеми святыми, что вор закрался к ней в комнату, и уверяла с полным чистосердечием, что во всю жизнь никогда она так не пугалась. Мы обшарили все закоулки,

¹ «Британик» — трагедия французского драматурга Жана-Батиста Расина (1639–1699) на сюжет из истории Древнего Рима (*примеч. ред.*).

*Ветреница думала, что оставила дверь полуоткрытою,
но мы нашли, что она была заперта...*

но ничего не нашли; я первый дал заметить, что ночник был опрокинут и что, конечно, причину всех бед и страха были крысы. Замечание мое было принято всеми. Виконт, расставаясь, просил жену не заводить впредь столь беспокойных крыс.

Врессак, оставшись с нами, подошел к виконтессе и сказал, что это было мщение Амура; на что отвечала она, взглянув на меня: «Поэтому он был жестоко рассеян; нельзя больше мстить; но, — примолвила она, — я вся как изломана от беспокойства, и мне нужен покой».

Я был настроен благодушно и, не выходя от нее, вступился за Врессака и довел дело до мировой. Любовники поцеловались и потом оба обняли меня. Я не думал уже о поцелуях виконтессы, но, признаюсь, врессаково лобзание было для меня весьма приятно. Мы вышли вместе, и я, осыпан будучи благодарностями со всех сторон, отправился к постели.

Если приключение это покажется вам забавным, я не постою за секрет. Я взял свое; следственно, справедливость требует, чтобы и публика в свою очередь повеселилась. Теперь говорю я только о приключении: может быть, вскоре скажем то же и о героине сей повести.

Прощайте. Егерь мой дожидается меня уже более часа, почему и тороплюсь, обняв вас, напомнить о Преване: будьте настороже.

Из замка Н**, 15 сентября 17...

ПИСЬМО LXXII

Шевалье Дансени к Сесилии Воланж
(доставленное 14 числа)

илая Сесилия! Как завидую я вальмонову счастью! Он увидит вас и отдаст вам завтра это письмо; а я, будучи от вас удален, должен влечить несносное свое существование среди томлений, горестных сожалений и жестоких несчастий. Милый, нежнейший мой друг! Пожалейте о моих страданиях; более же всего пожалейте обо мне за себя самих: против сих страданий твердость и мужество мое ослабевают.

Сколь ужасно для меня быть виновником вашего несчастия! Без меня вы были бы счастливы и спокойны. Простите ли вы меня? скажите! Ах! Скажите, что вы прощаете меня; скажите, что вы любите меня, что вечно будете любить меня. Нужно, чтоб вы повторили сие уверение. Не для того, чтобы я сомневался, но мне кажется, чем более уверен кто, тем приятнее для него слышать повторения сии. Вы меня любите,

не правда ли? Да, вы любите меня всею душою. Никогда не позабуду, что это были последние слова, вами мне сказанные. Сердце мое приняло их, навсегда напечатлело и с восторгом тоже ответствовало!

Ах! В блаженные те минуты мог ли я предвидеть ужасную участь, предстоявшую нам! Станем помышлять, милая Сесилия, о средствах, могущих усладить жребий наш. Если верить моему другу, для достижения цели сей потребно только, чтобы вы имели к нему ту доверенность, которой он заслуживает.

Признаюсь, мне очень прискорбно было видеть, что вы столь невыгодно о нем заключали. Кажется, это следствие предубеждений вашей матушки; и я, соображаясь с вашими мыслями, пренебрег было с некоторого времени благосклонностью этого человека, поистине любезного, который все теперь делает для меня, который наконец старается соединить нас, когда матушка ваша разлучает нас. Заклинаю вас, милая моя, принимайте его ласковее! Вспомните, что он друг мой, что желает быть и вашим, что он только может доставить мне счастье видеть вас. — Если сии доводы не убедят вас, Сесилия, я должен буду подумать, что вы меня не так любите, как я вас люблю; что вы меня не так любите, как прежде любили. Ах! Если бы любовь ваша когда-либо уменьшилась... Но нет, сердце Сесилии у меня; оно останется моим по гроб; и если я опасаюсь страданий несчастной любви, то постоянство его избавит меня, по крайней мере, от терзаний измененной любви.

Прощай, обожаемый друг; не забудьте, что я страдаю и что от вас зависит сделать меня совершенно счастливым. Не отвергайте молений сердца моего — и примите нежнейший поцелуй любви.

Париж, 11 сентября 17...

ПИСЬМО LXXIII

Виконт де Вальмон к Сесилии Воланж
(приложенное к предыдущему)

руг, старающийся услужить вам, узнал, что у вас ничего нет для письма, и всему пособил. Вы найдете в вашей передней, под большим шкафом по левой руке, полный запас бумаги, перьев и чернил, который будет наполняться по желанию вашему; оставьте все на своем месте, если у вас нет вернейшего.

Он просит вас не обижаться, если при гостях показывает вид, что не занимается вами и почитает вас ребенком. Поступок сей находит он необходимым для безопасности,

только нужной для него, и дабы с большею поспешностью и надежностью можно было устроить счастье друга своего — и ваше. Он не преминет найти случай видиться с вами, когда надобно будет поговорить или отдать вам что-нибудь, и надеется преуспеть в том, если вы усердно будете помогать ему.

Он советует вам также отдавать ему назад ваши письма по мере получения оных, чтобы не наделать новых хлопот.

И оканчивает уверением, что если вы не откажете ему в доверенности вашей, то он употребит все старания для облегчения притеснений, претерпеваемых от матери, слишком жестокой, двумя особами: лучшим другом его и тою, которая заслуживает нежнейших уважений.

Из ***, 14 сентября 17...

ПИСЬМО LXXIV

Маркиза де Мертей к виконту де Вальмону

кажи, пожалуйста, друг мой, давно ли ты стал бояться всякой всячины? Так этот Преван очень страшен? Посуди же, как я недогадлива и скромна! Встретившись несколько раз с победоносным этим витязем, едва ли з а м е т и л а его, и твое только письмо заставило меня обратить на него внимание. Вчера, однако ж, я загладила несправедливость свою. В опере сидел он напротив меня, и я занялась им. Признаться, он мил, очень мил! Какая нежность в чертах, вблизи он должен быть *авантажнее*¹, и ты говоришь, что он хочет иметь меня! Благодарю его, он сделает мне честь и удовольствие. Шутки на сторону, мне и самой этого захотелось; и скажу тебе в доверенность, что я сделала уже первый к тому приступ, не знаю, будет ли он удачен, но вот в чем состоит.

Во время разъезда из театра стоял он близехонько от меня, и я вслух дала слово маркизе Б*** ужинать в пятницу вместе у фельдмаршалыши Д***. Один только этот дом и знаю я, где можно будет видиться с ним.

Я думаю, что он понял меня... Ну, если неблагодарный туда не придет? Как ты думаешь, придет ли он? Знаешь ли, что я тресну с досады, если он обманет? Ты видишь, что ему не так-то трудно будет *пристать ко мне*; но изумишься, узнав, что и того легче для него будет *понравиться мне*. Он намерен

¹ *Авантажный* (от фр. *avantage* — выгода, преимущество) — здесь: привлекательный, миловидный (*примеч. ред.*).

В опере сидел он напротив меня, и я занялась им.

загонять шестерых лошадей, волочившись за мною; нет, я не допущу до этого, они будут живы. Я не могу дожидаться так долго. Ты знаешь, что не в моих правилах заставлять томиться того, кому решилась я сдаться, а для него решилась я все сделать!

Не правда ли, что весело проповедовать мне о благоразумии? *Важное известие* твое не произвело ли желаемого успеха? Но как быть? С которых уже пор — маюсь я, а не живу! Более шести недель!.. Случай представляется; как же упустить, как же не воспользоваться! Предмет не стоит ли труда? И может ли быть более приятный, в каком смысле не взял бы ты это слово?

Ты сам принужден отдать ему с п р а в е д л и в о с т ь; но ты делаешь больше, не хвалишь его, а ревнуешь к нему. Послушай же! Я поставляю себя судьей между вами двумя; но прежде всего надобно вникнуть в дело, и я с того и начну. Чтобы быть беспристрастным с у д ь е ю, стану взвешивать вас обоих на одних весах. Что до тебя, все твои бумаги с документами у меня, и претензия твоя мне совершенно известна. Справедливость требует заняться теперь твоим соперником. Итак, повинуйся беспрекословно моему приговору и начни показанием тройной интриги, прославившей его, о которой говоришь ты мне как о происшествии, всем известном, а я не имею и понятия о нем. Верно, история эта случилась во время отлучки моей в Женеву, и ты из ревности не хотел о том меня уведомить. Загладь же поскорее ошибку свою, не забудь, что *все до него относящееся для меня теперь важно* и что я хочу все знать. Помнится, что по возвращении моем говорили еще об этом приключении, но я чем-то была занята, да и не люблю слушать старины.

Хотя бы требование мое было для тебя и не очень приятно, но я надеюсь, что ты исполнишь его из уважения к услуге, которую недавно оказала я тебе. Не по моим ли стараниям сближался ты опять со своею президентшею, от которой удалила тебя безрассудность твоя? И не я ли доставляю тебе средство отомстить госпоже Воланж за коварное ее усердие? Дочь ее в твоих руках. Ты часто жаловался на потерянное время в *авантюрах*. Теперь все у тебя под рукою. Любовь, злоба — в твоих поведеньях; обе покоятся под одною крышкою, избирай; ты можешь одною рукою ласкать, а другою карать.

Мне также обязан ты за удачную встречу с виконтессою. Я этим очень довольна; но надобно, как ты говоришь, чтобы все знали приключение твое. Женщина эта не заслуживала столь честного от тебя поступка, и я думаю, что одни обстоятельства заставили тебя пощадить ее и предпочесть скрытность огласке. Сверх того, я должна сердиться на нее. Шевалье Бельрош находит в ней более приятности, нежели бы я желала; и я по многим причинам намерена под каким-нибудь предлогом прервать с нею знакомство; может ли же быть выгоднейший предлог, как иметь право сказать: «Нельзя знаться с этою женщиною».

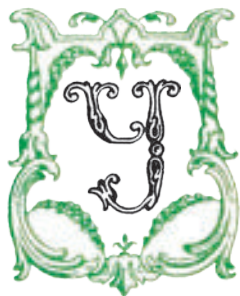
Прощай, виконт; не забудь, что в твоем положении время бесценно: я намерена, не теряя также времени, заняться благополучием Превана.

Париж, 15 сентября 17...

ПИСЬМО LXXV

Сесилия Воланж к Софии Карне

Примечание. В этом письме Сесилия Воланж отдает подробный отчет о приключении своем, которое читатель видел в письме LXI и в последующих. Для избежания повторения почли за нужное выпустить здесь ее рассказы. Наконец, говорит она о виконте де Вальмоне и изъясняется так:

веряю тебя, этот человек преудивительный. Маменька отзывается об нем очень дурно, а шевалье Дансени много говорит доброго, и мне кажется, он прав. Я отродясь не видывала такого ловкого мужчины. Он отдал мне дансениево письмо при всех гостях так, что никто ничего и не заметил; правда, я испугалась, потому что не была ни о чем предуведомлена, но теперь меня не провести! Я смекнула уже, как мне отдать ему ответ. Его очень немудрено понять; взгляды его показывают все, что он хочет сказать. Я не знаю, как он это делает: в записке своей, о которой сейчас поминала я тебе, говорит он, что при маменьке не подаст даже и вида, что занимается мною: в самом деле, всяк скажет, что он и не думает обо мне; однако, когда ни взгляну на него, глаза его всегда встречаются с моими.

Здесь также гостит короткая приятельница маменьки; и она, как видно, не очень жалует господина де Вальмона, хотя он всячески угождает ей. Боюсь, как бы он не соскучился здесь и не возвратился бы в Париж; ах! как мне жаль его будет! Посуди, как он добр! Нарочно приехал сюда, чтоб услужить другу своему и мне! Мне очень бы хотелось поблагодарить его, но не знаю, как и где поговорить с ним; да если бы и нашла случай, то мне так будет стыдно, что не найдусь, что ему и сказать.

С одною только госпожою де Мертей говорю я вольно, когда разговариваю о своей любви. Может быть, и с тобою, как я ни открыта против тебя, но смешалась бы, если б дело дошло до рассказов. Часто нехотя лгала я и самому Дансени, как будто с т р а х какой удерживал меня сказать ему все то, что чувствовала. Мне и самой теперь жаль, и я ничего на свете не пожалела бы, чтоб найти случай, хотя минутный, и сказать ему, как я его люблю. Господин де Вальмон обнадежил Дансени, что если я буду слушаться советов его, то он доставит нам случай видеться. Я буду делать все, что он велит; но все-таки не могу понять, как он собирается успеть!¹ Прощай, милая, весь лист исписан.

Из замка ***, 14 сентября 17...

¹ Сесилия Воланж переменила вскоре после этого поверенную, как то увидят из последующих писем — почему и не помещается более переписка ее с монастыркой Карне, ничего не объясняющая читателю.

ПИСЬМО LXXVI

Виконт де Вальмон к маркизе де Мертей

ли письмо ваше есть непонятная для меня насмешка, или вы были в опасном исступлении, когда писали его. Если бы я не так коротко знал вас, прелестнейший друг, то действительно испугался бы, и что бы вы ни говорили, но я не пугаюсь по-пустому.

Сколько раз ни перечитывал я письмо ваше, но не мог расшифровать; принять же его в настоящем смысле было бы непростительно. Что ж вы хотели сказать?

Не то ли, что не стоит труда беспокоиться неприятеля, столь малоопасного? Но и в таком случае, может быть, ошибаетесь. Преван действительно любезен и мил более, нежели вы думаете; он имеет редкий и весьма выгодный дар занимать беспрерывно своею любовью при всех гостях и всякий разговор весьма искусно обращает к своей цели. Редкой женщине удастся тогда отделаться ответами и не запутаться, потому что всякая, желая блеснуть умом, не хочет терять случая. А вы сами знаете, что женщина, с о г л а с и в ш а я с я рассуждать о любви, вскоре заражается любовью или, по крайней мере, поступками своими приближается к влюбленной. Притом средство это, которое действительно довел он до совершенства, доставляет ему и ту выгоду, что он заставляет самих женщин говорить о своем поражении, и этому был я очевидный свидетель.

Я знал об одной его интриге через третьи руки, сам же никогда не был в тесной связи с Преваном; нас было шестеро; Графиня П***, почитая себя не последнею умницею и показывая на самом деле для тех, кому приключение ее не было известно, что рассказывает постороннее происшествие, начала описывать со всеми подробностями, как она сдалась Превану и что происходило между ними. Она продолжала повесть сию с такою беспечностью, что не смешалась даже и тогда, когда мы все шестеро усмехнулись в одно время; и я не забуду, что когда один из нас, желая поправить свою ошибку, вздумал притвориться, что он сомневается в том, что она сказала или что хотела сказать, то она с важным видом отвечала, что, верно, никому из нас приключение сие не было так известно, как ей, и не устрасилась сослаться на Превана в том, что ничего не прибавила.

Вы видите, что я имел причину сказать, что этот человек для всех опасен: но для вас, маркиза, не довольно ли, чтобы он был *мил, очень мил*, как вы сами говорите? Или *чтобы он повел ту атаку, которую любите иногда награждать за то единственно, что хорошо распорядился*? Или чтобы сдаться для какой бы то ни было причины? Или... но кто может исчислить все прихоти и причуды женского ума, коими не изменяете вы никогда своему полу? Но теперь, когда вы предостережены от опасности, я не сомневаюсь, чтобы вы не спаслись

без дальних усилий; все, однако ж, надлежало остеречь вас. Итак, возвращаюсь к своему напеву: что вы хотели сказать?

Если это одна насмешка против Превана, то она слишком продолжительна, да на меня и не следовало обращать ее; не передо мною, но перед публикою надлежит одурачить его, и я возобновляю о сем просьбу мою.

Да, да! Понимаю загадку вашу: письмо ваше предсказывает не то, что вы намерены сделать, но что он полагает заставить вас делать при падении — от вас ему приготовленном; похваляю план ваш; он требует, однако, великой осторожности. Вы сами знаете лучше меня, что в глазах публики иметь мужчину или заниматься услужливостию его совершенно одно и то же, если мужчина не пошлый олух; а Преван, уверяю вас, весьма от того далек. Для него довольно одной наружности: он начнет хвастать, дураки поверят ему, неблагонамеренные притворятся, что верят, и тогда что вы будете делать? Шутки на сторону, я боюсь; не оттого, что я сомневаюсь в вашем искусстве, но мастера плавать чаще всего тонут.

Я не глупее других, и для уловления женщины находил всегда миллионы средств; но когда хотел отгадать, каким образом может она избавиться от стыда, вечно встречался с невозможностию. Вы сами, прелестный друг мой, сколь ни неподражаемы в поступках своих, вы сами признаетесь, что во многих случаях одолжены были своему счастью, а не изворотливости.

Но о чем толковать; может быть, я ищу причин там, где их нет, и не понимаю, как мог заниматься более получаса одною вашею шуткою. Вы хотите надо мною? Быть так; кончите же поскорее, я хочу поговорить с вами о другом. О другом? Нет, солгал, все еще о том же: о женщинах, которых надлежит иметь или погубить, или, лучше сказать, с которыми последует и то, и другое.

Вы правду говорите, что я могу заняться здесь двумя разнообразными страстями; но не с одинаковою, однако ж, удобностию. Я предвижу, что мщение успеет прежде любви. Малютка Воланж наша будет, я вам в том порукой; все зависит от первого случая, и я берусь приискать его. Но не могу сего сказать о госпоже Турвель: женщина эта выводит меня из терпения, я не постигаю ее; имея тысячу доказательств ее любви, имею столько же и ее упертости и, шутки в сторону, боюсь, чтоб она не ускользнула от меня.

Первое впечатление, произведенное моим возвращением, подавало мне надежду получить что-нибудь поболее. Вы догадываетесь, что я сам хотел видеть первые сии движения; чтобы судить о их действии, не посылая я никого вперед и дорогою расчислил, что лучше всего пригнать к обеду и войти, когда будут за столом. В самом деле, я упал как с неба, подобно оперным божкам, появляющимся для развязки.

При входе я нарочно зашумел, дабы оглянулись на меня, и одним взглядом мог заметить радость престарелой тетушки моей, досаду госпожи де Воланж и оробевшее удовольствие ее дочери. Прелестница моя сидела спиною к дверям. Она что-то разрезывала тогда и не поворотила даже головы; но коль скоро

начал я говорить госпоже Розмонд, чувствительная богомолка моя, узнав мой голос, при первом слове вскрикнула, и крик сей обнаружил более любви, нежели удивления и испуга; в то самое время, приближаясь к столу, мог я видеть все черты ее лица: душевное смятение, борение мыслей с чувствами изливались попеременно и разнообразно. Я сел возле нее; она так смешалась, что не знала, что делала и что говорила. Принялась за тарелку; все изменяло ей; наконец, не зная, что придумать, и видя, что удовольствие и замешательство превосходили ее, попросила позволения встать и бросилась в сад для того будто бы, что с ней сделалось дурно и ей нужно было выйти на чистый воздух. Госпожа Воланж хотела идти с нею; нежная богомолка не согласилась, желая, как видно, быть наедине и предаться беспрепятственно сладостным волнениям сердца.

Я торопился поскорее отобедать; но едва подали десерт, как адская фурия моя, старая Воланж, в намерении, кажется, повредить мне, встала из-за стола и хотела идти к милой страдалице; я, однако ж, не допустил ее; поднявшись с нею вместе, заставил думать Сесилию и приходского священника, что все встают; они также поднялись, и госпожа Розмонд, оставшись за столом со старым командором Т***, решила и сама встать. Все пошли отыскивать прелестницу мою и нашли ее в близлежащей от замка роще; она, стараясь быть в уединении и видя, что ей мешали, не стала отговариваться и возвратилась с нами.

Заметив, что госпожа де Воланж помогла говорить с нею наедине, вспомнил я ваши повеления и тотчас занялся делами вашей питомицы. Напившись кофию, пустился я по замку, обревизовал все квартиры, завернул в свою, распорядил все, что нужно было для обеспечения переписки малютки нашей, написал к ней во известие слова с два, просил, чтобы она положилась на меня, приложил к записи своей дансениво письмо и возвратился в гостиную; прелестница моя покоилась в вольтеровских креслах в восхитительнейшем ослаблении.

Положение сие, возбудив желания, оживило и взгляды; чувствуя, что в них изливались нежность и домогательство, сел я так, чтобы можно было обратиться всю в свою пользу. При первом их действии большие глаза скромной моей богомолки опустились. Налюбовавшись ангельским ее видом, обежал я и весь корпус; измерил приятною догадкою округлости и глобусы сквозь тоненькое, но все еще несносное одеяние, потом, опустившись с головы до ног, подымался с ног до головы... Поверишь ли, милая маркиза, томный взгляд впереен был на меня! В то самое мгновение потупили его опять, и я, желая возврата, перестал и сам глядеть. Тогда начался между нами мысленный договор, первое условие боязливой любви, которая, чтоб удовлетворить взаимной необходимости переглядываться, позволяет взорам сменяться попеременно, доколе сами не смешаются.

Удостоверясь, что новое сие удовольствие нарочито занимало прелестницу мою, взялся я надзирать за общею нашею безопасностью, и, видя, что пылкий

разговор, занимавший всех гостей, спасал нас от посторонних замечаний, старался заманить глаза ее изъясниться с обыкновенною их откровенностью. Для достижения сей цели уловил я несколько взглядов, но с такою осторожностью, что и сама скромность не могла бы тем встревожиться; и, чтобы ободрить застенчивую свою любовницу, показывал вид, что я и сам столь же робею, как и она; вскоре потом глаза наши привыкли встречаться, начали подолее останавливаться, и, наконец, не расставались; тут-то заметил я в ее взорах сладостную томность, счастливое предзнаменование любви и желаний — но на одно мгновение только — она тогда же, опомнившись, переменила с приметною стыдливостию и положение свое, и выразительность взглядов.

Не желая, однако ж, заставить ее сомневаться, что я заметил все ее движения, встал я с поспешностию и спросил ее с испуганным видом, не чувствует ли она дурноты. Тотчас все бросились к ней. Я пропустил их; и так как Сесилия, сидевшая за пядцами у окошка, не могла так скоро оставить свою работу, то я, воспользовавшись сею минутою, и отдал ей дансениево письмо.

Я сидел несколько поодаль ее и бросил к ней грамотку на колена. Признаться, она и сама не знала, что делать. Как бы захохотали вы, видя ее удивление и замешательство! Однако я не смеялся, опасаясь, чтобы глупая ее недогадливость не изменила нам. Выразительный взгляд, сопровождаемый таковым же знаком, наконец вразумил ее, что надлежало припрятать пакет в карман.

Остальная часть дня прошла без замечательных происшествий. Последствие докажет вам, что вы будете довольны, по крайней мере, вашею питомицею; но, не теряя времени на рассказы, займемся лучше произведением в действо предположений своих. Притом, напоровши семнадцать страниц, нехотя устанешь; итак, прощайте.

Вы, конечно, догадаетесь, хотя бы я и не говорил вам, что малютка отвечала Дансени¹. И я также получил ответ от своей прелестницы на письмо мое, доставленное ей на другой день моего сюда приезда; а потому и посылаю к вам оба сии письма, оставляя на вашу волю читать или не читать их; непрерывное это тождество, или, лучше сказать, пустословие мне и самому уже наскучило; какое ж терпение потребно для постороннего!

Прощайте снова. Любовь моя к вам не ослабевает; прошу, однако ж, когда будете писать о Преване, говорить так, чтобы я мог вас понять.

Из замка ***, 17 сентября 17...

¹ Письма этого не отыскиали.

ПИСЬМО LXXVII

Виконт де Вальмон к президентше де Турвель

то причиною, милостивая государыня, что вы с такою жестокою неустойчивостью стараетесь убежать от меня? Возможно ли, чтоб нежнейшее радушие с моей стороны побуждало вас на такие поступки, которые едва ли позволено делать и с тем даже, на кого всё право имеем жаловаться? Как! Любовь приводит меня опять к ногам вашим, и когда счастливый случай доставляет мне место возле вас, вы лучше желаете притвориться больною, встревожить ваших друзей, нежели остаться близ меня!

Сколько раз отворачивали вы вчера глаза, чтоб лишить меня б л а г о с к л о н н о с т и ваших взглядов? И если и мог я заметить в них некоторое ослабление суровости, то это было на одно только мгновение; как будто хотели вы дать мне почувствовать лишением наслаждения сего всю важность моей потери.

Позвольте сказать вам, милостивая государыня: любовь не заслуживает такого обхождения; да и сама дружба не позволяет себе таких поступков. Оба сии чувства гласят в мою пользу; я ссылаюсь на вас самих. Можете ли вы сомневаться в непорочном стремлении любви моей и не был ли я вправе надеяться, что вы не отречетесь от правил дружбы? Чем мог я лишиться драгоценной сей дружбы в столь короткое время и после того, как вы сами предложили мне ее, найдя меня, по-видимому, достойным? Конечно, доверенность моя повредила мне, и вы наказываете меня за мое чистосердечие; но не значит ли это употреблять во зло и ту, и другую? В самом деле, кому вверил я тайну сердца своего, как не другу моему? И не по сему ли только уважению отклонил я такие условия, которые, будучи даже приняты, доставили бы мне всю возможность не наблюдать, а, может быть, и употребить их в свою пользу? Скажите, неужели вы суровостию, столь мало заслуженною, хотите заставить меня верить, что надлежало обмануть вас, чтобы вы были более снисходительны?

Я не раскаиваюсь в таком поступке, коего требовала ваша добродетель и моя честность; но по какому же предопределению в с я к о е похвальное деяние бывает для меня предвещанием новых несчастий?

Не успели вы одобрить моего поступка, и уже должен я стенать, имев в первый раз несчастье прогневить вас! Не успел оказать вам совершенной моей покорности, лишив себя благополучия видеть вас единственно для успокоения вашей разборчивости, и вы прекратили уже переписку со мною; лишили меня слабой сей награды за требуемое вами пожертвование, и хотите похитить у меня и саму любовь, которая одна только могла дать вам на сие право. Наконец, когда я изъяснился с вами с чистосердечием, коего не могли ослабить и самые даже выгоды любви сей, вы убегаете от меня, как от опасного соблазна, вероломство коего вы уже испытали.

Вечно ли вы будете несправедливы? По крайней мере, скажите, какие проступки с моей стороны могли заставить вас быть столь суровою и уведомьте, что мне делать; обещаясь исполнять ваши повеления, кажется, могу просить вас, чтобы вы их мне объявили.

Из ***, 15 сентября 17...

ПИСЬМО LXXVIII

Президентша де Турвель к виконту де Вальмону

оведение мое, по-видимому, изумляет вас, государь мой, и вы только что не требуете от меня отчета, имея будто бы власть осуждать его. Признаюсь, я полагала, что могу с бóльшим правом, нежели вы, удивляться и жаловаться; и после отказа, помещенного в последнем вашем письме, решилась было оградить себя равнодушием, которое не подавало бы повода ни к замечаниям, ни к укоризнам. Однако же, когда уже вы требуете от меня изъяснения, то и я, чувствуя, благодаря Бога, что ничто не препятствует мне доставить вам его, намерена вновь объяснитьсь с вами.

Читая ваши письма, всяк сочтет меня несправедливою или причудливою. Думаю, однако ж, что этого никто не может сказать обо мне; вам же менее всех следовало делать подобные заключения; вы чувствовали, что, приневолив меня к оправданию, заставите в то же время вспомнить все, что между нами происходило, и полагали, наверное, что выигрыш будет на вашей стороне; но так как я и сама не надеюсь проиграть, по крайней мере в ваших глазах, то и приступаю без всякой опасности к сему исследованию. В самом деле, одно это средство, может быть, и остается узнать, кто из нас двоих имеет более права жаловаться.

При самом вашем приезде, вы согласитесь, я думаю, разнесшаяся о вас молва заставляла меня обходиться с вами с осторожностью, и что я, не опасаясь никаких нареканий, коим подвергаются притворные скромницы, должна была держать себя в пределах обыкновенной учтивости. Вы сами оказали бы мне более снисхождения и не стали бы удивляться, что женщина, столь мало сведущая, как я, не умеет ценить ваших достоинств. — Правило сие внушало благоразумие, и мне надлежало бы следовать оному, тем более, я не скрою от вас ничего, что когда госпожа де Розмонд объявила мне, что вы едете к ней, то нужно было вспомнить все обязанности дружбы ее ко мне и всю привязанность ее к вам, чтобы не сказать ей, сколь неприятна для меня была эта весть.

Охотно признаюсь также, что вы повели себя сначала, против чаяния моего, весьма благоприятно; но и вы признаетесь, что, наскучив притворною наружностью, вскоре оставили ее, почитая, по-видимому, недостаточною наградою выгодные мысли, которые чрез то возымела я о вас.

Тогда, обратив во зло добродушие и беспечность мою, не убоялись вы открыться мне в таком чувствовании, которое, по собственному вашему убеждению, должно было оскорбить меня, а я, между тем как вы занимались умножением ваших проступков, старалась забыть их и представила вам случай загладить свою вину хотя отчасти. Требование мое столь было справедливо, что вы сами, признав его таковым, не могли отказаться от него; но, воспользовавшись моим снисхождением, почли себя вправе просить позволения, которого, конечно, не должна была я давать и которое, однако ж, вы получили. Из всех условий, постановленных мною, вы не соблюдали ни одного, и ваша переписка была такова, что каждое ваше письмо налагало на меня обязанность не отвечать вам более. И в то самое время, когда упорность ваша принуждала меня удалить вас от себя, я, по снисхождению своему, может быть, и непростительному, отважилась еще указать вам средство, позволявшее мне допустить вас к себе; но какую цену имеет в глазах ваших всякое чувство честности? Вы презираете дружбу и, в безрассудном упоении считая за ничто несчастье и стыд, ищете одних утех и жертв.

Будучи столь же легкомысленны в своих поступках, как и несвязны в своих укоризнах, забываете свои обещания, или, лучше сказать, любуетесь нарушением оных, и, дав слово удалиться отсюда, возвращаетесь, не будучи призваны; не уважив ни просьб моих, ни доводов и не почитая за нужное уведомить меня, не побоялись испытать надо мною действия нечаянности, следствия коей, сколь, впрочем, ни обыкновенны, могли быть перетолкованы во вред мне окружавшими нас особами. — Минутного сего замешательства, вами же произведенного, не только не старались вы развлечь или рассеять, но, напротив того, всячески покушались умножить. За столом сели именно возле меня; слабый припадок заставляет меня выйти вон, и вы вместо того, чтобы оберегать уединение мое, тащите за собою всех гостей — в намерении нарушить мой покой. По возвращении в гостиную где ни садилась, везде находила вас близ себя; хотела ли говорить — вы первый всегда отвечали мне; ничего не значащее слово служило вам поводом к разговорам, которых я не хотела слушать, которые могли меня запутать и выдать; потому что при всем вашем искусстве то, что я понимаю, кажется, и другие также могут понять.

Таким образом, приневолив меня к неподвижности и к молчанию, не перестаете и еще преследовать меня: нельзя поднять глаз, не встретившись с вашими. Я принуждена избегать чуждых взоров, а вы по непонятной безрассудности обращаете на меня внимание всего собрания, в то время когда я желала бы сама себя не видеть.

И вы жалуетесь на мое обхождение! Удивляетесь, что я стараюсь избегать вас! Ах! Укоряйте лучше меня потачливым терпением моим и удивляйтесь,

что я не отправилась в город тот самый час, как вы приехали. Мне должно бы сделать это, и вы заставите меня решиться на вынужденное, но необходимое сие средство, если не прекратите оскорбительных ваших преследований. Нет, я не позабыла, никогда не забуду, чем обязана я самой себе, чего требует обет, данный при совершении союза нашего, столь для меня почтенного и любезного! Поверьте, что если б я когда-нибудь и доведена была до выбора: пожертвовать союзом сим или жизнью своею — то, клянусь вам, что не стала бы размышлять ни одной минуты. Прощайте, государь мой.

Из ***, 16 сентября 17...

ПИСЬМО LXXIX

Виконт де Вальмон к маркизе де Мертей

располагался идти поутру на охоту, но погода сделалась несносная, читать нечего, при мне один только новый роман, который навел бы скуку и самой монастырке. Завтракать станут часа через два; итак, невзирая на огромность вчерашнего моего письма, хочу опять поговорить с вами. Я уверен, что не наскучу вам, потому что намерен говорить о *милом Преване*. Как вам не знать славного его происхождения, которое разлучило *неразлучных*? Я бьюсь об заклад, что при первом слове все вспомните; исполняя, однако ж, желание ваше, приступаю к повести.

Вы помните, как весь Париж удивлялся, что три женщины, все три прекрасные, одинаковых достоинств и с одинаковыми, может быть, видами и нравами были всегда в тесной связи со дня их появления в обществе? Сперва полагали, что крайняя их робость была причиною неразрывной их дружбы; но и самые обожатели, которые повсюду окружали их, самые даже нежнейшие ласкательства и жертвы, порознь им приносимые, увеличивали только согласие их, и торжество одной казалось торжеством всех трех. Потом надеялись, что любовь, по крайней мере, произведет между ними соперничество, и наши подлипалы наперерыв добивались чести быть яблоком раздора; я и сам пустился бы с ними наряду, если бы гремевшая тогда слава о графине Д*** позволила мне быть ей неверным до получения благосклонностей ее, которых я домогался.

Между тем три наши красавицы, того же года о Святках, сделали свой выбор, как будто сговорясь, и выбор сей не только не расстроил их дружбы, но придал ей еще более заманчивости прелестью доверенностей.

Толпа несчастных искателей присоединилась тогда к завистливым женщинам, и соблазнительное постоянство их предано было всеобщей критике. Одни утверждали, что в обществе *неразлучных* (так называли их тогда) главный закон был община и что они и саму любовь подвергли сему постановлению; прочие уверяли, что три любовника, не имея соперников, имели соперниц; и говорили даже, что их взяли для одной *проформы*, с пустым титулом без должности.

Слухи сии, справедливые или ложные, не произвели желаемого действия. Три пары наши, напротив того, прочувствовали, что, расставшись на минуту, пропали бы все; потому и решились не страшиться грозы. Публика, скупая всем, соскучилась в скором времени бесполезною сатирою и занялась со свойственным ей легкомыслием другими предметами; потом с обыкновенным своим непостоянством возвратилась к *неразлучным* и переменила критику на похвалу. Мода, всем управляющая здесь, пустила уже их в славу, когда Преван вознамерился удостовериться в чудесах сих и обратить всеобщее суждение на них и на себя.

Он погнался за сими образцами совершенства, был принят в их общество без дальних затруднений и почел предвещание сие благоприятным, зная, что доступ к счастливым людям не так свободен; и в самом деле, вскоре увидел, что счастье их составляла одна молва. Заметил, что *неразлучные* начинали разлучаться, искать удовольствий на стороне и даже заниматься рассеянием; из чего и заключил, что союз дружбы и любви ослабел уже, если не разрушился, и что самолюбие и привычка действовали еще, сохранив некоторую силу.

Любовницы, однако ж, собираясь вместе по необходимости, наблюдали между собою вид прежней и с к р е н н о с т и и сердечной дружбы; но любовники, будучи свободнее в своих поступках, беспрестанно отзывались должностью или нужными делами; досадовали, но не меньше того отлучались, так, что вечерами редко когда бывал полный комплект.

Таковое обхождение с их стороны было весьма выгодно для неутомимого и ревностного Превана; он всегда составлял пару той, которой любовник был в отлучке, и чрез то находил случай ласкать попеременно и уверять в своей любви всех трех приятельниц. Чувствовал, что, сделав между ими выбор, погубил бы себя; что ложный стыд быть прежде всех неверной расстроил бы предпочтенную любовницу; что уязвленное тщеславие подруг ее сделало бы их врагами нового любовника и заставило бы вооружиться против него со всею строгостию благонравия; и, наконец, что ревность наверное возвратила бы нежность любовника, который мог еще быть опасным. Повсюду представлялись одни препятствия, и все способствовало ему в тройном его предприятии! Любовницы были снисходительны — потому что их ласкали; любовники — потому что их отпускали.

Преван, коему оставалось тогда пожертвовать одною только любовницею, почитал себя довольно счастливым, что она пошла в славу. Звание иностранки и страсть одного знаменитого принца, весьма искусно отклоненная, обратили

на нее внимание двора и столицы; любовник ее разделял с нею торжество сие и обратил его в пользу у новых своих любовниц. Одно только находил он препятствие: вести три интриги вдруг и начать развязку с последней сдавшейся: в самом деле, узнал я от его поверенного в любовных делах, что ему стоило великого труда остановить одну из них, которая готова была сдаться на две недели прежде своих подруг.

Наконец настал желанный день. Преван, получив согласие от троих и будучи властен в своих распоряжениях, поступил следующим образом: из трех мужей один был в отлучке, другой отправлялся на рассвете в дальний путь, третий был в городе. *Неразлучные* располагались ужинать у будущей вдовы; но новый властелин не позволил им пригласить прежних услужников. Утром того же дня разделил он на три доли письма, полученные от своей прелестницы, и приложил к первой — портрет, от нее подаренный, ко второй — любовный вензель, которой сама она рисовала, а к третьей — локон ее волос; каждая приняла треть жертвы за целую и в замену согласилась послать к назначаемому в отставку любовнику разрывное письмо, наполненное колкостями.

Успех был велик, но все еще недостаточен. Та, муж которой был в городе, могла располагать только одним днем, почему и положила сказать себя нездоровую, не ездить на ужин к приятельнице и весь вечер посвятить Превану. Ночь была обещана тою, муж которой находился в отлучке; рассвет, час отъезда третьего супруга, был назначен для счастливого свидания последнею.

Преван, ничего не теряя из виду, тотчас бросился к прелестной иностранке, рассердил ее, поссорился и вышел, получив таким образом свободу на целые сутки. Распорядив все, по желанию своему возвратился домой, думая отдохнуть немного; но новые хлопоты ожидали его.

Разрывные письма открыли глаза отставным любовникам. Каждый из них видел, что им пожертвовали Превану; досада быть обманутым и брошенным вооружила всех троих; и они, не обсылаясь, но как будто согласясь, решились требовать *сатисфакции* от счастливого соперника.

Преван находит у себя три вызовные письма, соглашается безоговорочно; но, желая доставить себе полное удовольствие от сего приключения, сделав его гласным, отложил дуэль до другого дня и назначил всем троим один час и одно место в Булонском лесу.

По наступлении вечера пробежал он тройное поприще с равным успехом; по крайней мере, хвастал после того, что каждая три раза приняла клятву и залог его любви. Здесь, как вы видите, недостает доказательств к истории; итак, беспристрастному повествователю остается предложить на замечание недоверчивому читателю, что разгоряченные тщеславие и воображение могут породить чудеса, и что готовясь после столь знаменитой ночи к шумному утру, незачем было оберегать себя на будущее. Как бы то ни было, следующее происшествие более достойно вероятия.

Преван явился в назначенный час на сборное место; там нашел он трех соперников, несколько удивленных неожиданною встречей, и, может быть,

утешенных отчасти одинаковым несчастьем своих товарищей. Преван подошел к ним с ловким и ласковым видом.

«Милостивые государи — сказал он им, — сошедшись здесь вместе, узнали вы, без сомнения, что все трое имеете одинаковую причину досадовать на меня. Я готов удовлетворить вас. Пусть жребий решит, кому прежде приниматься за то мщение, на которое все вы имеете равное право. При мне нет ни секунданта, ни свидетелей. Не брав их для обиды, не хочу иметь и при сделке». Потом, обратясь к обыкновенным своим шуткам, примолвил: «Знаю, что редко удастся выиграть сетелева¹; но что бы ни последовало со мною, довольно, кажется, пожил тот, кого женщины любили, а мужчины почитали».

Между тем как удивленные его соперники поглядывали друг на друга в молчании, и, может быть, по щекотливости своей рассчитывали, что тройной бой не составлял равной партии, Преван начал: «Не скрою, что я чрезвычайно устал от прошедшей ночи. Великодушие ваше позволит мне собраться с силами. Я приказал изготовить здесь завтрак. Вы сделаете мне честь, согласившись на мое предложение. Позавтракаем вместе, более же всего повеселимся. Можно драться за подобные пустяки, но не должно, кажется, расстраивать себя досадою».

Все согласились и пошли завтракать. Никогда, говорят, Преван не был развязнее. Он так умел извернуться, что никого из своих соперников не тронул и не пристыдил; уверил их, что все они без дальних препятствий могли бы иметь равный с ним успех, и заставил признаться, что и они, верно бы, не пропустили такого случая. После признания сего все пошло на лад, и, не вставая из-за стола, более уже десяти раз все повторили, что подобные женщины не заслуживали, чтобы благородные люди дрались за них. Мысль сия поселила откровенность; напитки укоренили ее так, что спустя несколько минут, забыв прежнюю досаду, клялись уже вечною дружбою.

Преван, желая прославить себя, не был доволен сею развязкою и, применяясь к обстоятельствам, тотчас переменял свой план: «В самом деле, — сказал он трем обиженным, — не мне, но изменницам своим должны вы мстить. Я берусь доставить вам случай, чувствуя равную с вами обиду: посудите, если каждый из вас не мог остепенить и одной, то как смею я надеяться остепенить всех троих? Ваша обида делается теперь и моею. Дайте слово ужинать сегодня вечером в загородном моем домике, и я ручаюсь вам, что мщение ваше не будет отложено вдаль». Хотели было, чтобы он изъяснился; но Преван с видом повелителя, коего обстоятельства позволяли ему представлять, отвечал им: «Милостивые государи, мне кажется, что я доказал уже вам отчасти, могу ли располагать планом, так что положитесь на меня». Все согласились и, обняв нового своего друга, разошлись до вечера, не постигая, чего можно было ожидать от его обещания.

Он же, не теряя времени, возвратился в Париж, посетил новых своих пленниц, следуя обычаю, и всех трех уговорил ехать в этот самый вечер к нему, ужинать *с глазу на глаз* в загородном его домике. Правда, две отговаривались,

¹ *Сетелева (устар.)* — в карточных играх ставка, увеличенная в семь раз (*примеч. ред.*).

но в чем можно отказать на другой день после того, как все уже отдано? Свидание назначено было часом позже, одной после другой. Промежуток сей нужен был для его предприятий, и он, условясь с ними, прискакал домой, известил своих заговорщиков, и все четверо отправились с веселым духом ожидать своих жертв.

Первая приезжает. Преван является один, встречает ее с видом нежной заботливости и вводит в святилище, коего почитала она себя божеством. Потом, испрося позволение отлучиться на минуту, выходит и тотчас выпускает на свое место разобиженного любовника.

Вы видите, что смущение не привыкшей к интригам женщины доставляло все средства восторжествовать над нею; самые недосказанные укоризны были признаны пощадою и особенною милостию; и убегающая невольница, преданная снова старому своему властелину, почитала себя совершенно счастливою, что могла испросить прощение возложением на себя прежних своих оков. Мирный договор был ратифицирован в совершенно уединенном месте, которое попеременно занимали прочие действующие лица, одинаковым почти образом и всегда с одинаковою развязкою.

Между тем каждая из *неразлучных* полагала, что ее одну провели; удивление их и замешательство усугубилось, когда, будучи позваны ужинать, все три пары сошлись вместе; но как описать стыд и посрамление их, когда Преван, появившись, начал с язвительным прискорбием извиняться перед ними и, обнаружив их тайну, показал им, до какой степени они обруганы.

Несмотря на то, все сели за стол и мало-помалу сделались развязнее. Мужчины пустились на все, женщины покорялись. Все они скрывали яд в сердце, речи их, однако ж, наполнены были ласковостию и нежностию; веселость возбуждала желания; желания, в свою очередь, придавали новые прелести веселости. Удивительная потеха эта продолжалась до самого утра, и любовницы, расставшись, почитали уже себя прощенными; но любовники, питая прежнюю к ним злобу, на другой же день рассорились с ними навсегда и, дабы довершить свое мщение, разгласили везде приключение своих изменниц. Одна из них посажена в монастырь, а две ее подруги отвезены в дальние деревни, где и по сие время томятся скукою.

Вот преванова повесть; скажите сами, захотите ли вы теперь умножить его славу и влачить добровольно колесницу его? Ответ ваш действительно причинил мне сильное беспокойство, потому и ожидаю с совершенным нетерпением рассудительнейшего отзыва на последнее мое к вам письмо.

Прощай, прелестный друг; не доверяйте странным и забавным идеям, столь легко обольщающим вас. Вспомните, что в вашем положении не от всего можно отделаться умом и что и сама безрассудность делается незагладимым пятном. Позвольте наконец благоразумному дружеству руководствовать иногда вашими забавами.

Прощайте; я все еще люблю вас так же, как будто бы вы были рассудительны.

Из ***, 18 сентября 17...

ПИСЬМО LXXX

Шевалье Дансени к Сесилии Воланж

есилия, милая Сесилия! Когда настанет то время, что нам можно будет видеться? Кто научит меня жить в разлуке с тобою? Никогда, нет, никогда не перенесу я гибельного сего отсутствия. С каждым днем бедствия мои возрастают, и я не вижу им конца! Вальмон, обещая доставлять мне нужные пособия и утешения, Вальмон не думает обо мне и, может быть, забыл уже меня! Он близ своей милой и не знает, сколь мучительно быть от нее в отдаленности. Доставив последнее ваше письмо, не писал он ко мне ни слова, взявшись уведомить меня, когда и как можно будет видеть вас. Неужели не о чем писать ему? Вы сами перестали говорить мне о свидании; ужели перестали также и разделять удовольствие свидания сего? Ах, Сесилия, Сесилия! Сколь я несчастлив. Никогда не любил я вас столь страстно! Но любовь сия, составляющая все прелести жизни моей, соделалась теперь мучением ее.

Нет, я не могу жить более в таком положении. Надобно, чтобы я вас видел, необходимо нужно, хотя б на одну минуту. Просыпаясь, сам себе говорю: *«Я ее не увижу»*. Ложаюсь, говорю опять: *«Я ее не видел»*. Продолжительные дни не доставляют мне ни единой благополучной минуты. Повсюду встречаю отчуждения, сожаления, отчаяние; и все эти бедствия происходят от того, от кого ожидал всех возможных удовольствий! Присовокупите к смертельным сим мучениям беспокойство мое о ваших страданиях, и вы будете иметь некоторое только понятие о моем положении. Ежечасно думаю о вас и никогда не могу думать без смятения. Вижу ли вас в горести или в несчастьи, сам начинаю страдать, чувствуя всю вашу печаль; когда же бываете спокойны и обрадованы, тогда собственные горести усиливаются — одни несчастья встречаю повсюду!

Ах! То ли чувствовал я, когда вы жили в одном со мной городе! Все тогда дышало удовольствием. Удостоверенность видеть вас украшала и самые минуты отсутствия; время, которое надлежало проводить без вас, проходя, сближало меня с вами. Упражнения мои были посвящены вам одной. Находясь в должности, приобретал я надежду сделаться достойным вашего выбора; занимаясь науками или художествами, уверен был, что еще более понравлюсь вам; и в самых даже рассеяниях, отвлекавших меня от вас, никогда не разлучался с вами. В театре старался отгадывать то, что вам понравилось бы; концерт напоминал мне о ваших достоинствах и о приятных наших занятиях. В гостях, на гулянье искал повсюду сходства; сравнивал вас со всеми, и вы у всех брали преимущество! Каждый день, каждая минута ознаменована была новою жертвою, новым признанием, и каждый вечер повергал я к ногам вашим дань сию.

...все сели за стол и мало-помалу сделались развязнее.

И с чем теперь я остался? С горестными сожалениями, с бесконечными отчуждениями и со слабою надеждою, которую вальмоново молчание умяляет, а ваше переменяет в беспокойство. Вы уехали, уехали от меня на тридцать только миль; велико ли расстояние? Но для меня делается непреодолимым препятствием, и когда я, стараясь все превозмочь, умоляю друга, умоляю милую свою, — оба оказывают мне равнодушие и хладнокровие, и не только не помогают, но и отвечать не хотят.

Что последовало с деятельною дружбою Вальмона? Более же всего, что последовало с нежными вашими чувствованиями, доставлявшими вам замысловатые средства всякий день видеться со мною? Вспомните, когда при всем моим желанием быть с вами должен был я жертвовать для сего некоторыми уважениями и обязанностями, чего не говорили вы мне тогда? Какими доводами не отражали моих убеждений? Вспомните также, милая Сесилия, что убеждения мои всегда уступали вашим желаниям. Я не почитаю сего за слугою и не скажу, чтоб чем-либо тогда жертвовал. Но пришла и моя очередь просить, и о чем же? Видеться с вами на минуту, возобновить и принять клятву вечной нашей любви! Ужели не находите в том взаимного нашего благополучия? Прочь от меня, пагубная мысль сия, она довершила бы мои бедствия! Вы меня любите, будете вечно любить; я это знаю, уверен в том и не хочу никогда сомневаться; но положение мое мучительно, ужасно; нет сил переносить! Прощай, милая Сесилия!

Из ***, 18 сентября 17...

ПИСЬМО LXXXI

Маркиза де Мертей к виконту де Вальмону

Как жалки для меня страхи твои! Сколь доказывают они преимущество мое над тобою! И ты вздумал учить меня быть моим путеводителем! Ах, бедный Вальмон, какое расстояние остается еще от тебя до меня! Нет, все тщеславие вашего пола недостаточно будет для наполнения промежутка, разделяющего нас с вами. Не в силах будучи произвести в действо предприятий моих, почитаешь их невозможными. Надменное и хилое творение! Тебе ли знать мои средства и судить о моих ресурсах! По чести, виконт, советы твои взбесили меня, и я не могу этого от тебя утаить.

Когда ты, для прикрытия непонятной твоей неловкости с президентшею, выставял мне в виде торжества минутное замешательство боязливой

и влюбленной в тебя женщины этой, я молчала; вынужденный взгляд ее, один только взгляд заставил меня улыбнуться; когда к собственной досаде твоей, узнав ничтожность предприятий твоих, надеялся ты скрыть их от внимания моего, превознося похвалами редкое мое искусство в сближении двух детей, которые нетерпеливо желают видеть друг друга и которые, сказать правду, мне одной одолжены за пылкость своих желаний, я и тут не противоречила; и когда, наконец, после столь славных дел почел ты себя вправе сказать мне профессорским тоном, что *лучше заниматься производением в действо своих предприятий, нежели рассказывать их*, не почитая тщеславия сего вредным для себя, я тебе его простила. Но чтобы ты мог возмечтать, что я не обойдусь без твоего благоразумия, что собьюсь с пути, не следуя твоим советам, что должна жертвовать им некоторыми удовольствиями, некоторыми прихотями, признайся, виконт, не значит ли это слишком уж гордиться доверием, которое я имею к тебе.

Скажи, однако ж, что ты такое сделал, в чем бы я во сто раз не превзошла тебя? Ты обольстил, погубил даже многих женщин, но с какими затруднениями ты боролся? Какие препятствия преодолел? В чем состоит истинное твое достоинство? Прекрасное личико — простое действие случая; приятности — обыкновенно приобретаемые обхождением; достаточный ум — в случае нужды заменяемый болтовней; удалство — порожденное, может быть, удобностью первых твоих успехов; вот, если не ошибаюсь, все твои преимущества; в рассуждении же славы, о тебе пронесшейся, ты и сам не станешь, я думаю, домогаться, чтобы я сочла великим делом искусство подвести или воспользоваться таким случаем, где, избегая соблазна, на все соглашаются.

О прозорливости и изворотах нечего и поминать; не говоря о себе, спрошу, которая женщина не посрамит тебя тонкостью своего ума? Но на что искать примеров, когда и сама президентша твоя водит уже тебя за нос, как мальчика!

Поверь мне, виконт, не всяк захочет приобретать такие свойства, без коих можно обойтись! Ты пускаешься на добычу, ничего не опасаясь, следственно, и должен действовать без всякой предосторожности. Для мужчин поражение значит неудачу. В неравном сем бою мы полагаем счастьем и то, что не проиграли, а вы называете несчастьем то, что не выиграли. Согласившись даже, что вы имеете равные с нами достоинства, сколько еще превосходства останется на нашей стороне и в том уже, что мы, по необходимости противопоставляя вам свои самые достоинства, умеем всегда расстраивать ваши затеи.

Положим, я согласна, что вы употребляете столько же искусства, побеждая нас, сколько мы, защищая себя или сдаваясь, но и ты признаешься, что после успеха никакая хитрость не нужна для вас. Занявшись единственно новою своею привязанностью, вы предаетесь ей без страха и опасения; и в самом деле, вам ли думать, как долго продлится страсть сия!

Обязанности, взаимно данные и принятые, говоря любовным языком, вы одни можете утвердить и прервать по своему произволу: счастье наше, когда,

предпочитая скрытность огласке и довольствуясь постыдным оставлением, не приносите вечернего божества к утренней жертве.

Но несчастная женщина, почувствовав тягость своих оков, каким опасностям не подвергается при первом покушении избавиться от них или же облегчить их? Она с величайшим страхом отваживается удалить от себя и такого человека, которого сердце ее с усилием отвергает, и, буде станет он упорствовать, то принуждена предать страху то, что вверяла любви: «*Сжав сердце, простирает руки*».

С какою осторожностью, с каким искусством должна она оканчивать те самые обязанности, которые вы же прерываете. Будучи во власти своего неприятеля, не видит она для себя спасения, если он не великодушен; да и какой ожидать от него милости, когда никому не ставят в порок бессовестного поступка с женщинами?

Конечно, ты не станешь опровергать сих истин очевидных и всему свету известных. Но если, однако ж, видел ты, что я, располагая происшествиями и людским мнением, делала опасных сих мужчин игрищем своих прихотей и причуд, отнимала у одних охоту, а у других — возможность вредить мне; если я умела, поочередно следуя переменчивости своего вкуса, приковывать к своей колеснице или прогонять от себя

*Тиранов, сверженных с престола
И в пленники ко мне попавших¹;*

если при столь частных переменах честь моя нимало не пострадала, то не должен ли ты был заключить из того, что, родясь для мщенья за свой пол и для владычества над вашим, умела я также приобрести и средства, никому до меня не известные?

Ах! Оставь свои советы и страхи для женщин помешанных и называющих себя *сентиментальными*; о которых, судя по расстроенному их воображению, можно бы подумать, что природа поместила их чувства в их голове; которые, никогда ни о чем не размышляя, смешивают беспрестанно любовь с любовником; которые в глупом мечтании своем полагают источник утех в том единственно предмете, с которым искали они наслаждений: изуверки сии изъясняют жрецу все доверие и благоговение, приличное единому божеству!

Бойся также за тех, которые, будучи более тщеславны, нежели благоразумны, не умеют в случае нужды дать волю, чтобы их оставили.

Страшись более всего за женщин, деятельных в праздности своей, которых называете вы *чувствительными* и коими любовь, овладев беспрепятственно, управляет с толикою властью; которые чувствуют необходимость

¹ Неясно, является ли этот стих, как и предыдущий «*Сжав сердце, простирает руки*», цитатой из малоизвестного произведения, или все они являются частью прозы госпожи де Мертей. Скорее последнее, поскольку во всех письмах этой переписки встречается немало таких же плохих стихов. Их нет только в письмах шевалье Дансени — возможно, потому что он иногда занимался поэзией, и его более опытный слух помог ему избежать этого недостатка.

заниматься сею страстию даже и тогда, когда ею не наслаждаются более, и, предавшись вовсю воспалению мыслей, порождают сии столь пленительные, но опасные письма — и не страшатся верить таковые доказательства слабости своей предмету, вынуждающему их: безрассудные! Они не хотят, не умеют видеть в любовнике будущего своего врага.

Но почему же смешиваешь ты и меня с сими легкомысленными женщинами? Когда видел ты, чтобы я удалилась от своих правил или бы нарушила их? Я называю их своими, и не без причины: они не те, которыми руководствуются прочие женщины, принимая их без выбора и следуя им по привычке; они произошли от глубоких моих размышлений; я их составила, а потому и могу сказать, что шествую за своим творением.

Вступив в свет девицею и о с у ж д е н а будучи по званию сему молчать и ничего не делать, умела я употребить это время на наблюдения и примечания. Все почитали меня ветреною или рассеянною, а я между тем, пропуская мимо ушей слова, которые старались мне твердить, замечала только те, которые старались от меня утаивать.

Выгодное сие любопытство просвещало и в тоже время научало меня при творству; принуждена будучи скрывать предметы внимания моего от глаз окружавших меня, покусилась я поводить своими глазами, как мне хотелось; с тех-то пор привыкла я показывать, когда ни вздумается, рассеянный взгляд, которой так часто ты похвалял.

Ободренная первым сим успехом, старалась я расположить по сему же правилу и все перемены лица; чувствуя какую-нибудь досаду, приневоливала себя показывать вид веселости и самой даже радости; поревнование мое до того простиралось, что я причиняла себе добровольные огорчения, дабы узнать, каким образом изъясняется удовольствие и переламывала себя нарочно, чтобы воздержать признаки нечаянной радости. Сими-то средствами приобрела я над своею физиономией ту власть, которой ты неоднократно удивлялся.

Я была очень еще молода и почти без привязанности; располагала одними лишь мыслями, но и тогда уже негодовала, что могли их схватывать или отгадывать против моей воли. Замечание это обратила я в свою пользу: не довольствуясь тем, что не допускала проникать себя, начала я представлять разные лица; властвовать всеми изменениями его, взвешивать свои слова и научилась располагать тем и другим, смотря по обстоятельствам и даже по прихотям своим; с того самого времени я одна уже управляла своими мыслями и давала волю проскакивать только тем, которые могли быть для меня выгодны.

Переламывая себя таким образом, научилась я познавать разные черты лиц и характеров, и сим средством приобрела тот п р о н и ц а т е л ь н ы й взгляд, который редко когда обманывал меня, хотя опытность и не позволяет слепо полагаться на него.

Я вступила в пятнадцатый год, и хотя дарования мои равнялись с талантами, прославившими лучших наших политиков, но при всем том сама видела, что дошла только до начал необходимой для меня науки.

Ты поверишь, что и я наравне с прочими девицами старалась отгадывать, что такое значит любовь и ее утехы; но, не будучи никогда в монастыре, не имея милой подруги и находясь под присмотром бдительной матери, терялась в неопределенных понятиях и ни на что не могла положиться; самая даже натура, кою впоследствии всегда была я довольна, не подавала мне никаких еще признаков. Можно было сказать, что она тайком трудилась над усовершенствованием своего творения; голова, однако ж, кружилась, мысли бродили, я не желала наслаждений, но хотела все знать: охота научиться доставила мне нужные к тому средства.

Чувствуя, что с одним только аббатом могла я, не подвергаясь опасности, говорить обо всем, тотчас решилась; преодолела ничтожный свой страх и расхвасталась перед ним в таком проступке, которого я не делала; но, говоря о проступке, боюсь тебе, и сама не знала, что хотела сказать. Надежда моя ни была вовсе обманута, ни вполне удовлетворена; страх изменить себе п р е п я т с т в о в а л вступить в дальние изъяснения: но я заключила, что удовольствию надлежало быть чрезвычайному, и за желанием узнать последовало желание удостовериться в том на опыте.

Я и сама не знаю, до чего довело бы меня желание это! Тогда я была совершенно неопытна, и, может быть, первый случай навсегда погубил бы меня; к счастью, мать моя через несколько дней после того объявила мне, что меня выдают замуж; удостоверенность все узнать тогда же истребила любопытство мое, и я пришла девою в объятия господина де Мертей.

Я ожидала спокойно минуты просвещения, и один рассудок заставил меня показать некоторое замешательство и страх. Первое брачное свидание, для всех обыкновенно столь страшное или сладостное, представляло мне только случай к испытаниям: все... все замечала я *аккуратно*, и в различных сих ощущениях увидела одни лишь происшествия, достойные внимания и размышления. Новый сей род учения в короткое время понравился мне; но, наблюдая со всею верностью правила свои и чувствуя, может быть, по врожденному побуждению, что муж более прочих должен быть удален от доверенности, решилась я, потому единственно, что была чувствительна, казаться в глазах его равнодушною или, лучше сказать, бесстрашною. Наружное сие хладнокровие впоследствии сделалось непоколебимым основанием слепой его доверенности; к тому ж при вторичном исследовании себя присовокупила я вид вертопрашества, столь свойственный моим летам, и чем смелее хвалила его, тем более почитал он меня ветреным ребенком.

Признаюсь, однако ж, что, будучи увлечена сначала вихрем большего света, предавалась я от полноты души всем его пустым рассеяностям. Но по прошествии нескольких месяцев, когда господин де Мертей завез меня в заунывную свою деревню, то, опасаясь скуки, принялась я опять за учение и окружила себя такими людьми, коих расстояние лет, не подавая ни малейшего подозрения, открывало мне пространное поле для наблюдений. Там-то удостоверилась я, что любовь, которую поставляют главной виновницею наших утех, большою частию служит к тому одним предлогом.

Болезнь господина де Мертей прервала приятные сии упражнения; надлежало возвратиться с ним в город, куда он ехал лечиться. Вскоре потом, как тебе известно, он умер; и хотя, правду сказать, я не имела ни малейшей причины жаловаться на него, но тем не менее почувствовала во всем пространстве слова цену вольности, которую получила я чрез вдовство, и для того решилась обратить его в свою пользу.

Мать моя полагала, что я возвращусь в монастырь или перееду к ней. Я отвергла и то, и другое, и из одного уважения к благопристойности положила жить в прежней деревне для окончания наблюдений своих. Я утвердилась в том с пособием книг, не тех, однако ж, о которых ты думаешь:

Нравам нашим училась я в романах, а мнениям и суждению — у философов; я советовалась даже с самыми строгими моралистами, дабы узнать, чего они от нас требуют; таким-то образом удостоверилась я в том, что позволено было делать, как должно мыслить и чем надлежало казаться. Утвердясь в сих трех правилах, находила я, однако, затруднения в исполнении последнего, но, надеясь преодолеть их, занималась приискиванием нужных к тому средств.

Сельские удовольствия, слишком единообразные для деятельного моего ума, начинали уже казаться мне скучными; я чувствовала, что нельзя обойтись без кокетства, и оно примирило меня с любовью; правда, я не влюблялась, но заражала ею и казалась влюбленною. Многие уверяли меня, да я и сама читала в книгах, что нельзя подделаться под сию страсть; я заметила, однако ж, что желающему достичь сей цели стоит только присовокупить к авторскому уму искусство актера. Я упражнялась в обеих сих частях, может быть, с некоторым успехом, и, не гоняясь за пустыми рукоплесканиями партера, решилась обращаться в собственное благополучие то, чем многие жертвовали тщеславию.

Целый год прошел в разнообразных сих занятиях. Траур мой кончился, и я возвратилась в город с великими своими проектами, нимало не ожидая встретившегося препятствия.

Продолжительное безлюдье и строгое уединение покрыли меня, так сказать, монастырским лаком, от которого убегает вся наша молодежь. Они оставили меня толпе докучливых, искавших руки моей.

Нетрудно было отказать им, но многие из сих отказов неприятны были родным моим, и я теряла в домашних ссорах лучшее время, посвященное утехам, почему и принуждена была, желая одних приманить, а других удалить, выдавать себя за вертопрашку, и вместо поддержания своей чести добровольно вредила себе. Все происходило по моему желанию. Но, не будучи увлечена никакою страстию, делала только то, что почитала необходимым, и в самых безрассудностях своих поступала с благоразумием.

Достигнув желаемой цели, я остепенилась и порадовала своим исправлением некоторых женщин, невольно отказавшихся от прелестей и требовавших права на достоинства и добродетель. Оборот сей против чаяния моего составил всю мою славу. Признательные эти вдовушки сделались моими

защитницами, приписывали себе честь перемены моего поведения и при малейшем колком отзыве восставали против соблазна и оскорбления. Сим самым случаем примирилась я и с неуступчивыми женщинами; они, уверены будучи, что я не стану перебивать у них дороги, осыпали меня похвалами всякий раз, когда хотели показать, что не весь свет злословят.

Между тем с переменною поведением моего возвратились и любовники; поэтому, не желая разладить ни с ними, ни с добродушными своими покровительницами, приняла я на себя вид женщины чувствительной, но несговорчивой, щекотливая разборчивость которой доставляла оружие против любви.

Тогда-то начала я выставлять на большой сцене приобретенные таланты свои. Прежде всего старалась получить название непобедимой, и для того принимала исключительно только тех мужчин, которые мне не нравились, и, употребляя их на проповедывание непреклонности моей, безбоязненно предавалась предпочтенному любовнику, из притворной робости не позволяя ему никогда быть со мною на публике, где обыкновенно встречали меня одни несчастные любовники.

Тебе известно, как я решительна; знаешь ли, почему? Я заметила, что предосторожности в приступах почти всегда изменяют женщинам. Как ни поступай, но тон никогда не бывает одинаков при начале и после успеха. Разность сия не может укрыться от внимательного наблюдателя; и я находила менее опасности обмануться в выборе, нежели допустить разанатомить себя. Тут есть и та еще выгода, что истребляются и самые следы вероятия, по которому обыкновенно о нас судят.

Предосторожности сии, избегание всякой переписки и неоставление ни малейших доказательств низложения моего могли казаться излишними, но для меня всегда казались недостаточными. Взойдя в свое сердце, старалась я познать сердце ближнего. Видела, что всякий человек имеет какую-нибудь тайну, о коей не хотел бы, чтоб знали другие; истину сию древние знали лучше нас, и Самсон может служить тому доказательством. Подобно Далиле, и я всегда употребляла власть свою, дабы выведать важную сию тайну. Колических же современных нам Самсонов лишила я волос!¹ Их одних не только не опасалась я, но иногда и сама не щадила. Прочих уклончивость моя, искусство довести их до неверности, дабы не казаться ветреной и непостоянной, притворная дружба, мнимая доверенность, несколько великодушных поступков, а с т н а я мысль, которую каждый из них питал, что он один только и был любовником моим, — заставляли быть скромными. Наконец, когда сии средства изменяли, я умела, предвидя разрыв, обратить заранее в смех или в клевету то доверие, которое могли приобрести эти опасные люди.

¹ Согласно библейской легенде, источником необычайного могущества богатыря Самсона были его длинные волосы. Его возлюбленная Далила, женщина из враждебного племени филистимлян, выведала у него эту тайну, и, когда он уснул, остригла ему волосы, после чего Самсон был захвачен в плен (*примеч. ред.*).

Тебе известно, что я беспрерывно исполняю все здесь сказанное, и ты же сомневаешься в моем благоразумии! Очень хорошо, вспомни то время, когда ты в первый раз начал оказывать мне страстные свои услуги? Никогда приношение не было столь лестно: я желала тебя, еще не видев тебя. Обольщенная твоею *репутациею*, чувствовала, что тебя одного не доставало только для довершения моей славы, и пылала нетерпением вступить с тобою в бой грудь на грудь. Прознаюсь, привязанность эта не имела, однако же, никакой надо мною власти. Но если б ты и вздумал погубить меня тогда, какие имел на то средства? Пустые речи, не оставляющие по себе никаких следов, которые и самая твоя репутация сделала бы подозрительными, или же некоторые происшествия, довольно невероятные и похожие на худо сплетенной роман. Правда, впоследствии я открыла тебе все свои тайны; но тебе известно, какие связи соединяют нас и кого из нас двоих должно укорять неблагоразумием¹.

Принявшись отдать тебе отчет, хочу все высказать; отсюда даже слышу, как ты кричишь, что я завишу по крайней мере от моей горничной; в самом деле, если она не знает тайны моих чувств, то знает деяния мои. Ты некогда заметил мне это, и я отвечала тебе, что уверена в ней; отзыв сей успокоил тебя до того, что ты и сам вверял ей довольно опасные тайны. Но теперь, когда Преван внушает тебе сомнения и вскружил голову, я думаю, ты не доверяешь более словам моим; итак, надлежит исправить, наставить и вразумить тебя.

Во-первых, девушка эта есть дочь моей кормилицы и воспитана вместе со мною: связь сия в простом народе имеет великую силу, притом же тайна ее мне известна; она, сделавшись жертвою безрассудной любви, погибла бы без меня. Отец и мать ее, вспылив за честь свою, положили было засадить ее в монастырь. Они прибегли ко мне; увидев с первого взгляду, какую пользу мог принести мне их гнев, я одобрила их намерение и сама выходила письменное на то повеление. Потом, обратясь к великодушию и склонив родителей ее посредством кредита своего у старого министра, уговорила всех дать мне на волю исполнение сего приказа, смотря по поведению девушки сей. Следственно, она знает, что судьба ее в моих руках; а если бы, сверх всякого чаяния, и это средство не могло удержать ее, то при открытии поступка ее и после столь гласного наказания кто поверит рассказам ее?

К сим предосторожностям, которые называю я коренными, присовокупляю я тысячу других, местных, или же обстоятельством, размышлением и привычкою внушаемых; исчисление их было бы слишком мелочное, но от употребления их зависит благосостояние каждого, и ты никогда не узнаешь их, если не примешь труда, взяв в совокупности поведение мое, раздробить его на части.

¹ Впоследствии увидят в письме CLII не тайны господина де Вальмона, но какого рода были они, и читатель узнает сам, что нельзя было открыть дальнейших сведений о сем предмете.

Кто же может заставить меня, чтобы я после толиких стараний отказалась от плодов; чтобы после многотрудных препятствий, умев поставить себя превыше всех женщин, согласилась ползать наравне с ними между безрассудностию и боязливостию; а особливо, чтобы страшилась какого-нибудь мужчины и убегала от него, не видя никакого спасения? Нет, виконт, никогда сего не будет. Что ж до Превана, я хочу иметь его и буду иметь: он намерен всем это раславить, и не скажет никому ни слова. Вот эссенция нашего с ним романа. Прощай.

Из ***, 20 сентября 17...

ПИСЬМО LXXXII

Сесилия Воланж к шевалье Дансени

Как размутило меня твое письмо! Стоило труда беспокоиться, что так долго не получала его! Я надеялась найти в нем утешение свое, а вместо того оно еще пуще меня расстрогало. Сколько слез я пролила, читая его! Но не за это я жалею; не первый уже раз плакала я от тебя, не чувствуя, однако ж, горести. А теперь! О! Это совсем не то!

Что ты хочешь мне сказать: что любовь твоя сделалась для тебя мучением и что не можешь жить долее в несносном сем положении? Неужели перестаешь любить меня, потому что не находишь прежних удовольствий? Кажется, и я не счастливее тебя, напротив того; однако же, больше прежнего люблю тебя. Если господин де Вальмон не писал к тебе, я не виновата; мне не удалось спросить его, потому что не удалось видиться с ним наедине, а при людях условились мы не говорить никогда; все это делается для тебя, чтобы поскорее можно было ему исполнить твое желание. Я не говорю, что и сама не желала того же, ты не станешь в том сомневаться, но скажи, пожалуйста, что мне делать? И если думаешь, что это так легко, то укажи средство; я очень буду рада.

Разве мне приятно слышать от маменьки поминутную брань, не выдав от нее прежде и косой мины? Ах, нет! Теперь мне гораздо хуже, нежели в монастыре. Я утешалась по крайней мере тем, что все переносу для тебя; случались даже и такие минуты, что была тем довольна; но видя теперь, что досадуешь без всякой моей вины, чувствую больше огорчений, нежели от приключившегося со мною несчастья.

Сколько затруднений в отдаче твоих ко мне писем! Если бы господин де Вальмон не был так добр и так ловок, я бы не знала, что мне и делать; писать

же к тебе и того труднее. Поутру не смею и думать о том: маменька под боком у меня и поминутно заглядывает в мою комнату. Иногда удается увернуться после обеда, отпросясь петь или играть на арфе, да и то за каждым словом при-
нуждена перерывать, чтобы слышно было, что я учусь. К счастью, горничная моя по вечерам рано иногда засыпает, тогда упрасиваю ее, чтобы она не дожидалась и оставила бы меня с огнем, дабы можно было одной раздеться. Тут надобно запрятаться под занавеску, чтобы не видали света, и вслушиваться в малейший шорох, чтобы успеть все припрятать под подушки, если б кто вошел. Как бы я желала, чтоб ты все это видел! Ты увидел бы, что надобно страстно любить, чтобы все это делать. Короче сказать, я все то делаю, что могу, да и желаю, чтоб можно было сделать что-нибудь побольше.

Ты сам знаешь, сколь приятно мне повторять, что люблю тебя и вечно буду любить, и что никогда не говорила я сего равнодушно; но при всем том ты же и жалуешься! Не ты ли уверял меня, когда я не говорила еще тебе о любви, что одно уверение это сделает тебя счастливым? Нельзя тебе запереться, я уличу тебя твоими письмами, и хотя у меня их нет, но я все помню, как будто всякий день их читаю. Теперь, как разлучили нас, ты не то уже думаешь! Но разлука эта, может быть, не навсегда продолжится. Боже мой! Как я несчастна! И все через тебя!..

Кстати, вспомнила я о твоих письмах! Я надеюсь, что ты сберег те, которые отняла у меня маменька и отослала к тебе; ведь будет же то время, что я не буду так связана, как теперь, и ты мне их возвратишь до единого? Как я буду счастлива, когда они навсегда останутся у меня и никто не станет заглядывать в мои ящики! Теперь все принуждена отдавать назад, иначе попалась бы опять в беду; при всем том мне так тяжело отдавать их, что и сказать не могу!

—
Прощай, милый мой. Люблю тебя всем сердцем и не перестану любить, пока жива буду. Надеюсь, что и ты не станешь более грустить, и если б не была в том уверена, то замучилась бы тоскою. Отпиши ко мне, как скоро можно будет; я чувствую, что пока не получу твоего письма, то ничто не утешит меня.

Из замка ***, 21 сентября 17...

ПИСЬМО LXXXIII

Виконт де Вальмон к президентше де Турвель

озвольте, милостивая государыня! Возобновить прерванную столь несчастным образом переписку нашу, дабы можно было удостоверить вас наконец, что ненавистный портрет, которой вам сделали обо мне, нимало не сходствует с подлинником и дабы мог я вновь наслаждаться милою доверенностью, которую вы начали было оказывать мне! Каких прелестей не придаете вы добродетели! Как умеете вы украшать и заставлять любить все благородные чувствования! Ах, в том-то и состоит обошщение ваше, разительное, единственное по могуществу и уважению своему.

Конечно, стоит только увидеть вас, чтобы возродилось желание нравиться вам; слышать вас в собрании, чтоб желание сие увеличилось. Но кто имеет счастье знать вас поближе, кто может иногда читать в душе вашей, тот, повинаясь действию благороднейшего воспаления, объятый благоговением и любовью, обожает в вас образ всех добродетелей. Умея, может быть, более прочих любить и исполнять их, увлеченный некоторыми заблуждениями, удалился было я от них, но вы сблизили меня с ними опять, дав мне почувствовать всю прелесть оных; ужели вмените мне в преступление некую сию любовь? ужели станете порицать свое творение и укорять себя за участие, которое могли бы вы принимать в нем? Какого зла можно ожидать от столь непорочного чувствования? Напротив того, каких наслаждений не обещает оно?

Любовь моя устрашает вас, она вам кажется н а г л о ю, необузданною? Смягчите ее кротостию вашей любви; не отвергайте владычества, мною вам предлагаемого, от коего, клянусь вам, никогда не стану у к л о н я т ь с я и которое, смело скажу, не вовсе будет чуждо для добродетели. Какое пожертвование могло бы казаться для меня тягостным, зная, что сердце ваше готовит мне за то награду? Укажите мне несчастного, который бы не умел ценить претерпеваемых им лишений, который бы не предпочел одного слова, одного взгляда, вынужденного или уловленного, всем прочим наслаждениям! И вы считаете меня таковым, вы страшитесь меня? Ах! Для чего благополучие ваше не от меня зависит! Как бы я отмстил вам, составляя ваше счастье! Но тощая дружба не доставляет сладостного сего могущества, оно предоставлено любви.

Слово это приводит вас в робость? Для чего ж бы? Привязанность гораздо нежнейшая, согласие несравненно сильнейшее, одинаковые мысли, то же блаженство, те же огорчения — что ж чуждого находит тут душа ваша? Такова, однако ж, любовь! Такова, по крайней мере та, которую я чувствую! Она-то, исчисляя все б е с п р и с т р а с т н о, научает ценить деяния по достоинству, а не по важности; неисчерпаемый источник блаженства чувствительных душ, все бесценно тобою или для тебя сделанное!

Истины сии, столь удобопостигаемые, столь сладостные в исполнении, могут ли чем-либо ужасать? Какой страх может так же причинить человек чувствительный, которого любовь заставляет искать своего благополучия в вашем блаженстве? К сей-то цели стремятся все мои желания; для достижения оной охотно пожертвую всем, исключая чувствования, внушающего оные. Согласитесь разделять сие чувствование и располагайте им по вашей воле; но не допускайте, чтоб оно расстраивало нас, когда должно соединять. Если дружба, вами предложенная мне, не есть пустое слово, если она, как вы сами говорили мне вчера, составляет сладостнейшее чувствование души вашей, то пусть она и постановляет между нами условия, я не отчуждаю ее; но, учинясь судьей любви, пусть согласится так же выслушать ее; отказ был бы несправедлив, а дружба несправедливостей не терпит. Вторичное свидание не более имело бы неприятных последствий, как и первое. Нечаянность может и опять доставить случаи; вы сами можете назначить время. Положим, что я виноват, но что ж для вас легче — исправить меня или сражаться со мною; или сомневаетесь еще в покорности моей? Если бы нам не помешали тогда, может быть, я во всем бы уже согласился с вами; кто ведает, до чего может довести владычество ваше!

Непреодолимое сие могущество, коему предаюсь я, не дерзая исследовать, неодолимое очарование это, которое поставляет вас владычицею всех моих мыслей и деяний, признаюсь, приводит меня иногда в робость. Ах! Мне-то, может быть, надлежит опасаться свидания, о коем прошу вас! Может быть, связав себя обещаниями, принужден буду после того истлевать любовью, которая никогда не погаснет, не осмеливаясь заикнуться о пособии вашем! Сжальтесь, милостивая государыня, и не употребляйте во зло владычества своего! Но что я говорю! Если того требует благополучие ваше, если это нужно, чтоб учиниться достойным вас, утешительная мысль сия усладит все страдания! Так, я уверен в том, вступив с вами в новые переговоры, доставляю вам опаснейшее против себя оружие: должен буду совершенно покориться вашей воле. Защищаться против ваших писем гораздо легче; правда, они наполнены вашими же речами; но вы не можете придать им силы в свое отсутствие. При всем том удовольствие слышать вас заставляет меня пускаться на все опасности; по крайней мере, я счастлив буду тем, что все для вас сделал, хотя и против себя, и жертвования мои послужат залогом благоговейного почтения при нелестном уверении, что вы есть, были и вечно будете милым предметом сердца моего.

Из замка ***, 23 сентября 17...

ПИСЬМО LXXXIV

Виконт де Вальмон к Сесилии Воланж

ы сами, сударыня, видели, как нам мешали вчера. Во весь день не мог я отдать присланного к вам письма, и не знаю, успею ли сегодня. Боюсь ввести вас в новые хлопоты, поспешив со своим усердием; осторожность останавливает меня, и я ввек не простил бы себе такой безрассудности, которая погубила бы вас и ввергла в отчаяние друга моего, сделав вас вечно несчастною. Мне известно, однако ж, нетерпение любовников; чувствую, сколь тягостно в вашем положении видеть, что останавливают и последнее утешение, коим можете наслаждаться в здешнем заточении. Думая и передумывая, каким бы образом рассеять все препятствия, нашел я весьма легкое средство, если вы захотите только помочь.

По замечаниям моим кажется, что ключ от вашей горницы, или, лучше сказать, от дверей, которые выходят в коридор, лежит всегда на камине у вашей матушки. Имея этот ключ, все пойдет на лад, как вы сами можете догадаться; но чтобы не заметили, я вам доставляю другой. Прoderжав настоящий не более двух часов, я все сделаю. Вам нетрудно будет достать его, если вы прилагаемый к сему ключ, обменяв, взденете на синюю ленту и положите на обыкновенное его место; нечего бояться, чтобы им вздумали отпирать, а без того никак не догадаются.

Постарайтесь взять его завтра или послезавтра, во время завтрака, дабы успеть отдать мне и вечером положить на свое место; потому что, как вы сами знаете, матушка ваша все пересматривает в эту пору. Если вы уладите все как должно, то можете отдать мне его перед обедом.

Вы, я думаю, заметили, что когда идут к столу, то госпожа де Розмонд плетется позади всех. Я поведу ее под руку. Вам стоит только запутаться за пальцами или уронить что-нибудь, чтобы, отстав, взять от меня мимоходом ключ, который нарочно для этого буду держать позади себя. Не забудьте, взяв его, тотчас броситься к старой тетушке моей и приласкаться; и если бы даже случилось вам уронить его, то и тогда не должно робеть: я скажу, что это мой ключ упал; словом, все беру на себя.

Недоверчивость вашей матушки и ее строгость к вам извиняют ничего не значащую хитрость сию. Впрочем, одно это средство и остается для получения дансениевых писем и пересылки к нему ваших; все прочие крайне опасны и могут погубить вас обоих безвозвратно; и для того-то осторожная моя дружба не отваживается более употреблять их.

Овладев ключом, останется взять свои меры, чтоб не скрипели двери и замók; но этому пособить нетрудно. Под тем самым шкафом, где я запас для вас бумаги, найдете вы деревянное масло и перышко. Выбрав время, когда

никого не будет в вашей комнате, смажьте поскорее замок и петли. Берегитесь только, чтоб не было нигде масляных пятен, дабы не взяли на вас подозрения. Всего лучше делать это ночью, чтобы к утру ничего не было видно. Если же бы и приметили, то, не запинаясь, укажите на кого-нибудь из людей: что тот-то приходил в такую-то пору и говорил... например, что он предохраняет их от ржавчины. Ничего не значащие мелочи эти придают вероятие, а вероятность оставляет обман без последствий, отнимая охоту проверять.

Прочитав это письмо, советую вам перечитать вновь и заняться им: во-первых, потому что надобно знать наверное, если что хочешь сделать точно; а во-вторых, чтобы удостовериться, что я ничего не пропустил. Не привыкнув употреблять хитростей в своих делах, не могу иметь и потребной для сего ловкости. Признаюсь вам, что искренняя дружба моя к Дансени и участие, внушаемое вами, могли только заставить меня прибегнуть к сему средству, хотя оно, впрочем, само по себе и невинно; всякий обман для меня мерзок; таков мой нрав. Но несчастья ваши до того расстрогали меня, что я, желая их облегчить, готов пуститься на все.

Обеспечив таким образом коммуникацию с вами, нетрудно уже будет, как вы сами видите, доставить Дансени свидание, о коем он так убедительно просит. Однако не поминайте ему о сем ни слова: вы умножите только нетерпение его, не имея всех способов к удовлетворению. Кажется, всего нужнее успокаивать, а не раздражать его. В этом случае полагаюсь я на вашу разборчивость. Прощайте, милая питомица! Полюбите своего опекуна; более же всего будьте против него послушнее; вы сами останетесь довольны. Я занимаюсь вашим благополучием, и будьте уверены, что найду в нем и свое.

Из ***, 24 сентября 17...

ПИСЬМО LXXXV

Маркиза де Мертей к виконту де Вальмону

аконец ты будешь спокоен и, верно, отдашь мне справедливость. Слушай и не смей более смешивать меня с прочими женщинами. Я сделала *конец* интриге моей с Преваном! Понимаешь ли, что это значит? Увидим, кто из нас может теперь хвастать, он или я! Повесть не так будет забавна, как само происшествие; да и несправедливо было бы, чтоб ты за твои суждения, плохие или и путные, о сем деле получил такое же удовольствие, какое я получила за труды мои и терпение.

Впрочем, если ты хочешь блеснуть где-нибудь, если намерен произвести в действие какое предприятие, в коем мешал тебе опасный сей соперник, поспешай. Он оставляет тебе свободное поле, по крайней мере на некоторое время; а быть может, что и никогда не восстанет от удара, которой я ему нанесла.

Как ты счастлив, что имеешь меня другом! Познай во мне благотворную твою волшебницу! Ты истаивал, будучи разлучен с пленившею тебя красотой; я молвила слово — и ты с нею. Пожелал отомстить вредившей тебе женщине; я, указав, где надлежало разить, предала ее на твой произвол. Наконец, чтоб избавиться от страшного совместника, ко мне же ты прибегаешь, и я творю волю твою. По чести, если бы ты был признательнее, то недостало бы всей твоей жизни, чтобы меня отблагодарить. Но возвратимся к интриге моей и начнем с самого начала.

Свидание, громогласно назначенное при выходе из театра¹, было понято, как я и ожидала. Преван явился туда, и когда фельдмаршалыша с ласковым видом сказала ему, что она поставляет себе за особенное счастье видеть его в своем доме два раза сряду в положенные дни, то он отозвался со скромною вежливостию, что со вторника старался от всех отделаться, дабы быть свободным для ее вечера. Смекнуть было нетрудно! Желая, однако, узнать наверное, я ли или кто другой был предметом лестной сей заботливости, решила я принудить нового вздыхателя сделать выбор между мною и любимую его страстию. Я объявила, что не намерена играть в карты; и в самом деле, он со своей стороны под разными предложениями отказался от игры.

Я готовила для него другую каверзу и пустилась в разговор с духовником принца Д***, зная, что он был на связи с моим героем. Сею уловкою доставляла я ему всю свободу подсесть ко мне и на всякий случай запасала себе почтенного свидетеля и защитника моих поступков и речей. План мой имел нарочитый успех.

После обыкновенного пустословия Преван мало-помалу овладел разговором и попеременно брал на себя разные тоны, дабы напасть на тот, которой мне н р а в и т с я. *Сентиментальный* тон я опровергла своим неверием, важностию же своею приостановила *развязность* его, которая показалась мне для *дебюта* слишком ветреною; он стал увиваться около *нежного дружества*, и под сим-то всесветным знаменем открыли мы атаку с обеих сторон.

Ужин был готов; духовник не рассудил идти за стол; Преван, следуя обыкновению, подал мне руку и сел возле меня. Надобно быть справедливой! Поддерживая частный со мной разговор, показывал он вид, что один поддерживает и общий разговор. За десертом зашла речь о новой пьесе, возвещенной для следующего понедельника во французском театре. Тут с сожалением отозвалась я, что не имею своей ложи; он предложил мне свою, а я, как водится, не приняла; на что, отшучиваясь, отвечал он мне, что я, верно, не поняла его; что он ни за что на свете не уступит своей ложи тому, кого не знает,

¹ См. письмо LXXIV.

и для лучшего доказательства отдает ее в распоряжение фельдмаршалыши. Она приняла эту шутку за наличные, и я согласилась ехать с нею.

Возвратясь в залу, он просил себе места в этой же ложе, и так как фельдмаршалыша, которая обходится с ним очень ласково, позволила ему, *если не станет повесничать*, то он, воспользовавшись сим случаем, завел двусмысленный разговор, в коем, по уверению твоему, отличается он преимущественно. В самом деле, бросаясь на колена, будто бы для испрошения у ней прощения, насказал тысячу нежностей, кои нетрудно мне было применить к себе. Бóльшая часть гостей не стали играть после ужина; разговор сделался почти общий и, следственно, не такой любопытный; но глаза наши довольно наговорились. Я должна бы сказать «его глаза», потому что мои изображали одно только изумление; он, верно, думал, что удивление мое происходило от сильного впечатления, которое производит во мне. Кажется, что я оставила его в полном удовольствии; признаться, и я не меньше была довольна собою.

—

В следующий понедельник, по условию, была я в театре. Невзирая на твое увлечение словесностью, могу лишь сказать, что Преван имеет удивительный дар улещивать и что пьеса провалилась: вот все, что я там видела. Мне не хотелось окончить так скоро приятный этот для меня вечер; я пригласила к себе ужинать фельдмаршалышу, а тем самым нашла предлог удержать у себя и любезного *повесу*, который, приняв охотно предложение мое, просил позволения отлучиться на одну минуту к графиням Б***¹ — сказать, чтобы они его не дожидались. При этих именах вся кровь закипела во мне от бешенства: я поняла, что он торопился уведомить их о своих успехах: но, вспомнив благоразумные твои советы, дала себе честное слово... продолжать интригу и проучить его за пагубную сию нескромность.

Не знаком будучи с моими гостями, которых не много, правда, и было, занимался он мною, насколько позволяла благопристойность, и, идучи за стол, подал мне руку; лукавство заставило меня дать ему заметить слабое дрожание в моей руке, потупить глаза, идучи с ним, и подделывать вздымающуюся от тяжелого дыхания грудь. Ничто не утаилось от вероломного, и он в то же мгновение переменил тон и обхождение свое: оставя волокитство, бросился в томную нежность. Правда, разговоры были те же, но обстоятельство властвовало им: пылкий взор его сделался вкрадчивее; гибкость голоса ласковее; улыбка показывала восхищение, а не хитрые замыслы; в речах изливалась чувствительность; словом, он весь дышал нежностью. Скажи, пожалуйста, мог бы и ты лучше сыграть эту роль?

Со своей стороны, сделалась я задумчивою до того, что все почти это заметили, и когда начали спрашивать, отчего я так невесела, то нарочно стала путаться в словах и, в то же мгновение бросив на Превана быстрый, робкий

¹ См. письмо LXX.

и расстроенный взгляд, дала ему уразуметь, что боялась — не он ли был причиною моего смятения?

После ужина, воспользовавшись тем временем, когда фельдмаршальша пустилась в обыкновенные свои рассказы, бросилась я на диван в нежном забытье задумчивости. Мне хотелось, чтобы Преван видел меня в сем положении; в самом деле, он удостоил меня особым своим вниманием. Ты сам догадаешься, что робкие мои взгляды не смели встретиться со взором победителя моего; обращаясь, однако ж, на него со смиренною уклонностью, вскоре открыли они мне, что желаемое действие произведено. Но я, не довольствуясь тем, искала случая удостоверить его, что и сама разделяла его чувствование, и, услышав, что фельдмаршальша собралась ехать, вскрикнула: «Как мне тут было хорошо!» Тотчас, впрочем, встала, и при прощании спросила ее, где она будет завтра, желая найти предлог и объявить, что я останусь дома. Тут все распрощались.

—

Тогда принялась я обдумывать свой п л а н. Я не сомневалась, чтобы Преван не воспользовался почти назначенным ему свиданием; чтобы он не прилетел ко мне пораньше, дабы застать одну и чтобы не было сильного приступа: но также была уверена, полагаясь на свою *репутацию*, что он не употребит против меня той ветрености, которую употребляют знающие само начальное даже обращение в свете с одними только неопытными женщинами; и надеялась на полный успех, если он заикнется о любви; а особливо если вздумает довести меня до признания.

Как легко управляться с вами, *хитрецами, не выступающими из своих правил*! Нередко влюбленная ветреница расстраивает вас своею робостью, или приводит вас в тупик стремительными своими порывами; эта лихорадка, подобно настоящей, имеет свой озноб и свой жар, а иногда и переменяет свои признаки. Но изочтенный ход ваш очень, очень заметен!

Вход, наружный вид, тон, речи, — все предузнала я еще накануне. А потому и не стану повторять разговора нашего; тебе нетрудно будет пополнить промежуток сей. Заметь только, что притворною своею обороною я ему всячески помогала: замешательством — доставляла свободу говорить; плохими отводами — средство опровергать оные; боязнию и недоверчивостию — случай подкреплять уверения свои клятвою; прибавь к этому беспрестанное повторение с его стороны «*об одном только слове и прошу вас*», а с моей — упорное молчание, оставлявшее его в нерешимости; раздраженные желания его, руку мою, поминутно вырывавшуюся от него и никогда не отказывавшуюся, и тогда поверишь, что атаке сей не было бы конца. И действительно, целый час проходил уже в скучных сих мелочах, как услышали мы въехавшую на двор карету. Помеха сия, как ты сам догадываешься, прибавила живости домогательствам его; я, видя, что желаемая и спасавшая меня от всех нечаянностей минута наступила, начала *увертюру* тяжким вздохом и обнадежила его бесценным словом. Между тем гости начали съезжаться.

*Мне хотелось, чтобы Преван видел меня в сем положении;
в самом деле, он удостоил меня особым своим вниманием.*

Преван просил позволения приехать ко мне на другой день поутру, и я позволила; но, приняв твердое намерение защищаться, приказала горничной своей быть во все время сего посещения в моей спальне, откуда, как тебе известно, видно все, что ни делается в уборной, где я его приняла. Разговаривая беспрепятственно и пылая одинаковым желанием, нетрудно было нам согласиться; надлежало, однако ж, поудалить докучливую мою свидетельницу: на сем-то пункте и ожидала я его.

Тут, представив ему по своей воле картину домашней моей жизни, легко удостоверила его, что мы не сможем найти свободной минуты; что надлежало почесть чудом, если вчера удалось поговорить нам наедине в гостиной, потому что поминутно через нее ходят. Не преминула дать ему заметить, что я сама завела у себя этот порядок, не имея до сего дня случая испытать, сколь он препятствует, и настояла в том, что никоим образом не возможно было переменить его, не введя в соблазн своих людей. Он запасмурился, начал дуться и жаловаться на мое равнодушие; ты чувствуешь, как все это трогало меня! Но, желая нанести решительный удар, призвала я на помощь слезы, дабы доставить ему случай сказать: «*Заира! Ты плачешь?*» Власть, которую, полагал он, уже приобрел надо мною, и надежда погубить меня, когда ему заблагорассудится, заменили в нем всю любовь Оросмана¹.

По окончании театрального сего явления приступили мы к сделке, и видя, что днем нельзя было нам найти никакой удобности, прибегли к ночи; но швейцар мой представлял непреодолимое препятствие, я же не хотела и слышать, чтобы отважились его подкупить. Он предложил садовую калитку, но я, предвидя все, спустила не существовавшего Цербера, днем смирного, как овцу, а ночью злого, как демон. Податливость моя не могла не вскружить ему голову, он сделался смелее и предложил самое глупое средство, на которое я тотчас именно для того и согласилась.

Он начал уверением, что слуга его так же был надежен, как и он сам: в этом он не ошибался, один другого стоит! Мне надлежало созвать гостей к ужину, а ему — отправиться тотчас после стола. Догадливому поверенному следовало закричать вслух, чтобы подали карету, отпереть дверцы и хлопнуть, Превану же, не садившись, увернуться искусным образом. Кучер никак не мог догадаться, и когда все думали бы, что Преван ускакал, то он между тем пробрался бы в мои комнаты; но в сем-то и находила я затруднение. Признаюсь, все мои возражения были так слабы, что он, чего я и желала, без всякого труда мог их опровергнуть; он тотчас сослался на примеры. По его словам, средство это было обыкновенное, наиболее им употребляемое и безопасное.

Покоренная неоспоримыми сими доводами, принуждена была я признать, что потаенная лестница идет к самому моему будуару; что я могу оставить ключ, что с сими пособиями нетрудно будет ему войти туда, запереться

¹ *Заира* — героиня одноименной трагедии Вольтера, *Оросман* — султан, влюбленный в Заиру (*примеч. ред.*).

и дожидаться, пока горничные женщины выйдут от меня; а чтобы придать более вероятия своей сговорчивости, минуто спустя ахнула, клялась, что мне никак нельзя согласиться, и, наконец, вновь сдалась на уверения о его послушности и скромности... ты видишь, что я старалась доказать свою любовь, не удовлетворяя его страсти.

Я позабыла тебе сказать, что выход положен был через садовую калитку, дождавшись рассвета, в ту пору, когда собака молчит и все люди еще спят. Не удивляйся странным сим оговоркам и возьми в рассуждение взаимное наше положение; не забудь, что глупости сии были необходимы: он старался сделать мое приключение гласным, а я была уверена, что никто ничего не узнает. Наконец бой был отложен до следующего дня.

Прошу также мимоходом заметить, что дело уже слажено, а Превана никто еще у меня в доме не видел. Встречаюсь с ним у одной моей приятельницы за ужином; он предлагает ей свою ложу для новой оперы, и я соглашаюсь ехать с ней в театр. Там зову ее к себе отужинать при Преване; можно ли же было, не нарушая благопристойности, оставить его без приглашения? Он соглашается и спустя два дня приезжает ко мне, по обычаю, с визитом; правда, он был у меня и на другой день; но кроме того, что утренние визиты ничего не значат, я, почитая его скороспелым, оплачиваю письменным приглашением к нарядному ужину. Вот и все тут.

По наступлении пагубного дня, в который надлежало мне лишиться доброго имени и чести, призвав верную свою Викторию, я отдала ей нужные приказания; она исполнила их со всею точностию, как то сам ты впоследствии увидишь.

Между тем настал вечер. Гостей было уже довольно, когда доложили о Преване. Я приняла его с нарочитою вежливостию, дабы показать, что знакомство мое с ним только что начинается, и посадила играть с фельдмаршалшею, у коей я с ним и познакомилась. Вечер не доставил ничего замечательного, исключая записочки, которую скромный любовник нашел средство доставить мне и которую, по старой своей привычке, я сожгла. Он давал мне чувствовать, что я могу на него положиться; существенное сие уверение сопровождается было свитою поддипал: любви, счастья, блаженства и пр. прихлебателей сих всегда найдешь за чужим столом!

В первом часу за полночь игра кончилась; но мне вздумалось продлить ее в *лото*. Я имела двойную в том цель: доставить Превану случай скрыться и дать гостям заметить его побег; сие было произвести тем легче, что страсть его к игре была всем известна. Притом же я обеспечивала себе и ту выгоду, что после развязки всяк из гостей мог вспомнить, что я заботилась о том только, чтобы удержать их подолее, следственно, не торопилась и не имела причины остаться наедине.

Игра продолжилась долее, нежели я полагала. Дьявольским навождением тянуло меня идти утешить нетерпеливого пленника, и я готова уже была погубить себя, как вдруг, размыслив, увидела, что, однажды сдавшись ему во всем,

не могла уже ни властвовать им более, ни заставить его остаться в полном наряде, столь нужном для моих замыслов. Собравшись с силами, скрепилась, поворотила назад и села опять за бесконечную игру. Наконец она кончилась, и все разъехались; а я, позвав горничных, разделась поскорее и всех отпустила.

Жаль, что некому было смеяться, когда, выступая робким и опасным шагом, открывала я дрожащею рукою дверь своему победителю; он увидел меня — молния не бывает быстрее. Что сказать тебе? Я осталась побежденною, совершенно побежденною, не успев вымолвить слова, не успев даже ни остановить его, ни защищаться. Вскоре потом, соображаясь с обстоятельствами, пожелал он расположиться повыгоднее; проклинал свои наряды, удалявшие его от меня, и просил позволения вступить со мною в равный бой; но безмерная моя робость и стыдливость воспротивились сему намерению, а нежные мои ласки не дали ему и времени. Он занялся другим.

Права его были награждены уже вдвойне, однако он приступил с новыми домогательствами: но тогда я произнесла: «Послушай, доселе будет чем занять приятною повестью графинь П*** и тысячу других; но я любопытствую знать, как ты станешь рассказывать р а з в я з к у сего приключения». Сказав это, я изо всей мочи позвонила. Тут началась моя роль, и действие мое было живее его слов. Он не успел еще разинуть рта, как я услышала, что Виктория бежит, созывая людей, коих она угощала у себя по моему наставлению. Увидев их, я приняла на себя величавый вид театральной царицы и, возвысив голос, сказала: «Удались, изменник, и впредь не появляйся ко мне на глаза!» Между тем все сбежались.

Бедный Преван не нашелся и, приняв шутку за настоящий подлог, бросился к шпаге. Но и того хуже! Смелый и дюжий камердинер мой, схватив его поперек, сшиб с ног. Признаюсь, тут я и сама о б м е р л а от страха, кричала, чтобы его пощадили и велела только проводить со двора. Люди повиновались, но с великим негодованием взирали на *изверга, дерзнувшего посягнуть на честь добродетельной своей хозяйки*. Все пустились провожать несчастного рыцаря с крайним поруганием, чего я и желала; одна Виктория осталась при мне и, воспользовавшись их выходом, принялась оправлять постель.

Люди возвратились, не переставая ругать его; я, *не успокоясь еще от волнения*, спросила их, по какому счастливому случаю они не спали; Виктория, принявшись все объяснять, сказала, что она зазвала к себе ужинать двух своих приятельниц, что они засиделись и, словом, все, что ей было от меня поручено. Поблагодарив их, я отпустила всех, приказав одному сходить за лекарем. *Смертельный испуг мой* заставлял меня прибегнуть к сему средству, впрочем, весьма надежному для разглашения всего приключения.

Лекарь в самом деле явился, сожалел о случившемся и советовал взять покой. Я не могла, однако ж, успокоиться, пока не приказала Виктории разблагостить ранехонько новость нашу всем соседкам.

Успех был полный; и я, проснувшись, должна уже была принять в постели набожную свою соседку, прибежавшую навестить меня и узнать все

...я изо всей мочи позвонила.

подробности ужасного сего приключения. Надлежало проплакать с нею целый час, рассуждая о разврате нашего века! Вслед за нею получила я прилагаемую записку от фельдмаршалыши. Наконец, под вечер, к крайнему моему удивлению, навестил меня М***¹, отзываясь, что он приехал извиниться передо мною в том, что один из его офицеров мог забыть себя до такой крайности. Он узнал о сем происшествии за столом у фельдмаршалыши и тотчас послал арестовать Превана. Я просила, чтобы он простил шалуна, но не могла у б е д и т ь его. Тогда, вспомнив, что и я была сообщницей его, наложила на себя добровольный арест и велела, не принимая никого, рассказывать, что я нездорова.

Сему-то заточению обязан ты за бесконечное это письмо. Я собираюсь писать к госпоже де Воланж, уверена будучи, что она всем станет читать описание сего приключения, которое послужит и тебе правилом, как должно о нем отзываться.

Я позабыла сказать, что Бельрош так взбешен, что решился вызвать Превана на дуэль; бедняк ничего не знает; но, к счастью, я имею еще время успокоить его! А между тем и сама намерена взять покой. Голова кружится от усталости. Прощай, виконт!

Париж, 25 сентября 17..., вечером

ПИСЬМО LXXXVI

Фельдмаршалыша Д*** к маркизе де Мертей
(записка, о коей упомянуто в предыдущем письме)

оже мой! Что я слышу, милая моя маркиза? Возможно ли было ожидать подобных мерзостей от повесы Превана? И кому еще, вам! До чего мы дожили! Поэтому нет уже и у себя безопасности! Признаться, после этих приключений поневоле скажешь: слава богу, что я устарела! Но я век не прошу себе того, что чудовище сие вкралось к вам через меня. Уверяю вас, что если разнесшийся о нем слух окажется справедливым, то ноги его не будет в моем доме; и, верно, все честные люди так же с ним поступят, если делают то, что должно делать.

Я слышу, что вы нездоровы; сделайте милость, успокойте меня своим посещением, если здоровье ваше позволяет вам выехать; в противном случае

¹ Шеф полка, в котором служил Преван.

пришлите свою горничную. Для меня довольно будет и одного вашего слова. Я была бы у вас еще поутру, если б мой доктор не засадил меня в ванну; после обеда должно опять ехать в Версаль по бесконечному делу племянника моего.

Прощайте, милая маркиза, и верьте, что искренняя моя дружба к вам никогда не изменится.

Париж, 25 сентября 17...

ПИСЬМО LXXXVII

Маркиза де Мертей к госпоже де Воланж

пишу в постели, бесценный мой друг! Неприятнейшее происшествие, какое только может быть и от коего нельзя себя предохранить, расстроило мое здоровье, нанесло страх и огорчение. Не потому что я могла упрекать себя в чем-либо, но вы сами знаете, сколь прискорбно для честной женщины, наблюдающей во всех своих поступках приличную ее полу скромность, обратить на себя внимание публики. Дорого бы я заплатила, если б можно было избежать сего приключения! Да и теперь должна буду решиться уехать в деревню, пока не перестанут о нем говорить. Дело вот в чем.

Я повстречалась у фельдмаршалши Д*** с каким-то Преваном (которого, если вы и знаете, то по одному только слуху), почему и почла его порядочным человеком. Лицом он довольно приятен и умом не скуден; нечаянность и отвращение от игры оставили меня в разговорах с ним и духовником принца Д***, между тем как все были заняты бостоном. Мы разговаривали, все трое, до самого ужина; за столом зашла речь о новых пьесах и доставила ему случай предложить свою ложу фельдмаршалше; она согласилась и уговорила меня ехать с собою в прошедший понедельник во французский театр. Фельдмаршалша ужинала у меня после спектакля; вежливость требовала пригласить и его; он явился. Поутру приехал ко мне с обыкновенным визитом и обошелся со мною, как новознакомый. На другой день опять навестил меня; частое, однако ж, посещение сие заставило вежливость мою дать ему почувствовать, что мы еще далеки от той связи, которую он полагал. Итак, того же дня сухим и церемонным билетом я пригласила его к ужину, которой давала третьего дня. Во весь тот вечер не сказала я ему и четырех слов; и он, окончив свою партию, тотчас уехал. Вы признаетесь сами, что доселе в поступках моих ничего не было похожего на интригу; после игры сели опять за лото и протянули до двух часов; наконец все разъехались, и я легла в постель.

Не прошло еще и получаса, как услышала я в моей комнате топот. Отпустив всех женщин, пришла я в робость, но, собравшись наконец с духом, открыла занавес и увидела идущего ко мне из будуара человека, закричала изо всей мочи и при слабом свете ночника едва смогла распознать сего самого Превана, которой с непонятным бесстыдством говорил мне, чтобы я не пугалась, что он откроет мне тайну своих поступков и что просит не делать шума. Сказав сие, стал он засвечивать свечу; от ужаса я не могла вымолвить ни одного слова. Вольный и спокойный вид его превратил бы меня, думаю, в камень; но я с первых слов, поняв мнимую его тайну, вместо ответа повесилась, как вы можете себе представить, за проводной шнур к колокольчику.

По особенному и невероятному счастью, бывшие внизу люди не спали, потому только, что их угощала одна из моих спальных женщин. Горничная бросилась на колокольчик и, услышав, что я с кем-то разговаривала с крайним жаром, созвала всех. Подумайте сами, какой соблазн! Люди мои были взбешены, и камердинер чуть было не убил Превана. Признаюсь, я очень довольна собою, что могла собраться с силами и, обдумав теперь все, еще довольнее была бы, если б вошла только одна горничная; мы управились бы с ним, и я избежала бы не п р и я т н о й сей огласки.

Вместо того встревоженные люди разбудили соседей, рассказали всем приключение мое, и со вчерашнего дня новость эта заняла весь почти Париж. Преван сидит под арестом по приказанию своего шефа, которой так был вежлив, что приезжал ко мне с извинением. Арест этот и наделает еще больше шуму, но я не могла упросить шефа, чтоб его выпустили. Весь город перебивал у меня, и я всем велела отказывать. Короткие приятели, коих я могла видеть, сказывали, что мне доставлено будет полное удовлетворение и что негодование публики против Превана выходит из границ. Конечно, он стоит того, но за всем тем неприятность приключения не умялется.

Притом он, верно, имеет своих друзей, столь же пакостных, как и сам; бог знает чего они не выдумают, чтоб очернить меня. Как несчастна всякая молодая женщина! Спасшись от поругания, должна еще опасаться клеветы.

Уведомьте меня, что бы вы сделали? Что бы вы сделали на моем месте? Словом, сообщите все ваши мысли. От вас я во всяком случае получала утешение и благие советы, и от вас одной только и люблю принимать их.

Прощайте, милый, добродушный, неизменный мой друг; приверженность моя к вам окончится с жизнью. Поцелуйте за меня любезную дочь вашу.

Париж, 26 сентября 17...

Конец второй части

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ПИСЬМО LXXXVIII

Сесилия Воланж к виконту де Вальмону

ри всем том, что чувствую крайнее удовольствие получать письма от Дансени и что и сама не менее его желаю видеться с ним, не смела, однако, сделать того, что вы мне предлагали. Во-первых, потому что это очень опасно; правда, что ключ, которым вы хотите, чтоб я подменила настоящий, довольно схож, но все-таки между ними есть разница, а маменька сама за всем смотрит и все примечает; кроме того, хотя он и лежит без всякого употребления, с тех пор как мы живем здесь, но долго ли до беды? Стоит только приметить, так я и пропала! К тому же мне кажется, что нехорошо подбирать ключи, право, нехорошо! Конечно, по дружбе своей вы берете все на себя, но со всем тем как узнают, то мне же достанется, потому что вы делаете это для меня. Забыв, однако, все, я два раза пыталась взять его и, конечно, взяла бы безо всякого труда, если бы это был не ключ; а так всякий раз кидало меня в озноб, и мне не хватало духу до него дотронуться. Итак, не лучше ли нам остаться при прежнем нашем положении? Если вы и теперь еще так же расположены ко мне, как прежде, то, конечно, найдете средство передавать мне письма; да и в последний раз, если бы, по несчастию, не принуждены были отворотиться, сами знаете когда, то успели бы все сделать; чувствую, и очень чувствую, что нельзя вам заниматься только одним нашим делом; но я решила

лучше терпеть, нежели пускаться на явную беду. Я уверена, что и Дансени скажет то же самое, потому что когда ему случалось просить меня о чем, а мне нельзя было, то он всегда переставал просить.

Вместе с этим письмом отдам вам и дансениево, а также ваше ко мне и ключ. При всем том вечно останусь благодарной за все ваши ко мне милости и прошу вас не лишать меня и впредь вашей дружбы. Я очень несчастлива, но признаюсь, без вас сто раз буду несчастнее. Впрочем, что бы вы ни говорили, а она мне мать! Станешь и поневоле терпеть. Лишь бы Дансени не перестал любить, да вы не оставили меня, то со временем, может быть, и я буду счастлива.

Имею честь быть со всею благодарностию, готова к услугам и пр.

Из замка ***, 26 сентября 17...

ПИСЬМО LXXXIX

Виконт де Вальмон к шевалье Дансени

сли дела твои, любезный друг, не так спешно идут здесь, как бы тебе хотелось, то не меня вини. Сколько препятствий должен я преодолевать: неусыпную строгость госпожи де Воланж, и, поверишь ли, упорство милой твоей Сесилии! Точно так, от равнодушия ли это или же от робости, не знаю, однако ж не всегда следует она моим советам; а я, кажется, лучше ее знаю, как вести дела.

Я придумал было простое, удобное и самое надежное средство передавать ей твои письма, которое могло бы также ускорить впоследствии желаемые свидания ваши; но никак не мог уговорить ее воспользоваться моим предложением. И это тем досаднее, что я не предвижу иного способа сблизить тебя с нею и что всякую минуту должен бояться, чтобы ваша переписка не открылась и не перепутали бы всех нас. Суди же, долго ли могу я вдаваться в такую опасность и подвергать оной вас обоих?

Признаюсь, однако, что для меня очень было бы прискорбно, если б недоверживость малютки твоей воспрепятствовала мне быть тебе полезным. Не худо б, кажется, тебе самому отписать к ней о сем. Ты лучше свои дела знаешь, а потому сам и располагай, как должно с нею обойтись; мало что услуживаешь друзьям, надобно еще служить им, как они хотят! Но я не обижаюсь этим; тем не менее, советую воспользоваться случаем, дабы удостовериться в чувствах ее к тебе; возьми себе за правило, что женщина, желающая, чтоб ее воля была уважаема, не так-то страстно любит, как говорит!

Не подумай, однако, чтобы я подозревал любовницу твою в непостоянстве, но она слишком молода и боится до крайности своей маменьки, которая, как ты сам знаешь, всячески старается вредить тебе. Быть может также, что, оставляя ее надолго в беспечности и не подавая поводу заниматься тобою, ты сам себе вредишь. Не принимай, однако ж, слишком горячо моих слов, дружескою заботливостию сказанных; в существе, я не имею ни малейшей причины не доверять.

Не пеняй за краткость сего письма; у меня и собственных хлопот довольно. Я отстал от тебя далеко, но люблю не меньше тебя; это только и утешает меня. Впрочем, если сам я ни в чем не успею, но успею услужить тебе, поверь мне, и тогда не сочту время потерянным. Прощай, любезный друг.

Из замка ***, 26 сентября 17...

ПИСЬМО ХС

Президентша де Турвель к виконту де Вальмону

ердечно желаю, чтобы это письмо не огорчило вас, милостивый государь, или, по крайней мере, чтобы могло усладить прискорбие ваше изображением терзаний, ощущаемых мною в сии минуты, когда принимаюсь писать к вам. Теперь довольно уже знаете вы меня, и, следовательно, поверите, что я не ищу печали вашей; но и вы, конечно, не захотите свергнуть меня в вечное отчаяние. Итак, заклинаю вас именем нежной дружбы, обещанной вам от меня, именем даже чувствований — может быть и страстнейших, но не более искреннейших, которые вы питаете ко мне, — перестанем видеться; уезжайте. А пока вы здесь, станем избегать уединенных и слишком опасных бесед, где по непонятному очарованию, не успевая никогда сказать вам того, что располагаюсь сказать, провожу я время, слушая то, чего не должна бы слушать.

Даже вчера, когда мы встретились в аллее, единственное намерение мое было сказать именно то, о чем пишу теперь к вам; что же я сделала? Не занималась ли я любовью вашею... любовью, на которую никогда не должна отвечать! Ах! Ради бога, удалитесь отсюда.

Не опасайтесь, однако, чтобы отсутствие ваше могло когда-нибудь переменить мои к вам чувства: мне ли победить их, когда не имею и столько сил, чтоб бороться с ними! Видите? Я во всем открываюсь вам: не признания в слабостях своих страшусь, но изнеможения. Потерянную, однако ж, власть над своими

чувствами удержу над моими поступками; да, я удержу ее, хотя бы мне это и стоило жизни.

Ах! Давно ли еще я была уверена, что никогда не дойду до подобных борений. Радость, торжество мое были, может быть, преждевременны. Небо наказало, жестоко наказало самонадеяние сие; но, по милосердию своему, при самом даже поражении предваряет меня о падении моем; и я вдвое была бы виновна, если б удалилась от благоразумия, познав бессилие свое.

Неоднократно уверяли вы меня, что не желаете благополучия, купленного слезами моими. Ах! Перестанем говорить о благополучии, и позвольте мне возвратить хотя б некоторое спокойствие!

Согласясь на мою просьбу, сколько новых прав получите вы на мое сердце! Прав, основанных на добродетели и против коих нельзя сопротивляться. Сколько приятностей доставит мне и сама даже благодарность моя! Вам одним обязана буду удовольствием наслаждаться без угрызения восхитительным чувствованием. Теперь, напротив того, страшусь и чувств, и самих мыслей своих, и не смею заняться ни собою, ни вами; самое воспоминание о вас ужасает уже меня!

Не лучше ли было б для нас обоих прекратить сердечные сии беспокойства и терзания? Вы, имея чувствительную душу и даже среди заблуждений любящий добродетель, вы уважите бедственное мое положение и не отвергнете моей просьбы! Сладостная и не менее нежная приязнь заменит жестокие сии волнения; тогда, дыша благодеяниями вашими, стану дорожить своим существованием и в упоении сердца скажу: другу моему обязана я ощущаемою теперь безмятежностью!

Приневолив себя к малозначащему пожертвованию, которого не требую, но прошу у вас, не думаю, чтоб вы могли сказать, что дорого заставляю вас платить за превращение мучений моих? Ах! Если б для составления благополучия вашего надлежало только согласиться быть несчастною, поверьте, я не стала бы размышлять ... но сделаться преступницею... нет, друг мой, нет, лучше умереть тысячу раз!

Окруженная отовсюду стыдом, в преддверии терзаний совести, страшусь и других, и самой себя; в обществе — краснею; в уединении — трепещу; жизнь моя — цепь горестей; спокойствие мое — в руках ваших; от вас одних ожидаю его! Лучшие мои намерения не в силах успокоить меня; настоящие предприняты вчера, и я проплакала всю ночь.

Смотрите, приятельница ваша, которую вы любите, в смущении и унижении умоляет вас пощадить спокойствие, невинность ее. Жестокая судьба! Не зная вас, никогда не была бы она доведена до сего унижения! Я не укоряю вас ни в чем, чувствуя по себе, сколь трудно сопротивляться насильственной страсти. Жалоба не есть роптание. Сделайте из великодушия то, что я делаю по долгу, и вечная благодарность присоединится к внушенным вами чувствам преданной и пр.

Из ***, 27 сентября 17...

ПИСЬМО ХСИ

Виконт де Вальмон к президентше де Турвель

раженный письмом вашим, милостивая государыня, не знаю и сам, в состоянии ли буду отвечать вам на оное. Конечно, если должно уже избрать, кому из нас быть несчастным, вам или мне, то жертвовать собою — мне следует, и я не поколеблюсь; но при столь важном случае сперва, кажется, нужно изъясниться и все обдумать; как же успеть в том, когда мы не должны более ни говорить, ни видеться?

Как! Приятнейшие чувства с о е д и н я ю т, а пустой страх в состоянии разлучить нас, и, может быть, навсегда? Тщетно нежное дружество и пламенная любовь станут призывать свои права, стон их не будет уже слышен; и для чего ж? Где неизбежная опасность, настолько угрожающая вам? Поверьте мне, самый даже страх этот, не имеющий основания, может служить вам достаточною порукою в безопасности.

Позвольте также сказать вам, что во всех ваших речах нахожу я следы неприятных впечатлений, обо мне в вас оставленных. Никто не страшится того, кого почитает, и никто не удаляет от себя человека, признанного достойным дружбы своей; страшатся и убегают только опасных людей!

Кто же когда-либо был почтительнее и послушнее меня? Без сомнения, вы заметили уже, что я стал осторожнее в самом даже выборе слов и не смею более употреблять нежных наименований, столь милых моему сердцу, коими не перестает оно осыпать вас втайне. Не видно уже верного и несчастного любовника, приемлющего советы от чувствительной и сострадательной приятельницы; но является обвиняемый перед своим судьей, невольник перед своим властелином. Знаю, что с новыми сими титулами сопряжены и новые обязанности; при всем том обещаюсь исполнять их. Выслушайте мою просьбу — тогда, если осудите меня, я повинуюсь и уеду. Обещаю более: может быть, с деспотическим самоуправством захотите вы отвергнуть мои доводы, может быть, несправедливость необходима для вас, но я решился повиноваться, коль скоро услышу вашу волю.

Приговор сей, однако же, или повеление должен я принять из уст ваших. Для чего бы? — скажете вы мне в свою очередь. Если вы в состоянии задать мне такой вопрос, то очень худо знаете любовь и мое сердце! Видеться с вами, и еще раз — всего для меня дороже! Ах, когда изольете отчаяние в душу мою, может быть, один утешительный взгляд не допустит меня предаться оному! Словом, когда уже должно отречься от любви и дружбы, для коих только я и существую, то не откажитесь по крайней мере быть свидетельницею д е й с т в и я ваших домогательств, и я не отчаиваюсь в сострадании вашем. Малозначащей сей благосклонности, хотя бы я и не заслуживал,

но за столь важные пожертвования можно, кажется, ожидать всякого снисхождения.

Как! Вы решились удалить меня от себя! Вы согласны, чтобы мы не знали друг друга! Что я говорю? Вы желаете сего и, уверяя, что чувствования ваши нимало не переменятся моим отсутствием, спешите выжить меня отсюда для того единственно, чтобы на свободе истребить и самые следы чувствий сих! Вызываетесь даже заменить их признательностию! Итак, чувствование, которое возбудил бы в вас последний незнакомый, оказав вам ничтожную услугу, самый неприятель ваш, перестав вредить вам, мне предлагает и хотите, чтоб сердце мое тем было довольно! Посоветуйтесь со своим сердцем; если бы любовник ваш, если бы друг ваш стал вам говорить когда-нибудь о признательности, не сказали бы вы ему с негодованием: скройся от глаз моих, неблагодарный?

Я оканчиваю и прошу снисхождения. Простите воплю горести, вами порожденной; она не воспрепятствует мне слепо повиноваться вам; но и я заклиная вас именем тех нежных чувствований, которые вы сами признаете, не отказывайтесь выслушать меня, и, хотя бы из сострадания к смертельному смущению, в которое вы меня ввергли, ускорьте сию минуту! Прощайте.

Из ***, 27 сентября 17..., вечером

ПИСЬМО ХСII

Шевалье Дансени к виконту де Вальмону

любезный друг! Письмо ваше сразило меня, вся кровь остановилась от ужаса! Сесилия... Боже мой! возможно ли? Сесилия не любит уже меня!.. Да, вижу ужасную эту истину и сквозь самую завесу, которою дружба ваша усиливается прикрыть ее. Вы старались приготовить меня к смертельному сему удару; благодарю за сострадание ваше, но можно ли ослепить любовь? Она предупреждает все, что к ней близко... и не ищет узнать, а предугадывает свой жребий. Теперь и я не сомневаюсь в своей участи: говорите мне без околичностей, не бойтесь ничего, прошу, заклиная вас! Уведомьте меня обо всем: что подало вам повод к подозрению и что подтвердило его. Малейшая подробность нужна, необходима! Более же всего постарайтесь вспомнить все ее слова. Одно слово может переменить смысл целой речи; да и в одном встречается иногда двусмысленность... Может быть, вы и обманулись... Ах! Надежда питает еще меня! Что она вам говорила?

не укоряет ли меня в чем-нибудь? оправдывается ли, по крайней мере, в своем проступке? Я должен был предвидеть эту перемену по непрерывным затруднениям, которые она с некоторого времени во всем находит. Любовь не ведает толиких препятствий!

Дайте совет, что мне теперь делать? Ужели нет возможности отважиться на свидание? Разлука столь несносна, столь пагубна... и она отвергает средство видеться со мною! Вы не сказали, в чем состояло это средство; если оно и в самом деле опасно, то не должно и удивляться, что она не согласилась, зная, что я не пожелаю подвергнуть ее и самонаименьшей неприятности. Но и ваше благоразумие также мне известно. Итак, сообразив все, возможно ли не терзаться!

На что теперь решиться? что писать к ней? Открыв ей свои подозрения, может быть, огорчу ее, буде же подозрения окажутся несправедливы, то могу ли простить себе причиненное ей оскорбление? Скрывать пред ней терзание свое — значит обманывать ее; а я не умею притворяться перед ней!

Если бы она знала, как я страдаю, то, конечно, сжалилась бы над моею горестию. Чувствительность ее мне известна. Сердце у ней редкое, и я имею тысячу доказательств ее любви. Излишняя робость, некоторая неловкость... она так молода! А мать каких строгостей не употребляет против нее? Нет, напишу к ней, воздержусь от укоризн и буду настаивать в том только, чтобы во всем вверилась вам. Положим, что она откажет, но, верно, не подосадует на мою просьбу! А может быть, и согласится.

Прошу вас как друга, извините ее, а с нею и меня. Будьте уверены, что она знает цену вашим одолжениям и, следственно, не может быть неблагодарною; робость заставляет не доверять. Не жалейте об излишнем снисхождении! Это одно из лучших свойств дружбы. Ваша приязнь ко мне бесценна, и я не знаю, чем могу возблагодарить вас за ваше ко мне усердие. Прощайте. Теперь же примусь писать к ней.

Чувствую, что опять начинаю робеть; все прежние страхи преследуют меня. Мог ли бы я кому-нибудь поверить, что некогда не достанет у меня сил писать к ней. Ах! Вчера еще переписка эта доставляла мне сладостнейшее удовольствие.

Любезный друг! не прекращайте своих одолжений и пожалейте обо мне.

Париж, 27 сентября 17...

ПИСЬМО ХСІІ

Шевалье Дансени к Сесилии Воланж
(приложенное к предыдущему)

огу ли сокрыть от вас и не сказать, сколь горестно было для меня слышать от Вальмона, что недоверчивость ваша к нему продолжается и по сие время? Вам неизвестно, что он друг мой и что кроме его никто не может доставить нам случая к свиданию; я думал, что сего и довольно для вас; с крайним, однако ж, прискорбием вижу, что обманулся. Могу ли, по крайней мере, надеяться, что вы откроете мне ваши причины; не новые ли какие препятствия не допускают вас согласиться на мою просьбу? Без вас не постигну никогда тайны сих поступков. Подозревать вас в любви не смею, без сомнения, и вы также не осмелитесь изменить своим клятвам. Ах! Сесилия...

Итак, вы отвергли средство видеться со мною, средство *простое, удобное и надежное*!¹ Вот так вы меня любите! Маловременная разлука во многом уже переменила ваши чувства. На что ж обманывать меня? На что уверять, что вы не перестали любить меня и что любовь ваша ежечасно усиливается? Матушка ваша, истребив в вас любовь, ужели успела истребить и чистосердечие ваше? Если, по крайней мере, оставила она в вас хотя бы некоторое страдание, то, конечно, пожалеете, узнав, сколь лютые мучения причиняете вы мне. Ах! И самая смерть не может быть мучительнее!

Скажите, неужели сердце ваше навеки закрылось для меня? Неужели все забыли своего друга? Благодаря отказам вашим не могу даже знать, когда дойдут к вам мои жалобы и когда получу ответ ваш. Вальмон по дружбе своей обеспечил было переписку нашу; вам это не понравилось; затруднительную для вас переписку переменили вы на редкую. Нет, нельзя, видно, полагаться на уверения любви и чистосердечия; и кому уже можно верить, если Сесилия обманывает меня!

Отвечайте: правда ли, что вы перестали любить меня? Нет, быть этому не можно! На что обманывать себя и очернять свое сердце? Мнимый страх, минутная робость, которую любовь тогда же рассеяла, не правда ли, милая Сесилия? Так, конечно так, и я понапрасну обвиняю тебя. Если б я остался виноватым, сколь счастливым почел бы себя тогда! Сколь лестно было б для меня просить у тебя прощения и вознаградить минутную сию несправедливость вечною любовью!

¹ Дансени не знает, в чем состояло это средство; он повторяет только вальмоновы слова.

Сесилия, Сесилия! Сжался надо мною! Не противься нашему свиданию, согласись на все средства! Смотри, какие следствия производит разлука: страх, подозрение, может быть, и холодность! Одно слово, один взгляд, и мы будем счастливы. Но что! Мне ли говорить о счастии? Может быть, оно миновало уже меня, и миновало навсегда! Среди жестоких терзаний страха, подозрений и лютейшей истины не могу нигде остепенить своих мыслей и существую для того только, чтобы страдать и любить тебя! Ах, Сесилия! Ты одна имеешь право сделать жизнь мою любезною; первое твое слово возвратит мне счастье или же удостоверит в вечном отчаянии.

Париж, 27 сентября 17...

ПИСЬМО ХСІV

Сесилия Воланж к шевалье Дансени

ничего не поняла из твоего письма, кроме печали, которую оно мне причинило. Что такое наскзал тебе Вальмон и что могло тебя уверить, будто я тебя не люблю? Это послужило бы, может быть, к моему же счастью и уменьшило бы мои мучения. Боже мой! как это несносно! Любить тебя так, как я люблю, и видеть, что ты во всяком случае считаешь меня виноватою, и вместо утешения причиняешь мне несноснейшую печаль! Ах, как я несчастна! Ты думаешь, что я тебя обманываю и говорю то, чего совсем не бывало?

Прекрасные же ты имеешь обо мне мысли! Да когда б я и была обманщицей, как ты уверяешь, какая мне из того польза? Конечно, если бы я тебя не любила, тогда стоило б мне только сказать об этом, и все бы меня похвалили; но, к несчастью, страсть эта сильнее меня; и для кого же? для того, кто не хочет быть и благодарным!

Что ж я такое сделала, что так огорчила тебя? Не смела взять ключа, боясь, чтоб маменька не заметила и чтоб не наделать новой беды, а тебе новых беспокойств; да мне казалось, что это и нехорошо. Притом же, кроме Вальмона никто мне не говорил об этом; и я не могла знать, одних ли ты с ним мыслей или нет, потому что ты ничего еще не знал; а теперь, как знаю, что тебе это угодно, разве отказываюсь унести ключ? Завтра же возьму его; увидим, что тогда скажешь!

Я не спорю, что господин де Вальмон друг твой; но мне кажется, что и я тебя люблю, по крайней мере столько же, сколько и он; со всем тем он всегда бывает прав, а я всегда виновата. Как тут не досадовать! Да полно,

тебе до этого и нужды нет! Ты знаешь, что всего легче успокоить меня; но когда у меня будет ключ и я могу видаться с тобою, когда захочу, то поверь мне, что и тогда не захочу, если ты так же поступать станешь. Меня не печаль убивает, а то, что ты выискиваешь ее; посуди сам, до чего ты доводишь меня!

Если б ты хотел, мы бы вечно любили друг друга! По крайней мере, терпели бы только от посторонних! Поверь мне, что если б я сама собою располагала, ты никогда не имел бы причины жаловаться на меня; если ж не веришь, мы вечно будем несчастны, но не от меня. Надеюсь, что скоро можно будет нам видаться и что тогда все наши досады кончатся.

Если б я предвидела это, то тогда же взяла бы ключ, но, право, мне казалось, что я сделала доброе дело. Пожалуйста, не сердись, не унывай и люби меня столько же, как я тебя люблю, тогда и я буду совершенно спокойна и довольна. Прости, милый друг.

Из замка ***, 28 сентября 17...

ПИСЬМО ХСV

Сесилия Воланж к виконту де Вальмону

делайте милость, доставьте мне тот ключ, которой вы давали мне на обмен; когда все того требуют, приходится и мне согласиться!

Я не понимаю, с чего вы взяли писать к Дансени, что я его не люблю более: я, кажется, не подала вам повода так думать, а это очень тронуло его, так же как и меня! Знаю, что вы его друг, но поэтому нельзя еще убивать его и меня. Пожалуйста, отпишите к нему при первом случае, что вы противных теперь мыслей и даже уверены в том, что более всех полагается он на вас; я же и ума не приложу, что мне делать, когда говорю, да не верят!

О ключе не беспокойтесь; все, что ни писали вы ко мне в письме вашем, я затвердила. Однако если письмо это у вас еще¹, то пришлите его вместе с вашим ключом, я обещаюсь вновь со вниманием перечитать! Если бы можно доставить его завтра, идучи к столу, то я отдала бы вам на другой день, за завтраком, настоящий ключ. Таким точно образом можно будет опять положить его на свое место; постарайтесь поскорее все сделать, чтобы матушка не имела времени приметить.

¹ Здесь должно вспомнить, что Вальмон по условию отбирал у нее все письма.

Когда ключ этот будет в ваших руках, я уверена, что вы не откажетесь приходить ко мне за письмами; тогда и Дансени может от меня получать известия гораздо чаще; я и сама вижу теперь, что это средство вернее прежнего; но я потому сперва не соглашалась, что боялась. Сделайте милость, не сердитесь на меня. Я надеюсь, что вы забудете все и будете ко мне так же благосклонны, как и прежде. Уверяю вас, что и я вечно буду вам благодарна.

Остаюсь со всем моим почитанием готовая к услугам вашим.

Из ***, 28 сентября 17...

ПИСЬМО ХСVІ

Виконт де Вальмон к маркизе де Мертей

готов удариться об заклад, что после вашего приключения всякий день ожидаете вы, чтобы я осыпал вас похвалами и приветствиями; не сомневаюсь даже, что вы не стали досадовать на продолжительное мое молчание; но как быть! Я всегда был того мнения, что когда сведешь с какою-нибудь женщиною на одни похвалы, то лучше всего дать ей волю и заняться чем-нибудь другим. Невзирая на то, благодарю вас за себя лично, поздравляю с полным успехом и, чтобы довершить торжество ваше, рад признаться, на сей только раз, что вы превзошли мою надежду. Но время приступить к повествованию и показать, исполнил ли я хотя бы отчасти ваши ожидания.

Не о госпоже Турвель намерен я говорить; слишком медленное шествие ее не нравится вам; вы любите заниматься оконченными только происшествиями; растянутые сцены скучны для вас; я, однако ж, ни с чем не сравняю удовольствия, которые ощущаю теперь в мнимой сей медленности.

Признаюсь, я и по сие время не могу налюбоваться скромною сею женщиною, безбоязненно пустившеюся в такой путь, с коего нельзя никак поворотить назад и коего опасная крутизна нехотя заставляет ее следовать за мною. Предстоящая пропасть устрашает ее; она желала бы остановиться и не может поддержать стремления своего. При всем своем старании, при всей увертливости едва успевает размерять свои шаги и против воли подается вперед. Иногда, не осмеливаясь заняться опасностью, закрывает глаза и пускается вдаль, положившись на мою попечительность. Чаще всего новые страхи одушевляют ее усилия, а смертельный ужас рождает желание возвратиться вспять; но силы истощаются при первом покушении, и она неким волшебным могуществом увлекается ближе и ближе к той самой пропасти, коей тщетно старается избегнуть.

Тогда, не имея никого, кроме меня, путеводителем и подпорою, забывает укорить меня неизбежным своим падением и просит только о том, чтобы я помедлил. Умилостивление, сокрушение, моления, все, что смертные в страхе своем предлагают небожителям, я один приемлю от нее попеременно; и вы хотите, чтоб я отверг ее просьбу, чтоб истребил воздаваемое мне чествование и употребил на низложение ее ту самую власть, которую призывает она в подкрепление свое? Ах! По крайней мере, дайте мне время рассмотреть трогательное это борение любви и добродетели.

Как! Зрелище за которым вы гоняетесь по театрам, которому с таким жаром плещете руками, ужели думаете, что оно не столь разительно в самом существе? Не взираете ли вы с восторгом на ощущения нежной и беспорочной души, страшащейся желаемого ею благополучия и не prestaющей защищаться даже и тогда, когда перестает сопротивляться? Неужели же все сии впечатления теряют свою цену в глазах только того, кто их производит? Сии, однако, сии-то восхитительные наслаждения доставляет мне повседневно беспримерная эта женщина; и вы укоряете меня за то, что я умею прельщаться ими! Ах! Вскоре настанет то время, когда она, унизив себя своим падением, покажется мне обыкновенною только женщиною.

Но я позабыл, что не хотел и напоминать вам о ней. Не постигаю, какая неведомая сила приковывает меня и беспрестанно обращает к ней даже и тогда, когда оскорбляю ее. Оставим, однако, неприятную эту для вас мысль и приступим к смешному. Дело идет о вашей питомице, сделавшейся теперь моею; я надеюсь, что вы тут узнаете меня.

С некоторого времени нежная моя богомолка обходится со мною гораздо ласковее, и я, начав заниматься ею поменьше, имел случай заметить, что малютка Воланж в самом деле мила, и что если влюбиться в нее по-дансениевски сочли бы глупостию, то столь же бы глупо было и с моей стороны не искать у ней того развлечения, которое в уединении моем сделалось необходимым. Притом же справедливость требовала взять свое за прилагаемое о ней старание; вспомнив также, что вы предлагали мне ее еще тогда, когда Дансени не смел и думать о ней, почел себя вправе домогаться такого владения, от коего я отрекся или, лучше сказать, оставил на него иск. Пригожее личико малютки, свежесть лица, детское обхождение, самая даже неразвязность ее подкрепляли благоразумные сии рассуждения; я решился обратить все сии выгоды в свою пользу, и успех увенчал предприятие мое.

Вижу, что вы начинаете уже потеть, стараясь отгадать, каким образом мог я так скоро заступить место обожаемого любовника и какое обольщение приличнее ее летам и неопытности. Не ломайте попустому головы, не было надобности в обольщении. Вы, как женщина, владея с редким искусством оружием, вашему полу свойственным, вы торжествуете лукавыми изворотами, а я, как мужчина, вступив в неотъемлемые права свои, покорил власть; и, уверен будучи, что добыча не ускользнет от моих рук, если подкрадусь к ней, употребил на то такую хитрость, которая не заслуживает почти и названия сего.

Я воспользовался п е р в ы м письмом, присланным к ней от Дансени, уведомил ее о том условленным между нами знаком, и вместо того, чтоб постараться отдать ей любовную грамотку, старался избегать удобных к тому случаев: нетерпение это, с намерением мною произведенное, в глазах ее разделял я и сам, притворным, однако, образом, и, растравив рану, указал, чем лечиться.

Малютка помещена в такой комнате, которая имеет выход в коридор, но, как обыкновенно водится, матушка прибрала к себе ключ от дверей. Надлежало достать его, и это всего легче было сделать: я просил, чтобы мне доставили его часа на два, не более, и обещал подделать другой. Тогда переписка, свидания, ночные посещения, все было бы удобно и безопасно: однако поверите ли? Трусиха побоялась и отказала начисто. Всяк на моем месте взбесился бы, а я расчел, что упорство это доставит мне нового рода удовольствие. Тотчас отписал к Дансени, жалуясь на ее несговорчивость, и так напугал его, что дуралей не отстал от нее, пока не испросил или, лучше сказать, не истребовал от робкой своей любовницы, чтобы она исполнила мое требование и во всем бы положила на меня.

Признаюсь, для меня очень приятно было переменить таким образом роль и видеть, что любовник способствовал мне в том, чего сам ожидал от моих услуг. Мысль эта удвоила в моих глазах цену сей интриги; и я, коль скоро получил неоцененный этот ключ, то и пустил его в дело. Действие происходило прошедшей ночью.

Удостоверясь, что в замке все совершенно утихло, запаса я потаенным фонарем и в наряде, приличном времени и обстоятельствам, в первый раз посетил вашу питомицу. Предусмотрев все, распорядился я таким образом (и все через нее), чтоб можно было войти без шума. Отпираю дверь — нахожу ее в первом сне, свойственном ее летам — приближаюсь к постели — она не просыпается — искушение начинает действовать — хочу пуститься вдаль — преобразиться в сновидение; но, опасаясь, чтоб удивление и нечаянность не произвели шума, рассудил за лучшее разбудить со всею осторожностью сонную красавицу; чем действительно успел приостановить крик, которого я так боялся.

Успокоив ее от первых страхов и не намереваясь заняться пустыми разговорами, приступил я к ничтожным, но не всякому п о з в о л я е м ы м вольностям. Конечно, не довольно твердили ей в монастыре, каким разнообразным опасностям подвергается робкая невинность, а и того менее, что следует охранять при нечаянном нападении: она, обороняясь всеми силами от поцелуя, служившего фальшивою атакою, все прочее оставляла без защиты; как же тут не воспользоваться! Итак, переменяв марш, тотчас овладел передовым постом. Тут чуть-чуть не пропали мы оба: малютка, вне себя от бешенства, в самом деле вздумала было кричать; к счастью, слезы подавляли ее голос. Она бросилась к колокольчику и хотела позвонить, но я не дал ей времени и схватил за руку.

«Что вы намерены делать, — сказал я ей, — погубить себя навек? Пусть сбегутся, я ничего не боюсь. Кого уверите вы, что я зашел сюда без вашего согласия? Кто, кроме вас, мог меня впустить? А ключ, от вас полученный,

отважитесь ли сказать, на что дан?» Краткое это увещание, не рассеяв ни гнева ее, ни горести, сделало ее, однако ж, послушнее.

При всем своем отчаяния чувствовала она, что надлежало приступить к мировой. Просьбы не действовали; обещания посыпались; вы, верно, думаете уже, что я недаром уступил важный сей пост: нет, я согласился на все за один поцелуй. Правда, что, получа его, не сдержал своего слова; но я имел сильные на то причины: не было уговору, кому кого поцеловать. Зашел спор; долго торговались и, наконец, с общего согласия положено было, чтоб меня и еще раз поцеловали. Тогда, прижав ее с порывом пламенной страсти, принял я сладостный, нежнейший поцелуй сей; лучшего и от самой любви нельзя было ожидать!

Добросовестность заслуживала награды, и я немедленно удовлетворил ее просьбу. Моя рука отдернулась, но не знаю, как так получилось, — я оказался на ее месте. Вы предполагаете, что я сразу стал деятельным, не так ли? Нисколько. Наоборот, доложу я вам, — я стал медлительным. Ведь если уверен, что доберешься до цели, зачем торопиться?

Серьезно, я был рад понаблюдать за силой случайности, и я нашел ее здесь без всяких посторонних примесей. А ведь ей, однако, приходилось бороться с любовью, и с любовью, поддерживаемой скромностью или стыдом и укрепленную прежде всего вызванным мною раздражением. У случайности союзников не было, но она всегда предлагалась, все время присутствовала, а любовь была далеко.

Чтобы подтвердить свои наблюдения, я схитрил, применяя силу только против того, с чем можно было бороться. Только если моя очаровательная неприятельница, злоупотребляя моим попустительством, оказывалась готовой бежать от меня, я сдерживал ее тем же страхом, счастливые последствия которого я уже испытал. Что ж! Без дальнейших забот нежная любовница, забывая свои клятвы, сначала уступила, а в конце концов и согласилась. После минутного сего восторга укоризны и слезы появились опять; за притворность оных не ручаюсь, но могу уверить вас, что они исчезли, когда подал я истинную причину проливать оные... Наконец, после многих укоризн и слабостей, слабостей и укоризн расстались мы, будучи совершенно довольные друг другом, и условились иметь опять свидание вечером.

Я возвратился на свою половину почти на рассвете в совершенном ослаблении от усталости и бессонницы; однако ж пожертвовал отдохновением, дабы быть за общим завтраком. Люблю без памяти смотреть, какие рожицы делают на другой день... Вы не можете себе представить, как была мила преобразованная монастырка наша! Она насилу шла, потупив припухлые глаза; круглое лице ее совершенно осунулось. Я внутренне смеялся, видя, что мать ее, испуганная страшною сею переменою, забыв свой гнев, осыпала ее ласками; президентша также суежилась около нее. Скоро, скоро познает и она истинную причину перемены сей. Я вам в том порукою. Прощай, милая маркиза.

Из замка ***, 1 октября 17...

...нахожу ее в первом сне, свойственном ее летам...

ПИСЬМО ХСVII

Сесилия Воланж к маркизе де Мертей

оже мой, как я несчастна! Ах! Кто утешит меня в моей горести? Кто избавит меня от беды, в которую я впала? Господин де Вальмон... Дансени! Нет, и самое воображение о Дансени ввергает меня в отчаяние; как рассказать вам, милостивая государыня?... С чего начать? Сердце мое между тем надрывается... Надобно с кем-нибудь посоветоваться. Вам одним только и могу верить. Вы так ко мне благосклонны! Но теперь я недостойна ваших милостей, и, сказать правду, не желаю никакой пощады. Все сегодня жалели обо мне... и все лишь только умножали чрез то горесть мою. Я сама чувствовала, что не заслуживала их сострадания. Браните меня, браните сколько душе угодно, браните как преступницу: но при всем том спасите меня; без ваших пособий, без ваших советов умру с печали.

Итак, узнайте... рука дрожит, как вы сами заметить можете; нет сил писать; лицо горит, и я вся в огне... Ах! Конечно, стыд начинает действовать; стану сносить его; и это будет первое наказание за мое преступление. Да, должно все вам открыть.

Итак, скажу вам, что господин де Вальмон, чрез которого доселе получала я письма от Дансени, вдруг начал скучать, досадовать на встречающиеся ему затруднения и требовал, чтоб я ему доставила ключ от своей горницы. Могу уверить вас, что я не хотела согласиться, но он писал об этом к Дансени, и Дансени того же требовал; а для меня так тяжело отказывать ему, особливо же после нашей разлуки, от которой столько он страдает, что наконец я принуждена была согласиться. Могла ли я предвидеть, что согласилась быть вечно несчастною!

Вчера господин де Вальмон посредством этого ключа вошел в мою комнату, когда я спала; он разбудил меня, и я не могла опомниться от испуга, и когда начал разговаривать со мною, тогда только узнала, что это он был; я не кричала, полагая сначала, что он принес мне письмо от Дансени. Но у него совсем не то было на уме! Не прошло и минуты, как он бросился обнимать меня, и между тем как я всеми силами оборонялась, то в такое привел меня положение, что я ни за что на свете не согласилась бы... Он домогался сперва поцелуя. Можно ли было отказать ему в том? Правда, я собралась было позвать горничную, но голос изменил мне; а притом же он успел сказать... что если бы кто и вошел, то всю вину взвалит на меня: ему нетрудно было это сделать, имея у себя проклятый этот ключ. После того, не переменяя своего положения, стал требовать другого поцелуя; что это за поцелуй был, не понимаю; но я и сама не своя стала. Наконец хуже всего. Ах! Как это стыдно! Словом, после... Простите, милостивая государыня, если я не могу рассказать вам, что происходило после. Ах! Кто должен быть несчастнее меня!

Всего более убивает меня — я должна во всем признаться вам, — что, может быть, защищалась я слабо, или, по крайней мере, не столько, сколько могла. Не понимаю и сама, что тут кроется; конечно, я не люблю господина де Вальмона, напротив того; а были минуты, похожие на то, как будто бы я любила его... При всем том не переставала ему твердить: *«Нет, нет, не хочу»*; чувствовала, однако ж, что говорила одно, а делала другое; и все это шло как будто наперекор; да я уже сказала вам, что я была не своя. Если всегда так трудно защищаться, то надобно иметь страшную для сего привычку! Правда, господин де Вальмон так ловко говорит, что не найдется что ему и отвечать; наконец, поверите ли, когда он ушел, то мне как будто жаль его стало, и я из малодушия согласилась принимать его вечером; это больше всего мучит меня!

Несмотря на то, клянусь вам, что не пушу его. Не успел он выйти, как почувствовала я, что очень худо сделала, дав ему слово видаться. Всю ночь проплакала я; ничто так не убивает меня, как Дансени! Лишь вспомню о нем, то зальюсь слезами, дух захватывает, а я все еще думаю о нем. Следы слез и теперь еще видны; посмотрите, вся бумага мокра почти. Нет, я никогда не могу быть утешена; он вечно будет терзать меня... Наконец я выбилась из сил, но ни на минуту не могла сомкнуть глаз, и когда, встав с постели, посмотрелась в зеркало, то сама себя испугалась — так я переменилась!

Маменька заметила это, коль скоро я вошла к ней, и спрашивала, что со мною сделалось. В ту минуту слезы полились у меня в три ручья. Я ожидала, что она станет бранить меня, может быть, мне и легче бы было, но, напротив того, она говорила со мною так ласково! Я не стоила того — советовала мне не убивать себя; она не знала причины моего отчаяния! — Боялась, чтоб я не занемогла — находят такие минуты, что я желала б лучше умереть. Я не могла выдержать и, бросившись к ней на грудь, сказала в слезах: *«Ах! Маменька, как ваша дочь несчастна»*. Маменька и сама не могла удержаться от слез; все это умножало лишь мою горечь; к счастью, не спросила она меня, отчего я так несчастна: я не знала бы, что ей и отвечать.

Сделайте милость, сударыня, отпишите ко мне, коль скоро можно вам будет, и скажите, что мне делать. Я не могу собраться с мыслями и только что занимаюсь своею тоской. Письмо ваше потрудитесь переслать через господина де Вальмона; но, бога ради, если вы станете писать к нему, не поминайте ни слова о том, что я вам говорила.

Имею честь быть со всею дружбою и пр.

Подписаться не смею.

Из замка ***, 1 октября 17...

ПИСЬМО ХСVIII

Госпожа де Воланж к маркизе де Мертей

сдавню, милая моя приятельница, вы требовали от меня советов и утешения, теперь моя очередь просить вас о том же. Я в самом деле разогорчена и боюсь, что, может быть, принялась не за самое лучшее средство, дабы избежать огорчений.

Дочь моя причиною всех моих беспокойств. С самого нашего отъезда из Парижа заметила я, что она беспрестанно была невесела и задумчива; но я ожидала сего и для того вооружилась всею строгостию, коей, по мнению моему, требовали обстоятельства. Я думала, что разлука и рассеяние не замедлят истребить любви, которую почитала больше заблуждением молодости, нежели действительною страстию. Невзирая на то, вместо какого-либо успеха от поездки моей в деревню, вижу, что дочь моя день ото дня предается опаснейшему унынию, и я начинаю бояться, чтоб здоровье ее не расстроилось. С неделю уже времени тает она, как свеча; вчера я измучилась, глядя на перемену лица ее, да и все здесь перепугались.

Более же всего удоставляет меня в терзаниях ее то, что при мне силится она одолеть прежнюю свою робость и порывается открыться мне во всем. Вчера утром на вопрос мой, не больна ли она, бросилась она ко мне на грудь, сказала: «Ах! Как я несчастна!» — и залилась слезами. Я не в силах изобразить вам, как меня это тронуло; у меня и у самой глаза налились слезами, и я едва успела отворотиться, чтобы она их не заметила. К счастью, благоразумие воспретило мне расспросить ее, она ж не отважилась говорить со мною долее; но изо всего видно, что несчастная страсть мучит ее.

Что мне делать, если это продолжится? Мне ли быть виновницею несчастий своей дочери? Должно ли обратить против нее драгоценнейшие свойства души — чувствительность и постоянство? На то ли я поставлена матерью? Да если бы и заглушила чувство природы, побуждающее нас желать благополучия своим детям; если б и признала слабостию главную и священную обязанность сию; если б и принудила ее согласиться на мой выбор, то не подвергнусь ли ответу за пагубные следствия, могущие от того произойти? Ужели должно употребить родительскую власть на то, чтоб поставить дочь свою между преступлением и несчастием?

Милая моя! Мне ли отваживаться на такой поступок, который сама всегда порицала! Конечно, мне хотелось сделать выбор для моей дочери, не основываясь, однако же, на праве своем, а вспомагствуя ей моею опытностию и исполняя свой долг. Но не преступлю ли я сего самого долга, приневолив ее

согласиться на мой выбор, дабы переломить такое пристрастие, начальному рождению коего не умела я воспрепятствовать, да и не могла знать наравне с нею, сколь сильно и продолжительно будет оно действовать? Нет, я не потерплю, чтобы она вышла за одного, дабы любить другого; пусть же власть моя, а не ее добродетель страдает!

Итак, всего лучше, мне кажется, отказаться от данного Жеркуру слова, имея на то столь важные причины; в подобных обстоятельствах и самое исполнение обещания делается нарушением одного. Вы сами видите, что если я, щадя дочь, не должна открывать тайны ее Жеркуру, то не должна также пользоваться и его неведением; напротив того, обязана поступить точно так, как он поступил бы, узнав все. Мне ли изменять ему столь постыдным образом, тогда как он полагается на мое праводушие и избирает меня второю своею матерью? Справедливые сии замечания терзают меня более, нежели могу вам изъяснить.

С предстоящими бедствиями сравниваю я дочь, счастливо живущую с супругом, коего избрало ее сердце, познавшую обязанности свои по единому удовольствию исполнять их — зятя, столь же довольного, как и она, беспрестанно восхищающегося своим выбором, поставляющего благоденствие свое во взаимном удовольствии, а тем самым усугубляющего и мое благополучие. Ужели должно жертвовать столь лестною надеждою пустым уважением тщеславия и корысти? Виды сии всех нас связывают. Какая ж выгода для дочери моей родиться богатою для того только, чтобы быть в оковах фортуны?

Признаться, Жеркур такой жених, какого, может быть, я и не надеялась получить; и для меня чрезвычайно лестно было видеть, что он удостоивает дочь мою своим предложением, но, что бы ни говорили, Дансени не уступит ему ни породой, ни достоинствами, да еще имеет пред Жеркуром и ту выгоду, что его любит та, в которую и он влюблен. Правда, небогат; но разве приданого дочери моей неостанет для двоих? На что ж лишать ее удовольствия, столь неоцененного, обогатить любезного ей человека?

Супружества, основанные на вычетах, а не на склонностях, называемые сходными, и где подлинно все сходно, кроме привязанности и нравов, не бывают ли всегдашними источниками соблазнительных приключений, столь умножившихся в обществе? Лучше всего, кажется, отсрочить; по крайней мере, можно будет вывести нрав дочери моей, которого я еще не знаю. О себе говорить нечего; вам известно, что я скорее могу нанести ей временное огорчение, нежели быть причиною вечного ее несчастья; нет, нет, сердце мое не потерпит сего!

Вот, милая моя, в чем потребны мне советы ваши. Знаю, что мрачные сии предметы не свойственны ни любезной вашей веселости, ни вашим летам, но знаю и то, что разум ваш превозмогает все. Итак, уверена будучи, что дружба ваша не отвергнет просьбы страдающей матери, остаюсь и пр.

Из замка ***, 2 октября 17...

ПИСЬМО ХСІХ

Виконт де Вальмон к маркизе де Мертей

роисшествия не прерываются, милый мой друг; но это одни сцены безо всякого действия. Итак, вооружитесь терпением как можно более; я должен вам сказать, что между тем как президентша моя начала помаленьку подаваться вперед, питомица ваша пятится назад, а это все-го хуже. Однако ж я не унываю и на досугах занимаюсь и этими пустыми мелочами. Поверите ли? Я почти привык уже к здешней жизни и признаюсь даже, что в за-унывном замке тетушки моей не было для меня ни одной скучной минуты. Разве я не перехожу здесь от наслаждений к отказам и от надежды к неизвестности? Чем же разнствуют¹ лучшие наши театры? Зритель-ями! Повремените, будут и зрители; правда, нельзя им видеть меня в дейст-вии, но я представляю им свою развязку, мастерски обделанную и совершен-но оконченную; тогда останется им удивляться и бить в ладоши. Точно так, рукоплескания посыплются со всех сторон; я могу уже предсказать самую даже минуту падения неприступной моей богомолки. Сегодняшнего вечера был я при *отходе* ее добродетели. Томная слабость заступает ее место. Самый дальний срок низложению ее назначаю я первое с нею свидание; но я вижу, что вы начинаете кричать, что я слишком уже много надеюсь на себя. Предве-щать победу и хвастать — все равно. Добро, добро! успокойтесь. И чтоб бо-лее еще убедить вас в моей скромности, то начну с описания встретившейся со мною неудачи.

По чести, воспитанница ваша смешна до крайности. Набалованное это дитя заслуживает, чтоб с нею обходились по-детски. Поверите ли, что по-сле всего того, что третьего дня происходило между нами, после дружес-ких уверений при расставании, вечером идучи к ней по условию, нашел я дверь запертой изнутри? Как вам это покажется? Одним только монастыр-кам простительны эти ребячества; а ей, да и на другой еще день... не забавно ли это?

Однако ж я нимало не думал тогда смеяться; непреклонный нрав мой на-чал действовать с такою силою, какой никогда я не чувствовал. Конечно, шел я на свидание без всякого удовольствия и, так сказать, по обязанности. Собст-венная моя постель была для меня нужнее всякой другой, и я оставлял ее с со-жалением. Невзирая на то, встретившееся препятствие возбудило всю не-терпеливость мою и желание его преодолеть; мог ли я снести унижение от ребенка, вздумавшего надо мною шутить? Итак, я возвратился в свою комна-ту в крайней досаде; и, положив твердое намерение оставить глупенькую эту

¹ Разнствовать (книжн., устар.) — различаться (примеч. ред.).

девчонку и не вмешиваться в дела ее, написал к ней колкую записку, чтобы отдать поутру. Но, как говорят, утро вечера мудренее. Вставши, увидел я, что на безлюдье, в заточении, браковка была бы неуместна — это самое заставило меня изорвать записку. Впоследствии, обдумав все, не мог и сам понять дурачества своего: бросить начатую интригу, не имея в руках верных доказательств к посрамлению героини. К чему не доводит нас первое движение! Счастлив тот, кто умел так, как вы, прелестный друг, приучить себя никогда не следовать оному! Словом, я отложил мщение, и эта жертва учинена для ваших предприятий против Жеркура.

Теперь, как отошло сердце, вижу и сам, что поступок воспитанницы вашей довольно глупый и смешной. Чего ей хотелось? Я, право, не понимаю — защищаться? Кажется, уже поздно. Она должна растолковать мне эту загадку; я не отстану от нее, пока не узнаю. Да, да! Усталость, конечно... это всего вернее; так точно, она не знает еще, что любовные стрелы, подобно Ахиллесову копью, заключают в себе исцеление от наносимых ими ран. Но нет, судя по *гримасам*, которые не сходили с ее лица во весь день, я готов удариться об заклад, что тут действует раскаяние... что-то... похожее... на добродетель... На добродетель?... ей ли знать добродетель! Одна только женщина родилась с нею; она одна умеет украшать и заставить ее любить!.. Не удивляйтесь, милый друг, восторгам сим; *сцена*, происходившая сегодняшнего вечера между госпожою Турвель и мною, о коей намерен я вам говорить, произвела во мне странное волнение. Без чрезвычайных усилий я не могу избавиться от оставленного во мне впечатления; я ищу развлечений и для того принимаюсь писать к вам. Если вступление это не нравится вам, вы можете пропустить его. Я приступаю к делу.

Согласившись с госпожою Турвель, несколько уже дней тому назад, во взаимных чувствованиях, спорили мы с нею об одних только словах. Правда, *дружба* ее всегда отвечала на *мою любовь*; но условленный сей язык не переменил существа вещей. Конечно, если б я остановился и на сем пункте, то успех мой был бы медлен, может быть, но всегда верен. Уже не настаивали более об моем отъезде, и в ежедневных наших беседах с таким же радушием пользовались удобностию случая, с каковым я выискивал их.

Увертливые наши свидания происходят обыкновенно на гулянье; дурная погода, продолжавшаяся во весь почти день, лишала меня всей надежды; повсюду видел я одни только препятствия, умножавшие мою досаду; кто бы мог уверить меня, что и самые препятствия сии благоприятствуют мне?

После стола все жаловались на погоду, и, наконец, все сели за карты. Не любя игры и оставшись заштатным, отправился я в свою комнату, дабы заняться чем-нибудь, пока не кончится скучный их вист.

Возвращаясь к гостям, повстречался я со своею прелестницею; она шла на свою половину, и, не знаю, по легкомыслию или по слабости, сказала мне со свойственною ей нежностью: «Куда ж вы идете? В гостиной никого нет». Я смекнул, чему и вы поверите, решился зайти к ней и нашел менее

сопротивлений, нежели думал. Правда, из предосторожности завел я разговор у дверей ее совершенно посторонний и продолжал, пока не вошли и не уселись; тут тотчас склонил речь на *любовь свою к приятельнице моей*; простой ответ ее показался мне довольно значащим: «Сделайте милость, — сказала она, — оставьте здесь разговор этот», — и сама дрожала. Бедная! Она видит конец свой.

Боязнь ее была, однако ж, неосновательна: с некоторого времени, будучи уверен, что победа моя приближается ото дня на день и что она ослабевает в пустых борениях, решил я поберегать свои силы и ожидать спокойно, пока она сдастся от изнеможения. Вы сами видите, что мне нужна полная победа и что я ни в чем не хочу быть обязанным случаю. Следуя сему обдуманному плану и дабы иметь повод к домогательствам, не пускаясь, однако ж, вдаль, схватился я опять за слово «любовь», столь упорно отвергаемое и, удостоверясь, что страшились моей пылкости, открыл атаку нежностью. Новый отказ вверг меня в уныние: можно ли же было не ожидать от чувствительной приятельницы хотя бы обыкновенного утешения?

Она действительно принялась уговаривать меня; я держал ее за руку — чувствовал, что прелестный ее стан опускается — мы так близки были друг к другу; вы, конечно, заметили, как в таком положении, по мере ослабевающей защиты, домогательства и отказы усиливаются с обеих сторон — как отворачивают лицо и потупляют глаза — как томный разговор нечувствительно прерывается!.. Счастливые, бесценные сии признаки предвещают несомненно согласие души, редко, однако ж, сливающееся с чувствами! Мне кажется, всего опаснее в таком случае покушаться на дальние предприятия, потому что забвение сие всегда сопровождается бывает сладостнейшим удовольствием — прервав оное, можно произвести досаду и упорное сопротивление.

Но в настоящем случае благоразумие тем было необходимее, что забыть сие произвело бы непременно испуг и ужас. И потому желаемого признания не только не ожидал, но и не домогался, чтоб было даже произнесено: довольно и одного взгляда — один взгляд, и я счастлив!

Милая маркиза! Прелестные ее взоры в самом деле обратились на меня; ангельские уста произнесли даже: «Познай! Да, я...» Но в то же самое мгновение глаза ее остановились, закрылись, голос погас, и достойная обожения женщина эта попала в мои объятия. Едва успел я ее поддержать, как, вырвавшись с невероятною силою, с помутившимися глазами и подняв руки к небу: «Милосердый Боже! Пошади, спаси погибающую!», — вскричала она; и вдруг быстрее молнии бросилась на колена в десяти шагах от меня. Она не могла перевести дух от сильной тоски. Я подбежал к ней; но тут, схватив меня за руки, обливая их слезами и обнимая даже колена мои, она воскликнула: «Да, ты, ты спасешь меня! Ты не ищешь моей смерти, оставь же, ради бога! Оставь меня!» Отрывистые слова сии едва слышны были сквозь усугублявшиеся вздохи и всхлипывания. Между тем, она так крепко держала меня, что мне никак нельзя было оставить ее; тут, собрав силы, поднял я ее

на руки. Слезы ее в ту же минуту прервались; она не говорила, язык немел, и все члены начало тянуть от мучительнейших судорог.

Я так был растроган, что охотно согласился бы на ее просьбу, хотя бы и обстоятельства не приневоливали меня к тому. Прийдя в чувство, просила она меня, чтобы я оставил ее; и я тотчас вышел, будучи крайне доволен собою. Я почти награжден уже за это.

Я полагал, что она, так же как и при первом моем изъяснении, не покажется в гостиную во весь вечер. Но в девятом часу она вышла и жаловалась госпоже де Розмонд на обыкновенный свой припадок: головную боль. Лицо ее было бледное, голос слабый, осанка принужденная, но на глазах — изливалась ласковость, часто обращающаяся на меня. Она не хотела играть и, уступив мне свое место, села возле меня; когда же пошли ужинать, то, оставшись одна в зале, кажется, плакала. Желая удостовериться в том, сказал я ей: «Конечно, болезнь ваша не прошла еще?» «Эта болезнь не так скоро проходит!» — отвечала она мне томным голосом; наконец, когда все начали расходиться, я взялся проводить ее; она, расставаясь со мною у дверей своих, крепко пожала мне руку, правда, с невольным почти движением, но тем лучше! Это служит новым доказательством моего владычества.

Я бьюсь об заклад, что она чрезвычайно довольна своим положением: все страхи минули, остаются одни невинные наслаждения. Может быть, в самую эту минуту, как я к вам пишу, занимается уже она приятною сею мыслию! Да хотя бы занималась и противным намерением, упорною даже обороною, разве не знаем, чем обыкновенно кончаются подобные замыслы? Скажите теперь сами, имею ли я право ожидать развязки при первом с нею свидании? Конечно, будут затруднения, но к чему это послужит! Может ли целомудреница остановиться, сделав первый шаг? Любовь их, подобно извержению огнедышащей горы, усиливается сопротивлением; неприступная богомолка моя сама погонится за мною, если я перестану за ней гоняться.

Итак, милый друг, ожидайте меня на днях; я явлюсь к вам непременно для истребования обещанной награды; вы, конечно, не позабыли, что дали мне слово после успеха изменить своему шевалье; готовы ли вы? А я с таким нетерпением ожидаю сей минуты, как будто мы век друг друга не знали! Но и то сказать, зная вас, нельзя не желать узнать покороче.

Я справедлив и льстить не знаю!

Вольтер в «Нанине»¹

Это будет первая неверность против почтенной моей пленницы, и я, конечно, найду предлог увернуться от нее на сутки. Надобно наказать ее за то, что так долго заставила меня ждать. Кто поверил бы, что уже более двух месяцев занимает меня эта интрига; точно так, два месяца и три дня; я включил

¹ «Нанина, или Победенный предрассудок» — комедия Вольтера, изданная в 1749 г. (примеч. ред.).

и завтрашний день, потому что завтра всему будет конец. Этот вычет напоминает мне о Б***, защищавшейся ровно три месяца. Не странно ли, что нарядное кокетство умеет защищаться долее строгой добродетели?

Прощай, прелестный друг! Пора расстаться с вами и лечь спать: письмо это завело меня далее, нежели я думал; но, отправляя поутру своего человека в город, не мог не доставить вам удовольствия порадоваться — днем ранее, — благополучию вашего друга.

Из замка ***, 2 октября 17..., вечером

ПИСЬМО С

Виконт де Вальмон к маркизе де Мертей

руг мой! Меня обманули, оскрамили, изменили; я весь расстроен: госпожа де Турвель уехала! Она уехала, а я и не знал, не мог даже воспротивиться ее отъезду, ни укорить ее подлою изменою! Ах! Допустил ли бы я ее уехать? Она осталась бы! Конечно, осталась бы! Хотя бы надлежало употребить и самое насилие. Но что! Легковерная беспечность моя усыпила меня; я спал спокойно, пока не грянул надо мною гром. Как истолковать отъезд сей? Кто может предвидеть женские хитрости? И мы же хвастаем, что знаем их!

Вчерашним днем еще, да что я говорю? вечером даже, встретиться и расстаться с таким ласковым видом, говорить с такою нежностью, пожимать руку, и в самое то время заниматься побегом! О! Женщины, женщины! И вы жалуетесь, что вас обманывают? Чуть ли вы не правы! Всякое вероломство есть похищенная у вас собственность.

Какое удовольствие доставить мне мщение! Я отыщу вероломную эту женщину; она опять будет в моих руках! Если и одна любовь могла покорить ее, то чего не сделает она с помощью мщения. Она опять будет у ног моих, в слезах и отчаянии, испрашивать пощады; но пусть не надеется более ни на свое лукавство, ни на мою жалость!

Что делает, что думает она теперь? Может быть, торжествует тем, что удалось обмануть меня, и, следуя наклонности своего пола, поставляет в удовольствии сем верх своего блаженства. Посмотрите: чего не могла произвести всюду превозносимая добродетель — то безо всяких усилий сделало лукавство. Безумный! Не строгого добронравия, но хитрых замыслов ее надлежало опасаться!

...госпожа де Турвель уехала!

И я принужден скрывать досаду свою! Ограничить себя нежными сожалениями, тогда как сердце надрывается от бешенства, убажывать женщину, возмущившуюся против моей власти! Мог ли я ожидать такого уничтожения? И от кого? От робкой женщины, которая не знала даже, как и защищаться! Какая ж мне польза из того, что я овладел ее сердцем, что воспламенил его сильнейшею страстию, что во всех ее чувствах произвел ужасное волнение, когда она, наслаждаясь спокойствием в своем убежище, может теперь гордиться своим побегом более, нежели я моими победами! Потерплю ли я? Нет, милая маркиза, вы никогда не поверите сему и не можете иметь обо мне столь низких мыслей!

Что, однако ж, привязывает меня к ней? Злобный рок, конечно! Вы сами свидетель, что не одна дюжина гоняется за мною и что все они готовы отвечать мне. Скажут, что ни одна из них, может быть, не осмелится с нею равняться; я согласен и на это; да разве очарование разнообразия, прелесть новых побед, громкость многочисленности их не представляют восхитительных удовольствий? Для чего ж гоняться за теми, кто от нас бежит, и не уважать ищущих нас? Для чего?.. Не ведаю и сам, но чувствую из опыта.

Я не могу быть ни счастлив, ни покоен, пока не получу этой женщины, которую ненавижу и люблю с равным неистовством. Судьба моя тогда только будет для меня сносна, когда жребий ее будет зависеть от меня. Тогда, также будучи спокоен и доволен, стану и я в свою очередь утешаться, видя, что ощущаемые мною в сии минуты терзания действуют в ней во всей их силе. Надежда и боязнь, недоверчивость и беспечность, все мучения, изобретенные ненавистью, все наслаждения, доставляемые любовью, хочу, чтобы наполняли ее сердце и заменялись по моему произволу. Все это забудется... Но сколько еще надобно потеть! Как близок был я вчера и как далек сегодня! Как сойтись с нею опять? Я не смею ни к чему приступить, чувствую, что для всякого предприятия потребно равнодушие, а во мне вся кровь кипит.

Более же всего бесит меня хладнокровие, с каковым все здесь отвечают мне, когда я их спрашиваю о сем происшествии и о побудительных причинах... Никто ничего не знает, никто не желает ничего знать; да и говорить бы не стали, если б я не заводил о том речи. Госпожа Розмонд, к которой бросился я поутру, узнав об ее отъезде, отвечала мне с равнодушием, свойственным ее летам, что все это должно почесть естественным следствием припадка, случившегося вчерашнего дня с госпожою Турвель; что она боялась занемочь и на всякий случай уехала домой; на ее месте и я то же бы сделала, примолвила она: как будто может она равняться с нею! Одна ладаном дышит, а другая всеми прелестями любви.

Госпожа Воланж, на которую подозревал я сперва, что она присоветовала ей уехать, кажется, и сама досаждает на скоропостижный сей отъезд. Признаюсь, я очень рад, что она не могла вредить мне. Это доказывает, что тиранка моя не во всем вверяется ей, чего я сильно боялся; стало быть, и еще один неприятель убыл! Как бы она торжествовала теперь, если бы знала,

что меня избегают! И как бы стала важничать, если б это последовало по ее советам! Вы не поверите, как я ее ненавижу. Нет, надобно помириться с ее дочерью; я хочу образовать ее по своим правилам; и для того, кажется, останусь здесь на несколько дней, по крайней мере пока не придумаю другого плана.

Неблагодарная моя, конечно, страшится моего присутствия и, опасаясь, чтобы я за нею не погнался, верно, приказала своим людям отказывать; но я не доведу себя до такого стыда, да и не хочу приучать ее к отказам. Напротив того, отпишу к ней, что я остаюсь здесь, стану упрасивать ее, чтоб она возвратилась, и, уверив ее, что решился жить в несносной разлуке, вдруг нагряну к ней: увидим, как она устоит при нечаянном сем свидании! Но чтобы усугубить действие оно, надобно помедлить. Не знаю, однако ж, достанет ли моего терпения; более двадцати раз собирался я сегодня же ускакать отсюда. Надобно, однако ж, укрепиться, и я даю вам честное слово дожидаться здесь вашего ответа; так сделайте милость, не замедлите присылкою оно.

—

К вящей досаде, не могу знать и того даже, что у вас происходит: егерь мой, однако ж, теперь в Париже; он имеет доступ к горничной и может быть мне полезен. Я отправляю к нему инструкцию и деньги в вашем письме. Прошу взять на себя труд приказать кому-нибудь из своих людей доставить по надписи и то и другое, разумеется, в собственные руки. Предосторожность эта для того нужна, что повеса вечно извиняется неполучением писем, когда дело идет о какой-нибудь щекотливой комиссии¹; он же, к несчастью, не так уж дорожит своею победою, как мне бы хотелось.

Прощайте, беспримерный друг; если вам встретится счастливая какая мысль или какое средство, могущее доставить мне скорый успех, не откажитесь сообщить их мне. Не один уже раз испытал я, сколь полезна мне ваша дружба; теперь даже чувствую, что я стал гораздо спокойнее, как начал к вам писать: по крайней мере, вы меня понимаете, а эти выпускные² куклы мучат меня во весь день своею безответственностью. Что ни говорите, но я вижу, что нас только двое — что-нибудь значащих и действующих, — все прочее мается только.

Из замка ***, 3 октября 17...

¹ Комиссия — здесь: поручение, выполняемое за вознаграждение (примеч. ред.).

² Выпускные — здесь: лишние, отброшенные (примеч. ред.).

ПИСЬМО СІ

Виконт де Вальмон к егерю своему Азолану

(приложенное к предыдущему)

адобно, чтоб ты был очень глуп, когда не проведал, отправляясь сегодня на рассвете в город, что госпожа де Турвель туда же сбиралась; а и того еще глупее сделал ты, когда знал, да меня не уведомил. На что и тратить попустому деньги мои на потчевание людей, если ты, занимаясь только своею горничною, не хочешь даже осведомиться, что происходит в их доме. Беспечность твоя погубит тебя! И я наперед сказываю, что если прозеваешь и это дело, то мы с тобой навек расстанемся.

Ты должен меня уведомить обо всем, что ни делается в доме госпожи де Турвель: о ее здоровье, спит ли она, весела ли или пасмурна; выезжает ли со двора и куда; принимает ли гостей и кого именно; чем занимается, оставаясь одна; не сердится ли на горничных, а особливо на ту, которая была здесь; и когда читает или пишет, то не задумывается ли? Не забудь также познакомиться покороче с тем лакеем, которой носит ее письма на почту; возьми эту комиссию на себя и, буде он согласится, то отправляй те только, которые покажутся тебе незначущими, прочие же пересылай ко мне, равно как и все надписываемые на имя госпожи де Воланж.

Не менее нужно, чтобы ты остался на некоторое время счастливым любовником у своей Юлии; если у нее есть другой, как ты и прежде думал, то не обижайся смешною этою щекотливостию; многие то же делают, хотя и поважнее тебя. Буде же сотрудник твой станет слишком уже отвлекать ее от хозяйки, в таком случае постарайся удалить его каким бы то ни было средством; о последствиях не беспокойся, я все беру на себя. Но смотри, не отставай от этого дома. Тот только видит все и не дает промаха, кто, сидя у берега, ждет погоды. Если, паче чаяния, отпустит она кого-нибудь из своих людей, просись тотчас на его место и скажи, что не остался у меня, потому что не привык жить у господ, которые ни днем ни ночью сами не имеют, да и другим не дают покоя. Словом, делай и говори что хочешь, лишь бы только приняли. Жалованье будет идти от меня по-прежнему, точно так же, как и у Д***, а при отходе, верно, и госпожа де Турвель наградит тебя также.

Если б было в тебе побольше проворства и поменьше лени, тогда инструкцию сию почел бы я достаточною, но, опасаясь, чтобы не помешало тебе и то, и другое, прилагаю при сем записку к управителю моему, по которой получишь от него двадцать пять луидоров; они тебе пригодятся, потому что у тебя, верно, нет ни гроша; часть этих денег следует Юлии за то, чтоб она

согласилась переписываться со мною. На остальные потчевай турвелиных людей, разумеется, у швейцара, чтобы приласкать его наперед. Но не забудь, что деньги посылаются не на пропой, а за услуги.

Приучи Юлию, чтоб она все замечала и тебе пересказывала; я желал бы, чтоб она не пропускала и самых мелочей. Скорость в доставлении ко мне известий необходима, и для того вели Филиппу, взяв лошадь, дожидаться твоих писем в ^{***1}, где и должен он оставаться до нового повеления; употребляй его для экстренных только посылок, обыкновенные же письма пересылай по почте.

Смотри, не затеряй этого письма и всякий день перечитывай его для того, чтоб ничего не позабыть и чтобы быть уверенным, что ты еще не потерял его. Словом, не ударь лицом в грязь и знай, что если послужишь мне, то и сам будешь мною доволен.

Из замка ^{***}, 3 октября 17...

ПИСЬМО СІІ

Президентша де Турвель к госпоже де Розмонд

коропостижный отъезд мой не может не казаться в глазах ваших, милостивая государыня, чрезвычайно странным, он, конечно, удивляет вас, но изумление превзойдет и самое воображение ваше, когда вы узнаете причины, побудившие меня к побегу. Может быть, доверенность моя нарушит спокойствие, толико необходимое вашим летам, и вы по всем правам принуждены будете сказать, что я не сохранила должного к вам почтения, благодетельница моя! Простите; но сердце мое стеснено; оно ищет друга, кроткого и благоразумного, для излияния в недра его горести своей; кого же, как не вас, изберет оно? Одной милости прошу у вас, положите, что я дочь ваша, и поступайте со мною, как свойственно нежной и сострадательной матери; преданность моя к вам подает мне на то некоторое право.

Где то время, когда, предаваясь от полноты души похвальным сим чувствам, не знала я вовсе смертельных волнений, которые, терзая меня теперь, лишают сил и налагают долг противиться им? Ах! Несчастливая! Эта поездка погубила тебя!..

¹ Деревня на половине дороги от Парижа к замку госпожи де Розмонд.

Должно наконец открыться вам: я люблю; да, люблю до безумия. Увы! За слово это, в первый раз еще написанное, которого столь часто домогались и иногда не могли испросить, я не пожалела бы теперь и самой жизни, если б могла иметь удовольствие сказать его хотя единожды тому, кто умел дать мне чувствовать цену оного! И я же должна отказывать ему! Он опять станет жаловаться на мое равнодушие... не правда ли, что я несчастна? Почему не может он с такою же удобностию читать в моем сердце, с какою начал обладать им? Да, все мучения были б для меня сносны, коль скоро бы он узнал, как я страдаю; вы не можете себе представить всех моих терзаний, хотя и знаете теперь все.

Через несколько минут я скроюсь от него, опечалю его; он будет думать, что я живу еще в одном с ним доме, а я между тем удалюсь от него, и в тот час, в который всякий день виделась с ним, буду уже в таком месте, где он никогда не бывал и куда не могу позволить ему приехать. Я совсем уже собралась; всякий предмет, однако ж, напоминает мне о жестоком сем отъезде. Все готово, кроме меня... и чем более сердце мое противится сему побегу, тем более дает мне чувствовать необходимость оного.

Я повинуюсь необходимости сей и скорее соглашусь умереть, нежели жить преступницей. Чувствую и сама, сколь я виновна; одно целомудрие сохранено, добродетель исчезла. Признаться ли вам? Если чего и не лишилась, то великодушию его обязана. Упоеваясь удовольствием видеть и слышать его — очарованием быть с ним вместе — верховным блаженством составлять его благополучие, не могла я иметь никакой власти, никакой силы; последние истощила в борении и не смела более сопротивляться; трепетала, стоя на краю пропасти, но не могла избежать оной. Поверите ли? Он увидел горесть мою и сжалился. Возможно ли же не любить его? Я обязана ему более, нежели жизнию.

Ах! Если б, оставаясь с ним, должно б только трепетать о жизни, никогда бы не подумала я бежать! Без него что мне в ней, и не благополучнее ли буду, лишась ее? Быть вечно осужденной усугублять его и собственное свое несчастье; не сметь ни жаловаться, ни утешать его; защищаться всякий день против него и против самой себя; все свои старания употреблять на то, чтобы огорчать его, когда желала бы всем жертвовать для его благополучия? Не лучше ли умереть сто крат, чем жить для одних мучений? Вот какая участь ожидает меня! Все, однако ж, снесу, и имею столько духу; клянусь даже в том пред вами, как пред благодетельницею моею, которую избрала я в матери.

Примите также клятвенные мои уверения и в том, что не скрою от вас ни единого поступка своего; примите их, прошу, заклинаю вас, требую сего как необходимого пособия: обязавшись таким образом говорить вам все, приучу себя наконец иметь вас всегда перед глазами. Добродетель ваша заменит мою. Я, конечно, не захочу краснеть пред вами, и, страшась столь сильного обузданья, стану обожать в вас сострадательного друга, коему вверила я свои слабости — и ангела-хранителя, спасшего меня от посрамления.

Но и самая уже просьба эта покрывает меня вечным стыдом. Пагубное действие надменного самонадеяния! Для чего не страшилась я сей страсти прежде, почувствовав ее начало? На что было льститься, что могу властвовать или победить ее по своему произволу? Безумная! Худо же ты знала любовь. Ах! Если б я отражала ее с надлежащим усилием, может быть, не имела б она надо мною толикой власти! Может быть, отъезд сей был бы тогда не нужен; по крайней мере, приняв горестное сие намерение, не прервала бы я вовсе сей связи, я довольствовалась хотя бы редкими свиданиями. Но вдруг лишиться всего! и навсегда! Благодетельница моя!.. Но что это? И само признание мое наполнено постыдными желаниями? Нет, должно ехать! Сей же час еду, и невольное сие преступление постараюсь загладить тягостнейшими пожертвованиями.

Прощайте, почтенная благодетельница; любите меня, как дочь вашу, не лишайте меня сего имени и будьте уверены, что при всей слабости моей скорее соглашусь умереть, нежели посрамить ваш выбор.

Из ***, 3 октября 17..., час полуночи

ПИСЬМО СIII

Госпожа де Розмонд к президентше де Турвель

Отъезд твой, милая моя, огорчает меня, а причина почти не удивляет; долговременная опытность и сожаление, которое ты возбудила во мне, довольно уже объяснили положение твоего сердца, хотя, правду сказать, из письма твоего ничего, почти ничего я не узнала; даже и того, в кого ты влюблена; твердишь за всяким словом «он, он», а об имени его ни разу не упомянула. Не нужно, однако, знать, кто этот он. И в наши времена влюбленные всегда так писали. Видно, и теперь нет в языке сем ни малейшей перемены!

Признаться, никогда не думала я заниматься воспоминаниями, столь давно забытыми и столь несвойственными летам моим. Однако со вчерашнего дня принялась за старые зады, желая приискать что-нибудь в твою пользу. Но что я могу сделать? Удивляться и сожалеть о тебе. Хвалю доброе твое намерение; но и оно устрашает меня, потому что ты признала его необходимым; а кто дошел уже до такой крайности, тот едва ли может жить всегда в разлуке с тем, к кому сердце влечет его беспрерывно.

Не должно, впрочем, отчаиваться. Чего не возможет редкая твоя душа! А если бы по несчастию и впала ты в искушение (чего Боже сохрани), поверь,

милая моя, что и тогда останется у тебя то утешение, что ты всеми силами сопротивлялась. Сверх же того нередко и благодать Небесная спасает по своему произволу ослабевающего человека! Может быть, помощь Вышнего готова уже, и добродетель твоя, испытанная в ужасных сих борениях, воссияет яко злато, вышедшее из горнила. Ободришь, придет и крепость духа; но не ослепляйся также и надеждою и бодрствуй.

Предоставляя Промыслу спасти тебя от такой напасти, против которой не могу ничего придумать, обещаю подкреплять и утешать тебя всеми силами. Не облегчать твои горести, но разделять их хочу, и под сим именно условием соглашаюсь быть твоею поверенною. Чувствую, что сердце твое с жадностию ищет, кому бы открыться, и предлагаю тебе свое; лета не так еще охладили его, чтоб оно сделалось бесчувственным к дружбе. Оно всегда готово принять тебя. Слабое, правда, утешение в горестях твоих, но, по крайней мере, ты не одна будешь плакать; да когда и несчастная эта любовь, действуя над тобою всею своею властью, заставит тебя говорить о ней, то лучше же мне открыться, нежели *ему*. Вот и я начала говорить по-твоему! Видно, обе никогда не назовем его по имени; однако мы понимаем друг друга.

Не знаю, должно ли сказать тебе, что отъезд твой чрезвычайно тронул его; может быть, благоразумнее было бы умолчать о сем; но я не люблю и самого благоразумия, огорчающего друзей своих; со всем тем принуждена прекратить разговор сей. Слабые глаза мои и дрожащая рука не позволяют долго писать.

Итак, прощай, друг мой, прощай, милое дитя мое; я охотно принимаю тебя в число своих дочерей; ты всем одарена, что только может составить тщеславие и удовольствие всякой матери.

Из замка ***, 3 октября 17...

ПИСЬМО CIV

Маркиза де Мертей к госпоже де Воланж

ризнаюсь вам, милая и почтенная моя приятельница, что я едва было не возгордилась, читая последнее ваше письмо. Как! Вы удостаиваете меня полною вашею доверенностию и спрашиваете даже моих советов? Ах! Сколь я счастлива, если вы так лестно обо мне заключаете, и если не обязана за сие предубеждению дружбы. Впрочем, кого бы ни должна благодарить, сердце мое, чувствуя всю цену сего доверия, налагает на себя новую обязанность заслужить его; почему я намерена (отноудь не отваживаясь

предостерегать вас) сказать вам свое мнение; правда, я и сама не доверяю ему, потому что оно не согласно с вашими мыслями; но мое дело представить вам мои доводы, а ваше — судить, и если вы их опорочите, я наперед утвержу приговор ваш, зная, что благоразумие есть ваш удел.

Буде же найдете мое мнение предпочтительным, разумеется, в сем только случае, то ищите тому причины в пристрастном воображении родительской любви. Мать, любящая детей своих, всего опасается. Как приятно похвальное это чувство в предполагаемом вами намерении! И потому-то, если и случается вам ошибиться, то разве в выборе только доброго к лучшему.

Всего, кажется, надежнее следовать благоразумию, когда дело идет об участии других, а особливо когда надлежит решить чей-нибудь жребий неразрывным и священным союзом, каково есть супружество. Тогда-то рассудительная и нежная мать должна, как вы сами сказали, *вспомоществовать дочери своею опытностию*; теперь спрашиваю вас, не обязана ли она для достижения сей цели сделать за нее различие между тем, что нравится, и тем, что прилично?

Не будет ли посрамлена, уничтожена родительская власть, когда подчинят ее ветреной склонности, мечтательное могущество коей страшно для боящихся и ничтожно для презирающих его? Что до меня, признаюсь, я никогда не верила увлекательным и непреодолимым сим страстям, которыми по общему, кажется, согласию извиняют развратность нашего века. Не понимаю, каким образом рождающаяся и исчезающая всякую минуту склонность может превозмогать непоколебимые правила стыдливости, честности и скромности? Женщину, пренебрегающую сии правила и которая старается извинить себя мнимою своею страстию, сравниваю я с вором, который кладет вину на страсть свою к деньгам, или с убийцею, ищущим оправдания своего в мщении.

Ах! Кому не случалось сражаться? Но я всегда старалась убедить себя, что сопротивление в нашей воле и что стоит только захотеть, чтоб удостовериться опытом. Вера без дел мертва, и добродетель без обязанностей, налагаемых ею, не послужит ни к чему; чествование ее — в жертвоприношениях; награда ее — в наших сердцах. Истины сии только те отрицают, которые находят выгоды не познавать их, и, вдавшись в разврат, думают ослепить других пустым призраком, оправдывая плохие свои поступки такими же и доводами.

Но можно ли опасаться сего от робкого и простодушного ребенка; от дитяти вашей крови, коего природные свойства и нрав образованы счастливым и скромным воспитанием? Страх сей, однако ж, смею сказать, оскорбительный для дочери вашей, заставляет вас жертвовать выгодным женихом, вашим же благоразумием снисканным. Я очень люблю Дансени; с господином же де Жеркуром, как вам известно, давно уже не вижусь; но дружба моя к первому и равнодушие к последнему не мешают мне видеть страшную разницу между двумя сими партиями.

Породою они равны, я согласна; но один не имеет недостатка, а другой с таким, что и без породы все найдет. Правда, деньги не составляют еще счастья, но должно также признаться, что прокладывают к нему дорогу. Дочь ваша,

как вы сами говорите, довольно богата для двух; однако ж шестьдесят тысяч ливров дохода, который будет она получать, не составят многого, когда она вступит в семейство Дансени и станет содержать дом по приличию, какого требует старинная эта фамилия. Не те уже теперь времена, в которые жила госпожа де Севинье¹. Роскошь все поглощает: всяк кричит против нее, а между тем подражает ей, и прихоти наконец лишают и необходимого.

Что же касается до личных достоинств, которые вы по всей справедливости так много уважаете, то, конечно, с сей стороны нельзя ни в чем упрекнуть господина де Жеркура, тем более что он прошел уже все испытания. Положим, и я охотно верю, что Дансени действительно ни в чем не уступит ему; но можем ли мы за него ручаться? Правда, по сие время не видно в нем никаких слабостей, свойственных его летам, и он, вопреки даже модному тону, ищет всегда лучших обществ, чем и подал о себе выгодные мысли; но кто ведает, не посредственный ли достаток его причиною наружного сего благонравия? На игру, на веселости, на потехи, на все потребны деньги! Можно даже любить слабости и убегать излишеств. Словом, нельзя еще знать, не из числа ли он тех, которые не отстают от порядочных обществ для того только, что не знают, куда деваться.

Не подумайте, чтоб я заведомо отзывалась так о нем, боже меня сохрани; смело, однако, скажу, что риск немал; каким же подвергнетесь укоризнам, если последствие будет неудачным? Что станете отвечать дочери, которая скажет вам: «Матушка! Я была молода, неопытна, обольщена заблуждением, простительным моим летам; но Провидение, предвидя мою слабость, даровало мне мать рассудительную и прозорливую. Для чего ж, заглушив благоразумие, согласились вы на мое несчастье? Мне ли надлежало избирать супруга, когда я не имела никакого понятия о супружестве? Да хотя бы и настояла в том, не вам ли следовало воспротивиться? Но я никогда не имела безумного сего желания. Решившись повиноваться, ожидала я вашего выбора с униженною покорностию; я никогда не выходила из должного к вам повиновения, однако наказана теперь как послушная дочь. Ах! Слабость ваша погубила меня!...» Может быть, преданность ее к вам и заглушит подобные жалобы, но материнская любовь догадается о них, и сердце ваше обольется кровию от слез дочери вашей, как бы она их ни скрывала. Кто в состоянии будет тогда утешить вас? Безрассудная разве любовь, против коей надлежало б вам вооружиться и ко-торою, напротив того, вы обольстились!

Не знаю, милая моя, может быть, слишком уже предубеждена я против этой страсти; но при всем том не перестану почитать ее опасною и для супружества. Не для того чтоб я не хотела признаться, что благородное и сладостное чувство сие украшает супружеский союз и даже услаждает некоторым

¹ *Маркиза де Севинье (Мари де Рабютен-Шанталь) (1626–1696) — французская писательница, автор знаменитых «Писем» к дочери, в которых она дает практические советы и сведения, характеризующие быт французской знати XVII в. (примеч. ред.).*

образом налагаемые им обязанности; поможет ли, и должно ли мгновенное пристрастие располагать таким выбором, от коего зависит благополучие и несчастье нашей жизни? В самом деле, чтоб не ошибиться в выборе, надлежит сравнивать; как же это сделать, когда один предмет занимает нас, когда и его даже не можем распознать, будучи упоены и ослеплены?

Случалось мне знать, чему вы легко поверите, многих женщин, страдавших припадком сим; некоторые из них вверились мне. По словам их, не было ничего совершеннее их любовников; но химерические сии совершенства существуют в одном их воображении. Расстроенный их рассудок вымышляет беспрерывно новые прелести и добродетели для украшения предпочтенного ими истукана.

Дочь ваша или не любит Дансени, или обольщается подобным же призраком, или же оба мечтают, если любовь их взаимная. Что ж побуждает вас соединить их навсегда? Достоверность, что они не знают и не могут знать друг друга. Вы мне скажете, что и господин де Жеркур столь же мало знает дочь вашу, как и она его. Да, это так; но, по крайней мере, они не обманывают друг друга и заведомо начинают знакомиться; вот почему благовоспитанные, сделавшись супругами, стараются с обеих сторон выведывать нрав, привычки, самые даже прихоти и примечают, чем должно жертвовать для общего спокойствия. Малозначащие сии пожертвования происходят без всякого принуждения, потому что бывают взаимны и наперед предвидены; за ними рождаются ласки; и привычка, укореняющая всякую склонность, мало-помалу производит дружбу и доверенность, которые, сливаясь с уважением, составляют, как мне кажется, истинное и неизменяемое благополучие супружества.

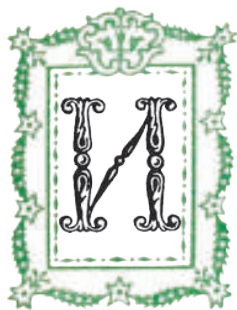
Призраки любви могут быть пленительнее, но кто не знает, сколь мало они продолжительны и какие гибельные бывают последствия, когда они исчезают! Тогда-то самомалейший недостаток кидается в глаза и кажется несносным — по противоположности своей с тем понятием совершенства, которое обольщало нас. Каждый, однако, из супругов думает, что не он переменялся; и сам, не ощущая более очаровательных восхищений, удивляется, что не может уже возродить их; почитает себя оскорбленным, униженным; огорченное тщеславие раздражает умы, увеличивает проступки, производит досаду, рождает ненависть; и за ничтожные удовольствия платят наконец долговременными бедствиями.

Вот, почтенная приятельница, каких я мыслей о занимающем нас предмете; я не защищаю их, а предлагаю только на ваше разрешение. Но если вы решились остаться при своем намерении, то покорнейше прошу объявить мне, чем вы могли опровергнуть мои доводы; я рада учиться от вас, тем более что дело идет об участи вашей дочери, коей желаю возможного благополучия как по дружбе моей к ней, так и по преданности моей к вам, с коей пребуду по гроб.

Париж, 4 октября 17...

ПИСЬМО CV

Маркиза де Мертей к Сесилии Воланж

так, малюточка, тебе очень теперь досадно, очень стыдно! Вальмон — самый негодный человек, не правда ли? Как! Он смеет обходиться с тобою, как с женщиною, которую любит больше всех! Научил тебя тому, чего ты давно жадничала знать! По чести, нельзя ему этого простить. Со своей стороны, стараешься ты сохранить невинность свою для твоего любовника, который не посягает на нее и довольствуется в любви мучениями одними, а не утехами! Нельзя лучше! И ты, верно, отличилась бы в романе. При пылкой страсти — несчастья — жертвования — добродетель за добродетелью, сколько прелестных вещей! Правда, среди блестящей сей свиты частехонько умирают от скуки, но зато как и платят!

Бедная малютка, как ты жалка! Глаза твои были томны, слабы!.. Что ж ты скажешь, когда и у любовника твоего такие же будут? Полно ребячиться, милая, не всегда это случится с тобою; не все мужчины Вальмоны. И ты не смела поднять таких глаз. О! Конечно, ты права, всякий бы прочел в них твое приключение; поверь мне, однако ж, что если б это и в самом деле могло быть, то взгляд женщин наших, да и самих даже девиц, был бы гораздо скромнее.

Сколь я ни расположена хвалить тебя, как ты и сама видишь, но должна признаться, что ты пропустила самый выгодный случай открыться во всем маменьке. Нельзя лучше начать! Броситься в объятия, залиться слезами, привести и ее в слезы... какая трогательная сцена, и как жаль, что не кончена! Нежная маменька твоя не нарадовалась бы! И чтоб подкрепить твою добродетель, засадила бы тебя в монастырь на всю жизнь; там стала бы ты любить своего Дансени по своей воле, без соперниц и без греха; или предавалась бы отчаянию без помехи. Вальмон, верно, не стал бы прерывать твоей горести сварливыми удовольствиями.

Шутки на сторону: можно ли на шестнадцатом году так ребячиться? Теперь и я должна повторить твои слова: ты не заслуживаешь моих милостей. Однако ж я все еще намерена остаться твоей приятельницею: может быть, и нельзя тебе обойтись без моих услуг с такою матерью, как твоя, и с таким мужем, какого она тебе назначает! Но если ты ни на волос не переменяешься, так что мне делать? Чего тут ожидать, если то, от чего другие просвещаются, отнимает у тебя и последний ум?

Если б ты захотела обдумать все, то скоро увидела бы, что не тужить, а радоваться должна. Но стыд одолевает тебя, и ты не смеешь! Добро! Успокойся; стыд, любовью причиненный... однажды только ощущают... Удовольствие, однако ж, остается, а это не безделица! И сколько я могла понять из всего твоего сумбура, ты начинаешь уже знать ему цену. Рассмотрим вскользь письмо твое!

Волнение, которое заставляло тебя *говорить одно, а делать другое*, от которого так было трудно защищаться, и почти стало жаль, когда Вальмон ушел, — стыд ли все это производил или же удовольствие? *А та ловкость в разговорах, на которую не знаешь, что отвечать?* не происходит ли от ловкости?.. Ах! Плутовка, ты лжешь, и лжешь перед твоим другом! Это нехорошо. Но оставим это.

То, что для других послужило бы удовольствием и только что удовольствием, в твоем положении делается совершенным благополучием. В самом деле, поставлена будучи между матерью, в которой должна искать, чтоб она любила тебя, и любовником, от которого ожидаешь вечной любви, как не видеть тебе, что одно средство получить противоположный сей успех состоит в том, чтоб ты занималась третьим. Отвлеченная новою сею интригою, в глазах матушки будешь казаться послушною дочерью и жертвующею такою склонностию, которая ей не нравится, а в глазах любовника будешь уважена за похвальное сопротивление; уверяя его непрерывно в своей любви, лишишь ее последних благосклонностей. Отказ сей, столь малотягостный в твоем положении, не преминет он поставить насчет твоей добродетели; быть может, что станет жаловаться на твою жестокость, но тем более станет любить тебя. И чтоб заслужить по х в а л у от обоих — от первого за пожертвование любовью, а от другого за сопротивление оной, — стоит только тебе наслаждаться утехами любви. Сколько женщин лишились доброго имени от того, что не имели такого случая, какой тебе представляется!

Скажи, предлагаемое мною средство не благоразумнее, не лестнее ли принятого тобою намерения? Знаешь ли, к чему б оно послужило? Маменька твоя приписывает усиливающуюся тоску твою усиливающейся любви, досадует, гневается, и, чтоб наказать, ожидает только случая уличить тебя. Она писала ко мне, что всячески будет стараться, чтоб ты сама во всем призналась, и намерена даже предложить тебе в женихи Дансени для того только, чтоб заставить тебя говорить. Поверь мне, обманчивая эта нежность заведет тебя в монастырь, где, быть может, вечно станешь оплакивать слепое свое легковерие.

За хитрость, которую она намерена употребить против тебя, надобно отплатить ей хитростию ж. Итак, надлежит начать с того, чтоб быть повеселее и показывать ей, что ты перестаешь заниматься Дансени. Она тем охотнее поверит, что следствие сие обыкновенно производит разлука, и столь же будет довольна тобою, как и благоразумием своим, внушившим ей сие средство. Буде же станет тебе говорить о замужестве, чтоб выведать твои мысли, то, приняв на себе вид девицы благородной крови, отвечай ей, что ты во всем зависишь от ее воли. В этом случае ты ничем не р и с к у е ш ь и с самым несносным мужем более будешь иметь воли, нежели при матушке.

Итак, если ты умна, то постарайся примириться с Вальмоном, который должен быть очень сердит на тебя; сделавши глупость, надобно уметь и загладить ее, а потому и не опасайся дать ему повод; ты сама вскоре узнаешь,

что если мужчины начинают первые, то впоследствии уже мы ловим их. Случай представляется самый выгодный: письмо это не должно у тебя оставаться, и для того требую, чтоб ты, прочитав, тотчас отдала его Вальмону. Не забудь, однако ж, запечатать: во-первых, потому, чтоб за мировую тебе одной обязан был и не подумал бы, что тебя принудили; а во-вторых, для того, что, кроме тебя, ни с кем на свете не стану говорить так дружески.

Прощай, милая; следуй моим советам и уведомя меня, довольна ли будешь ими.

Р. S. Кстати, я и позабыла было... Постарайся, милая, исправить сколько-нибудь свой слог. Все твои письма кажутся детскими; знаешь ли, отчего? От того, что говоришь то, что думаешь, а не то, чего не думаешь. Только со мною можно так поступать; у нас ничего нет скрытого; но со всяким, а особливо с любовником... всегда прослывешь дурочкой. Ты и сама видишь, что письма пишут не для себя, а для других; следственно, и должно писать то, что нравится, а не то, что думаешь.

Прощай, целую тебя от всего сердца и перестаю бранить, надеясь, что будешь поумнее.

Париж, 4 октября 17...

ПИСЬМО CVI

Маркиза де Мертей к виконту де Вальмону

ельзя лучше! Виконт, я без ума от тебя! Однако ж, после первого твоего письма можно было ожидать и последнего; вот почему оно и не удивило меня. Скажу более, между тем как ты, гордясь будущими своими успехами, домогался уже награды и спрашивал меня, готова ли я, я тогда же видела, что не было надобности торопиться. По чести так, читая прекрасное описание нежной этой сцены, которая *растрогала тебя так сильно*, и не понимая скромности твоей, достойной лучших времен нашего рыцарства, не раз повторила: вот сплющенное¹ дело!

Иного и ожидать нельзя было! Чего еще хотел ты от бедной женщины, которая сдавалась по пустякам? Поверь, что в таком случае должно по крайней мере спасать свою честь, что и сделала твоя президентша. Я и сама последую ее примеру при первой отважной встрече, но если тот, кого стану умолять,

¹ Т. е. проигранное (примеч. ред.).

так же растрогается, как и ты, то даю тебе честное слово, что он навсегда должен будет оставить меня.

Беденький остался как рак на мели, и где же? между двух женщин, из которых одна отложена была до утра, а другая сама поджидала! Немудрено, скажешь ты, хвастать и предсказывать после происшествия; но клянусь тебе, что я ожидала сего. Ты действительно не умеешь пользоваться властью, которую доставляет вам ваше положение, знаешь затверженное и вновь ничего не выдумываешь; а где обстоятельства не по тебе и обыкновенная тактика не служит, так ты и встал, как пень! Рассмотрю сам: одна ребячеством своим, а другая мнимую степенностью привели тебя в такое замешательство, что ты не нашелся, что и делать. Ах, виконт, виконт! Ты заставляешь меня судить о мужчинах по их успехам; и я скоро принуждена буду сказать о тебе: был когда-то и в нем прок. Наделав тьму глупостей, ко мне же прибегаешь, как будто только у меня и дела, чтобы их исправлять! Правду сказать, было бы чем заняться!

Какие, однако ж, ни были бы последствия сих двух приключений, в первое не вмешиваюсь потому, что начато против моей воли, а за последнее берусь как за свое дело, зная, что оно предпринято в угодность мне. Прилагаемое у сего письмо, прочитав, отдай малютке Воланж, оно примирит тебя с нею наверное; но прошу не забывать, что мы общими силами должны образовать ее, как знаем, к совершенному отчаянию матери ее и Жеркура. Не жалею приемов. По всему видно, что она их не боится; нужды нет, что после будет с нею, лишь бы нам своего не упустить.

Я совершенно теперь отказываюсь от нее. Правда, мне хотелось было пустить ее при себе *во вторые роли*, но вижу, что не из чего кроить; глупая ее откровенность не проходит и от вернейшего лекарства, которое ты употребил и которое действует над всеми; что ж может быть опаснее этой слабости для женщины неизлечимой и всему противящейся? Вместо интриганки вышла б из нее податливая женщина; а для меня ничего нет несноснее глупой этой податливости, от которой сдаются, не зная ни как, ни для чего, и для того только, что нападают и что не умеют воспротивиться. Подобных женщин называю я потешными машинами.

Ты скажешь, что для наших видов сего и довольно; согласна; но не забудь, что по машинам можно добраться и до машиниста; итак, если хочешь пустить ее в дело без всякой опасности, то поспешай, и потом, остановившись, заблаговременно брось. Правда, мы всегда можем сбыть ее с рук, и Жеркур непременно запрет ее в монастырь, когда только захотим; да и какая нам нужда, что он, удостоверившись в своей неудаче, о которой все также будут знать, станет или не станет мстить, лишь бы только довести его до отчаяния? То, что я говорю о муже, ты можешь сказать о матери; следственно, так и поступай.

Следуя сему плану, решила я все открыть малютке, как то сам увидишь из письма моего. Нельзя, однако ж, не напомнить тебе, что не должно оставлять в руках ее и самонаименой безделицы, могущей обнаружить нас. Предосторожность сия необходима; отвечай, и я берусь за нравственность, — все прочее

оставляю тебе. Если же со временем увидим, что простота ее начинает исчезать, то все еще успеем переменить начертанный план, следственно, труды наши ни в каком случае не пропадут.

Знаешь ли, что мои затеи едва не порушились и что судьба спасла было Жеркура от моих сетей? Госпожа де Воланж по слабости, матерям свойственной, вздумала было выдать свою дочь за Дансени. Вот что предвещало нежное участие, замеченное тобою *на другой день*; это блюдо твоей стряпни! К счастью, нежная мать эта отписала ко мне, и я надеюсь, что она оставит свое намерение. В ответе своем я столько наговорила ей о добродетели и столько ласкала ее, что она нехотя должна со мною согласиться.

Жаль, что не было времени списать копию с письма моего; строгость нравственности моей удивила бы тебя, а и того более суждения о развратных женщинах, имеющих любовников; всего легче проповедовать строгое нравучение; оно несносно для других, нас же нимало не связывает... Сверх же того, мне известно, что и у старухи были прорухи; в молодости имела она свои слабости, также, как и другие, и я очень довольна, что нашла случай пристыдить ее, по крайней мере внутренно, после всей похвалы, которой не могла не отдать благонравия ее. Наконец, желание вредить Жеркуру придало мне духу отозваться и о нем лестным образом.

Прощай, виконт; намерение твое остаться до некоторого времени у госпожи Розмонд я похваляю; но не знаю, чем можно б пособить твоему горю, и для того советую прогонять скуку с общею нашею питомицею. Я же, невзирая на учтивый твой вызов, должна еще обождать, и ты сам признаешься, что нельзя винить меня.

Париж, 4 октября 17...

ПИСЬМО CVII

Азолан к виконту де Вальмону

отчас по получении вашего письма был я у господина де Бертрана и принял от него двадцать пять луидоров, так, как вы изволили приказывать; я просил было и еще два для Филиппа, которого ту же минуту отправил в назначенное вами место, потому что у него не было за душою ни полушки, но господин управитель не изволил уважить моего представления и сказал, что не имеет от вас приказания. Итак, принужден был уделить ему из своих, и если милость ваша будет, то, конечно, мне их выдадут.

Филипп отправился вчера вечером. От меня крепко подтверждено ему, чтоб он не отлучался из кабака, дабы в случае нужды можно было найти его там.

Потом, нимало не мешкая, пошел я в дом госпожи президентши, дабы увидеться с Юлией, и, не застав ее, поговорил с Пролазом, но ничего не мог узнать от него, потому что с приезда занялся он городскими делами, а домом правил помощник его, с которым, как вам известно, я не знаком. Но и с ним сегодня же начал знакомство.

Поутру был я опять у Юлии, и она, как кажется, очень обрадовалась, увидев меня. Я спрашивал у нее, для чего ее хозяйка возвратилась, но она отвечала мне, что и сама не знает, и по всему видно, что не лжет. Тут попенял я ей, что не уведомила меня об отъезде своем; она уверяла, что вечером только, когда пришла раздевать хозяйку, узнала о том, что всю ночь укладывалась и что бедняжка не спала двух часов и вышла от хозяйки во втором уже часу ночи, когда она села писать.

Госпожа де Турвель, отправляясь поутру, отдала письмо смотрителю замка. Юлия не знает, к кому: может быть, говорит она, к вашей милости, но вы ничего не изволите упоминать о сем.

Дорогой госпожа президентша сидела, закупорившись в капюшон, так что нельзя было и видеть ее. Юлия думает, однако ж, что она часто принималась плакать; не молвила во всю дорогу ни словечка и не захотела останавливаться, по обыкновению своему, в ***¹, чему не очень рада была Юлия, пробыв все утро без завтрака. Но как быть, господа во всем господа!

Возвратясь в город, госпожа де Турвель легла опочивать, но не пролежала и двух часов. Встав, позвала своего швейцара и приказала всем отказывать. Не одевалась во весь день, и в обед, отведав ложки с две супу, тотчас встала. Когда подали ей кофей в кабинет, то вошла туда и Юлия. Она застала, что хозяйка ее укладывала бумаги в ящик, и заметила, что это были письма. Я готов удариться об заклад, что это ваши грамотки! После обеда получила она три письма; одно из них пролежало перед нею весь вечер, и она не спускала с него глаз. Верно, и это также ваше письмо! Но отчего же она всполошилась, поднялась и уехала? Я, право, не понимаю; но это не мое дело, и вы, конечно, изволите знать, отчего.

После обеда ходила в библиотеку и принесла оттуда в свой будуар две книги; но Юлия уверяет, что и полчетверти часа не заглядывала в них, а во весь день читала то письмо, о котором я вам докладывал, и, облокотившись на стол, закрывала лицо руками. Полагал, что вы пожелаете знать, какие это были книги, которых Юлия не могла разобрать; я упросил ее сводить меня в библиотеку, будто бы посмотреть. Я нашел там два пустых места: в одном недостает второй части «Христианских размышлений»², а в другом — первой

¹ Все та же деревня на половине дороги.

² Сборник проповедей, изданный в XVIII в. аббатом Форе (*примеч. ред.*).

книги под заглавием какой-то «Клариссы»¹. Я все описываю так, как было: вам это больше известно.

Вчера вечером она не ужинала и пила только чай. Сегодня встала очень рано; велела подать карету, и в девятом часу ездила к обедни к Фельянам². Хотела было исповедоваться и потребовала своего духовника; но он в отлучке дней на десять. Я счел за нужное уведомить вас и об этом.

Возвратясь, завтракала одна, потом села писать и прописала до второго часу за полдень. Я успел уже сделать то, о чем вы наиболее заботились: отнес на почту письма; к госпоже де Воланж не было ни записки. Здесь прилагаю письмо, отправленное на имя господина президента, мужа ее; оно показалось мне достойным вашего любопытства. Было также и к госпоже де Розмонд, но я не задержал, полагая, что вы можете иметь его, когда ни захотите. Впрочем, и без того все узнаете, потому что госпожа президентша пишет также и к вам. Вперед могу доставлять к вам все письма., какие только угодно вам будет иметь, потому что Юлия отдает их для отсылки; она уверила меня, что по дружбе своей ко мне, а также и к вам, сделает все, чего бы от нее ни потребовали.

Она не хотела даже принять от меня кошелька; но ежели изволите приказывать сделать ей подарок, прикажите только отпустить мне денег: я знаю, что ей нравится.

Теперь, надеюсь, не станете бранить меня за нерадение; да и за прошедшее не хочу остаться виноватым. Выслушайте милостиво мои оправдания. Если я не знал об отъезде госпожи Президентши, то не леность моя тому причиною, а желание услужить вам; оно-то и подняло меня в три часа пополудни, помешало увидаться вечером, по обыкновению, с Юлией и загнало ночевать в корчму, чтобы поутру не будить никого в замке.

Что ж касается до денег, которых, как вы изволите выговаривать, частехонько не бывает у меня, это от того, что я люблю быть опрятным, как вам самим небезызвестно, для чести вашего дома: знаю, что нужно б поберегать их наперед, но, имея такого дорогого хозяина, как вы, можно жить спустя рукава.

Сделайте, однако ж, милость, не приневоливайте меня служить у госпожи де Турвель, считаясь также и у вас! Иное дело у госпожи герцогини; но кто имел честь носить егерский ваш мундир, тот, верно, не согласится надеть ливреи, да и какой же? приказной!³ Во всем прочем повелевайте имеющему честь называться вашим покорнейшим егерем.

Азолан Рыжкий.

Париж, 5 октября 17... в 11 часов вечера

¹ «Кларисса, или История молодой леди» — роман английского писателя Самюэля Ричардсона (1689–1761), в котором повествуется о несчастной судьбе молодой девушки, соблазненной аристократом Робертом Ловеласом (*примеч. ред.*).

² Т. е. в парижский монастырь, принадлежащий монашескому ордену Фельянов (*примеч. ред.*).

³ Т. е. ливреи судейского дворянина (*примеч. ред.*).

ПИСЬМО CVIII

Президентша де Турвель к госпоже де Розмонд

примерная в милосердии мать, как я вам благодарна и как письмо ваше порадовало меня! Сто раз читала, перечитывала его и не могла с ним расстаться. Оно-то доставило мне несколько сладостных минут после отъезда моего. Как вы сострадательны! Благодетель, добродетель умеют, следовательно, снисходить слабости! Вы жалеете о моем бедствии? Ах! Если бы вы знали его... оно ужасно! Я думала, что испытала уже все горести любви, но кто может изобразить мучения разлуки с тем, кого любишь, и разлуки, может быть, вечной!.. Да, терзающие теперь мучения появятся завтра и во всю жизнь не оставят меня! Боже мой! В молодости начать страдать, быть причиною своего несчастья; раздирать сердце собственными руками, и, претерпевая несносную тоску, чувствовать ежеминутно, что можно прекратить ее одним словом, и что это же слово соделается преступлением! Ах, сударыня!..

Приняв тягостное намерение уехать от него, надеялась я чрез отсутствие утвердиться в мужестве и укрепить силы: как я обманулась! Кажется, и последние силы оставляют меня. Правда, тогда борений было больше, но и в самом сопротивлении не всего еще лишена была; по крайней мере, могла видаться с ним! Нередко также, не смея даже взглянуть на него, чувствовала, что взоры его устремляются на меня; точно так, я чувствовала их; казалось, что они воспламенили мою душу и, не касаясь глаз, проходили прямо к сердцу. Теперь же, в несносном одиночестве, отделясь от всех милых предметов, встречая повсюду одни несчастья свои, всякую минуту прискорбного своего существования отличаю болезненными слезами! Ничто не улаживает горести моей; никакого утешения не нахожу в соделанных пожертвованиях, и, готовясь к новым, должна готовиться к тяжчайшим еще терзаниям.

Я и вчера испытала уже это. В полученных письмах одно было от него; я узнала его между другими, не взяв еще в руки. По невольному движению принуждена была встать, вся дрожала, не могла скрыть своего волнения, но чувствовала некоторое удовольствие. Оставшись одна, вскоре увидела я, что сладостное сие обольщение исчезло, заставив меня сделать и еще одно жертвование. В самом деле, могла ли распечатать это письмо, хотя и пылала нетерпением прочесть его? Но гибельному року угодно, преследуя меня и в самих утешениях, карать новыми отчуждениями; настоящие тем несноснее, что и господин де Вальмон разделяет их со мною!

Вот, наконец, то имя, которое беспрерывно занимает меня и которого не имела я духу написать! Нежные ваши укоризны наконец придали мне сил. Будьте, однако же, уверены, что ложный стыд никогда не мог ослабить доверенности моей к вам; чего мне опасаться, называя его? Ах! Я стыжусь собственных чувств, а не достойного виновника оных! Не понимаю, однако, почему имя это не сплывает с пера, так что и теперь должно было думать, где найти ему приличное место. Но возвратимся к нему.

Вы пишете, что, по-видимому, *отъезд мой чрезвычайно тронул его*. Что ж он делал? что говорил? не поминал ли о возвращении в Париж? Ах! Сделайте милость, отговаривайте его, сколько можете. Если он все размыслил, то не только не может досадовать на мой поступок, но и должен чувствовать, что я никогда не переменю своего намерения. Что, однако ж, думает он теперь? Неизвестность убивает меня более всего. Письмо его лежит еще там же... и вы, конечно, одинаковых со мною мыслей, что не должно его распечатывать.

Вы одни, с н и с х о д и т е л ь н ы й друг, можете еще некоторым образом сближать нас. Не хочу, однако ж, употреблять во зло благосклонности вашей; чувствую, сколь должны быть для вас тягостны продолжительные письма; и для того прошу не отказать вашей дочери в двух словах — одним подкрепить твердость ее духа, другим утешить ее. Прощайте, почтенная благодетельница!

Париж, 5 октября 17...

ПИСЬМО SIX

Сесилия Воланж к маркизе де Мертей

Сегодня только вручила я господину де Вальмону письмо, которое имела честь получить от вас, милостивая государыня. Я продержала его четыре дня, хотя и смертельно боялась, чтобы его не нашли. Правда, я всегда прятала его, и когда мне было грустно, то, запершись, читала его без умолку.

Теперь вижу и сама, что несчастье не так велико, и я почти уже не печалюсь. Один Дансени мучит меня, как ни вспомню о нем! Но теперь часто и о нем перестая думать; правда, и господин де Вальмон очень любезен!

Я помирилась с ним дня два тому назад, без всякого почти труда; не успела еще сказать ему и двух слов, как он остановил меня и сказал, что, если я хочу поговорить с ним, то он придет ко мне вечером; я тотчас отвечала ему, что очень буду рада. Да и войдя ко мне, не подал даже и виду, что сердит на меня,

как будто я ему ничего не сделала. После уже журил меня, да и то так ласково... точно так, как вы; что и доказывает дружбу его ко мне.

Я не могу пересказать вам всех тех смешных приключений, которые он мне рассказывал и которым никогда бы я не верила, а особливо насчет маменьки. Сделайте милость, уведоьте меня, правда ли это. Скажу вам только то, что я не могла удержаться от смеху, так что, однажды захохотав изо всей мочи, оба перепугались: посудите? маменька могла услышать и войти; что ж бы тогда со мною было? Тогда-то уже заперла бы она меня в монастырь.

Зная и сама, как должно быть осторожной, и слыша от Вальмона, что ни за что на свете не захочет он подвергать меня опасности, согласились мы, что после этого нам следует видеться уже в его комнате. Теперь, кажется, не за что бранить меня.

Меня, однако ж, крайне удивляет то, что вы пишете насчет Дансени и господина де Вальмона в случае моего замужества; кажется, вы мне сказывали когда-то, будучи в театре, что, выйдя замуж, нельзя будет никого любить, кроме мужа, и что должно будет позабыть даже и Дансени; но, может быть, я не вслушалась тогда, и я очень рада была бы, чтобы это так вышло, потому что в теперешнем положении моем я не страшусь уже замужества. Напротив того, желаю, дабы иметь больше свободы; кажется, тогда никто не помешает мне заниматься Дансени. Я чувствую, что с ним только могу быть счастлива: теперь, даже вспомнив о нем, не знаю, куда деваться от тоски и печали, и тогда только бываю покойна, когда не думаю о нем; а будто это и легко!

Одно только то утешает меня, что, по уверению вашему, Дансени больше еще станет любить меня: но уверены ли вы в том?.. Но и вы не захотите обманывать меня. Странно, однако ж, что я люблю Дансени, а господин Вальмон... Но, как вы говорите, может быть, это и к лучшему. Время все покажет.

Впрочем, я не могла понять, что вы хотели сказать про мой слог. Кажется, Дансени всегда был доволен моими письмами. Чувствую, однако ж, что не должно и поминать ему о том, что происходит с господином де Вальмоном; следственно, вам и опасаться нечего.

Маменька ничего еще не говорила мне о замужестве, но дайте мне волю; теперь, как знаю, что хотят обмануть меня, я и сама не побоюсь лгать.

Прощайте и будьте уверены, что я никогда не забуду ваших одолжений. Пора кончить. Первый час уже в исходе.

Из замка ***, 10 октября 17...

ПИСЬМО СХ

Виконт де Вальмон к маркизе де Мертей

*ебесные силы, даровавшие мне душу для горестей, ниспошли-те другую для блаженства!*¹ Так, кажется, восклицал нежный Сен-Пре². Получив лучший пред ним удел, перехожу я от одного существования к другому. Да, милая маркиза, я в одно время счастлив и несчастлив; вверившись вам во всем, приступаю к двоякой повести: страданиям и утехам моим.

Итак, да будет вам ведомо, что неблагодарная богомолка моя все еще отделяется от меня своими строгостями.

Четвертое письмо возвращает назад. Может быть, я и не имею права называть его четвертым, потому что, получив обратно первое и предвидя, чего должно ожидать впредь, решился, дабы не терять по-пустому времени, переменять только конверты, и одно письмо сделало уже два конца к ней и обратно; если прелестница моя окончит обыкновенною развязкою прелестниц, и, смягчившись напоследок от усталости, оставит у себя жалобно мою грамоту, я и тогда успею, принявшись за руль, пуститься по течению. А между тем, сидя у берега, буду ждать погоды, потому что из настоящей моей переписки, как вы сами видите, нельзя ничего узнать.

Мне удалось, однако ж, открыть, что недоверчивая любовница переменила поверенную; по крайней мере доподлинно знаю, что со дня отъезда ее из замка ни разу не писала она еще к госпоже Воланж; старая же Розмонд, получив от нее два письма, молчит и не поминает даже — *о милой своей*: из чего и заключаю, что доверенность передана тетушке моей. Кажется, что, с одной стороны необходимость говорить обо мне, а с другой стыд признания пред госпожою Воланж в тех именно чувствованиях, которые всегда отвергала она, произвели неожиданную сию перемену. Боюсь, однако ж, чтоб мне не проиграть этою меною! Потому что чем женщина старше становится, тем угрюмее и суровее бывает. Воланж больше наговорила бы обо мне худого; но Розмонд больше наскажет злого о любви; чувствительная же целомудренница более страшится чувств, нежели личности.

Чтоб выведать все, остается одно средство, как вы сами видите, — перехватывать скрытную их переписку. Я послал уже нужные для сего приказания

¹ В «Новой Элоизе».

² Герой «Новой Элоизы» (примеч. ред.).

моему егерю и со дня на день ожидаю исполнения, до тех пор не могу путаться наудачу; известные, в романах упоминаемые и в секретные мои записки внесенные средства, не идут ни к обстоятельствам, ни к характеру героини. Трудность не в том состоит, как забраться к ней, ночью даже, усыпить и сделать из нее вторую Клариссу, но после двухмесячных забот и стараний прибегнуть к таким средствам, которых никогда не хотел я знать, ползать по следам других и торжествовать без славы!.. *Нет, ей не иметь утех порока вместе со славою добродетели!*¹ Для меня мало обладать ею; я хочу, чтоб она сама предалась. Следственно, нужно ее согласие; надобно, чтоб она ожидала, чтоб расположена была слушать меня; всего же нужнее отвратить ее взоры от опасности, потому что, увидев ее, решится она преодолеть все или умереть. Но чем более познаю, что надлежит делать, тем более встречаю препятствий; хотя вы будете насмехаться надо мною, должно, однако ж, признаться, что замешательство мое умножается по мере моих усилий.

Я сошел бы, кажется, с ума без счастливых развлечений, которые доставляет мне общая наша воспитанница. Ей-то обязан я, если вместо сочинения элгий занимаюсь теперь чем-нибудь лучшим.

Поверите ли, малютка так была всполошена, что письмо ваше на четвертый только день возымело свое действие. Вот как может одно ложное понятие расстроить и самое счастливое расположение природы!

Словом, в субботу только начали вертеться около меня и промямлили несколько слов, да и то таким стыдливым голоском, что нельзя было и понять. Но появившийся румянец ясно открыл мне смысл оных; до того времени я показывал ей гордый вид; смягчившись, однако, от смешного сего раскаяния, дал слово побывать у ней вечером, и снисхождение мое принято было с крайнею признательностию, за одни великие благодеяния оказываемую.

Я никогда не теряю из виду ни ваших предположений, ни своего плана, и для того решился, воспользовавшись сим случаем, узнать настоящую цену малютке нашей и ускорить окончание ее воспитания. Но занятие это требовало большей свободы; надлежало переменить место свидания; простой простенок, разделявший комнату вашей воспитанницы с тою, где спала мать ее, не мог уверить ее в безопасности. Итак, положил было я *нечаянным* испугом заставить ее перейти в надежнейшее убежище, но она избавила меня и от сего труда.

Малютка чрезвычайно смешлива; и чтобы занять ее веселость, я вздумал между *антрактами* рассказывать ей кое-какие анекдоты, взваливая все насчет маменьки ее и описывая ее самыми черными и смешными красками.

Мне хотелось рассказами этими придать больше смелости трусливой моей ученице и поселить в ней совершенное презрение к ее матери.

Питомица ваша каталась со смеху за каждым моим словом и наконец чуть было не захохотала изо всей мочи. Нетрудно было уверить ее, что она шумом

¹ В «Новой Элоизе».

своим поднимет всех, чего я и сам испугался и должен ее оставить; она не нашлась и тотчас согласилась иметь всегда свидание в моей комнате.

Она была уже у меня два раза, и в короткое это время ученица поравнялась почти в знании со своим учителем. По чести, я всему научил ее!..

Занимаясь таким образом всю ночь, имею я и ту выгоду, что могу спать большую часть дня; и, поскольку общество наше нисколько теперь не прельщает меня, то больше часа и не сижу в гостиной; я решился даже с сегодняшнего дня обедать в своей комнате и выходить только на гулянье, да и то ненадолго. Причуды эти относят насчет моего здоровья. Я объявил уже, что головная боль не дает мне покою, жаловался также на лихорадку, и теперь стоит только ослабить голос; за перемену же лица отвечает ваша питомица. *Любовь обеспечит*¹.

В досужные часы я думаю, каким бы образом возвратить потерянные права на неблагодарную и сочиняю полный лексикон разврата для моей ученицы. Технические слова означены свойственным им названием, и я заблаговременно восхищаюсь страстным разговором, который поведет она с Жеркуром при первом брачном свидании. Ничего нет смешнее слышать, с каким просто-сердечием употребляет она некоторые речи, вытверженные в новом сем языке! Ей и в голову не приходит, что можно было говорить иначе! Малютка, право, мила! Контраст этот искреннего простодушия с бесстыдством производит уже свое действие; я и сам не понимаю, почему одни только странности нравятся мне.

Может быть, я слишком уже занимаюсь своею чудихою, теряя время и здоровье; надеюсь, однако, что мнимая моя болезнь не только избавит меня от скуки сидеть в гостиной, но и может придать мне новое достоинство в глазах строгой богомолки; я не сомневаюсь, что она была извещена о сей неожиданной перемене и нетерпеливо желаю знать, что о сем думает, тем более что, наконец, возьмет это на свой счет, а потому и намерен расположить свое здоровье по впечатлениям, которое оно произведет в ней.

Открыв вам, милая моя, все, что у меня было за душою, желаю сообщить вам в скором времени что-нибудь важнейшее; и уверяю вас, что в предполагаемом мною удовольствии выше всего ставлю обещанную вами награду.

Из замка ***, 11 октября 17...

¹ Строка из фарсовой комедии «Любовное безумие» французского драматурга Жана-Франсуа Реньяра (1656–1709) (*примеч. ред.*).

По чести, я всему научил ее!..

ПИСЬМО СХІ

Граф де Жеркур к госпоже де Воланж

ела здешнего края принимают совсем иной вид; спокойствие восстанавливается, и мы со дня на день ожидаем повеления возвратиться во Францию. Надеюсь, что вы, милостивая государыня, не станете сомневаться в нетерпении моем ехать в Париж и поспешить заключением союза, долженствующего соединить меня навсегда с вами и с любезною дочерью вашею. Между тем, однако ж, дядя мой Дюк де ***, коему, как вам известно, всем обязан я, пишет ко мне, что он, получив свой отзыв из Неаполя, намерен отправиться в Рим и объехать ту часть Италии, которой еще не видал; он предлагает мне проездить с ним месяца два. Не скрываю от вас, милостивая государыня, что очень желал бы я воспользоваться сим случаем, чувствуя, что супружество и служба не позволят дальних отлучек. Да, может, и саму свадьбу приличнее было бы отложить до зимы, потому что родственники мои прежде не смогут съехаться в Париж, а особливо маркиз де ***, доставивший мне честь, которою, конечно, должен я гордиться, вступая в ваше семейство. Невзирая на все сии уважения, не выйду я из вашей воли ни на черту, и, буде вы предпочтете первое ваше постановление, то и я беспрекословно отменю путешествие свое; почему и прошу уведомить меня в самоскорейшем времени о ваших намерениях, дабы, дождавшись здесь ответа, можно было расположить себя по оному.

Имею честь пребыть со свойственною сыну преданностию и пр.

Граф де Жеркур.

Бастия, 10 октября 17...

ПИСЬМО СХІІ

Госпожа де Розмонд к президентше де Турвель
(*писанное под диктатурою*¹)

ейчас получила я, милая моя, письмо твое от 11-го², наполненное нежными укоризнами. Признайся, что ты сказала бы гораздо больше, а может быть, стала бы и бранить меня, если б вспомнила, что *я мать тебе*. Но как бы ты обманулась! Желание и надежда писать к тебе собственноручно заставляли меня отлагать со дня на день; ты видишь, что и теперь принуждена я занять горничную свою. Проклятый ревматизм перебрался нынешний раз в правую уже руку и сделал меня совершенною левшой.

Вот каково иметь дряхлую приятельницу!

Коль скоро боль моя утихнет, даю тебе честное слово побеседовать с тобою подолее; а теперь скажу только, что оба твои письма я получила; что они удвоили мою к тебе дружбу, если б это было возможно, и что я не престану брать искреннейшего участия во всех твоих делах.

Племянник мой также занемог, но, слава богу, неопасно, следственно, и беспокоиться не о чем; легкий припадок его должно приписать какому-нибудь неудовольствию, а не болезни. Мы почти не видим его.

Без тебя и без него — не скажу, чтобы у нас было весело. Маленькая Воланж не может наговориться; зевает во весь день, или же, расположившись в креслах, спит благополучно до самого вечера

Прощай, милая моя; верь, что я всегда останусь искренним твоим другом, матерью, сестрой даже, если бы лета не мешали, и что преданность моя тебе продолжится до гроба.

Аделаида вместо госпожи де Розмонд.

Из замка ***, 14 октября 17...

¹ Т. е. под диктовку (*примеч. ред.*).

² Письма сего не отыскано.

ПИСЬМО СХІІІ

Маркиза де Мертей к виконту де Вальмону

олгом поставляю уведомить тебя, что уже начинают заниматься тобою в Париже, что замечают отлучки твои и что отгадывают даже причину. Вчера случилось мне быть в одном многолюдном собрании, где именно кто-то сказал, что тебя задерживает в деревне романическая и несчастная любовь; вдруг радость разлилась на лице завидующих твоим успехам мужчин и презренных тобою женщин. Коль веришь мне, не давай опасным сим слухам утвердиться и, возвратясь тотчас, рассей их своим присутствием.

Не забудь, что если раз подашь повод думать, что можно противиться тебе, то повсюду будешь встречать неожиданные сопротивления; соперники твои потеряют все уважение к тебе и захотят даже переведаться с тобою. Больше же всего не забудь, что женщины, которых ты перепятнал в мыслях публики, и число их немалое, восстанут против тебя все и будут усиливаться вывести общество из заблуждения; одни потому, что ты их не имел, а другие для того только, чтоб не прослыть податливыми. Словом, ты должен опасаться, чтобы против настоящего твоего достоинства не сбавили тебе цены столько же, сколько теперь прибавляют.

Возвратись же, виконт, и не жертвуй своею славою ребяческому капризу. Маленькая Воланж образована уже, как нам хотелось; а президентши, живя за десять миль от нее, никогда не уловишь. Неужели ты думаешь, что она поедет отыскивать тебя? Может быть, она уже и не думает о тебе, а если и вспоминает, то разве для того только, чтобы торжествовать над твоим унижением. Здесь, по крайней мере, найдешь опять случай показаться со славою, а тебе это нужно.

В самом деле, если президентша твоя *обожает тебя*, в чем беспрестанно уверял ты меня, но ни разу еще не доказал, то единственное ее утешение, все ее удовольствие должно состоять теперь в том, чтобы говорить о тебе, узнавать, что ты говоришь, что делаешь и думаешь; словом, все, что ни касается до тебя. Дрязги эти входят наконец в цену, по мере важности придаваемой потере. Это крохи, падающие со стола богатого, они их не уважает; но бедный собирает их с жадностью и питается ими. Таким точно образом и бедная твоя президентша собирает все эти крохи, и чем больше наберет их, тем менее будет иметь охоты к остальному.

Сверх же того, зная новую поверенную, я не сомневаюсь, чтоб каждое письмо наперсницы сей не заключало в себе *поучения, клонящегося к назиданию ее добродетели*; для чего доставлять новые средства одной защищать, а другой вредить тебе?

Я не для того говорю, что согласна была с твоим мнением, будто бы много теряешь переменою сей поверенной. Ты сам знаешь, что госпожа де Воланж ненавидит тебя, а ненависть несравненно дальновиднее и пронырливее дружбы. Престарелая твоя тетушка при всей своей добродетели не скажет и худого слова о милом своем племяннике, потому что и самая добродетель имеет свои слабости. Следственно, страх твой основан на весьма ложном правиле.

Неправда, что женщина *чем старее становится, тем угрюмее и суровее бывает*. От сорока только до пятидесяти лет досада видеть лицо свое увядающим, несносная необходимость отказаться от притязаний и удовольствий, к которым льнут еще, делают всех почти женщин сварливыми и своенравными. Прежде сего срока не могут они решиться на ужасное сие жертвование, но по совершении *отречения* все разделяются на две части:

Многочисленнейшая и состоящая из женщин, величавшихся своим личиком и молодостию, впадает в слабоумное бесстрашие, из которого выходит только для игры и набожных обрядов; эти всегда докучливы, иногда и смутницы, но редко бывают злы. Нельзя также ничего положительного сказать об их суровости, потому что, не существуя более и не размышляя, повторяют без всякого умысла слышанное, и, по ничтожеству своему, не создают никакого впечатления.

Другую часть, столь же редкую как и бесценную, составляют женщины с характером, образовавшие рассудок свой и умеющие дать себе существование вопреки отказывающейся от них природы обращением тех самых стараний, кои употребляли пред тем для прикрас лица, на украшение ума. Они обыкновенно судят весьма здраво и отличаются степенностию. Обольщающие прелести заменяют пленяющею ласковостию и веселостию, умножающуюся по мере лет: сим-то образом, заставляя себя любить, сближаются они некоторым образом с молодыми; но тогда не только не бывают, как ты говоришь, угрюмы и суровы, но, по привычке к снисходительности, по беспрестанному размышлению о слабостях людских, а особливо по воспоминаниям о собственной молодости, коими только жизнь их и держится, делаются, может быть, слишком уже удобопоклонными.

Я могла бы доказать тебе своим примером и представить старух, с которыми всегда старалась я знакомиться, предвидя заблаговременно, сколь полезно приобрести их голос, и с которыми подружилась наконец более по склонности, нежели по личным выгодам. Но я воздержусь, опасаясь, чтоб ты по пристрастию твоему к благонравным не влюбился вдруг в старую свою тетушку и не зарылся бы с нею в могилу, из которой не можешь даже выкарабкаться. Но возвратимся к прежнему разговору.

Невзирая на очарование, в котором держит тебя ученица твоя, не думаю, однако ж, чтоб ты занимался ею для общих наших видов. Она попалась тебе; ты не спустил, все правда; но неужели можно назвать это привязанностию? Признаться тебе, я даже не вижу здесь и наслаждения. Ты обладаешь одною наружностию; знаю, что не заботишься о сердце, но знаю и то, что не в состоянии

также занять ни воображения, ни мыслей ее; скажи, заметил ли ты это? Я однако ж, имею верное тому доказательство в последнем ее письме¹, которое для того и посылаю к тебе. Посмотри, когда она говорит о тебе, то всегда величает «господином Вальмоном», и все ее мысли, даже и те, которые ты производишь, клонятся беспрестанно к Дансени; она не называет его «господином», а просто Дансени. Этим самым она отличает его от всех, и, отдаваясь тебе, стремится к нему. Если такая победа кажется тебе *прелестною*, если доставляемые ею удовольствия *привязывают тебя*, то не оттого ли, что ты стал довольствоваться всякой всячиною? Я не говорю, чтобы ты ее бросил, нет, придерживайся ее; это нужно даже для моих видов. Но мне кажется, тут не для чего еще расстраивать себя, а напротив того, надобно взять верх над нею и не позволить ей сближаться с Дансени, пока не станет забывать его.

Но пока и я не перестала заниматься тобою и не начала говорить о себе, скажу и еще одно замечание в рассуждение притворной твоей болезни, на которую хочешь ты упереться: средство это так старо и так избито, что и самые школьники не употребляют его. По чести, виконт, ты не мастер на выдумки! Я и сама принимаюсь иногда за старые приемы, как ты сам увидишь, но умею изворачиваться, располагая успехом заранее. Уверенность эта заставляет меня пуститься в новую интригу; не думай, чтоб была интересна по своей завязчивости; нет, мне нужно развлечение — скука убивает меня.

Я не знаю и сама, отчего Бельрош после преванова приключения сделался для меня несносным. Он задушил меня своими ласками, нежностями и жертвами. Бешенством его против Превана я сначала веселилась; надлежало, однако ж, успокоить его, чтобы он не запутал меня в новую историю. Итак, дабы успеть в своем намерении, решила я разнежить его любовью, но он принял шутку за наличные, и с тех пор мучит меня без отдыха непрерывными своими восторгами; всего же обиднее для меня уверенность, в коей он покоится теперь, что навсегда уже закабалил меня. Не унижительно ли это? Худо же он ценит меня, если надеется удержать в своих оковах! Представь себе, наглец осмелился сказать мне недавно, что, кроме него, никого не стану любить. Он так взбесил меня, что я тогда же решила было открыть ему глаза, но благодаря благоразумию своему скрепилась и промолчала. Смешно, по чести; и он уже вздумал требовать исключительного права! Признаться, он строен, статен и приятного лица; но все это, если правду сказать, годится только для первоначальных маневров. Словом, минута разлуки настала.

Недели с две уже, как я все настраиваю к разрыву, и употребляю против него холодность, причуды, досаду и ссоры; но устойчивого сего рыцаря ничем нельзя отвадить; итак, надобно приступить к насильственным мерам — увезти его с собою в деревню. Мы едем завтра с людьми посторонними и не - д а л ь н о в и д н ы м и; следственно, столь же будем свободны, как бы и одни были; там, живя единственно для него, до того намерена его залюбить, что он

¹ См. письмо СІХ.

первый, верь мне, захочет окончить наше путешествие, от которого ожидает возможного благополучия; и если я не наскучу ему более, нежели он мне, то позволяю записать себя в инвалиды.

Предлогом сего уединения служит тяжёбное мое дело, которое предложат к слушанию нынешней зимой; я очень этому рада; признаться, весьма неприятно иметь свое имение в споре и неизвестности; конечно, я не опасаюсь решения, дело мое правое; все стряпчие уверяют меня в том; да хотя бы оно и неправо было, то надобно потерять последний ум, чтоб не выиграть иска у таких соперников, каковы мои, у двух малолетних и у старого их опекуна. Ничем, однако ж, не должно пренебрегать, тем более важным делом, и для того беру с собою двух стряпчих. Не правда ли, что с этими товарищами нам будет весело? Как бы то ни было, но если я чрез эту поездку выиграю свое дело и потеряю Бельроша, то, верно, не стану жаловаться ни на беспокойства, ни на убитое время.

Ну, виконт, отгадай теперь, кого назначила я преемником? Я позволю считать до ста? Зайдешь и за тысячу, но все-таки не отгадаешь: добро! Не мучься по-пустому и слушай — Дансени. Ты удивляешься, не правда ли, зная, что я еще не доведена до того, чтоб заниматься образованием мальчиков? Его, однако ж, можно исключить. В нем молодость отличается одними приятностями, а не ветреностию. Чрезвычайная его скромность при людях сотворена, кажется, для удаления всех подозрений, и ты не поверишь, как он любезен глаз на глаз, когда развернется! Не подумай, чтоб я говорила это из собственного опыта; нет, я у него только в поверенных, но сквозь покров сей дружбы вижу, наверное, что он сильно начинает приотрачиваться ко мне и что склонность эта действует уже и во мне. Скажи, однако ж, не жаль ли будет, если, с таким умом и нежностью попавшись к глупенькой Волажан, оглупеет он и сам? Мне кажется, что он сам себя обманывает, полагая, что любит ее: ей ли заслужить любовь его! Я, право, не ревную к ней, но, почитая связь их убийством, хочу спасти Дансени. А потому и прошу тебя, виконт, постараться, чтобы он не мог сблизиться со *своею Сесилиею*, так он еще называет ее по глупой привычке: первоначальная склонность больше имеет власти, нежели думают, и я ни за что не ручаюсь, если он увидится с нею опять, а особливо во время отлучки моей. Возвратясь, возьмусь за все и за все тебе отвечаю...

Мне хотелось было увезти его с собою, но удовольствием сим решилась пожертвовать обыкновенному своему благоразумию, опасаясь, чтоб он не заметил чего между Бельрошем и мною; малейшее подозрение его довело бы меня до отчаяния. Я постараюсь, по крайней мере в воображении его, предстать скромною и целомудренною, словом, какою должно быть, чтобы сделаться во всем достойною его.

Париж, 15 октября 17...

ПИСЬМО CXIV

Президентша де Турвель к госпоже де Розмонд

е скрывая от вас, милостивая благодетельница, беспокойства моего, спешу к вам с докучливою своею просьбою, хотя и не уверена еще, позволит ли здоровье ваше отвечать на мое письмо. Скажите, что происходит с господином де Вальмоном. Я не думаю, чтобы припадок его, по мнению вашему *не опасный*, был действительно таковым. Нередко задумчивость и уклонение от общества бывают признаками опасной болезни; телесная скорбь, как и душевная, ищет уединения; и часто винят в угрюмости того, кто по своим бедствиям заслуживает всякого сожаления.

Мне кажется, что ему должно бы, по крайней мере, посоветоваться с кем-нибудь. Неужели при вашей болезни нет с вами лекаря? Мой доктор, которого видела я сегодня утром и, признаюсь вам, расспрашивала стороною, говорит, что в людях пылкого характера не должно никогда пренебрегать скоропостижными переменами, а особливо бесстрашием или охлаждением чувствительности; и что запустив болезнь эту, весьма трудно ее вылечивать. Для чего же подвергать опасности любимого своего племянника?

Беспокойство мое тем более умножается, что четыре уже дня не имею от него никакого известия; боже мой! неужели и вы обманываете меня, скрывая болезнь его? Почему ж вдруг перестал он писать ко мне? Упорство, с каковым возвращала я письма его, могло бы с самого начала внушить ему это средство; признаюсь, что, невзирая на недоверчивость свою к предчувствиям, тоска одолевает меня уже несколько дней. Ах! Может быть, ожидают меня новые, ужаснейшие бедствия!

Вы не поверите, да мне и самой стыдно признаться вам, как тягостно для меня не получать и тех даже писем, которых сама не хотела принимать. Тогда, по крайней мере, я уверена была, что он занимается мною, видела что-нибудь, ему принадлежащее; не распечатывала его писем, но плакала, глядя на них; слезы мои были сладостны и непринужденны; они-то одни облегчали горесть, терзающую меня с самого приезда. Заклинаю вас, сострадательная благодетельница! Отпишите ко мне сами, коль скоро можно вам будет, а между тем прикажите уведомлять меня всякий день о своем и его здоровье.

Теперь только заметила я, что насилу вздумала сказать одно слово и о вас; но вам известны чувствования мои, равно как и вечная преданность и признательность моя за нежную вашу дружбу ко мне; и вы, без сомнения, простите замешательство, в котором я нахожусь теперь, из уважения к несносным моим терзаниям и к ожидающим меня бедствиям, стократ ужаснейшим, если я сама буду виновницею оных. Милосердый Боже! Вольная эта мысль,

преследуя меня повсюду, раздирает сердце мое; сего только несчастья не доставало! Видно, однако ж, что я родилась испытать все мучения.

Прощайте, почтенная и любезнейшая приятельница; любите меня. Могут ли сегодня ожидать от вас ответа?

Париж, 16 октября 17...

ПИСЬМО CXV

Виконт де Вальмон к маркизе де Мертей

дивительно, милая моя, какое действие производит разлука! Не успеешь растаться, то и не понимают уже тебя. Живя вместе, мы были одних с вами мыслей и все видели одинаково; а теперь, потому только, что не вижу с вами месяца с три, ни в чем не можем согласиться; кто из нас двух виноват? Конечно, вы не станете затрудняться ответом; но я из благоразумия или из учтивости не стану и сам добиваться решения; а потому и намерен, отвечая на ваше письмо, ограничиться одним описанием своих подвигов.

Благодарю вас всеусерднейше за извещение о слухах, разнесшихся на мой счет; но они меня нисколько не беспокоят; я уверен, что вскоре найду, чем заглушить их. Будьте и вы спокойны: я не покажусь в свете без новой славы и не сделавшись достойным, паче прежнего, милостей ваших.

Я такого даже мнения, что само приключение с маленькою Воланж, которое ставите вы ни во что, будет принято иначе. Неужели в глазах ваших ничего не значит похитить в один вечер молодую девицу от ее любовника; образовать ее по-своему; ворочать, как своим добром, без дальних затей, не расстраивая страстной ее любви, не нарушая ни постоянства, ни самой верности ее; и, как вы говорите, не занимая даже мыслей ее, так что когда будет передана своему любовнику, то не успеет еще и образумиться! И вы это называете обыкновенною хитростью? Уверю вас также, что, побывав единожды в моих руках, не замедлит она блеснуть принятыми от меня правилами; и я вам наперед сказываю, что полет трусливой сей ученицы доставит немалую честь ее учителю.

Буде же потребуют героической повести, я представляю президентшу, образец добродетелей, уважаемый и самыми даже первоклассными нашими повесами до того, что перестали и думать, чтобы можно было ее покорить! Представляю ее, забывающую свои обязанности и добродетель, жертвующую своим именем и двухлетним целомудрием — дабы упоеваться удовольствием

нравиться мне, поставлять верх блаженства в любви моей, и за все сии пожертвования довольствоваться одним словом, одним взглядом, которыми не всегда также может и наслаждаться. Сделаю больше — брошу ее и отрекись от женщин, если она заменит меня другим. Она не станет искать утешения, забудет утехи и отвергнет и самое желание мстить; словом, существование ее будет посвящено мне одному, и, как мало или велико ни было бы поприще ее, мне одному только позволят снять и положить преграду. Достигнув сего торжества, скажу соперникам моим: «Воззрите на громкие дела мои и ищите в летописях века вашего подобного примера!..»

Вы, конечно, спросите, откуда родилась излишняя эта доверенность — от излияния сердечных чувств прелестницы моей; не она вверяет мне тайны свои, но я уловляю их. Два письма ее к госпоже Розмонд достаточно вразумили меня; последующие, если и стану читать, то разве из одного любопытства. И теперь для получения полного успеха стоит только сблизиться с нею; средство уже найдено, и я решился произвести его в действо.

Любопытство, без сомнения, подстрекает вас, не правда ли?.. Но нет, чтобы наказать за недоверчивость вашу к моим планам, не скажу вам ничего. По чести, вы *з а с л у ж и в а е т е*, чтоб я лишил вас своей доверенности, по крайней мере, по части занимающего меня приключения с президентшею; и я действительно умолчал бы о своих успехах, если бы не почитал превыше всего обещанной вами награды за полное над нею торжество. Вы видите, что я сердит. Однако, в надежде скорого от вас исправления, оставляю вас при слабом сем наказании и, снисходя к слабости, забуду на время великие свои предприятия и займусь вашими.

Итак, милая маркиза моя теперь в деревне, заунывна, как сентиментальность и пасмурна, как верность! Бедный Бельрош, осужденный пить воду забвения и выдержать пытку, каков-то он? Любовная рвота не измучила еще его? Я дорого бы заплатил, если б он после всех сих испытаний еще больше к вам пристрастился; посмотрел бы я тогда, какое лекарство придумали бы вы, чтобы отвадить его. Жаль мне вас, право, жаль, видя, что дошли до такой крайности! Мне однажды только случилось любить из учтивости. Правда, нельзя было и отказаться, потому что вызов был сделан графиней Д***; но и с нею не раз покушался сказать: «Милостивая государыня! *Увольте... от всего отрекаюсь!*»

Доводы ваши, признаться, смешны до крайности; и вы недаром сказали, что я не отгадаю преемника. Как! Все это беспокойство для Дансени? Ах! Милая маркиза, не мешайте ему обожать *добродетельную свою Сесилию* и не запутывайтесь в детские забавы! Оставьте школьникам образоваться около *нянюшек* и играть с пансионерками в *невинные игры*. Как вам братья за новичка, который не найдется ни как подцепить вас, ни как расстаться с вами, и с которым вы же должны все делать? Я вам не шутя говорю, что выбор ваш очень мне не нравится, и как бы вы ни таили его, он непременно унизит вас в моих и в собственных ваших глазах!

Вы говорите, что начинаете чувствовать к нему склонность; полно, сударыня! Вы сами себя обманываете, и мне кажется, что я угадываю причину сего заблуждения. Похвальное отвращение ваше к Бельрошу произошло в самое голодное время и на безлюдье; Париж не мог вам никого представить, и пылкое ваше воображение схватилося за первого встретившегося. Но не забудьте, что по возвращении можете выбирать из тысячи; буде же опасаетесь недейтельности, которой нельзя почти избегнуть во время таковой отсрочки, то я берусь занять ваши досуги.

Важные мои дела как-нибудь да кончатся к вашему приезду, и я уверяю вас, что ни малютка Воланж, ниже самая президентша не в силах будут воспрепятствовать мне быть у вас, когда вы ни пожелаете. Может быть, к той же поре и малютка передана будет в руки скромного ее любовника; впрочем, вы и не находите тут *пленяющего* наслаждения, но я не соглашаюсь с вами; и желая, чтоб она во всю свою жизнь почитала меня превыше всех мужчин, пустился с нею на такой *тон*, которого не мог бы далее тянуть, не расстроив своего здоровья; но счастье спасло меня, поставив ее на семейственную ногу.

Вы не понимаете?.. Я ожидаю второго полнолуния, дабы, удостоверившись в моей надежде, увидеть полный успех предприятиям моим. Точно так, милая маркиза! Первые признаки показывают уже, что муж моей ученицы не умрет без потомства, и что подпора жеркурова дома произойдет от вальмована. Позвольте, однако ж, окончить эту интригу, как я хочу. Не забудьте, что я принялся за нее по вашей просьбе, и что, доведя Дансени до вероломства, отымете у похождения моих всю красу; вспомните наконец, что, предложив себя к услугам вашим, имею я некоторое право на предпочтение.

Я так на него надеюсь, что не побоялся поперечить вашим видам, и для того начал способствовать, со своей стороны, к умножению нежной страсти скромного Линдора к первоначальному и достойному предмету его выбора. Найдя вчера питомицу вашу за письмом и прервав сладостное сие занятие несравненно приятнейшим, потребовал наконец, чтоб она показала мне письмо свое; она писала к нему, то есть к Дансени; слог показался мне холодным и принужденным; потому, дав ей почувствовать, что не такими словами утешают любовников, заставил ее написать другое, под диктовку, и, подделавшись сколь можно было под ее пустословие, старался воспламенить любовь его надеждою. Малютка не могла налюбоваться письмом своим и поручила мне всю свою переписку с ним. Чего не делаю я для Дансени? Быть в одно время другом его, поверенным, соперником и любовницею не всяк умеет! И теперь даже оказываю ему новую услугу, спасая его от опасной с вами связи. Конечно, опасной, потому что обладать вами и лишиться вас — значит купить мгновенное благополучие вечным сожалением.

Прощайте, милая моя; соберитесь с духом; отправьте поскорее Бельроша; оставьте Дансени на произвол судьбы его и готовьтесь обрести, возвратив мне восторг и удовольствие первого нашего знакомства.

P. S. Поздравляю вас со скорым окончанием тяжёбного вашего дела и сердечно желаю, чтоб счастливое сие происшествие последовало при моем царствовании.

Из замка ***, 19 октября 17...

ПИСЬМО CXVI

Шевалье Дансени к Сесилии Воланж

оспожа де Мертей сегодня утром уехала в деревню; итак, милая Сесилия, лишился я теперь и последнего удовольствия — в отсутствии вашем говорить о вас с вашим и моим другом; с некоторого времени она позволила называть себя сим именем, и я тем охотнее употребляю его, что оно, кажется, сближает понемногу с вами! Как любезна женщина эта! Какие очаровательные прелести умеет придавать дружеству! Кажется, что сладостному сему чувству передает она все приятности, которых ненавидишь в любви; если б вы знали, как она любит вас и как охотно слушает, когда я говорю о вас!.. Это-то, верно, и привязывает меня к ней! Какое блаженство жить единственно для вас двоих; переходить беспрерывно от утех любви к восторгам дружества; посвятить им все свое существование; быть, так сказать, точкою соединения взаимной вашей привязанности и чувствовать ежечасно, что, занимаясь благополучием одной, доставляю то же самое благополучие и другой. Любите, милая моя, как можно больше женщину эту, достойную обожания, и придайте цены привязанности моей к ней, разделяя оную со мною! Познав прелести дружбы, желаю, чтобы и вы так же ощущали их. Удовольствия, которых не разделяю с вами, кажутся мне полунаслаждениями. Да, милая моя Сесилия, я желал бы окружить ваше сердце всеми сладостнейшими чувствованиями, дабы каждое его движение производило новое ощущение нового благополучия; но даже и тогда я возвратил бы вам только малую частицу доставляемого мне от вас блаженства.

Почему, однако ж, прелестные сии предположения, существующие в мечтаниях воображения моего, не могут произведены быть в действо? И почему должен я, против того, испытывать беспрестанные и болезненные лишения? Видно, нечего уже надеяться на свидание в деревне, столь часто вами обещанное! Одно утешает меня, что, верно, нельзя вам сего сделать. И вы не хотите сказать мне этого и потужить вместе о несчастьи нашем! Две мои жалобы о сем остались без ответа. Ах! Сесилия, Сесилия! Я верю, что вы любите меня

всею душою; но душа ваша не так пламенна, как моя. Для чего не я должен преодолевать сии препятствия и жертвовать своими выгодами? Тогда-то показал бы я вам, что любовь не знает препятствий.

Вы не уведомляете меня даже и о том, когда несносная эта разлука кончится. Здесь, может быть, удалось бы мне видеть вас; прелестные ваши взоры воскресили бы унылую мою душу; нежное их выражение доставило бы столько нужное сердцу моему спокойствие; но... Прости, милая Сесилия, и не почитай беспокойства моего подозрением! Любовь твоя и постоянство мне известны. Ах! Я совершенно был бы несчастлив с сими сомнениями. Кто, однако ж, устоит против стольких и всегда новых препятствий? Друг мой! Они убивают меня. Кажется, что отъезд госпожи де Мертей возобновил во мне чувствования всех моих бедствий

Прощай, милая, обожаемая Сесилия! Не забудь, что любовник твой утопает в горести и что ты одна можешь возратить ему спокойствие и благополучие.

Париж, 17 октября 17...

ПИСЬМО CXVII

Сесилия Воланж к шевалье Дансени
(диктованное де Вальмоном)

еужели, милый мой, думаешь ты, что, не пожурив, нельзя и растрогать меня? И что нет мне нужды до твоих горестей? Меня и то даже убивает, что я невольным образом огорчаю тебя; более же всего то, что ты не отдаешь мне справедливости. Ах! Как это несносно! Вижу, на что ты досадуешь: на то, что два раза просился приехать сюда, а я и не отвечала тебе; да разве легко отвечать на это? Не думай, чтоб я не знала, чего ты домогаешься! Мне и заочно трудно тебе отказывать, что же будет с глазу на глаз?

Да и кто согласится за минутное утешение вечно плакать?

Ты сам видишь, что я ничего от тебя не скрываю; скажешь теперь, виновата ли я? Может быть, я и сделала бы то, о чем ты просишь; но ведь я писала к тебе, что проклятый этот Жеркур, от которого мы и страдаем, нескоро еще возвратится; маменька начала с некоторого времени ласкать меня; я также стараюсь угодить ей, сколько могу; почем знать? авось ли б она и согласится. Не лучше ли будет, если мы сможем быть счастливы так, чтобы я ни в чем не упрекала себя? Если верить тому, что мне часто говаривали, то и мужчины

не так-то любят тех женщин, которые слишком любили их до замужества. Этот-то страх и воздерживает меня больше всего. Друг мой! Не уверен ли ты в моем сердце? Много еще времени впереди!

Послушай, я даю тебе честное слово: если по несчастию должно будет выйти за Жеркура, которого за глаза уже ненавижу, тогда ничто не воспрепятствует мне быть твоею. Лишь бы ты любил меня, а до других мне и дела нет. Я не виновата, когда они сами доводят меня до худого. Но до тех пор, друг мой, не мешай мне делать то, что я делаю, и не домогайся более того, чего по многим причинам не могу я сделать; мне и самой жаль, что должна отказывать тебе.

Желала б я также, чтобы господин де Вальмон не так горячо за тебя вступался; этим он только тоску наводит. Признаюсь, однако ж, что ты редкого имеешь в нем друга. Он все за тебя делает! Засим прощай, милый мой друг; я принялась писать к тебе поздно, и теперь уже гораздо за полночь. Пора лечь и наградить потерянное время. Целую тебя, но чур не браниться.

Из замка ***, 18 октября 17...

ПИСЬМО CXVIII

Шевалье Дансени к маркизе де Мертей

сли верить календарю моему, то не более двух дней, как вы, достойный обожания друг мой, уехали отсюда; но если верить моему сердцу, то прошло уже два века! Вы сами научили меня верить ему во всяком случае; итак, пора, давно пора вам возвратиться; все ваши дела должны уже быть кончены. Могу ли я брать участие в вашей тяжбе, когда при выигрыше и при потере должен платить протори¹ несносною скукою, причиняемою вашим отсутствием; как бы мне хотелось теперь поссориться! Но кто может изъяснить свою досаду милому предмету?

Скажите, однако, не явное ли это вероломство, не ужасная ли измена — кинуть своего друга, зная, что он не можете снести разлуки? Советуйтесь сколько вам угодно со своими стряпчими, нет, и они не придумают, чем оправдать коварного сего поступка; притом народ этот дышит одними законами, а на сердечные чувства законов нет.

¹ Протори (устар.) — издержки, убытки, обычно связанные с ведением судебных дел (примеч. ред.).

Что касается до меня, вы столько наговорили мне о благоразумии, увлекавшем вас в деревню, что я вконец с ним рассорился и перестал ему повиноваться даже и тогда, когда оно велит позабыть вас. Важные, однако ж, имеет оно к тому причины! Да и сделать это не так трудно, как вы, может быть, предполагаете. Стоит только отвыкнуть заниматься вами; и я уверяю вас, что здесь ничто не заставит думать о вас.

Прелестные наши женщины, и самые те, коих называют милыми, так еще далеки от вас, что не могут возбудить и слабого напоминения. Я даже думаю, что опытные глаза, найдя в них сначала некоторое сходство с вами, вскоре найдут и странную разницу: что бы они ни делали, как бы ни старались, как бы ни напрягали всего своего умения, все это не будете *вы*, следовательно, не будет в них и истинных прелестей. К несчастью, длинные нынешние вечера поневоле заставляют строить воздушные замки и заниматься химерами; воображение разгорячается, старается украсить свое произведение, собирает все, что может нравиться; кажется — доходишь уже до совершенства; но тут портрет влечет тебя к подлиннику, и к совершенному прискорбию узнаешь одну лишь мечту.

В сию даже минуту обманут я подобным почти заблуждением. Вы, может быть, думаете, что я принялся писать, дабы заняться вами? Нимало, а для рассеяния и мыслей. Мне хотелось поговорить с вами о таких вещах, которые до вас вовсе не касаются, а для меня, как вами известно, весьма важны, но от них именно и отвлекли вы меня. Давно ли, однако ж, прелесть дружбы начала отвлекать от очарования любви? Ах! Рассмотрев поближе перевес этот, может быть, нашел бы я, за что и попенять себя! Но, чур, молчать; забудем маловажный этот проступок, и чтобы опять не впасть в оный, скроем его даже и от друга.

Ах! Для чего вы уехали? Вы бы вразумили, наставили меня, если я заблуждаюсь; говорили бы мне о моей Сесилии и умножили б, если это возможно, благополучие, коим наслаждаюсь я, любя ее — сладостным напоминанием, что в любовнице моей люблю я друга вашего. Так, я должен признаться вам, что любовь, которую она внушила мне, соделалась для меня гораздо бесценнее с тех пор, как вы по благосклонности своей вступили в нашу доверенность. Как лестно для меня открывать вам свое сердце, занимать ваше своими чувствованиями и верить ему все! Кажется, что и самые сии чувствования делаются любезнее, когда вы их приемлете; тогда, глядя на вас, сам себе говорю: в ней заключается все мое благополучие!

Положение мое ни в чем не переменялось; следовательно, и ничего нового не могу сказать вам. Последнее ее письмо умножает, правда, надежду мою, но все еще отлагает. При всем том доводы ее столь нежны и честны, что я не смею и жаловаться на нее. Может быть, вы и не поймете, что я хочу вам сказать чрез это; но для чего же вы уехали? Другу своему все можно говорить, но нельзя писать. Тайны, любви особливо, так щекотливы, что никто не смеет их пускать наудачу, а если и выпускает, то не теряет из виду, пока не дойдут они до нового

своего убежища. Ах! Возвращайтесь поскорее, достойный обожания друг мой; вы видите, насколько нужен ваш приезд! Забудьте тысячу причин, удерживающих вас в деревне, или же — научите жить без вас.

Имею честь быть и пр.

Париж, 16 октября 17...

ПИСЬМО СХІХ

Госпожа де Розмонд к президентше де Турвель

евзирая на хворость свою, спешу, собравшись с силами, поговорить с тобою, милая моя, о том, что тебя наиболее занимает. Племянник мой сделался совершенным нелюдимкой; и хотя всякий день присылает осведомляться о моем здоровье, но сам ни разу еще не был у меня, сколько я его ни просила; словом, для меня все равно, если бы он жил и в Париже. Сегодня утром, однако, встретила я с ним там, где никогда не полагала видеть его — в домово́й церкви мое́й, куда в первый еще раз вышла я после моей болезни, и там же узнала, что дня с четыре уже не пропускает он ни одной обедни. Дай Бог, чтобы это продлилось!

Лишь только вошла я в церковь, он подошел ко мне и с приметною чувствительностию радовался моему выздоровлению. В то самое время обедня началась; я прервала разговор в намерении возобновить его после, но он скрылся так, что я и не заметила. Не скрою от тебя, что он спал с лица. Но, милая моя, не заставь меня раскаиваться за сию доверенность излишним своим беспокойством; при всем том, будь уверена, что я скорее соглашусь опечалить тебя, нежели обмануть.

Если он не переменит обращения своего со мною, то я решилась, коль скоро мне легче будет, зайти к нему в комнату и проникнуть тайну странного сего сумасбродства, в коей, как мне кажется, участвуешь и ты. Я не премину обо всем уведомить тебя. Между тем прощай; пальцы не двигаются, и если б Аделаида моя знала, что я пишу, то досталось бы нам обеим! Прощай, милая моя.

Из замка ***, 20 октября 17...

ПИСЬМО СХХ

Виконт де Вальмон к отцу Ансельму
(в монастырь Фельянов на улице Сент-Оноре)

отя я и не имею чести пользоваться вашим знакомством, но зная, что госпожа де Турвель, президентша, вверяет вам все свои тайны и что она не могла избрать для сего достойнейшего поверенного, не укосняюсь прибегнуть к вам с просьбой о некоторой услуге, для меня весьма важной и до госпожи де Турвель также касающейся.

В руках моих находятся некоторые бумаги, крайне для нее нужные, которых нельзя никому вверить и которые ей одной должен и намерен я отдать. Я не имею теперь никаких средств уведомить ее о сем, получив от нее запрещение продолжать с нею переписку, по причинам, может быть, и вам уже известным, но о коих, кажется, не позволено мне говорить с вами. Запрещению сему, признаюсь вам, я повинуюсь охотно, познав впоследствии, что ни она, ни я не могли предвидеть таких происшествий, для предупреждения коих человеческие силы немощны и ничтожны.

Итак, прошу вас, почтенный наставник, известив ее о новом моем расположении, уговорить также, чтоб она назначила мне особенное свидание, дабы мог я хотя бы отчасти загладить свой проступок искренним раскаянием и последним пожертвованием, истребив в глазах ее единственные следы проступка сего, соделавшего меня виновным пред нею.

По сем-то предварительном удовлетворении осмелюсь повергнуться пред вами с постыдным признанием в долговременных своих заблуждениях и просить вашего ходатайства о примирении меня с совестью; примирение необходимое, но увь! премноготрудное. Могу ли, возложив упование на сострадательное ваше снисхождение, преклонить вас к восприятию на себя неоценимого попечения: подкреплять меня в слабостях моих и быть вождем моим в новом сем пути, к стыду моему, неведомом еще для меня, по которому, однако ж, ревностное имею намерение шествовать?

Ответа вашего буду ожидать с нетерпеливостью кающегося и жаждущего загладить прегрешения свои. Надеюсь, что вы не отвергнете просьбы моей, равно как и уверений истинного моего к вам почитания и пр.

P. S. Если вы заблагорассудите, сообщите и самое это письмо госпоже де Турвель, которую никогда не престану чтить как виновницу обращения моего на путь добродетели.

Из замка ***, 22 октября 17...

ПИСЬМО СХХІ

Маркиза де Мертей к шевалье Дансени

Письмо твое, слишком молодой друг мой, я получила, и вместо благодарности должна пожурить тебя и сказать, что если ты не исправишься, то не дождешься от меня ответа. А потому и советую тебе оставить льстивый этот напев, выражающий одно пустословие, коль скоро любовь не управляет им. Разве так изъясняется дружба? Нет, мой друг, всякое чувство имеет свой язык, ему одному приличный; заимствовать чужой — значит скрывать свои мысли. Знаю, что мелочные наши женщины не могут ничего понять, если им, так сказать, не переводят чего на их язык; но я ожидала, что ты не смешаешь меня с ними, и, признаюсь тебе, что мне очень больно видеть, что ты так плохо обо мне судишь.

Итак, знай, что в письме моем найдешь ты то, чего недоставало в твоём — откровенности и простосердечия. Следуя им, скажу тебе; например, что я очень рада была видиться с тобою, но должна окружаться докучливыми людьми вместо тех, кои мне нравятся. Но ты перевел бы эту речь так: *«Научите меня жить без вас»*; поэтому и с любовницею твоею нельзя будет тебе жить, если меня не будет в третьих. Какая жалость! *С женщинами, в которых все-таки не будет меня*, не поверстаёт¹ ли и Сесилии своей, найдя, может быть, и в ней подобный же недостаток? Вот каков, однако ж, нынешний язык — совершенно форменный, но коему не больше верят, как и *вашему покорному слуге*!

Друг мой, когда будешь писать ко мне, то пиши то, что думаешь и чувствуешь, предоставляя мне приискивать в новомодных романах кудреватые или, лучше сказать, косматые выражения. Не сердись на мои замечания и досаду, если можешь, на мою досаду; я не так поступаю, как ты, и для того скажу тебе откровенно, что досаду эту умножает, может быть, разлука с тобою. Взвесив все, ты, конечно, перетянешь тяжбу мою, двух стряпчих и самого, может быть, *стоглазного канюку*² Бельроша.

Ты видишь, что не отчаиваться, а радоваться должен моему отсутствию, потому что никогда бы не дождался ты от меня такого приветствия. Чуть ли, однако ж, и я не заразилась твоим примером; чувствую и сама, что начинаю уже льстить; но нет, я не расстанусь со своим чистосердечием; оно-то и уверяет тебя в искренней моей к тебе привязанности и в нежной дружбе. Приятно

¹ *Поверстать* (устар.) — здесь: уравнивать (примеч. ред.).

² *Стоглазый* — здесь: неусыпный страж (от *стоглазого Аргуса*, циклопа, персонажа древнегреческой мифологии); *канюк* — хищная птица из семейства ястребиных, крик которой напоминает плач; *стоглазый канюка* — здесь: прилипчивый и хнычущий надосада (примеч. ред.).

иметь молодого друга, коего сердце занято в ином месте. Правило это не многим женщинам нравится, я, однако ж, держусь его. Кажется, что с бóльшим удовольствием можно предаваться такому чувству, от коего нечего опасаться; и для того-то согласилась я, слишком рано, может быть, играть роль п о - в е р н н о й твоей. Но ты выбираешь в любовницы таких молоденьких, что заставил меня в первый раз заметить, что я начинаю стариться! Похвально для тебя, что заблаговременно стал приучать себя к продолжительному постоянству, и я от чистого сердца желаю, чтобы оно было взаимно.

Ты весьма справедливо поступил, сдавшись *на нежные и честные доводы*, хотя они, как ты и сам пишешь, *отлагают твое благополучие*. Долговременная защита есть единая выслуга тех, которые не всегда сопротивляются; малютке же Воланж непростительно уже и то, что, видя предстоящую опасность от признания в любви, не умела избежать оной. Вы, господа мужчины, не имеее и понятия о добродетели, и чего стоит жертвовать оной! Но женщина, мало-мальски размышляющая, должна знать, что всякая слабость есть величайшее для нее несчастье; и я не думаю, чтоб хотя бы одна позволила уловить себя, имея минутную свободу все обдумать.

Не вооружайся против сего мнения — оно-то наиболее привязывает меня к тебе. Ты спасешь меня от опасностей любви, хотя я до сих пор умела и без тебя противостоять им, но лучше тебе хочу быть благодарной и любить тебя, как друга, от всего сердца.

Засим пребываем к вам, любезный шевалье, благосклонны.

Из замка ***, 22 октября 17...

ПИСЬМО СХХІІ

Госпожа де Розмонд к президентше де Турвель

надеялась, милая дочь, рассеять твои беспокойства, но теперь с прискорбием вижу, что вновь должна их умножить. Впрочем, успокойся: племянник мой вне опасности; нельзя даже сказать, чтоб он в самом деле был болен. Но, видно по всему, что в нем кроется какая-нибудь чрезвычайность. Ничего не понимая, я, желая во всем удостовериться, вышла из горницы с некоторым о щ у щ е н и е м прискорбия, самого даже ужаса, которого не хотелось бы сообщить тебе и о коем должна, однако, с тобою поговорить. Вот что происходило! Ты можешь положиться на верность повествования: горестная эта сцена такое создала

впечатление, что я не могла бы позабыть ее, хотя бы прожила и еще восемьдесят лет.

Итак, войдя в комнату племянника, застала я, что он писал, обложившись бумагами. Он так казался занятым, что я была уже на половине горницы, а он и не оглянулся даже, чтобы посмотреть, кто вошел. Когда он меня увидел, я заметила, что он постарался принять на себя веселый вид, что и заставило меня быть внимательнее.

Правда, он был еще не одет, без пудры, и не причесан, но бледное и осунувшееся лицо переменило все черты его. Веселый и живой взгляд его казался томным — умирающим; словом, между нами будь сказано, я не желала бы, чтобы ты его видела в сем положении: вид его тронул бы и самое каменное сердце и возродил бы то нежное сострадание, которое, по справедливости, почитается опаснейшими сетями любви!

Признаки эти привели меня в содрогание, я, однако, показывала вид, что ничего не заметила, начала спрашивать его о здоровье; он не сказал мне ни «да», ни «нет». Тут, шутя, начала я журить за его затворничество, походившее на сумасбродство; на что отвечал он с растроганным видом сими только словами: «Если я и виноват, то в последний раз; все будет заглажено». Взоры его более еще, нежели и сами слова, расстроили веселость мою, и я принуждена была сказать ему, что он слишком уж уважает дружеские укоризны.

После того стали мы разговаривать поспокойнее; но и тут успел он озадачить меня, сказав, что вскоре одно дело, и *важнейшее в жизни его*, заставит его, может быть, ехать в Париж; но, опасаясь развязки, которая, конечно, довела бы меня и до доверенности, не стала я любопытствовать и одобрила даже намерение его, примолвив, что рассеяние очень нужно для его здоровья; что не стану удерживать его, любя друзей моих для их самих; при сих-то столь обыкновенных словах, сжав мои руки, вскричал он с такою чувствительностию, которую невозможно тебе изъяснить: «Ах, тетушка, любите, любите племянника, вечно вам преданного, и любите, как вы сами сказали, для него одного. Не огорчайтесь благополучием его и не возмущайте каким-либо сожалением вечного спокойствия, коим вскоре надеется он наслаждаться. Повторите, что вы меня любите и что прощаете мне; да, вы простите меня, доброта ваша мне известна; но можно ли ожидать сей милости от тех, коих я так сильно обидел?» Тут бросился он ко мне на грудь, чтобы скрыть, кажется, печаль свою, которую, однако ж, против воли достаточно обнаруживал мне его голос.

Будучи растрогана до чрезвычайности, встала я с поспешностию; и он, конечно, приметил, что я испугалась, потому что, тотчас переменив вид, сказал: «Простите, тетушка, простите! Чувствую и сам, что брежу против воли. Сделайте милость, забудьте все мои слова и вспоминайте только о совершенном моем к вам почтении. Я не премину, — присовокупил он, — возобновить вам уверений сих перед отъездом». Мне показалось, что последние слова клонились к тому, чтобы я окончила свое посещение, и я в самом деле вышла.

Но чем больше думаю, тем больше постигаю, что он хотел мне сказать. Какое это дело, *и дело, важнейшее в его жизни?* С какой стати просит он у меня прощения? Что произвело в нем невольную чувствительность, когда он разговаривал со мною? Тысячу раз задавала я себе эти вопросы, но ни на один не могла дать ответа. Я не вижу даже, чтобы что-нибудь клонилось тут к тебе, милая моя; но так как глаз любви гораздо прозорливее глаза дружбы, то и не хотела скрыть от тебя ничего из разговоров моих с племянником.

Четыре раза принималась писать к тебе длинное это письмо, которое распространила бы я и еще, если бы болезнь моя мне не мешала. Прощай, милая моя.

Из замка ***, 25 октября 17...

ПИСЬМО СХХIII

Отец Ансельм к виконту де Вальмону

получив почтенное ваше письмо, коим угодно было вам, милостивый государь, удостоить меня, не преминул я по желанию вашему быть у известной вам особы и изъяснить ей все то, о чем вы меня просили. Она была непоколебима в принятом ею намерении; но когда я дал ей почувствовать, что упорством своим может воспрепятствовать обращению вашему на путь истины и тем самым воспротивится милосердным видам Провидения, то она согласилась наконец допустить вас к себе, с тем, однако ж, чтобы посещение сие было последнее, и поручила мне уведомить вас, что в будущий четверг, 28 числа сего месяца, она ожидает вас к себе. Если вам нельзя быть, то напишите к ней и сами назначьте день. Письмо ваше будет принято¹.

Позвольте, однако ж, сказать вам, милостивый государь, что без важных причин не должно откладывать произведения в действие похвальных ваших намерений. Не забудьте, что медлящий воспользоваться мгновением ниспосылаемой благодати подвергается опасности быть лишеною оной, что хотя Божеская благодать и бесконечна, но мера оной определена правосудием Его.

Удостоив меня вашею доверенностию, можете располагать и усердием моим по желанию вашему: сколько бы я занят ни был, но обязанности священного служения, коему особенно посвятил я себя, будут главным моим упражнением; и я почту счастливейшим в жизни своей тот час, в который

¹ *Приятый (старославянск.)* — достойный принятия, угодный (*примеч. ред.*).

ревностные мои попечения при благословении Всесильного начнут преспе-
вать. Мы все грешники. Все немощные, и сами по себе ни в чем не можем
успеть! Но Бог, зовущий вас — возможет все; и мы равно обязаны будем бла-
годарить Его: вы — за твердое желание прилепиться к нему, а я — за поданные
средства к приведению вас в мирное пристанище. С Его-то помощью надеюсь
в скором времени убедить вас, что святая вера токмо может и в сей даже жиз-
ни доставить то твердое и незыблемое блаженство, коего ослепленные тщетно
ищут в людских страстях.

С истинным почитанием пребываю и пр.

Ваш богомолец.

Париж, 25 октября 17...

ПИСЬМО СХХIV

Президентша де Турвель к госпоже де Розмонд

пешу сообщить вам, милостивая государыня, странное из-
вестие, которое поразило меня удивлением, а вам, конеч-
но, доставит удовольствие. Господин де Вальмон, перестав
заниматься мною и любовью, намерен благонравною жиз-
нию загладить проступки, или, лучше сказать, заблуждения
своей молодости. О важном сем происшествии уведомил
меня отец Ансельм, к коему прибегнул он, прося утвердить
его в законе, а между тем доставить ему свидание со мною,
как думаю, для возвращения писем моих, которых прежде
ни под каким видом не хотел он отдать.

Конечно, и для меня приятно видеть столь счастливую персону, тем более
что, как он сам говорит, отчасти и я поспешествовала оной. Но почему же мне
должно быть орудием спасения его, лишась навек спокойствия? Разве госпо-
дин де Вальмон чрез мое только несчастье мог сделаться счастливым? Прости-
те, беспримерный друг, сетованиям сим! Знаю, что не мне предлежит испы-
тывать глубину судеб; но знаю и то, что при всех молениях не могу победить
мучительной своей страсти и что оставлена без пособия на произвол сла-
бостей своих.

Удалим, однако ж, порочное сие роптание. Блудный сын не более ли об-
рел милости у отца своего пред братом, никогда не выходившим из родитель-
ского дома? Можем ли вопрошать Того, кто ничем не обязан нам? Да если бы
и имели на сие какое право, то мне ли скорбеть о том, что страдаю за него!
Нет, и самые страдания сии будут для меня лестны, если только они послужат

к его благоденствию. Надлежало и ему возвратиться наконец к общему Отцу. Создавший его возлюбил творение свое и не мог видеть в нем нечестивца. Я одна должна терпеть наказание за дерзновенную свою безрассудность: зная, что возбранено мне любить его, не должно было и видаться с ним.

Погрешность моя, или несчастье мое, оттого именно и произошло, что я отвергала сию истину столь долгое время. Вы сами свидетель, достойный друг мой, что, познав необходимость, тотчас принесла я с покорностью жертву, тем тягостнейшую, что и господин де Вальмон чуждается уже меня. Поверите ли?.. Мысль эта более всего терзает меня теперь. Проклятое самолюбие, ты услаждаешь действия наши самую даже уверенностью, что и другие страдают от нас. Но я смирю м я т е ж н о е сие сердце и причучу его к унижениям.

Для сего-то единственно согласилась я выдержать в будущий четверг тягостное свидание с господином де Вальмоном. Тут-то объявит он мне сам, что я для него совершенное ничто и что слабое и скоропреходящее впечатление, которое я сделала в нем — вовсе изглажено! Он без волнения станет глядеть на меня, и я должна буду потупить глаза, опасаясь, чтобы он не приметил моего смятения. Самые даже письма, которых так долго не отдавал он мне при всех усиленных моих просьбах, равнодушие его возвратит мне; вручит мне их, как вещь, для него бесполезную и не занимающую его более; дрожащие мои руки, принимая постыдный сей залог, почувствуют, что твердая рука вручает его с б е з м я т е ж и е м. Наконец, увижу, как он станет удаляться... удаляться навсегда! И преследующие его взоры мои не заметят, чтоб он пожелал оглянуться в последний раз увидеть меня!

И мне положено сносить все сии унижения? Но я употреблю их в свою пользу, научившись познавать свою слабость... Да, письма эти, для него уже ненужные, бережно стану я хранить, наложу на себя постыдный долг перечитывать их всякий день, доколь слезами моими не смоятся и последние следы; его же письма предам огню, как зараженные опаснейшим ядом, повредившим душу мою. К чему же служит любовь, если заставляет нас жалеть даже и о самых опасностях, коим подвергает она нас, и если должно страшиться ее впечатлений, когда и не производишь их более! Удалимся от губительной сей страсти, которая дает на выбор единый стыд и бедствия, а нередко соединяет их вместе; и да благоразумие заступит, по крайней мере, место добродетели.

Как долго дожидаться четверга этого! Для чего нельзя теперь же совершить болезненной той жертвы, предав забвению в то же время и причину, и предмет! Посещение это тревожит меня; я начинаю раскаиваться, что согласилась принять его. Какая надобность ему видаться со мною? Какое может теперь быть между нами сношение? Если он оскорбил меня, я ему прощаю; радуюсь даже благому его намерению загладить свои проступки; хвалю его и последую ему; взяв с него пример, возвращусь от заблуждений на путь истины. Но если он хочет скрыться от меня, для чего же отыскивает меня? Обоим нам, кажется, нужнее всего позабыть друг друга. О сем-то единственно и буду стараться.

Если вы позволите, благотельница моя, приехать к вам, то, возвратясь в ваш замок, постараюсь приступить к тягостному сему труду. От вас одних приму нужные пособия и советы! Вы одни умеете понимать мое сердце и говорить с ним! Бесценная ваша дружба подкрепит мое существование. При вашем руководстве легко будет все преодолеть. Вам обязана буду моим спокойствием, благополучием и добродетелию; и плод ваших милостей будет тот, что вы наконец сделаете меня достойною оных.

Можете быть, в письме сем много нелепостей найдется; смятение, которое чувствовала я, пишучи к вам, заставляет меня делать сие предположение. Снисходительная ваша дружба простит расстроенным моим мыслям. Полагаясь на вас во всем, не могла я скрыть ни единого движения моего сердца.

Прощайте, почтеннейший друг. На днях надеюсь уведомить вас, когда к вам поеду.

Париж, 25 октября 17...

Конец третьей части

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ПИСЬМО СХХV

Виконт де Вальмон к маркизе де Мертей

ой друг, наконец высокомерная эта женщина, осмелившаяся думать, что может воспротивиться мне, побеждена! Да, она моя, совершенно моя, и со вчерашнего дня не осталось уже ей чем и награждать меня.

Благополучие мое до того занимает меня, что я не могу еще ценить его и только удивляюсь ощущенным мною восторгам, до того мне неизвестным. Ужели, в самом деле, добродетель придает цены женщине и в самых даже слабостях ее? К чему, однако, приводить в пример детские эти предубеждения? Отправим их на свое место — в сказки добродушных старушек! Не везде ли почти встречаем мы сопротивление, с бóльшим и меньшим искусством оказываемое при первом торжестве? И разве нигде не находил я восхищений, о коих теперь говорю? Нельзя, однако ж, почесть сего очарованием любви; правда, бывая с непонятною этою женщиною, чувствовал я иногда минутную слабость, походившую на малодушную страсть, но тогда же преодолевал ее и возвращался к своим правилам. А хотя бы вчерашнее происшествие, что всего вернее, и завлекло меня далее, нежели я полагал; хоть я и разделил на одно мгновение смятение и упоение, мною же порожденные, то скоропреходящему призраку сему надлежало теперь исчезнуть; при всем том очарование сие существует еще — и я признаюсь, что с удовольствием предался бы ему, если б не чувствовал какого-то беспокойства. Но неужели и в мои лета невольное и неизвестное чувствование будет властвовать мною, как школьником? Нет: надлежит, во-первых, истребить, а потом уже исследовать его.

Может быть, я постигнул уже причину странному сему действию; по крайней мере, мысль эта нравится мне, и я желал бы, чтоб она сбылась.

Во множестве женщин — у коих до сего времени представляла я лицо и был в должности любовника — я не находил еще ни одной, которая столько же не желала бы сдаться, сколько я стремился довести ее до того и привык даже

называть степенными доходивших до половины дороги, сравнивая их с жеманными, коих заманчивая оборона никогда не может совершенно загладить первосделанного ими вызова.

Здесь, напротив того, нашел я невыгодное о себе заключение, впоследствии подтвержденное советами женщины злобной и прозорливой; природную и невероятную боязливость, подкрепляемую благоразумием и стыдливостью; любовь к добродетели, руководимую верою и двухлетним торжеством; наконец, все поступки, расположенные по различным сим побуждениям, имевшие, однако ж, общую и единую цель — избавиться от моих преследований.

Следственно, по примеру прежних моих волокитств, нельзя назвать развязки сей обыкновенною капитуляциею, чрезвычайно или несколько выгодною и коею легче можно воспользоваться, нежели возгордиться; это полная победа, приобретенная продолжительными, многотрудными походами и искуснейшими маневрами. Так мудрено ли, что успех сей, коим себе одному обязан я, кажется мне лестнее прочих? Это-то и доказывает, что чрезвычайное удовольствие, ощущенное мною при восторжествовании моем, которое и теперь чувствую, есть следствие сладостных впечатлений славы. Замечание сие спасает меня от посрамления мыслить даже, что будто могу некоторым образом зависеть от покоренной мною пленницы; что не себе одному обязан за полноту моего благополучия и что та или другая женщина, исключительно пред прочими, имеет искусство доставить мне наслаждение оным.

По сим-то благоразумным размышлениям хочу учредить свои поступки в важном сем случае, и вы можете быть уверены, что я не допущу очаровать себя до такой степени, чтоб не мог разорвать сей связи — шутя и когда вздумается!.. Но я говорю уже о разрыве, а вы и не знаете, каким образом приобрел я на то право. Читайте; вы увидите, до чего доводит целомудренная стыдливость, вступаясь за безумие. Все, что я ни говорил, равно как и ее ответы, так у меня затвержены, что вы, конечно, удивитесь точности, с каковою буду вам их пересказывать.

Из прилагаемых у сего копий увидите¹, кого брал я посредником, дабы сблизиться с моею прелестницею, и с каким усердием святой отец старался нас соединить. Надобно также сказать вам, что, перехвачивая по обыкновению письма, узнал я, что опасение и некоторый стыд — быть оставленной, — начинали расстраивать благоразумие строгой богомолки и наполнили сердце и голову ее чувствами и мыслями, при всей их странности, довольно заманчивыми. Итак, после прелиминарных² сих пунктов, необходимых для сведения, должно сказать вам, что вчера, в четверг, 28 октября, в день, назначенный неблагодарною, предстал я к ней в виде робкого и раскаявшегося невольника, дабы выйти оттуда увенчанным победителем.

¹ См. письма СХХ и СХХІІІ.

² *Прелиминарный* — предварительный (*примеч. ред.*).

Вечером, в начале седьмого часа, отправился я к прелестной моей затворнице — название сие весьма ей прилично, потому что со дня своего приезда отдан был приказ швейцару отказывать всем без изъятия, — она покушалась встать, когда я вошел к ней, но дрожащие колена не позволили ей остаться в сем положении, и она тотчас села. Я заметил, что слуга, докладывавший обо мне и чем-то занявшийся в комнате, выводил ее из терпения. Промежуток сей наполнили мы обыкновенными приветствиями. Желая, однако ж, воспользоваться и малейшим мгновением столь драгоценного времени, тщательно обозрел я местоположение; и тогда же глазом назначил, где надлежало быть театру победы. Можно было, правда, выбрать и выгоднейшее место, потому что в той же комнате стояла софа; но поставленный напротив портрет ее мужа, признаюсь, заставил меня бояться, чтобы причудливая эта женщина, взглянув на него нечаянно, не расстроила в одно мгновение столь многотрудных приступов. Наконец мы остались одни, и я вступил в разговор.

Объяснив в коротких словах, что отец Ансельм, конечно, уведомил уже ее о причине моего посещения, начал я жаловаться на строгие ее поступки, и особенно на оказанное мне *презрение*. Пустились защищаться, как сего и ожидать должно было; а я, чего и вы ожидаете, стал упираться своими доводами на *не до вер ч и в о с т ь* и ужас, мною произведенные; на соблазнительный побег, последовавший за оными; на отказ отвечать на мои письма и даже принимать их, и пр. и пр. Видя, однако ж, что легко было оправдаться, прервал я по необходимости разговор сей следующим ласкательством: «Если собор стольких прелестей произвел в сердце моем столь глубокое впечатление, то не меньше того и добродетели ваши действовали на мою душу. Обольщенный желанием сблизиться с ними, я осмеливался уже почитать себя достойным их. Не виню, что вы судили иначе, и наказываю себя за ослепление». — Замешательство произвело молчание, и я продолжал: «И для того пожелал или оправдаться пред вами, милостивая государыня, или испросить прощение в проступках, кои предполагаете во мне, дабы, по крайней мере, можно было окончить с некоторым спокойствием дни, опостывшие для меня с той самой поры, как вы отказались быть лучшим их украшением».

Здесь, однако ж, она собралась с ответом: «Обязанность моя не позволяла». Трудность договорить ложь, обязанностию же вынужденную, не позволила окончить речи. Итак, начал я опять тоном совершенной нежности: «Нет, следственно, сомнения, что вы от меня убежали?» — «Необходимость заставила уехать». — «И что вы удаляетесь от меня?» — «Надобно». — «И навсегда?» — «Долг велит». Не нужно вам сказывать, что в продолжении лаконического сего разбора голос нежной скромницы был перерывчив и что она не смела поднять на меня глаз.

Мне показалось, что нужно одушевить ослабевающую эту сцену, и для того, встав с видом досады, сказал: «Твердость ваша возвращает и мне все мое мужество. Коль так, сударыня, мы расстанемся и будем разлучены долее, нежели вы думаете; тогда ничто не воспрепятствует вам величаться творением вашим».

Несколько удивясь неожиданной сей укоризне, вступила и она в изъяснение: «Принятое вами намерение...», — начала она. «Есть действие моего отчаяния, — отвечал я с запальчивостью. — Вы желали моего несчастья, и я докажу вам, что успех превзойдет ваше чаяние». — «Я желаю вам всякого благополучия». — Тут голос ее начал изменяться, возвещая сильное волнение, и я, бросившись тогда же к ногам ее, вскричал драматическим тоном, довольно вам известным: «Ах! Жестокая! Можно ли почесть благополучием то, чего ты не будешь разделять? Где найти его без тебя? Ах! Нет его и никогда не будет!» Признаюсь, пустившись на все, много надеялся я на пособие слез; но от нерасположения или от излишнего напряжения внимания моего на все происходившее никак не мог плакать. К счастью, вспомнил я, что для покорения женщины всякое средство равно выгодно и что стоит только привести ее в изумление, дабы произвести не и з г л а д и м о е и благоприятное впечатление. Итак, решившись заменить ужасом пришедшую в тупик чувствительность, я остался в том же положении и, возвысив голос, продолжал: «Да, у ног твоих клянусь обладать тобою — или умереть». При сих словах взгляды наши встретились. Не знаю, видела ли она что-нибудь или мечтала видеть в глазах моих, но боязливая богомолка, встав с испуганным видом, в то же мгновение вырвалась у меня из рук. Правда, я нимало не удерживал ее, приметив неоднократно, что отчаянные и слишком жаркие сцены делались всегда смешными, коль скоро продолжались долгое время, или же оставляли для развязки совершенно трагические пособия, к коим отнюдь не желал я прибегнуть. Между тем, однако, как она вырывалась от меня, примолвил я тихим, но грозным образом, дабы и она могла слышать: «Быть так, смерть!..»

Тогда, поднявшись, бросил я на нее, после минутного молчания и будто невзначай, исступленный, но при всем том всезамечающий взор. Смущенный вид, тяжелое дыхание, стянувшиеся нервы, полуподнятые руки, — все доказывало мне, что желаемое действие произведено; но как в любви все делается вблизи, а мы находились тогда на довольноном расстоянии друг от друга, то и надлежало прежде всего сблизиться. И для того принял я на себя наружно спокойный вид, дабы, не умаляя впечатления, ослабить волнение.

Переход сей начался так: «Сколь я несчастлив! Желая жить для вашего благоденствия, возмутил его; жертвуя всем для вашего спокойствия, вновь возмущаю его». Потом с притворным видом: «Простите, милостивая государыня! Не привыкнув к порывам страстей, не умею укрощать и стремления их. Если я виновен за то, что предался им, то вспомните, что это последний раз, успокойтесь же, заклинаю вас, успокойтесь!»! А сам в продолжение разговора нечувствительно приближался к ней. «Если вы хотите, чтобы я была спокойна, то прежде всего успокойтесь сами». — «Быть так, согласен на все...» Но тогда же, понизив еще больше голос свой, сказал: «Усилие велико, но, по крайней мере, не будет продолжительно». И потом с помешанным видом вскричал: «Кажется, я пришел сюда затем, чтобы отдать вам ваши письма?

Сделайте милость, возьмите их обратно. Мне остается сделать последнее уже болезненное пожертвование», — и, вынув из кармана драгоценное собрание, сказал: «Вот коварный залог дружбы вашей! Он привязывает меня к жизни; возьмите его назад и тем самым подайте знак, долженствующий навсегда разлучить меня с вами!...»

Тут робкая любовница не могла уже скрыть своего беспокойства. «Но что с вами делается, господин Вальмон, и что вы хотите сказать? Поступок, на который вы решились теперь, не есть ли следствие ваших размышлений, одобренных даже принятое мною намерение — и по необходимости, и по долгу?» — «Точно так, — возразил я, — сие-то намерение заставило и меня решиться». — «На что?» — «Расставшись с вами, прекратить все мои бедствия». — «Скажите, ради бога, что вы намерены делать?» Тут я ее обнял; она нимало не противилась; судя по сему з а б в е н и ю благопристойности, сколь сильному надлежало быть волнению; и я сказал: «Беспримерная женщина, вы не постигаете любви, внушаемой вами, никогда не узнаете, до какой степени обожал я вас, предпочитая сие чувство и самой даже жизни! Дай бог, чтобы все ваши дни были счастливы и спокойны; пусть украшает их все то благополучие, коего лишили вы меня! Могу ли, однако ж, ожидать от вас за такое искреннее желание хотя бы одного вздоха или одной слезы? Прощайте».

Говоря сие, чувствовал я, что сердце ее сильно билось; на лице приметно было страшное изменение; я видел, что она не могла перевести духу и что изредка только вырывались слезы. Тут решился я показать притворное желание удалиться от нее; она удержала меня, собрав все свои силы: «Нет, выслушайте меня!» — сказала она в исступлении. «Оставьте меня», — отвечал я. — «Ты выслушаешь меня, я требую сего». — «Бегу от вас... так должно... сокроюсь!» — «Нет...», — вскричала она. При сем последнем слове она бросилась, или, лучше сказать, упала без чувств в мои объятия. Не доверяя столь счастливому успеху, вздумал я играть роль испугавшегося, но и самый испуг сей не воспрепятствовал мне довести, или донести ее, до прежде назначенного мною торжества моего. В самом деле, она пришла в чувство, будучи уже покорена и предана счастливому своему победителю.

До сих пор замечали вы, милая маркиза, конечно, не без удовольствия, что я во всей точности держался прежней тактики своей; вы увидите также, что я не удалился ни на черту от истинных правил любовной войны, имеющей столь близкое свойство с настоящею — в чем вы всегда были со мною согласны. Итак, прошу судить обо мне, как о Тюренне или о Фридрихе¹. Я принудил сражаться такого неприятеля, который старался только выигрывать время; искусными маневрами доставил себе свободу избирать любое местоположение и властвовать диспозициями; умел довести неприятеля до беспечности,

¹ *Анри де Ла Тур д'Овернь, виконт де Тюренн* (1611–1675) — французский полководец; *Фридрих II Великий* (1740–1786) — король Пруссии, считавшийся выдающимся полководцем (примеч. ред.).

дабы с большею удобностию стеснить его — в окопах его — и поселить в нем страх пред началом сражения; не пускался нигде наудачу, не удостоверившись в сильных выгодах — в случае надежных успехов, и в заградах — в случае поражения; словом, вступил в бой, обеспечив ретираду, кою можно бы было прикрыть и сохранить прежние завоевания. Нельзя, кажется, и сделать больше! Боюсь, однако ж, чтобы и со мною не последовало такого же расслабления, как с Ганнибалом от Капуанских утех¹. Но оставим. Слушайте, что происходило после.

Я почти не сомневался, что столь разительное происшествие не могло обойтись без слез и отчаяния, принятых обычаем; но, заметив некоторое смущение и опомнение, счел, что подобные переломы свойственны богомолкам в подобных положениях. Итак, не входя в исследование незначущего сего разномыслия, по мнению моему совершенно уместного, пустился опять по битой дороге утешения, будучи уверен, что ощущение возбудит чувства, как то обыкновенно случается, и что одна акция подействует сильнее всех речей, коими, однако ж, я не пренебрегал. Но нашел сопротивление действительно страшное — не столько по стремительности, сколько по наружному своему виду.

Представьте себе женщину, сидящую, неподвижную, с помертвевшим лицом, лишенную почти всех чувств, с остановившимися глазами, из коих беспрерывно и безо всякого усилия текли слезы. Такова была госпожа де Турвель в продолжении моего разговора; когда же покушался я расшевелить ее ласками или невинными телодвижениями обратить на себя внимание ее, то за бесчувственностью сею следовал всегда ужас; дыхание ее останавливалось, начинались судороги, и всхлипывания оканчивались тяжелыми вздохами.

Переломы сии происходили часто и усиливались; последний был так жесток, что я совершенно отчаялся и начинал уже жалеть о победе своей, без всякой пользы одержанной. Итак, не зная, что делать, пустился в *общие риторические места* и обнаружил там следующее восклицание: «Возможно ли так отчаиваться, довершив мое благополучие!» При сих словах единственная эта женщина обратилась ко мне; помешанный вид ее нечувствительно стал оживляться. «Ваше благополучие?» — сказала она наконец. Ответ мой нетрудно отгадать: «Так вы счастливы? — Уверения и клятвы мои усугубились. — И счастливы мною?» Восторги и ласки привели ее в безмолвие. По мере убеждений моих все члены ее оживлялись, и она роскошно опустилась на вольтеровские кресла, не отнимая руки, кою осмелился я завладеть. «Чувствую, — сказала она, — что уверенность сия и облегчает меня...»

Ступив таким образом на прямой путь, я не оставлял уже его, как то вы и сами отгадываете, и, хотя при вступлении во вторичное поприще встретил некоторое сопротивление, что и заставило меня быть осторожным, но,

¹ Имеется в виду осада римскими войсками италийского города Капуя (212–211 до н. э.), в ходе которой армия Ганнибала потерпела поражение (*примеч. ред.*).

призвав в пособие прежнее уверение о благополучии моем, вскоре увидел благоприятное действие оногo. «Ты прав, — сказала чувствительная прелестница, — и самая жизнь моя до тех только пор будет мне мила, пока может составлять твое счастье. Всем для сего жертвую, и с сей самой минуты вся отдаюсь тебе; не услышишь более от меня ни отказов, ни сожалений...» С сим-то непритворным чистосердечием вверила она мне себя и свои прелести и довершила благополучие мое, разделив его со мною. Упоение было полное, взаимное, непрерывное; и я в первый еще раз ощущал его и после наслаждения. Вырвавшись из объятий, бросился к ногам ее, клялся в вечной любви, и, признаюсь, чувствовал все, что ни говорил. Словом, расставшись даже, не мог забыть ее и должен был искать для сего рассеянностей.

Ах! Почему вы не здесь? По крайней мере, вы уравнивали бы прелесть действия наградою. Но я ничего не теряю, ожидая, не правда ли? И твердо полагаюсь на счастливую сделку, предложенную вам в последнем моем письме. Вы видите, что я не щажу себя, и что дела мои, приведенные в течение, не мешают уделять вам часть моего времени. Спустите ж поскорее тяжелого своего Бельроша, и, оставив на произвол судьбы селадоноватого Дансени, займитесь одним мною. Какие, однако ж, дела могут вас задерживать так долго в несносной вашей деревне, не допуская даже и отвечать на мои письма? Знаете ли, что я готов поразмолвить с вами? Но за благополучием всегда идет кротость и снисхождение. Сверх же того, поступая вновь в число ваших воздыхателей, не забыл я, что вновь так же надлежит покориться прихотям вашим. Но не забудьте и вы, что новый любовник не захочет ни в чем ослабить прежних своих прав дружбы.

Прощайте по-старому... Точно так, *прощай, милая! Посылаю тебе все поцелуи любви.*

P. S. Знаете ли, что Преван, высидев три месяца под арестом, принужден был выйти из своего полка? Новостью этою занимается теперь весь Париж. Признаться, он без вины виноват и жестоко наказан, но вы одержали полную победу!..

Париж, 29 октября 17...

ПИСЬМО СХХVI

Госпожа де Розмонд к президентше де Турвель

отвечала бы тебе и прежде, милая моя, если б усталость от последнего письма не произвела нового припадка, от которого все эти дни не могла я и поворотить рукою. Благодарю за приятные известия о моем племяннике — радуюсь перемене сей и поздравляю тебя с оною. Кто не видит тут Божеского промысла, коему угодно было вразумить его, дабы спасти тебя, дабы испытать тебя, дабы ниспослать помощь свою при самом изнеможении твоём; познай же благодать Его и будь признательна!

Теперь увидишь ты и сама, любезная дочь, что утешавшие тебя бедствия исчезнут сами по себе; да если бы и существовали еще во всей даже их силе, то и тогда почувствуешь, что гораздо легче сносить их, нежели угрызения преступлений и собственного стыда. Прежде я не отважилась бы говорить с тобою так откровенно; любовь есть чувство, не терпящее зависимости; благоразумие может уклониться от него, но победить его не в силах; чувство сие, однажды порожденное, истребляется или само собою, или совершенным отнятием надежды. Сие-то положение твое дает мне право сказать тебе мои мысли без опасения. Бесчеловечно страшать отчаянно больного, требующего утешения; похвально, однако ж, показывать выздоравливающему опасности, коим он подвергался, дабы внушить ему потребную осторожность и послушливость к советам, в коих может еще он иметь надобность.

Ты сама избрала меня своим врачом; итак, в лице его я должна тебе сказать, что слабые припадки, которые ты чувствуешь еще, и требующие, может быть, пособия, ничего не значат в сравнении со страшной болезнью, от коей начинаешь уже выздоравливать. Как друг же твой, как друг рассудительной и добродетельной женщины, не скрою от тебя, что страсть, овладевшая тобою, сама по себе столь несчастная, сделалась бы и еще пагубнее через того, к кому ты ее питала. Если верить всему, что говорят о моем племяннике, которого я люблю, может быть, и слепо и который при многих похвальных качествах имеет также редкий дар нравиться, то он столько же опасен для женщин, как и в и н о в а т перед ними — почитая за ничто обольщать и погублять их. Положим, что ты бы его обратила, имея все потребные для того достоинства, но многие уже, льстившись сею надеждою, обманулись, и я сердечно рада, что избавилась от сего преткновения!

Посуди сама, милая моя! Вместо предстоящей тебе опасности ты примираешься теперь со своею совестью; не теряешь собственного спокойствия

и имеешь удовольствие видеть, что ты же была главною причиною счастливого обращения Вальмона. Точно так, мужественное твое сопротивление открыло ему глаза, а минутная твоя слабость могла бы оставить его в вечном заблуждении! Мысль эта восхищает меня, я уверена, что и ты найдешь в ней первое твое утешение.

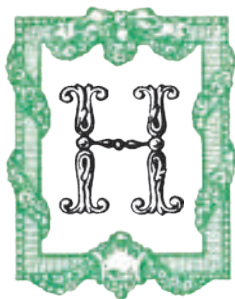
Приезжай, милая, я ожидаю тебя на днях, надеясь, что ты не переменишь своего намерения. Спокойствие и благополучие твое ожидают тебя в том самом месте, где ты их лишилась; тогда-то нежная твоя мать восторжествует, видя, что ты сдержала свое слово — не делать ничего противного ее и твоему достоинству.

Из замка ***, 30 октября 17...

ПИСЬМО СХХVII

Маркиза де Мертей к виконту де Вальмону

е подумай, виконт, чтоб я не имела времени отвечать на письмо твое от 19 числа; нет, оно меня взбесило своею бестолковщиною, и я положила было предать его забвению; но, видя, что ты заражен собою, что беспрестанно напоминаешь мне о своей сделке и молчание мое считаешь согласием, должна теперь сказать тебе откровенно свои мысли.

Статься может, что я иногда домогалась заменить целый сераль, но умножать число пленниц не свойственно моим чувствам. Я думала, что тебе это известно; по крайней мере теперь, выяснив все, догадаешься и сам, что предложение твое смешно до крайности. Как? Мне жертвовать новою склонностию для того только, чтоб заняться тобою; чтоб томиться в ожидании высоких благосклонностей султанского твоего величества, да и то — в свою очередь — с покорностию униженной невольницы; чтоб ты, вздумав, например, освободиться на одну минуту от *неизвестных восторгов*, доставляемых тебе *беспримерною, единственною Турвель* или опасаясь хлопот от *приманчивой Сесилии*, вперя ей высокие о себе мысли, и, низсходя до меня, стал искать удовольствий не столь пленительных, но и не опасных; и чтоб сими редкими ласками составлял все мое благополучие!

Вижу по всему, что ты много о себе думаешь, но я и сама не уступаю тебе, и при всей своей скромности должна тебе сказать, что зеркало мое не позволяет еще мне опускаться до такой крайности. Может быть, я и не права; знай, однако ж, что слабостей этих у меня много.

Главнейшая же из них следующая: я преуверена, что *школьник, селадоноватый* Дансени, занявшись единственно мною, жертвуя мне без всякого тщеславия первою и неудовлетворенною еще страстию и любя меня так, как любят в его лета, может с большею деятельностью, нежели ты, хотя ему и двадцатый год, трудиться над моим благополучием и удовольствием. К сему смею при-совокупить то, что если б и вздумала я придать ему помощника, то, верно, не тебя, по крайней мере на этот раз.

Какие же имеешь на то причины, спросишь ты меня? Во-первых, может быть, и никаких, потому что прихоть, предпочитающая тебя, может равно тебя и исключить. Однако ж, из учтивости соглашаюсь оправдать свои доводы. Пожертвование сие было бы для тебя слишком велико, и вместо признательности, которой не преминешь ожидать от меня, кажется, я сама в состоянии потребовать от тебя благодарности. Ты видишь, что, разбившись во мне, трудно уже нам сойтись, а я долго не переменю своих мыслей!.. Обещаю, однако ж, уведомить тебя, коль скоро образумлюсь. До тех же пор, поверь мне, ищи других сделок и побереги свои поцелуи; найдешь и без меня, кому их раздать!..

Прощай по-прежнему, говоришь ты? Но прежде, кажется, ты имел ко мне больше уважения и не смел ставить меня в третьи роли. Впрочем, надлежало бы сперва испросить, а потом уже полагаться на мое согласие. Итак, не удивляйся, если вместо *прощай по-прежнему* скажу — остаюсь теперь с почтением
ваша и пр.

Из замка ***, 31 октября 17...

ПИСЬМО CXXVIII

Президентша де Турвель к госпоже де Розмонд

вчера только, благотельница моя, получила я поздний ваш ответ. Он убил бы меня на месте, если б я властна была в своем существовании; но другой уже — господин де Вальмон располагает им. Вы видите, что я ничего не скрываю от вас, и хотя бы вы почли меня недостойною вашей дружбы, но обмануть вас и тогда не посмела бы. Итак, должно вам сказать, что, будучи доведена Вальмоном до необходимости определить ему смерть или составить его благополучие, решилась на последнее. Я не тщеславлюсь этим и не виню себя, а говорю то, что было.

Посудите же, какое впечатление должно произвести во мне письмо ваше и строгие истины, в нем заключающиеся! Не думайте, однако, чтобы оно привело меня в раскаяние и чтоб когда-нибудь переменяло мои чувства и поступки. Не от того, чтобы я не чувствовала жестоких минут; но когда сердце мое бывает раздираемо лютейшим образом, когда даже не надеюсь перенести сих терзаний — мысль, что Вальмон счастлив, мгновенно все рассеивает, или, лучше сказать, все превращает в восторг и удовольствие.

Вы видите, что для племянника вашего всем я пожертвовала — погубила себя. Он-то, занимая теперь все мои мысли, все мои чувства, сделался предметом всех желаний и деяний моих; и поверьте, доколе жизнь моя будет необходима для его благополучия, я не престану торжествовать и почитать ее блаженною; если бы и стал он со временем мыслить иначе, то и тогда не услышит от меня ни жалоб, ни укоризн. Я осмелилась уже предвидеть гибельную эту минуту и взяла свои меры.

Следственно, вы видите также, что меня нимало не устраивает опасность, столь вас тревожащая — быть некогда оставленной от Вальмона: прежде, нежели он так поступит, должен, без сомнения, перестать меня любить; к чему ж послужат тогда укоризны? Пусть сам он будет моим судьей. Живя для него одного, хочу, чтобы и память моя в нем сокрылась; и если он не посмеет отречься, что я любила его, то я вполне оправдана.

Сердце мое открыто вам теперь, милостивая благодетельница моя. Чистосердечие мое может лишить меня вашей любви и уважения, но ложь никогда не заставит сделаться недостойною оных. Доверия сего требуют прежние ваши ко мне милости; продолжения же оных собственное сознание запрещает надеяться.

Имею честь быть с истинным почитанием и таковою же преданностию.
Милостивая государыня, ваша и пр....

Париж, 1 ноября 17...

ПИСЬМО СХХІХ

Виконт де Вальмон к маркизе де Мертей

кажите, милый мой друг, что причиною колкостей и насмешек, коими наполнено последнее ваше письмо? Чем мог я провиниться пред вами, без всякого, впрочем, намерения навлечь на себя гнев ваш? Вы даете знать, что я, не испрашивая вашего согласия, считал уже его верным; но мне кажется, самонадеяние это могло удивить вас в постороннем только человеке, а между вами и мною должно быть принято за доверие; давно ли чувство это стало вредить дружбе или любви? Совокупляя надежду с желанием, повиновался я естественному побуждению, влекущему нас к предполагаемому благополучию и по возможности сближающему с оным; и вы радушие мое почитаете тщеславием? Знаю, что в подобном случае потребно почтительное сомнение; но вы также знаете, что это простой только обряд, которого отнюдь не следовало мне придерживаться, особливо с вами.

Я того даже мнения, что вольное и откровенное обхождение, основанное на старой связи, должно быть предпочтено бестолковой лести, всегда почти приторной для любви. Разность, которую я нахожу в сем, происходит, может быть, от сравнения с напоминаемым мне благополучием; а потому, для меня очень прискорбно было бы видеть, что вы иначе теперь судите.

В этом, однако ж, заключается весь мой проступок. Я не думаю, чтобы вы могли помыслить даже, чтоб я в состоянии был предпочесть вам какую-нибудь женщину, а тем менее ценить вас так худо, как вы хотите уверить меня. По сему же поводу дали вы мне заметить, что зеркало ваше не позволяет вам опускаться до такой крайности. Поверю; но что это доказывает? — что зеркало ваше справедливо. Почему ж бы и вам не быть с п р а в е д л и в о ю и не заключить после этого, что я не могу быть подлым до такой степени?

За всем тем странный ваш отзыв все еще остается для меня непонятным. Быть может, похвала, изъявленная мною посторонним женщинам, ввела вас в досаду. По крайней мере, так должно судить по замеченным вами словам: *беспримерной, единственной, приманчивой*, которые употребил я, говоря о госпоже де Турвель и об малютке Воланж. Но разве вы не знаете, что слова сии, по большей части употребляемые без размышления, не означая уважения к тому, о ком говорим, служат более к изъяснению описываемого положения?

Желать вас в самом даже восторге, произведенном одною из них — предпочитать вас обоим, потому что, как вам известно, нельзя мне возобновить прежней нашей связи, не погубив их, — ужели значит теперь в глазах ваших подавать повод укоризнам?

Не более потребно труда оправдаться и за *неизвестные восторги*, по-видимому, огорчившие вас: неизвестное не может еще очаровать; да и кто отважится сравняться с вами в восхитительных удовольствиях, которые вы одни умеете делать всегда новыми и всегда пылкими? Следственно, чрез слово «неизвестные» разумел я, что с посторонними только не ощущал я их, и для того тотчас сказал, как и теперь повторяю, что какого бы рода они ни были, я превозмогу и разрушу их. Рвение мое усугубилось бы еще более, если б я мог знать, что слабый сей труд будет для вас приятен.

В рассуждении же вашей Сесилии, кажется, нет надобности и говорить. Вы не позабыли, я думаю, что по настоящему только требованию вашему взялся я за эту малютку, а потому и ожидаю теперь ваших приказаний, дабы ее отпустить. Правда, по молодости и чистосердечию ее я мог, не обдумав, назвать ее *приманчивою*, потому что всяк больше или меньше любит свои труды; но вы сами знаете, что в ней нет никакого угоды, заслуживающего привязанность.

Итак, милая маркиза, ссылаясь на собственную вашу справедливость, на прежние ваши милости ко мне, на долговременную и искреннюю дружбу, на совершенную доверенность и откровенность, утвердившую с тех пор связь нашу, спрашиваю вас: заслуживал ли я, чтобы вы так сурово со мною обходились? Но вам легко успокоить и наградить меня, когда ни вздумаете! Скажите хотя одно слово, и вы увидите, в состоянии ли все прелести и приманы удерживать меня здесь не только на одни сутки, но и на одну минуту! Тогда, у ног, в объятиях ваших стократно и всячески докажу вам, что вы одни были и будете владычицею моего сердца.

Прощайте, милый мой друг, и верьте, что ответа вашего буду ожидать с крайним нетерпением.

Париж, 3 ноября 17...

ПИСЬМО СХХХ

Госпожа де Розмонд к президентше де Турвель

тчего же, милая, не хочешь ты называться более моею дочерью — и, сколько я замечаю, готова даже прервать со мною переписку свою? Неужели хочешь наказать меня за то, что я не предузнала несбыточного почти дела? Или же думаешь, что с намерением огорчила тебя? Нет, сердце твое довольно мне известно, и оно не в состоянии делать обо мне подобных заключений; при всем том письмо твое тронуло меня до чрезвычайности.

Друг мой! с прискорбием должна тебе сказать, что ты достойна и предостойна быть любимой, но потому именно и не можешь найти благополучия своего в любви; да и которая женщина, совершенно нежная и чувствительная, не обрела злейших напастей в сем самом чувствии, обещавшем одни наслаждения? Умеют ли мужчины ценить женщину, во власть их впавшую?

Знаю, что некоторые из них обходительны, честны и постоянны в любви; но и между ними немногие только умеют быть в ладах с нашим сердцем! Не верь, милая, что любовь их может равняться с нашею любовью. Правда, и они чувствуют то же упоение, иногда больше даже оказывают пылкости, нежели мы, но им неизвестны беспокойство и заботливость наши, порождающие нежное и неусыпное очарование, единственно стремящиеся к любимому предмету. Мужчина наслаждается ощущаемым благополучием; женщина же — только тем, которое доставляет сама. Различие сие, столь существенное и столь мало замечаемое, действует ощутительным образом на общность их поступков. Удовольствие одного состоит в удовлетворении желаний; удовольствие другой наиболее заключается в их порождении. Нравиться — для него есть средство к успеху; для нее же — настоящий успех. Самое даже кокетство, за которое так порицают женщин и происходящее оттого, что обращают во зло навек сих чувств, доказывает уже существование оных. Наконец, исключительная наклонность, по коей наиболее познается любовь — в мужчине есть одно предпочтение, служащее много что для умножения такого удовольствия, которое другой предмет мог бы только ослабить, но не истребить; в женщине, напротив того, даже наклонность превращается в коренное чувствование, не только подавляющее всякое постороннее желание, но пересиливающее и саму природу — оказанием отвращения и омерзения к самим даже успехам.

Я не думаю, чтобы ты стала опровергать некоторыми исключениями, хотя бы и неизвестными, не о с п о р и м ы е с и и с т и н ы, подтвержденные всеобщим мнением, которое для одних только мужчин различает неверность от непостоянства; различие сие употребляют они в свою пользу, с некоторым

даже тщеславием; в нашем же быту, напротив того, заимствуются оным одни развращенные женщины, делающие стыд нашему полу и находящие выгодными для себя все средства, спасающие их от явного посрамления.

Вот правила, по мнению моему, следующие противоположить мечтательному суждению о совершенном блаженстве, коим любовь вечно обольщает воображение наше. Обманчивая надежда, увлекающая нас даже и тогда, когда лишаемся всего, чем раздражаем и умножаем только неразлучные с пылкою страстию огорчения. Итак, облегчать страдания твои и уменьшать число оных есть единственная моя обязанность, и я охотно берусь ее исполнять. В отчаянных болезнях все советы клонятся к тому, чтобы не давать усиливаться злу, и для того прошу тебя не принимать сожаления за нареkanie. Ах! Нам ли осуждать друг друга? Сердцевидец один может судить нас, и я не отчаиваюсь, чтоб по благости своей не простил Он мгновенной слабости за толикие добродетели.

Но, ради бога, оставь насильственные намерения, доказывающие не твердость духа, но совершенное уныние, и не забудь, что, позволив другому располагать твоим существованием, я говорю твоими словами, верно, не могла ты лишиться старых своих друзей уступленного им участка, коего всегда они будут требовать обратно.

Прощай, любезная дочь; не забывай своей матери и верь, что она никогда не удаляла и не удалит тебя от своего сердца.

Из замка ***, 4 ноября 17...

ПИСЬМО СXXXI

Маркиза де Мертей к виконту де Вальмону

азве так, Вальмон! И потому я начинаю быть тобою довольнее; станем, однако ж, говорить по-дружески; я надеюсь удостоверить тебя, что предложение твое, по-видимому столь тебя пленившее, есть самая глупая затея в отношении нас обоих.

Неужели не заметил ты и по сие время, что удовольствие, служащее, впрочем, единственным побуждением к соединению двух полов, недостаточно еще для составления между ними связи, и что если и предшествуют ему сближающие желания, то за оными следует всегда отвращающее омерзение? Закон сей природы одна только любовь может переменить, но любовью нельзя повелевать по прихотям! Правда, нельзя также обойтись

и без нее, и это многих расстроило бы, если б, по счастью, не заметили, что довольно, когда и одна половина бывает влюблена; в самом деле, один наслаждается благополучием любить, другой — желанием нравиться, не так, признаться, пылким, но смешанным с удовольствием обманывать, что и составляет равновесие, а с ним все идет на лад.

Кто же из нас двоих, скажи сам, виконт, пустится обманывать друг друга? Ты помнишь, я думаю, встречу двух нарядных плутов по игре: после первой сдачи оба вскричали: «Нечего, видно, взять — не лучше ли заплатить за карты пополам!», — и, не окончив партии, встали. Поверь мне, последуем благо-разумному сему примеру и, не убивая времени вместе, станем — порознь — употреблять его в свою пользу.

А чтобы доказать тебе, что все это делаю я не по досаде и не по прихотям, но для общей нашей выгоды, то и теперь не отрекаюсь от постановленной мною награды. Знаю и чувствую, что для одного вечера обоих нас станет, и не сомневаю даже, чтоб мы не умели расстаться с сожалением; но не забудь, что сожаление и тому подобные призраки без взаимного благополучия не могут продолжаться.

Ты видишь, что и я не дорожу собой, при всей неустойке с твоей стороны: помнится, прежде всего надлежало предъявить сознание в сдаче этой примерный в постоянстве женщины; однако — потому ли, что ты заражен ею и теперь, или оттого, что забыл условия сделки нашей, о которой меньше, может быть, думаешь, нежели уверяешь меня, — я ничего еще не получила; нежная же твоя богомолка, если не ошибаюсь, много должна писать; и что будет она делать, оставшись одна? Для рассеянности в ней неостанет ума. Ты сам видишь, что я имела бы редкий случай попенять тебе; но я и это пропускаю мимо в замену излишних, может быть, колкостей, помещенных в последнем моем письме.

Итак, виконт, одна только остается до тебя просьба, до обоих нас, впрочем, касающаяся: повременить *минутою*, для меня столь же приятною, как и для тебя, и отложить ее, если веришь мне, до возвращения моего в город. Здесь не можем иметь нужной свободы, и я подвергаю себя некоторым опасностям: малейшая ревность опять привяжет ко мне скучного Бельроша, который уже держится на ниточке. Он начинает и сам надрываться, убеждая меня в своей любви; я же, со своей стороны, обременяя его ласками, употребляю столько же лукавства, сколько и благоразумия. Ты видишь сам, что пожертвование это было бы для тебя очень неважно; взаимная неверность придаст новые прелести свиданию нашему! Не правда ли?

Знаешь ли, что мне иногда и самой жаль, что мы довели себя до такой крайности — то есть выдумывать средства для обольщения. В то время, когда мы любили друг друга (интригу нашу смело, кажется, можно назвать любовью), я была счастлива; а ты, виконт!.. Но к чему заниматься прошедшим благополучием? Точно так, что бы ты ни говорил — оно невосвратно. Во-первых, потому что я стала бы требовать таких жертвований, которых ты не можешь

сделать и которых, может быть, я уже и не стою; а во-вторых... кто остепенит тебя? Нет, не хочу даже и заниматься мыслью этою! И сколь в сии минуты ни приятно для меня писать к тебе, скорей, однако ж, соглашусь бросить тебя, не-жели... Прощай, виконт.

Из замка ***, 6 ноября 17...

ПИСЬМО СXXXII

Президентша де Турвель к госпоже де Розмонд

увствуя, милостивая государыня, всю цену вашим ко мне благодеяниям, охотно бы предалась им, если б не воздерживал меня страх нанести вам стыд, согласясь на ваши предложения. Почему, однако ж, несчастье мое велит мне знать всю выгоду оных и в то же самое время заставляет видеть, что я уже недостойна их? Невзирая на то, благодарность моя будет бесконечна, и я никогда не престану восхищаться снисхождением добродетели, постигающей слабости наши для единого соболезнования о них и коей могущественное очарование столь сильно и столь приятно властвует над сердцем даже и при очарованиях любви!

Но могу ли я еще быть удостоена дружбой вашей, хотя и не наполняющей благополучия моего? То же самое разумею и о советах ваших: чувствую всю важность оных и не могу им следовать. Мне ли не верить совершенному благополучию, когда я вполне ощущаю его теперь? Так, если мужчины таковы, как вы говорите, то должно их убегать — они ненавистны! Но и тогда Вальмон нимало не будет на них походить! Если, подобно им, и в нем есть порывы страстей, которые вы называете пылкостью, то какую чрезмерною нежностью не заменяет он их! Благодетельница моя! Вы намерены делить со мною горести, так порадитесь моему благополучию, коим я обязана любви! Что же сказать о виновнике оной? Вы любите племянника вашего и, может быть, говорите слепо? О! Если б вы знали его так, как знаю я! Я люблю его до безумия, и все же не столько еще, как он того заслуживает. Конечно, он мог быть вовлечен в некоторые заблуждения, в чем и сам он признается; кто же, однако, более его знал когда-либо истинную любовь? Довольно сказать, что он чувствует все то, что внушает.

Не воображайте, чтобы это была одна из тех химерических мыслей, которыми любовь обыкновенно обольщает воображение наше; он не был бы так нежен, так заботлив, получив все; признаться, сначала и я находила в нем некоторый

в и д замыслов и осторожности, который почти не оставлял его и против воли моей обращал меня к ложным и жестоким напоминовениям о нем, во мне оставленным. Но с тех пор, как он начал беспрепятственно предаваться движениям своего сердца, кажется, все мысли и желания мои отгадывает. Кто знает, может быть, мы и родились друг для друга! Может быть, мне предоставлено было составить его благополучие! Если же все это один призрак, то лучше умереть, чем видеть вероломную его рассеянность! Но нет, я хочу жить, дабы пленяться им, обожать его. Почему перестанет он любить меня? Кого из женщин сделает он счастливее меня? Я чувствую по себе, что доставляемое благополучие есть сильнейший, единственный узел, составляющий истинную привязанность. Да, сие-то восхитительное чувство придает любви благородство — так сказать, очищает его и делает по справедливости достойным нежного и великодушного сердца, каково вальмоново.

Прощайте, милая, почтенная, снисходительная приятельница! Все усилия мои продлить это письмо были бы бесполезны: назначенный им час свидания настает, и все прочие мысли бегут от меня. Простите! Но вы сами желаете моего благополучия, а оно столь велико теперь, что меня едва достает для его ощущения.

Париж, 7 ноября 17...

ПИСЬМО СXXXIII

Виконт де Вальмон к маркизе де Мертей

Какие это, милая маркиза, жертвы, которых, по вашему мнению, не могу я совершить и награда коих состоит в том, чтобы сделать вам угодное? Укажите только, и если я замедлю приношением оных, то обещаю отречься добровольно от возмездия. Ах! Как вы меня цените с некоторого времени! И при самой даже снисходительности вашей сомневаетесь если не в чувствах моих, то в действительности оных? *Жертвы, коих я не захочу или не могу сделать!* Так вы думаете, что я влюблен, закабален и что цену, которую полагал я в успехе, полагаю в самом предмете? Благодаря судьбе, я не доведен еще до такой крайности и охотно берусь убедить вас в этом. Да, я вам это докажу, хотя бы то было и насчет госпожи Турвель, и надеюсь, что после этого вы оставите все свои подозрения.

Кажется, не теряя своей славы, можно было мне уделить сколько времени такой женщине, которая заслуживала сего и потому уже, что подобных мало

встречаем. Статься также может, что и засуха, в которую интрига эта началась, заставляет меня пускаться вдаль, да и теперь даже, когда п р и л в едва начинает быть приметен, неудивительно, если она же занимает меня — почти все-го. Вспомните, однако, что нет еще и восьми дней, как я наслаждаюсь плодами трехмесячных трудов. Сколько раз придерживался я и гораздо долее, нежели теперь, тех, которые не смели даже и равняться с нею, да и труда такого же стоили мне!.. Вы, однако ж, не делали тогда никаких замечаний против меня.

Сверх того, хотите ли знать истинную причину заботливости моей в рассуждении удержания сей связи? Вот она: женщина эта с природы боязлива; в самом начале беспрестанно сомневалась она о своем благополучии, и сия недоверчивость достаточна была для возмущения оно-го, так что едва ли еще могу заметить, до какой степени простирается могущество мое в сем случае. Любопытство мое заставляет меня, однако ж, узнать и это; а случай не так-то легко представляется, как думают, и вот почему.

Для многих женщин удовольствие есть только что удовольствие, и не более; при них, каким бы титулом ни величали нашу братию, все-таки остаемся *факторами*, обыкновенными *комиссионерами*, деятельность коих составляет все их достоинство — и тот из них лучше делает, кто делает больше!

В другом кругу, может быть, в наши времена и многочисленном, знаменитость — громкость любовника, удовольствие похитить его у соперницы, опасение, чтоб и от нее также не похитили, занимают у женщин сих почти все их способности; и мы, кто больше, кто меньше, участвуем только в таком благополучии, коим они наслаждаются; но обстоятельства, а не лицо доставляют его. Оно приходит им чрез нас, а не от нас.

Итак, надлежало для наблюдений моих найти женщину нежную и чувствительную, которая все свое занятие заключала бы в любви, да и в самой любви видела бы только своего любовника; коей волнение, не следуя путем обыкновенным, истекало бы из сердца — для достижения чувств; какую я видел (например, в первый день) пораженную унынием, выходя из удовольствия, и, мину-ту спустя, пришедшую в восторг от единого слова, соответствовавшего ее душе. Наконец, надлежало, чтобы она присоединила также и природное простосердечие, сделавшееся непреодолимою привычкою и не позволяющее ей скрывать и самонаималейшего сердечного чувства. Признайтесь, что подобные женщины очень редки; и я сам должен сказать, что, не узнав госпожи Турвель, может быть, никогда не встретил бы другой.

Следственно и неудивительно, если б она остепенила меня долее прочих; и когда испытание, которое намереваюсь делать над нею, требует, чтоб я сделал ее счастливою, совершенно счастливою, то мне ли должно отвергать собственную пользу? Ужели станете утверждать, что где ум занять, там и сердце рабствует? Нет, конечно нет; и потому-то, как ни л е с т н а эта интрига, я не стану отказываться от других и пожертвую ею, если встретиться и еще приятнейшая.

Я так свободен, что не отстаю даже и от малютки Воланж, к которой едва ли имею привязанность. Мать ее через три дня везет ее в город; а я вчера еще

обеспечил свою коммуникацию: все уладили червонца с два швейцару да кое-что горничной. Скажите, для чего Дансени не мог прибегнуть к простому сему средству? Все, однако, утверждают, что любовь придает ума; а мне кажется, что она отнимает и последний. И чтоб я не умел противоборствовать ей! Ах! Будьте спокойны. Теперь же начну ослаблять дележом впечатление, слишком, может быть, стремительное, но во мне произведенное; и если простой дележ будет недостаточен, я прибавлю делителей.

Невзирая на то, по первому вашему слову найдете меня готовым передать невинную пансионерку скромному ее любовнику. Кажется, не для чего вам и препятствовать ему; с моей стороны, важная сия услуга охотно будет сделана бедному Дансени. Правда, он и сам много для меня делал, так чем-нибудь да надобно поплатиться! Теперь одно только мучит его — неизвестность, п о з в о л и т ли ему госпожа де Воланж иметь к ней вход; я всячески стараюсь успокоить его, уверяя, что поставлю на своем и что при первой встрече будет он счастлив; между тем переписка их идет через меня. Шесть писем получил уже я от него, а до приезда *Сесилии своей*, верно, добьет и до дюжины; как видно, он ничем не занят!

Но оставим ребятишек этих и поговорим о приятной надежде, которую возродило во мне письмо ваше. Да, вы меня удержите, остепените, и я никогда не прощу вам, если вы в том сомневаетесь. Разве постоянство мое изменяло вам когда-нибудь? Связь наша растягивалась, но не прерывалась; мнимый разрыв наш был заблуждением нашего воображения: чувствования, выгоды наши всегда оставались слитыми. Подобно путешественнику, возвращающемуся с рассеянием призраков, признаюсь и я, что, оставив благополучие, гонялся за надеждою, и скажу с д'Аркуром:

Чем боле иноземцев видел,
Тем боле родины пленялся...
Беллуа в трагедии «Осада Кале»¹

Так перестаньте сопротивляться мыслям, или, лучше сказать, чувствованиям, обращающим вас ко мне; испытай все удовольствия в разнообразных ваших поисках, пора нам почувствовать, что никакое благополучие не может сравняться с тем, которое мы ощущали и с новым восхищением будем ощущать!

Прощай, милый друг! Я соглашаюсь дожидаться вашего возвращения; поспешите, однако ж, и не забудьте, сколь нетерпеливо желаю видеть вас.

Преданный и пр.

Париж, 8 ноября 17...

¹ «Осада Кале» — трагедия французского драматурга и актера Пьера Лорана Бюиретта де Беллуа (1727–1775); *граф д'Аркур* — один из персонажей этой трагедии, историческое лицо, изгнанный из Франции и сражавшийся против своей родины на стороне англичан (*примеч. ред.*).

ПИСЬМО СXXXIV

Маркиза де Мертей к виконту де Вальмону

о чести, виконт, ты точно так поступаешь, как дети, которым нельзя ничего ни сказать, ни показать, чтобы не вцепились тотчас и не стали просить! Не успела я выговорить ничего не значившей мысли своей, которою, тогда же сказала тебе, что не хочу заниматься, а ты уже и схватился за нее и всячески стараешься обратить внимание мое на легкомысленные твои виды! Неужели великодушие твое допустит взвалить на меня одну всю тягость благоразумия? Я повторяю тебе, чаще же всего себе, что сделку твою никак нельзя принять; да если бы истощил ты и все то великодушие, которое оказываешь мне теперь, то неужели думаешь, что щекотливость моя позволит согласиться на пожертвования, вредные твоему благополучию?

Притом же, рассмотри сам, как ты обманываешься в чувствах, увлекающих тебя к госпоже де Турвель. Любовь, сударь, любовь привязывает тебя к ней, или же — нет ее на свете! Ты опровергаешь это раз сто, а доказываешь раз тысячу. Например: что значит увертка твоя (со мною ты всегда говорил искренно), около которой вьешься и, ссылаясь на какие-то наблюдения, не умеешь ни скрыть, ни победить желания удержать эту женщину? Не скажут ли, что ты никого из них не делал счастливой, совершенно счастливой? Какая у тебя слабая память, если ты сомневаешься в том! Но нет! Это совсем не то. Что ни говори, сердце твое ослепляет ум твой и довольствуется плохими доводами; признайся, что меня столь же трудно обмануть, как и удовлетворить.

Таким-то образом разанатомив и самую твою вежливость, заставляющую тебя избегать всех слов, которые, по мнению твоему, мне не нравятся, заметила я, что ты, может быть и по неосторожности, придержишься прежнего мнения. В самом деле, не видно уже достойной обожания ангельской Турвель; но мелькает *женщина удивительная, нежная, чувствительная*, так, что все прочие не смеют и показаться; словом, *женщина редкая, какой не бывает другой*. То же самое разумею я и о неизвестном очаровании, впрочем, *нимало не опасном*. Положим, так; но когда до сего времени ты ни с кем не чувствовал его, то легко может быть, что и впредь не будешь чувствовать; следственно, потеря была бы невозвратная. Если это не признаки любви, то нигде уже не найдешь других, да и искать их был бы бесполезный труд.

Поверь мне, виконт, что теперь говорю я с тобою без всякой досады. Я навсегда отрекаюсь от нее, видя, что она расставляет опасные сети. Положись на меня: останемся друзьями — вдаль нечего затевать! — и поблагодари хотя за то, что имею еще дух защищаться. Так точно; он нужен и для того даже, чтобы уметь рассмотреть и отвергнуть невыгодную партию.

Для убеждения тебя только неоспоримыми доводами в своем мнении, намерена я отвечать на вопрос твой о пожертвованиях, которых я непременно буду требовать и которых ты, конечно, не в силах сделать. Я нарочно употребила слово «требовать», потому что, наверное, через минуту найдешь меня слишком взыскательною: но тем лучше! И я не только не стану досадовать на твои отказы, но еще и благодарить буду. Ты знаешь, что с тобою не хочу я приотворяться, да может быть, и не для чего!

Итак, я потребу — не варварство ли это? — чтоб редкая, удивительная эта госпожа Турвель была для тебя обыкновенною женщиною, такою, какова она есть: к чему обманывать себя? Прелесть и очарование, которые предполагаем в других, находятся в нас, и одна любовь только украшает любимый предмет. Требование сие, сколь, впрочем, ни невозможное, может быть, приневолив себя, ты и пообещаешь, поклянешься даже исполнить; но, признаюсь, я не поверю пустым словам и буду делать свои заключения, соображая все твои поступки.

Постой, однако ж; я не все еще сказала. Пожертвование Сесилиею, которое столь охотно предлагаешь ты мне, отнюдь мне не нужно. Напротив того, я требую, чтобы ты продолжал тягостную эту службу впредь до новых приказаний; потому ли, что люблю употреблять во зло свою власть, или же потому, что я снисходительна и справедлива, но я хочу располагать т в о и м и чувствами, а до утех твоих мне нет нужды. Словом, хочу, чтобы мне повиновались, и повеления мои будут очень строги!

Тогда, признаюсь, почту себя обязанною быть тебе благодарной; и кто знает? Может быть, и наградить... Например, сократить отсутствие, когда оно сделается для меня несносным. Увидеться наконец с тобою, виконт, и увидеться... как кто?.. Но ты, я думаю, помнишь, что это одно предположение, несбыточное уже, которое, однако ж, хотелось мне предать забвению — одной...

Знаешь ли, что тяжebное дело мое пошло на завязку? Подробности были мне до сего времени неизвестны; я вникла во все тонкости: стряпчие ссылаются, правда, на законы, но, признаться тебе, я не вижу, чтобы вся справедливость была на моей стороне, и теперь начинаю даже жалеть, что отказалась от мировой. Вспомнив, однако ж, что поверенный ловок, стряпчий писака, просительница недурна — успокаиваюсь. Если и тройное сие правило не действует, то должно будет дать иной ход всему почти делу, но куда ж денем уважение к стародавним обычаям?

Только эта тяжба меня здесь и удерживает; бельрошева кончилась: в усадьбе отказано без взыску за пожилое. Он жалеет уже о сегодняшнем бале — настоящее сожаление праздности! Отпуск свой получит он по возвращении моем в город. Я решилась и на сие тягостное пожертвование, которое приписывает он великодушию моему, и это утешает меня.

Прощай, виконт; пиши ко мне почаще: описание твоих забав разгонит, хотя отчасти, несносную скуку, которая здесь убивает меня.

Из замка ***, 11 ноября 17...

ПИСЬМО CXXXV

Президентша де Турвель к госпоже де Розмонд

ринимаясь писать к вам, милостивая благодетельница, не знаю и сама, достанет ли у меня столько сил. Последнее письмо, давно ли это было! Излишество благополучия препятствовало мне окончить! Теперь же все бедствия отчаяния лишают меня сил для изображения, но не для ощущения оных!

Вальмон!.. Вальмон не любит уже меня, и никогда не любил. Любовь так не поступает! Он обманывает меня, изменяет мне, разогорчает меня! Все прискорбия несчастий и посрамления чувствую попеременно, и все от него.

Не подумайте, чтобы это было обыкновенное подозрение: я не могла ничего предполагать; теперь и самое сомнение исчезает. Сама видела его: что же еще может сказать он в оправдание свое?.. Но он и не беспокоится, быть может... Несчастливая! К чему послужат укоризны — слезы твои? Тобой ли занимается он теперь?

Он пожертвовал мною, выставил меня даже на поругание... и кому же?.. подлой твари... Но что говорю? Я потеряла и само право гнушаться ею. Она не настолько изменила обязанностям своим, не настолько виновата, как я! Бедствия, сопровождаемые угрызениями совести, тягостны, несносны! Терзания мои усиливаются час от часу... Простите, любезный друг! При всем том, что я недостойна вашего сострадания, вы, верно, пожалели бы обо мне, если б могли иметь понятие о всех моих страданиях!

Перечитав свое письмо, увидела я, что оно ничего не может объяснить вам; итак, укрепившись, постараюсь рассказать горестное это приключение. Это было вчера; я располагалась, в первый еще раз после моего приезда, ужинать в гостях; Вальмон завернул ко мне в пять часов: никогда не видала я его столь нежным! Тут он дал мне заметить, что мой выезд его расстраивал. Вы поверите, что я не стала упрячиться и осталась дома. Спустя, однако ж, два часа после того вид, голос и обращение его чувствительно переменились. Сказала ли ему что-нибудь противное или нет, право, не помню; но в ту же минуту он начал мне говорить о каком-то деле, за коим надобно было ехать, и тотчас поспекал, простившись, однако, со мною с крайним сожалением, которое почитала я тогда и нежным, и искренним.

Успокоившись, я сочла, что благопристойность т р е б о в а л а сдерживать свое слово; итак, окончив свой туалет, села в карету и поехала. К несчастью, кучер мой поехал мимо театра и попал в самую свалку во время разъезда; в четырех шагах от меня, в другом ряду, узнала я вальмонову карету. Тут сердце мое сильно начало биться — но не от испугу, — и мне всячески хотелось

поравняться с ним. Вместо того карета его подалась назад и стала рядом с моею. Я тотчас высунулась; и в какое же приведена была изумление, увидев сидевшую с ним девку, известную всему городу! Казалось, довольно уже было терзаний для чувствительного моего сердца; опустившись на свое место, сидела я, как приговоренная к смерти, но принуждена была вытерпеть новую и несноснейшую на свете обиду! Поверите ли? Эта самая мерзавка, пользующаяся, как видно, полною его доверенностию, вцепившись за дверцы, не переставала смеяться мне под нос и во все горло — так, что все, я думаю, обратились на нас!

В сем-то расстроенном положении привезли меня в тот дом, где я располагалась ужинать; но не было возможности остаться там; я чувствовала, что со мною делается дурнота и что не в силах буду удержать слез.

Возвратясь домой, отписала я к господину де Вальмону и тотчас отправила к нему письмо; его не было дома. Желая, однако, выйти из смертельного сего положения, или, удостоверившись, решиться навсегда, опять послала к нему человека своего, приказав дожидаться; часу в двенадцатом посланный пришел с донесением, что кучер, возвратясь с каретою, сказывал, что хозяин не ночует дома. Итак, поутру не оставалось уже мне иного делать, как истребовать от него назад свои письма — просить его, чтоб он забыл и самый дом мой. В самом деле я отдала приказ этот швейцару, как видно, однако без толку. Двенадцатый час уже в исходе, но ни сам он не бывал, ни записки не присылал.

Вот — развязка несчастного моего приключения. Вам известно мое сердце... Судите же, оно должно мучиться! Теперь все мое утешение в том только состоит, что недолго буду беспокоить чувствительную вашу дружбу.

Париж, 15 ноября 17...

ПИСЬМО СXXXVI

Президентша де Турвель к виконту де Вальмону

уверена, государь мой, что после вчерашнего приключения вы не ожидаете и, конечно, не желаете, чтоб я захотела принять вас к себе; следственно, и записку эту посылаю к вам не для того только, чтобы вы оставили меня, но чтоб прежде всего возвратили те письма, которые никогда не должны существовать; они могли занять вас на мгновение, представляя доказательство порожденного вами ослепления; но теперь, по рассеянии оно, уверения сии истребленного вами чувства вовсе для вас не нужны.

*...и в какое же приведена была изумление,
увидев сидевшую с ним девку, известную всему городу!*

Видю и признаюсь, что я совершенно виновата, положившись на такого человека, который и до меня еще любовался одним умножением своих жертв; но я никогда не ожидала, чтоб вы могли отдать меня на поругание. Жертвуя всем и лишаясь для вас лучших своих прав — почтения посторонних, — я думала, что вы не станете меня судить строже самой публики, которая в мнении своем поставляет чрезвычайное пространство между женщиною слабою и женщиною развратною. О сих-то слабостях, всем почти свойственных, только и намерена напомнить вам. Об оскорблениях любви я умалчиваю — сердце ваше не поняло бы моего сердца. Прощайте, государь мой!

Париж, 15 ноября 17...

ПИСЬМО СXXXVII

Виконт де Вальмон к президентше де Турвель

ейчас только вручили мне письмо ваше, милостивая государыня; я не мог читать его без содрогания; оно лишило меня всех способностей, так что и теперь едва ли могу отвечать на оное. Что, однако ж, поселило в вас столь ужасные обо мне мысли? Конечно, я виноват, и во всю жизнь не прошу себе проступка своего, хотя бы вы и ослабили его снисхождением вашим; но чтоб я мог осмеять, обругать вас, когда почтение мое равняется с любовью моею к вам! Когда познал я благородную гордость с той только минуты, когда вы нашли меня достойным вашей любви!

Нет, нет, **н а р у ж н о с т ь** ослепляет вас! Правда, она была против меня; но ужели сердце ваше не нашло, чем опровергнуть ее? Неужели мысль, что оно может сетовать на меня, не возмутило его? Нет, вы поверили ему, и не только сочли, что я в состоянии сделать жестокое злодеяние сие, но и не убоились обвинить во всем благосклонностей ваших ко мне. Ах! Если вы думаете, что любовь довела вас до такого посрамления, то сколь подлым должен я уже казаться в глазах ваших?

Ощущаемые мною терзания отъемлют и самую возможность опровергать такую мысль, которую належит истребить. Желал бы во всем признаться, но одно уважение воздерживает еще меня. Неужели должно приводить на память происшествия, которые никогда не должны бы существовать; обратить ваше и мое внимание на минутное заблуждение, которое желал бы я загладить самую даже жизнь; заблуждение, коего хотя и постигаю причину, вижу, однако ж, что оно, покрыв меня вечным стыдом, конечно, ввергнет в отчаяние?

Ах! Если признание сие возбудит в вас гнев и негодование, не ищите дальнего мщения — предайте меня укорениям совести моей!

Впрочем, поверят ли? Главною причиною п р и к л ю ч е н и я сего было всепревозмогающее очарование, которое ощущаю я, будучи с вами. Оно-то заставило меня забыть весьма важное для меня дело, коего никак нельзя было отложить вдаль. Я расстался с вами довольно поздно, и, не застав того, с кем мне нужно было видеться, думал найти его в театре, но все поиски мои были бесполезны. Там столкнулся я с Эмилией, с которою тогда еще познакомился, когда не знал ни вас, ни любви; Эмилия, оставшись за теснотою без лакея и кареты, пристала ко мне с просьбою, чтобы я подвез ее к ее воротам через четыре дома отсюда. Не предвидя никаких последствий, я согласился; но, встретившись с вами, тогда же почувствовал, что вы осудите меня как преступника.

Страх прогневить вас столь сильно действовал надо мною, что я, не в силах будучи скрыть его от Эмилии, просил ее, чтобы она не показывалась; но щекотливая сия осторожность обратилась во вред любви. Девка эта, как и все ей подобные, привыкнув тщеславиться своевольством и ложным блеском, не преминула обратить в свою пользу и сего случая; и чем в большее приходил я от того замешательство, тем чаще она высовывалась из кареты; даже сам глупый смех ее, предметом коего, к крайнему моему сожалению, почли вы себя, происходил от жестоких мучений, почтением, любовью моею к вам порожденными.

Доселе, конечно, больше несчастлив я, нежели виновен; в слабостях же, *всем почти свойственных, о которых только и упоминаете вы*, но которых я не имею, как вы сами видите, нельзя и укорять меня. Тщетно, однако, умалчиваете об оскорблениях любви; я сам прерву молчание сие для весьма важных причин.

Не потому, чтоб воспоминание о непонятном сем ослеплении не было горестно моему сердцу; нет, чувствуя всю гнусность проступка своего, я стал бы безропотно страдать, ожидая прощения от времени, от нежной моей привязанности и от вечного моего раскаяния. Но могу ли умолчать о том, что касается до вашего спокойствия?

Не подумайте также, чтобы я увертливыми извинениями старался прикрыть свой проступок; признаюсь, что я виноват; но никогда не признаюсь, что постыдное сие заблуждение могло быть признано оскорблением любви! Да и что может быть общего между соблазном чувств, между минутным забвением самого себя, за коим следует всегда стыд и раскаяние, — и чувством истинным, рождающимся в нежной только душе, питающимся почтением и доставляющим благополучие? Ах! Не предавайте таким образом любви на поругание! Более же всего берегитесь посрамить самих себя, соединить в одну точку то, что никогда не может быть смешано. Пусть подлые и потерявшие себя женщины опасаются неизбежного для них соперничества; пусть их мучат терзания ревности, столь же жестокой, как и уничижительной! Вы же — отвратите взор ваш от предметов, для вас оскорбительных, и, подобно чадолюбивой матери, накажите за обиду, не чувствуя оной.

Но какому наказанию подвергли бы вы меня, тягостнее того, которое я претерпеваю теперь, которое могло б сравняться с сожалением — прогнать вас; с отчаянием — огорчить вас; с мучительным воображением — что я не имею прежнего в глазах ваших достоинства? Вы помышляете о наказании, а я испрашиваю у вас утешений: не потому, чтоб я заслуживал их, но потому, что они для меня необходимы и что вы одни можете их мне доставить.

Буде же, напротив того, забыв вдруг и мою, и свою любовь, не поставляя больше никакой цены благополучию моему, захотите предать меня вечным терзаниям, карайте немедленно; но если вспомните еще те столь нежные чувствования, соединявшие наши сердца; то упоение души, всегда возражающееся, всегда в новых порывах ощущаемое; те счастливые дни, коими были мы друг другу обязаны; наконец, то блаженство любви, которое она одна доставляет, — может быть, пожелаете обратить власть вашу на восстановление, а не на истребление их! Теперь ваша очередь решить! Мне же остается присовокупить одно только слово: вчера еще клялись вы мне, что благополучие мое никогда не изменится, доколе оно будет зависеть от вас! Ах! Милостивая государыня, уже ли сегодня предадите меня вечному отчаянию?

Париж, 15 ноября 17...

ПИСЬМО CXXXVIII

Виконт де Вальмон к маркизе де Мертей

тоя на своем слове, милая маркиза: нет, я не влюблен, и не виноват, если обстоятельства заставляют меня играть эту роль! Согласитесь только и приезжайте; вы сами увидите, как я чистосердечен. Вчера доказал я свое могущество, которого и сегодняшние происшествия не могут еще ослабить.

Завернув к томной богомолке без всякого почти дела — потому что Воланж, невзирая на свое положение, должна была проводить всю ночь на балу, — от скуки вздумал было я просидеть у ней вечер, и на сей конец потребовал уже весьма неважного пожертвования; но не успели согласиться, как предполагаемое удовольствие было возмущено нечаянною мыслию, что вы не перестаете почитать меня влюбленным или, по крайней мере, укорять в том, и я воспыал желанием удостоверить себя и вас, что это чистая клевета.

Итак, путившись на насильственные меры, под самым пустым предлогом оставил я красавицу свою в совершенном недоумении — и, верно, в горести, —

и, ни о чем не заботясь, поскакал в театр к Эмили! Дорого бы я заплатил, чтоб она могла рассказать вам, в каких удовольствиях провели мы время до самого утра, нимало не беспокоясь о неудачной встрече.

Правда, было бы о чем пообеспокоиться, если б не спасло меня совершенное мое хладнокровие! Надобно сказать вам, что не успел я проехать театр бок о бок с Эмилией, как поравнялась с нами карета строгой богомолки и из-за трудного разъезда простояла рядом с нами более четверти часа. Нельзя было укрыться ни от света, ни от президентши.

Но это еще не все: мне пришло на мысль шепнуть Эмили на ухо, что это та самая женщина, которой писал я письмо (вы помните, я думаю, дурачество это, при коем Эмилия служила *тюпитром*¹). Смешливая русалка моя, при первом слове приведя на память все обстоятельства странного сего приключения, бросилась к дверцам и не могла наглядеться на *стратотерпицу*, — так она ее называла, — с громким хохотом, который всякого бы взбесил.

И еще не все: ревнивая набожность тем же вечером отправила ко мне посольство. Дома никого не застали; в упорстве своем нарядила она другое, с повелением дожидаться моего прихода. Я же, расположась между тем у Эмили, отпустил карету, приказав кучеру приезжать за мной утром; кучер, возвратясь домой, застал посланца, и, сжался над ним, объявил ему мой приказ. Нетрудно представить себе, какое действие произвело неожиданное сие известие — заключением оного служит *абшид*², присланный мне по всей *форме*, как того требовала важность обстоятельств.

Вы сами видите теперь, что бесконечная, по мнению вашему, интрига эта могла бы кончиться сего же утра; и если связь наша не рушилась еще, то не от того, чтоб я дорожил ею, чему вы, конечно, поверите! С одной стороны, я не мог нарушить правил своих — быть оставленным, а с другой — честь сего жертвования хотел предоставить вам.

Почему и отвечал на грозную записку длинным и сентиментальным посланием, изложив во всем пространстве оправдания свои и, предоставив любви, стараться об их принятии. Успех был скорый. Я получил вторую записку, такую же строгую, как и первую, подтверждающую вечный наш разрыв, но не таким уже тоном, как прежде. В коротких строках четыре раза повторили, что не хотят меня более видеть. Заключив из сего, что, не теряя времени, должно предстать перед ней, тотчас отправил я своего егеря, чтобы он овладел швейцаром; через минуту пушусь и сам — просить, чтоб подписали прощение; в обидах сего рода одна только и есть форма разрешения, но заочно она никому не выдается...

Прощай, милый друг; дерзаю на все! Нужна развязка.

Париж, 15 ноября 17...

¹ См. письмо XLVII.

² *Абшид* (устар.) — отставка, увольнение со службы (примеч. ред.).

ПИСЬМО СXXXIX

Президентша де Турвель к госпоже де Розмонд

Как я досажую на себя, благотельница моя, что с такой торопливостью и так много говорила вам о минутных своих горестях! Вы, конечно, жалеете теперь обо мне; нанесенная вам от меня печаль продолжается еще, а я уже счастлива! Да, все забыто, прощено, или, лучше сказать, все заглажено. Горести и терзания заменены спокойствием и утехами. О! Радость моего сердца, как изъяснить тебя! Вальмон невинен, да и можно ли быть изменником, любя так, как он любит! Он нимало не участвовал в обидах и огорчениях, в которых с такою суровостью я его упрекала; и если в известном случае имел надобность в снисходительности моей, то должно вспомнить, что и мне надлежало загладить свои несправедливости!

Не стану описывать вам ни подробностей происшествия, ни оправданий его; благоразумие, может быть, нашло бы их плохими, сердце, однако ж, умеет их разбирать. А чтоб вы не подозревали меня в слабости, то шлюсь на собственное ваше суждение, коим рассудок мой руководствовался. Не вы ли сами сказали, что для мужчин неверность не есть непостоянство.

Я и сама чувствую, что различие сие, на кое все опираются, не меньше того оскорбительно для нежной разборчивости, но мне ли сетовать, когда Вальмон страдает? Он и самой даже обиды моей, которую я позабыла уже, не может и не намерен простить себе, хотя и вознаградил уже минутную сию слабость всеми прелестями любви — довершением моего благополучия.

Итак, к вам, как к нежной своей матери, обращаюсь теперь! Браните дочь вашу за то, что по безрассудности своей огорчила вас; браните ее за дерзновенное суждение и оклеветание того, кто достоин вечной любви; но, признав ее безрассудною, порадитесь ее благополучию и разделите его с нею!

Париж, 15 ноября 17..., вечером

ПИСЬМО СХL

Виконт де Вальмон к маркизе де Мертей

то бы поверил, милая маркиза, что я и по сие время не получил от вас ответа? Последнее мое письмо заслуживало вашего внимания! Вот и третий день проходит — а я все еще ожидаю отзыва. Жаль! И для того намерен говорить вам о громком своем приключении.

Не скажу ни слова и о том, что примирение возымело полное свое действие; что вместо укоризн и недоверчивости произвело новые ласки; что я теперь принимаю извинения и удовлетворения, приличные оскорбленному чистосердечию; и если бы не встретилось со мною вчерашней ночью странного и нечаянного приключения, я бы не стал и писать к вам. Приключение сие касается больше до нашей питомицы, нежели до меня; она не может уведомить вас о том так скоро, как бы желала; я принял сей труд на себя.

По причинам, которые вы можете отгадать и не отгадать, госпожа Турвель не занимала меня несколько дней сряду; и так как малютка Воланж не могла иметь сих причин, то и я не отставал от нее. Благодаря услужливому приворотнику¹ не было для меня никаких препятствий; и мы, воспитанница ваша и я, вели покойную и *регулярную* жизнь. Но привычка влечет за собою нерадение: сначала все предосторожности наши, казалось, были достаточны: мы дрожали и за замком; а вчера, по невероятному рассеянию, случилось то, о чем намерен вам говорить; я отделался одним испугом, но малютка — дорого может быть заплатить!

Мы еще не спали; вдруг слышим, что дверь нашей комнаты отворилась! В минуту бросаюсь к шпaге, как для собственной защиты, так и общей нашей воспитанницы; подхожу и никого не вижу — дверь была отперта. С помощью ночника обшарил я везде, но и живой души не нашел. Тогда только вспомнил я, что мы позабыли принять обыкновенные предосторожности и что полуприкрытая дверь, верно, отворилась сама собою.

Возвратясь к трусливой своей половине, дабы успокоить ее, нашел я ее в постели; она упала, или, спрятавшись, лежала за кроватью, но без всякого движения, кроме жестоких судорог. Что мне было делать? Я успел, однако ж, поднять ее, положить на постель и даже привести в чувство; тут она сказала, что действительно упала от испуга, и вскоре показали все следствия ушиба.

Лом в поясице, жестокие колики, признаки и еще явственнейшие открыли мне все ее положение; но как объяснить ей, когда она не имела о том

¹ *Приворотник* (устар.) — сторож у ворот, здесь: швейцар (примеч. ред.).

и понятия! Никогда, может быть, и никто до нее не сохранил толикой невинности, лишаясь оной на каждом шагу! Она не любит терять времени на размышления!

Довольно, однако, потеряла она его в слезах и отчаянии! Видя, что надлежало на что-нибудь решиться, положили мы: мне — сбегать прежде всего к домовому доктору и лекарю¹ и, предварив их, что за ними пришлют, верить им всю тайну; ей — позвать свою горничную, рассказать и не рассказывать, как заблагорассудит, о случившемся припадке, требовать пособия и накрепко запретить не будить госпожу Воланж — нежная и естественная осторожность дочери, которая боится встревожить матушку!

В один миг обегал я обоих эскулапов и, признавшись им во всем, возвратился домой.

Лекарь, которого я и прежде знал, был у меня перед обедом с рапортом о состоянии больной. Я не обманулся! Он, однако, уверяет, что если не будет последующего припадка, то никто ничего в доме не узнает. Горничная теперь с нами заодно; лекарь назвал болезнь своим именем, и дело обойдется так же, как и все прочие, буде, смотря по обстоятельствам, не будет нам надобности в разгласке.

Но существует ли еще между нами какая-либо связь? Молчание ваше давно бы заставило меня сомневаться в том, если бы желание не подавало мне надежды удержать знакомство наше всеми возможными средствами.

Прощай, милый друг, целую тебя — не без досады, однако ж!

Париж, 21 ноября 17...

ПИСЬМО CXLI

Маркиза де Мертей к виконту де Вальмону

иконт, виконт! Как ты мне надоедаешь своим упорством. Мешает ли тебе молчание мое? Неужели думаешь, что я для того только молчу, что не могу защищаться? О! Если б это сбылось когда-нибудь! Но нет, — больно объяснять тебе свои причины!

—

Скажи правду, ты сам ослепляешься или стараешься обмануть меня? Несогласие между твоими речами и поступками заставляет меня колебаться в выборе сих двух

¹ Т. е. фельдшеру (*примеч. ред.*).

чувствований: которое из них справедливее? И чего ты от меня добиваешься, когда я сама не знаю, что думать?

По всему видно, что последние твои проказы с президентшею восхищают тебя! Но какие тут можно вывести доказательства в пользу твоей системы или в опровержение моей? По чести, я никогда не ручалась, чтобы ты, любя эту женщину, не стал обманывать ее и не воспользовался бы всеми приятными или удобными для сего случаями — зная, что для тебя все равно удовлетворять с кем ни попало и самые даже желания, ею порожденные; следственно, не могло меня удивить и то, что ты, следуя распутному стремлению ума, в чем никто не станет с тобою спорить, сделал с умыслу такой поступок, которого и для одного случая никогда не пропускал. Кто не знает, что все, сколько вас ни есть, начиная от первого до последнего повесы, держатся сего правила? Степенных называют теперь романическими сердцами; но, кажется, и я укоряю тебя не в этой слабости!

Я говорила, верила и верить не перестану, что ты все еще влюблен в свою президентшу; правда, любовь эта не есть искренняя и нежная, но та, к которой ты привык; например — которая находит в какой-нибудь женщине не — с у щ е с т в у ю щ и е приятности и достоинства — ставит ее превыше всех — привязывает тебя к ней даже и тогда, когда ты оскорбляешь ее — словом, любовь султана к милой своей султанше, не препятствующая предпочесть ей последней одалиски. Сравнение сие тем справедливее кажется мне, что как он, так и ты не можете быть ни любовником, ни другом женщины; но тираном ее или невольником. И для того-то пустился ты, я думаю, на все подлости, чтоб примириться с любезным своим предметом! Кто не позавидует твоему счастью? Надежда прощения настает, ты летишь за ним и оставляешь меня для *громкого своего заключения*.

В последнем даже письме ты только потому не говорил о сей женщине, что не хотел ничего сказать мне *о важных своих делах*, и так их уважаешь, что и само молчание о них считаешь для меня наказанием. После этих и многих других доказательств явного предпочтения твоего к *иной* отваживаешься спрашивать с насмешливым равнодушием: *существует ли еще общая какая-либо связь между мною и тобою*? Берегись, виконт! Если я примусь отвечать, то нельзя уже будет отменить сказанного; опасаясь дать тотчас требуемый ответ, я, кажется, довольно все объясняю, а потому я не хочу более говорить об этом.

Но чтобы чем-нибудь тебя занять, расскажу одно происшествие, довольно странное. Может быть, неостанет у тебя времени прочитать его с вниманием и узнать настоящий смысл оного? Как бы то ни было, беда невелика! Анекдот сей наряду с прочими предан будет забвению.

Некто, знакомый мне человек, связался, точно так как и ты, с одною женщиною, которая мало делала ему чести. Здравый рассудок давал ему, правда, чувствовать иногда, что интрига эта не обойдется без хлопот; но как он ни стыдился, а не имел духу прервать ее. Замешательство его день ото дня

увеличивалось, тем более что пред своими друзьями хвастался он своею независимостию и, сделавшись смешным, не хотел казаться слабоумным. Таким-то образом вел он жизнь свою, не преставав делать глупости и не преставав повторять: «*Виноват ли я?*» Знакомый сей имел у себя приятельницу, которая думала было осрамить его пред публикою, выставив в настоящем его виде; но, будучи более великодушна, нежели лукава, или имея, может быть, другие причины, решилась испытать последнее средство, дабы на всякий случай иметь право опереться на любимую пословицу его: «*Виновата ли я?*» В сем-то намерении послала она к нему следующее письмо, как верное лекарство против его болезни:

«Все наконец прискучит, милая моя! Так гласит закон природы — виноват ли я?

Итак, если я скучаю теперь знакомством, занимавшим меня четыре месяца — виноват ли я?

Если, например, было во мне точно столько же любви, сколько в тебе добродетели, — а этого немало! — и если обе скончались в одно время — виноват ли я?

Из сего следует, что с некоторого времени я тебя обманывал; признаться, безжалостная твоя нежность приневоливала меня к тому — но! виноват ли я?

Теперь, женщина, которую я люблю до сумасшествия, требует, чтобы я пожертвовал тобою — виноват ли я?

Чувствую и сам, что это самый благоприятный случай вопиать против вероломства; но если природа создала мужчин непостоянными, а женщин упрямыми — виноват ли я?

Поверь мне: найди другого любовника, так, как я нашел другую любовницу! Совет этот очень, очень полезный; но если тебе кажется вредным — виноват ли я?

Прощай, милая! Знакомство наше началось с приятностию; расставание происходит с сожалением; может быть, и опять сойдемся. На свете все так превратно! — виноват ли я?»

Говорить тебе, виконт, о действии последней сей попытки и что за тем последовало, теперь не время; но в первом письме все объясню. Там же найдешь и последнее мнение на предлагаемое тобою возобновление трактата. До тех пор — прощай без дальних затей...

P. S. Кстати, благодарю тебя за известие о малютке Воланж; статью сию должно поберечь до другого дня свадьбы — для *газет злословия*. Между тем, прими мое соболезнование о потере наследника, а с ним и потомства твоего. Доброго вечера, виконт.

Из замка ***, 24 ноября 17...

ПИСЬМО CXLI

Виконт де Вальмон к маркизе де Мертей

о чести, милая, я не знаю, читал ли я не так или понял не так ваше письмо, происшествие, в нем помещенное, и образец грамоты, там же приложенной, но могу вас уверить, что послание действительно показалось мне единственным в своем роде, и для того, переписав его слово в слово, пустил *без дальних затей* к беспрецедентной президентше. За медленность, верно, не станете упрекать, нежная грамотка отправлена еще вчера вечером. Она поспела к стати, я обещал к ней писать; следственно, угадав к ночи, давал ей довольно времени, собравшись с мыслями, сделать свое заключение о *громком сем приключении*: браните, сколько душе угодно, но я не отстану от своего выражения.

Я думал, что утром успею отправить к вам и ответ *возлюбленной* моей: но скоро ударит двенадцать часов, а я никого еще не вижу. Подожду до пяти часов, и если и тогда никакого известия не будет, то сам нагряну к ней за ответом. В этикет — первый только шаг труден.

Теперь, как вы видите, с крайним нетерпением должен я ожидать развязки истории вашего знакомого, на коего вся беда обрушилась за то, что не умел пожертвовать женщиною. Исправился ли то он? И простила ли ему великодушная его приятельница?

Не меньше того желал бы я видеть политический ваш *ультиматум* и узнать, не припишете ли и последнего моего поступка любви. Ах! Вы не ошиблись; так, любовь, и любовь страстная внушила мне оный! Но к кому? Умалчиваю и всего ожидаю от вашей благосклонности.

Прощай, милый, прелестный друг мой; письма не запечатываю и, в ожидании желаемого ответа, не отправлю его до третьего часу.

В два часа пополудни.

Никого не видать! Время не терпит и не позволяет прибавить ни слова; но ужели отвергнете и на сей раз нежнейшие поцелуи любви?

Париж, 27 ноября 17...

ПИСЬМО CXLIИ

Президентша де Турвель к госпоже де Розмонд

авеса, ослеплявшая меня призраками моего благополучия — пала, исчезла. Гибельная истина озаряет теперь меня и предоставляет н е и з б е ж н у ю смерть, предшествующую стыдом, поношением, лютыми угрызениями совести. Иду в объятия алчной сей смерти! Мучения мои послужат мне утешением, сократив существование мое. Полученное вчера письмо при сем посылаю к вам без всяких размышлений; читая, сами найдете их! Время настало не сетований, но страданий; не в жалости нуждаюсь, но в силах!

Примите, благотельница моя, последнее прощание, а с ним и последнюю просьбу мою: навсегда забыть меня, не считать в живых и оставить меня на произвол судьбы моей. Несчастье имеет такие крайности, что и сама дружба умножает даже терзания наши, будучи бессильна их исцелить. В смертельных ранах всякое пособие мучительно и бесполезно. Отрада моя в отчаянии. Мрачная ночь ожидает меня, дабы сокрыть стыд мой. Иду оплакивать слабости свои, если сил достанет... со вчерашнего дня ни одна слеза не выкатилась! Увядшее сердце не может их изливать.

Прощайте, милостивая государыня! Не пишите ко мне; я клялась над варварским сим письмом ни от кого их не принимать. Прощайте...

Париж, 27 ноября 17...

ПИСЬМО CXLIV

Виконт де Вальмон к маркизе де Мертей

вчера, милая маркиза, не получая никакого известия, вышел я из терпения, и в шестом часу вечера сам пустился к прелестной вдовушке; мне сказали, что она уехала со двора. Это тоже значило, что не хотели меня принимать; итак, не досадуя и не удивляясь, поворотил назад, будучи уверен, что благовоспитанная эта женщина хотя бы одно слово да пришлет мне в ответ. Желание получить оный завело меня в девятом часу домой; но и там ничего не нашел. Не постигая неожиданного молчания сего, отрядил я своего егеря достать языка и узнать, в живых ли еще

чувствительная богомолка. Он-то и донес мне, что госпожа де Турвель в самом деле выехала со двора в одиннадцать часов утра — отправилась в С*** монастырь, и в восьмом уже часу вечера отослала карету и людей, приказав, чтоб ее не дожидались: вот что называется взяться за ум! Монастырь есть истинное убежище вдов; и если она станет настаивать в похвальном сем намерении, то ей же буду обязан за громкость, которую, конечно, придаст интриге моей это приключение.

Не правду ли я вам говорил месяца с два тому назад, что, невзирая на беспокойства ваши, не выйду я на сцену без того, чтоб не ознаменовать себя новым удалством? Пусть явятся теперь строгие критики, упрекавшие меня в романической несчастной любви! Пусть срамят меня скоропостижными и громкими своими разрывами! Что я говорю? пусть лучше предстанут утешать!.. дорога открыта. Точно так; пусть попытаются пуститься в поприще, которое я прошел, и если хотя бы один из них получит малейший успех, тогда охотно уступлю ему первое место! Все они увидят, что, где только хотел, там всегда оставлял я незагадливое впечатление — за последнее ручаюсь головою, и все прочие победы мои вменю ни во что, если когда-нибудь женщина эта будет иметь предпочтенного мне соперника!

Намерение ее, признаюсь, льстит моему самолюбию; при всем том досадно, что она могла оставить меня. Как! Если б я вздумал сблизиться с нею, она воспротивится; что я говорю? может быть, не захочет видаться со мною — не желает сего! Так ли любят? И неужели вы думаете, милая моя, что я терплю? Скажите, не лучше ли порадовать ее и подать надежду к примирению? Попытка эта не должна, однако ж, беспокоить вас; напротив того, успев в том, я приобрел бы новое средство — повторить по воле вашей пожертвование, как видно, столь для вас лестное. Между тем, милая маркиза, прошу не забыть обещанной награды; все мои желания стремятся к возвращению вашему. Приезжайте поскорее! Все ожидает вас: любовник, утехи, приятельницы, новые приключения.

Воланжино кончилось очень счастливо. Вчера, не смея занять притин¹ свой, пустился я в визиты. Заехав к госпоже де Воланж, нашел воспитанницу вашу в гостинной, в наряде полубольной, который придавал ей еще больше свежести и приятности. Замужняя, в подобном случае, пронежилась бы целый месяц на вольтеровских креслах; отдать честь девицам! Моя возбудила во мне желание узнать, совершенно ли она выздоровела!

Должно также сказать вам, что приключение малютки свело было с ума сентиментального вашего Дансени, сперва от отчаяния, потом от радости. Сесилия больна, как же тут не ряхнуться! Раза по три на день посылал он осведомляться и сам не отходил почти от швейцара; наконец, потеряв терпение, решился просить у матушки позволения поздравить ее лично с выздоровлением

¹ *Притин (устар.)* — место, к которому что-либо приурочено; предел движения или точка стояния (*примеч. ред.*).

милой своей невинницы. Госпожа де Воланж позволила, и он по-прежнему впопыхах.

Все эти подробности он сам мне рассказал; мы откланялись с ним вместе, и дорогою я заставил его болтать. Вы не поверите, какое действие произвело в нем это посещение! Радость и восторги заменили прежние беспокойства. Любя пылкие страсти, я еще больше вскружил ему голову, уверив его, что через несколько дней доставлю ему способ видаться поближе с прелестною Сесилиею.

В самом деле, я намерен уступить ее вскоре после испытания, и всего посвятить себя вам; да и стоит ли труда воспитывать вашу питомицу для того только, чтоб обмануть одного мужа? Всего лучше, чтобы обманула любовника, и любовника первого! С этой стороны не могу укорять себя; слово «любовь» никогда не было произнесено.

Прощай, милый друг; приезжайте поскорее *наслаждаться* властью вашею надо мною, принять от меня залог преданности и разделить условленную награду.

Париж, 27 ноября 17...

ПИСЬМО CXLV

Маркиза де Мертей к виконту де Вальмону

самом деле, виконт? Ты бросил президентшу через письмо, которое я для нее сочинила? По чести, ты мил до крайности и превзошел все мои ожидания! Признаюсь от чистого сердца, что торжество сие лестнее для меня всех до сего времени бывших! Может быть, подумаешь ты, что я слишком уж ценю теперь ту самую женщину, которую недавно ставила ни во что; не над нею одержала я победу, а над тобою: это-то и приятно.

Точно так, виконт, ты страстно любил госпожу де Турвель, и теперь еще любишь ее до безумия; жертвовал же ею столь отважно для того только, чтобы я начала тебя стыдить. Ты не пожалел бы и целой тысячи, только б над тобою не насмехались! До чего не доводит нас тщеславие! Мудрец¹ справедливо утверждает, что оно есть враг нашего благополучия.

¹ Имеются в виду размышления Жиль Бласа, героя плутовского романа «История Жиль Бласа из Сантильяны», написанного французским драматургом и романистом Аленом Рене Лесажем (1668–1747) (*примеч. ред.*).

Что бы с тобою было теперь, если б я захотела только лукавить перед тобой? Но я не в состоянии обманывать, ты это знаешь; и хотя бы знала, что не миновать мне, в свою очередь, отчаяния — монастыря даже, — но пускаюсь на все и отдаюсь моему победителю.

Капитуляцию эту, однако ж, должно почесть с моей стороны совершенною слабостию, потому что было бы к чему придаться, если б только я захотела! Да, может быть, ты и стоил бы того! Например, как не удивляться хитрости или, лучше сказать, неловкости твоей, с которою предлагаешь мне, чтобы я позволила тебе завести старые лады с президентшею? То есть быть тебе благодарной за такой разрыв, в котором утехи и наслаждения оставались бы в твоей власти, а мнимое пожертвование, ничего для тебя не стоящее, в моей воле! Сєю сделкою беспримерная богомолка почитала бы себя единственным предметом твоего сердца, а я гордилась бы, как предпочтенная соперница; обе остались бы обманутыми, но ты был бы доволен — а до других и дела нет?

Жаль, что с таким редким даром для проектов не имеешь ты и малейшей способности их исполнять: один безрассудный твой шаг положил неодолимое препятствие к достижению того, чего наиболее желаешь!

Как! Намереваясь сойтись с нею, отправляешь к ней мое письмо? Худо же ты знаешь меня! Поверь мне, виконт, когда женщина поражает в сердце другую женщину, то редко когда ошибается в выборе чувствительного места, и рана бывает неисцелима. Поражая президентшу или, лучше сказать, направляя твои удары, не позабыла я, что ты предпочитал ее в некоторые минуты даже и мне и что наконец поставил меня и ниже ее. Если мщение мое несправедливо, я соглашаюсь быть наказана. И для того-то, ободряя твое намерение, прошу тебя употребить для сего все средства и быть уверенным, что я нимало не осержусь на твои утехи. Я так спокойна с этой стороны, что не хочу и думать более о сем; итак, поговорим о другом.

Например, о здоровье малютки Воланж. Ты все расскажешь мне по моем приезде, не правда ли? Мне нужно это знать. Потом уже будет решаться твое дело, передашь ли ее любовнику или же вторичнопустишься прививать вальмонову отрасль к жеркурову древу. Мысль эта показалась для меня столь забавною, что я, предоставляя все это твоему выбору, прошу только ничего не предпринимать, пока мы не переговорим вместе. Нельзя сказать тебе, чтобы я отлагала в дальний ящик, потому что на днях я еду в Париж; когда именно, и сама не знаю, но ты можешь быть уверен, что лишь явлюсь в город, ты первый будешь о том уведомлен.

Прощай, виконт; невзирая на мои ссоры, брань и лукавство, я все еще люблю тебя и готовлюсь доказать тебе это на деле. До свидания, друг мой!

Из замка ***, 29 ноября 17...

ПИСЬМО CXLVI

Маркиза де Мертей к шевалье Дансени

аконец я отправляюсь, молодой мой друг, и завтра вечером буду в Париже. Хлопоты, неизбежные при переездах и новоселье, никого не позволяют мне принимать. Однако если крайняя нужда потребовала бы моих советов, то охотно исключу тебя из общего списка; но не забудь, что тебя одного исключаю, а потому и прошу, чтобы никто не знал о моем приезде. И сам Вальмон не будет уведомлен.

Если б кто мне сказал месяц тому назад, что ты будешь пользоваться исключительною доверенностью моею, я, право, не поверила бы! Но одна доверенность влечет за собою другую. Я почти той веры, что с твоей стороны действовало тут лукавство, а может быть, и даже само обольщение. Это непростительно! Впрочем, и оно теперь не может быть опасно: до того ли тебе! Когда героиня на сцене, станут ли заниматься наперсницею?

Ты не имел даже времени уведомить меня о новых твоих успехах. Когда Сесилию твою разлучили с тобою, недоставало времени выслушивать твои нежные жалобы. Во время болезни ее ко мне же прибегал ты со своими беспокойствами; правда, кому-нибудь да надобно было пересказывать свое горе! А теперь, как милая твоя возвратилась в Париж, когда страх и болезни миновали, а особливо когда позволено видаться с нею, все друзья в сторону — ее одной довольно для тебя!

Я не виню тебя; тебе двадцать лет — вот главная всему причина. Начиная от Алкивиада до тебя, все молодые люди гонялись за дружбою только во время своих огорчений. Благополучие часто делаете их нескромными, но доверчивыми — никогда. Пришлось и мне, видно, сказать вместе с Сократом: *друзья мои прибегают ко мне, когда бывают в несчастии*¹; впрочем, он, как философ, обходился и без них, когда они оставляли его; но я, не будучи довольно учена, переносила твое молчание со всею слабостию женщины.

Не думай, однако ж, чтобы я была взыскательна. Я очень далека от того! То самое чувство, которое открывает мне сии промежутки, заставляет так же и переносить их с твердостью духа, когда они служат доказательством,

¹ Мармонтель, «Нравоучительная история об Алкивиаде».

[Алкивиад (ок. 450 до н. э. — 404 до н. э.) — древнегреческий государственный деятель, оратор и полководец, в юности был другом и учеником Сократа; Жан-Франсуа Мармонтель (1723–1799) — французский мыслитель и писатель. В упомянутой повести описываются любовные похождения Алкивиада, добивающегося бескорыстной любви «ради себя самого»; разочаровавшись в женщинах, Алкивиад в итоге приходит за советом к Сократу (примеч. ред.).]

что друзья мои счастливы. Следственно, не более рассчитываю на тебя в рассуждении завтрашнего вечера, как насколько любовь оставит тебе свободы, и запрещаю делать ради меня самомалейшее пожертвование.

Прощай, шевалье; для меня совершенный будет праздник, если придешь; полно, будешь ли?

Из замка ***, 29 ноября 17...

ПИСЬМО CXLVII

Госпожа де Воланж к госпоже де Розмонд

онечно, и вы, милостивая государыня, столько же станете жалеть, как и я, узнав о случившемся несчастье с госпожою де Турвель; она занемогла со вчерашнего дня: болезнь ее час от часу становится опаснее, припадки сильнее.

Жестокая горячка, беспмятство, непрерывный и сильный бред, неутолимая жажда, — вот признаки отчаянного ее положения. Лекаря отозвались, что ничего решительного нельзя еще сказать; да и лечить ее тем труднее, что она не хочет принимать никаких лекарств.

Вчера принуждены были держать ее, насильно пустить кровь и караулить, чтобы не разбередила раны, сорвав перевязку, что она делала уже дважды.

Кто поверит, зная природную ее слабость, боязливость и кротость, что четыре человека едва могут с нею сладить и что советы и увещания производят в ней теперь неслыханное иступление и самое даже бешенство? По всем моим замечаниям видно, что она помешалась.

Опасность эту больше всего подтверждает то, что она сделала третьего дня.

В этот день около полудня приехала она со своею горничной в С*** монастырь, где она воспитывалась и куда часто приезжала и после того; ее приняли по обыкновению, и она всем казалась здоровою и спокойною. Спустя почти два часа спросила, не занята ли та комната, в которой она жила, будучи пансионеркою, и, узнав, что комната была порожняя, пожелала ее видеть; настоятельница проводила ее со случившимися при ней монахинями. Там-то она объявила, что опять приехала занять эту комнату, которой бы, примолвила она, не должно было и оставлять и с которою «не расстанусь *прежде смерти*»: это ее точные слова.

Сперва не знали, что ей отвечать; но по прошествии первого удивления представили ей, что замужних нельзя принимать без особого позволения.

Все, однако ж, представления были бесполезны: она не хотела не только выйти из монастыря, но даже и из комнаты. Наконец, наскучив сопротивлением, позволили ей переночевать и отпустили карету, полагая, что на другой день она образумится.

Уверяют, что во весь вечер не показала она даже и виду расстроенного и, напротив того, рассуждала основательно; что раз пять только находила на нее столь сильная задумчивость, что ничем нельзя было ее разговорить; что, приходя в память, закрывала лицо руками и, кажется, крепко сжимала лоб. Приметя сие, бывшая при ней монахиня спросила, не болит ли у ней голова; она пристально посмотрела на нее и наконец сказала: «Отнюдь не этим страдаю я!» Потом, спустя минуту, попросила, чтобы ее оставили одну и впредь не беспокоили бы вопросами.

Все вышли, кроме горничной, которой, к счастью, надлежало спать в одной с нею комнате, потому что другого места не было.

По рассказам этой девушки, хозяйка ее казалась довольно спокойною до одиннадцати часов вечера. Тут сказала она, что хочет лечь; но, не раздевшись еще, начала вдруг ходить по комнате и делать страшные телодвижения. Юлия, видя, что с нею происходило днем, не смела ничего говорить и ожидала приказаний — час и более; наконец, госпожа де Турвель кликнула ее два раза сряду. Едва Юлия успела, подбежав, принять ее на руки, она повалилась, сказав: «Нет более сил!», — согласилась, однако ж, лечь в постель, но не хотела ничего ни принимать, ни позволить требовать помощи; велела поставить близ кровати воды и приказала ложиться.

Горничная уверяет, что, не сомкнув глаз до двух часов утра, во все это время не слыхала ни малейшего движения, ни жалоб. Но что в пять часов разбужена была громким разговором своей хозяйки; что тогда спросила ее, не ходить ли за лекарем, и, не услышав от нее никакого ответа, взяла свечу и подошла к постели госпожи де Турвель; она не узнала Юлии — жестокий бред ее прерван был следующими словами: «Оставьте меня одну; оставьте меня в темноте; темнота для меня нужнее всего!» Вчера заметила и я, что слова эти часто вырывались у нее!

Наконец Юлия воспользовалась, так сказать, сим приказом — вышла и побежала требовать пособия у настоятельницы. Но госпожа де Турвель отвергла все с неистовым гневом, который и после того часто начал уже на нее находить.

Настоятельница, не зная, что с нею делать, послала за мною вчера, в семь часов поутру. Когда я приехала, было еще темно. Когда ей доложили обо мне, казалось, что она пришла в чувство: «Пусть войдет!» — отвечала она. Подхожу к постели; она пристально глядит на меня, берет за руку, крепко жимает и твердым, но смутным голосом говорит: «Я умираю от того, что не хотела вам верить!», — закрыла глаза и принялась за обыкновенный свой напев: «Оставьте меня одну и пр.»; и опять впала в беспамятство.

Слова сии и другие, проскакивавшие во время бреда, заставляют меня думать, что жестокая болезнь произошла от причины гораздо жесточайшей.

Должно, однако, уважать тайны приятельницы нашей — и довольствоваться одним сожалением о ее несчастии.

Вчерашний день прошел в ужасных припадках, заменяемых совершенным забытием, в продолжение коего она только и кажется спокойною. Я рассталась с нею в десятом уже часу: сегодня еду туда на целый день. Можно ли оставить несчастного друга! Но чем помочь ей, когда она ничего не хочет принимать?

Я посылаю к вам лекарские записки прошедшей ночи, теперь только ко мне доставленные, которые, как вы сами увидите, ничего хорошего не обещают.

Последующие постараюсь сообщить вам в свое время.

Прощайте, почтенный друг; я отправляюсь к больной. Дочь моя, слава богу, почти уже оправилась и свидетельствует вам свое почтение.

Париж, 29 ноября 17...

ПИСЬМО CXLVIII

Шевалье Дансени к маркизе де Мертей

люблю вас! Обожаю тебя! Вы начали благополучие мое! Ты совершила его! Чувствительный друг, нежная любовница! Скажи, почему воспоминание о твоём прискорбии смущает теперь ощущаемое мною очарование? Успокойтесь, сударыня, сего требует от вас дружба; милая маркиза! Будь счастлива, о сем просит любовь.

И в чем можете вы упрекать себя? Поверьте мне, излишняя боязливость ваша вводит вас в заблуждение.

Сожаления, кои она возбуждает в вас, и вина, на меня излагаемая, равно мечтательны: я чувствую по своему сердцу, что обоих нас соблазнила любовь. Чего же тут опасаться? Предайтесь чувствам, внушаемым вам; позволь перелить в тебя весь пламень, тобою возрождаемый! Как! Ужели сердца наши должно почитать порочными от того единственно, что поздно познали благополучие свое? Нет, конечно, нет. Одно обошлось, действуя всегда по начертанному плану, может согласовать свои поступки со своими намерениями и предвидеть дальнейшее; напротив того, истинная любовь не позволяет размышлять и обдумывать: она отвлекает нас от замыслов собственными нашими чувствованиями; могущество ее тогда только и бывает сильно неодолимо, когда его не постигаем; она ищет темноты и безмолвия: там-то спутывает нас своими сетями, коих столь же невозможно видеть, как и разорвать.

Таким-то образом даже вчера, невзирая на пылкое волнение, которое ощущал я, занимаясь вашим приездом, невзирая на чрезвычайное удовольствие,

которое почувствовал, увидя вас, думал я, что меня приглашает и влечет безмятежное только дружество; или, лучше сказать, предавшись совершенно сладостным чувствам сердца своего, меньше всего помышляя я узнать истинную причину нечаянной сей во мне перемены. Ты, нежный друг мой, не постигая, также как и я, предавалась сильному очарованию, увлекавшему души наши к сладостным впечатлениям нежности; и оба не прежде познали любовь, как выйдя уже из упоения, в которое божок сей погрузил нас.

Но это-то самое и оправдывает нас. Нет, ты не изменила дружбе, равно как и я не употребил во зло доверенности твоей. Оба, правда, не постигали своих чувств; но оболение сие мы ощущали только, а не искали возбудить его. Ах! Не сетовать на него должно, но помышлять о благополучии, которое оно нам доставляло; и не возмущать его несправедливыми укоризнами, а заниматься умножением оного: прелестями доверенности, безопасности. Милая моя, сколь надежда эта лестна моему сердцу! Так, отогнав теперь страх, боязнь и предавшись вовсе любви, ты будешь разделять желания мои, восторги, иступления души моей, и каждая минута счастливых наших дней будет ознаменована новыми утехами.

Прощай, владычица моя! Вечером увижусь с тобою, но одна ли ты будешь? Не смею надеяться! Ах! Нельзя, чтобы ты столько же сего желала, как я.

Париж, 1 декабря 17...

ПИСЬМО CXLIX

Госпожа де Воланж к госпоже де Розмонд

вчера во весь день надеялась я еще, что можно будет сообщить вам, почтенный друг, что-нибудь приятнее прежних известий о здоровье милой нашей Турвель; но вечером вся надежда исчезла и оставила нам одни сожаления. Приключение, само по себе неважное, но навлекшее ужасные следствия, вовсе расстроило больную.

Я никогда не могла бы узнать настоящей причины скоропостижному сему перелому, если б несчастный друг не вверил мне всех своих тайн. И как она уведомила меня, что вы извещены уже о всех ее бедствиях, то и буду говорить с вами без всякой скрытности.

Вчера утром, приехав в монастырь, узнала я, что больная спит уже более трех часов и таким крепким и тихим сном, что я начинала бояться, чтоб она не уснула навсегда. Вскоре потом она проснулась; сама отдернула занавес у кровати,

смотрела на всех с видом удивления, и когда я привстала, чтоб подойти к ней, то, узнав меня, назвала по имени и просила сесть поближе. Тут, не дав мне времени осведомиться о ее здоровье, спросила: «Где я? Зачем собрались около меня? Не больна ли я? И почему не отвезли меня домой?» Сперва я думала, что бред продолжается, хотя и слабее прежнего, но тогда же заметила, что она совершенно понимала мои ответы. В самом деле, она пришла в чувство, но не в память.

Она расспрашивала меня подробно о всем том, что происходило с нею в монастыре, не помня ничего, как туда попала. Я ей рассказала все, утаивая те только происшествия, которые могли ее испугать; и когда в свою очередь спросила ее, как чувствует себя, то она отвечала, что ничего не чувствует, кроме слабости после крайне беспокойного сна. Я советовала ей взять покой и говорить поменьше, призадернула занавес и придвинулась поближе к кровати. Подали ей бульону, и она покушала с приятностию.

В сем положении пробыла она около получаса, и во все это время благодарила меня за мои с ней попечения со свойственной ей ласковостию и нежностию. Потом, вдруг замолчав, прервала продолжительное молчание свое следующим восклицанием: «Да, помню, как я приехала сюда!» Опять замолчала — и опять вскрикнула с горестию: «Милая моя, друг мой! Пожалей обо мне; все бедствия мои возвратились ко мне!» В самое это время я наклонилась к ней; она схватила меня за руку и, прижав к лицу, примолвила: «Милосердый Боже! Почему не могу я умереть?» Голос, с каким произнесены были эти слова, тронул меня до слез. Она заметила их и сказала мне: «Вы жалуете обо мне! Ах! Если б вы знали!.. Но прикажите, чтобы нас оставили одних — все вам открою».

Я заметила уже вам, кажется, что подозрения мои отгадывали наперед, в чем заключается доверенность ее, и, опасаясь, чтоб продолжительная и прискорбная повесть эта не растревожила несчастного нашего друга, всячески отклоняла разговор сей, уговаривая ее взять покой. Она настояла, и я обещала слушать. Коль скоро остались мы одни, то она рассказала мне известное вам приключение свое, которого по сему самому здесь и не повторяю.

Наконец, описывая, каким варварским образом пожертвовали ею, примолвила: «Я, наверное, полагала, что умру от сего удара, и нимало не жалела о том; пережить несчастье сие, стыд сей не могу и не должна!» Я покусилась было рассеять уныние это, или, лучше сказать, отчаяние, оружием веры, столь сильно действовавшим на нее; но вскоре увидела, что не доставало сил моих для священного сего звания; почему и предложила ей позвать отца Ансельма, который, как мне известно, пользуется ее доверенностию. Она согласилась и даже с нетерпением ожидала его. В самом деле, я послала за ним; он тотчас пришел, долго у нее пробыл и, выходя, сказал, что если лекаря одного с ним мнения, то время терпит и он успеет причастить ее и на другой день.

Это происходило в три часа пополудни, и до пяти часов больная была так покойна, что мы все перестали отчаиваться. К несчастью, принесли полученное

на ее имя письмо, и когда подали ей, то она сказала, что никаких писем не примет. Беспокойство ее начало, однако ж, приметным образом усиливать-ся. Вскоре потом спросила она: «Откуда пришло письмо? Оно без штемпеля. Кто его принес?» Никто не знал, от кого оно прислано — посланный не сказал о себе приворотнице. По некотором молчании начала опять говорить; но несвязные речи ее скоро уверили нас, что она стала по-прежнему бредить.

Впрочем, случались и спокойные промежутки; наконец спросила она, чтобы подали ей принесенное письмо. Взглянув, тотчас вскричала: «От него! Милосердный Боже! — и твердым, но стесненным голосом примолвила: — Возьмите его назад, возьмите!», — задернула занавески и не велела никому беспокоить себя; но тогда же почти мы принуждены были броситься к ней на помощь. Бред, горячка, страшные судороги перепугали всех. Припадки сии продолжались во весь вечер; ночь не меньше была мятежная, как вы сами увидите из лекарской записки. Словом, она в таком положении, что я не понимаю, как может все это выдержать. Нет, кажется, никакой надежды!

По всему видно, что несчастное это письмо прислано от Вальмона: но о чем еще осмеливается он писать к ней? Простите, любезный друг! Я воздержусь от заключений; но не прискорбно ли видеть, что женщина, жившая до сих пор столь счастливо и достойная своего счастья, погибает теперь от угнетающих ее бедствий?

Париж, 2 декабря 17...

ПИСЬМО CL

Шевалье Дансени к маркизе де Мертей

ожидании счастливой той минуты, в которую увижусь с тобою, нежный мой друг, предаюсь удовольствию писать к тебе: сим одним занятием разгоняю тоскливость разлуки! Изъяснить тебе чувства свои, вспоминать о твоих есть истинное для сердца моего наслаждение, и оно-то в самом даже отсутствии доставляет любви моей тысячу приятностей. Впрочем, если верить ей, то никогда не получу от тебя ответа, и письмо это должно быть последним: ты не хочешь вступить в переписку, по словам твоим опасную *и для нас ненужную*. Конечно, п р и н у ж д е н буду поверить тебе, если станешь на том настаивать: чего можешь ты желать, чтобы по сему самому убеждению не стал желать и я? Но прежде, нежели решишься на сие, неужели не позволишь объяснить тебе своего мнения?

В рассуждении опасностей на тебя одну полагаюсь: я не могу ни исчислить, ни предвидеть всего, а потому прошу и заклинаю тебя не упускать из виду твоей безопасности. Мне ли быть спокойным, когда ты будешь тревожиться! В сем разуме не мы оба составляем одного, но ты одна составляешь обоих.

Нельзя, однако ж, сказать, чтобы переписка была для нас *не нужна*: в этом случае мы одинаково мыслим, а если и разнствуем во мнениях, то оттого, что не изъяснились и не понимаем друг друга; вот что я чувствую.

Конечно, нет почти надобности в письме, когда свободно можно видеться: что скажет оно, чего бы одно слово, один взгляд и самое даже молчание не выразили стократ сильнее? Это так справедливо, мне кажется, что в самую ту минуту, когда ты мне говорила, чтобы я не писал к тебе более — слова сии тогда же дошли до души моей, и, может быть, встревожили ее, но не огорчили. Так, например, желая поцеловать тебя в сердце, когда попадается ленточка или кисея, я отодвигаю их только и не считаю препятствием.

Но после того, как мы расстались, коль скоро образ твой скрылся от меня, мысль о переписке начала опять мучить. Для чего, думал я, умножать лишения? Как! Неужели в разлуке не о чем говорить? Положим, что при стечении *б л а г о п р и я т с т в у ю щ и х* обстоятельств можно целый день проводить вместе. Но кто для разговоров станет отнимать время у наслаждений? Да, нежный друг мой, у наслаждений; близ тебя и самые минуты отдохновения доставляют еще сладостное наслаждение. Словом, как бы время ни продолжительно было, всегда оканчиваешь расставанием и наконец остаешься один! Тогда-то письмо бывает драгоценным! Если и не читаешь, по крайней мере, можешь глядеть на него... Ах! Конечно, можно глядеть на письмо, не читая его, точно так, как ночью я нашел бы еще удовольствие дотрагиваться до твоего портрета...

До твоего портрета, сказал я? Но письмо есть портрет души. Оно, подобно холодному изображению, не имея завершенности, столь несвойственной любви, соответствует всем нашим движениям и страстям: попеременно одушевляется, веселится, покоится. Чувствования твои столь для меня бесценны! Ужели лишишь меня средства видеть их в совокупности?

Уверена ли ты, что необходимость переписываться никогда не станет тебя мучить? В одиночестве, когда сердце твое запрыгает или начнет тосковать, когда движение радости коснется твоей души или невольная печаль расстроит ее, кому станешь изливать благополучие — горесть твою? Конечно, не в недра твоего друга. Следственно, и не все чувствования свои будешь разделять с ним; следственно, заставишь его грустить и скитаться в разлуке от тебя? Милая моя... Нежнейший друг! Ты одна можешь решить, к чему должен я готовиться. Я хотел только убедить, а не обольстить тебя; представил тебе свои доводы... Может быть, просьбами успел бы больше! Итак, если ты станешь настаивать в своем требовании, я постараюсь укрепиться и не сетовать; напрягу все силы воображения, чтоб придумать все то, что ты могла бы написать ко мне;

но поверь, все это ты сказала бы гораздо приятнее, и я с несравненно бóльшим удовольствием слушал бы тебя.

Прощай, прелестный друг, час нашего свидания приближается; я оставляю тебя слишком скоро, чтобы скорее увидеться с тобой.

Париж, 3 декабря 17...

ПИСЬМО СЛІ

Виконт де Вальмон к маркизе де Мертей

онечно, маркиза, вы считаете меня совершенным олухом, если думаете, что я ничего не понял, застав у вас сегодня вечером с глазу на глаз Дансени, которого завел к вам, видите ли, *странный случай*! Я не говорю, чтобы изощренная ваша физиономия не представляла наилучшим образом спокойствия и веселости, ни чтобы вы изменили себе каким-либо словом, вырывающимся иногда в замешательстве или в раскаянии. Признаюсь даже, что послушливые ваши взгляды совершенно служивали вам, и что если бы они так же умели заставлять себе верить, как умеют дать себя разуметь, то я не только бы не взял подозрения, но не стал бы даже сомневаться в чрезвычайной досаде, причиненной вам *третьим надоедалом*. Но чтобы не употреблять по-пустому столь отменных дарований, чтобы получить предполагаемый вами от сего успех, надлежало, сударыня, вышколить получше любовника вашего, настоящего новичка.

И когда уже взялись вы за воспитание, так научите ваших питомцев не краснеть, не путаться при малейшей шутке и не защищать с таким жаром в одной женщине то, чего они прочим не прощают; научите их также слушать похвалы своим любовницам, не принимая их на свой счет; и если вы позволяете им — в собраниях — не спускать с себя глаз, то пусть научатся сперва скрывать взгляд *завоевания*, столь приметный для знатоков и который столь плохо смешивают они со взглядами любви. Тогда можете вы выставлять их на публичных ваших подвигах, не опасаясь, чтоб поступками своими они оскрамили благоразумную свою наставницу; тогда и я, поставляя особенным счастьем содействовать громкой вашей славе, обещаю сочинить и издать в свете программу нового вашего института.

Но до тех пор, признаюсь вам, не перестану удивляться намерению вашему водить меня за нос. Ох! Как бы я легко отомстил всякой другой женщине! и с каким удовольствием! оно превзошло бы и то, коего вы думали лишить

меня! Точно так, для вас одних могу еще предпочесть удовлетворение мщению. Впрочем, не подумайте, чтобы меня воздерживала неизвестность или малейшее сомнение — нет, я теперь знаю все.

Четвертый уже день живете вы в Париже, всякий день видите с Дансени и только одного его и принимаете. Сегодня даже всем отказывали у ворот ваших; и чтобы не впустить меня, недоставало вашему швейцару той развязности в уверениях, какую вы приобрели. При всем том, по словам вашим я первым должен был узнать о вашем приезде, о том самом приезде, которому не могли вы положить дня, хоть и писали ко мне накануне. Еще ли станете спорить против сих доказательств или думаете оправдаться? И то и другое равно невозможно; я, однако, все еще терплю! Познайте здесь владычество ваше; но поверьте мне, будьте довольны тем, что испытали могущество его, и более не употребляйте его во зло. Мы знаем друг друга, *маркиза!* под сим словом — вы должны все разуметь.

Вы сказали мне, что во весь день не будете дома. Пусть так; положим, что вам нужно выехать — впрочем, я все узнаю, вы этому поверите. Но вечером должно вам наконец возвратиться, и для трудного примирения нашего не много останется времени до утра! Итак, уведомьте меня, у вас ли или *там* будет происходить взаимное и многообразное *удовлетворение*. Чур, однако ж, отправить Дансени. Расстроенная голова ваша занялась им, и я могу еще не досадовать на сие исступление вашего воображения; но не забудьте, что с сей самой минуты часовая, может быть, прихоть сделается очевидным предпочтением; а я, кажется, не сотворен для подобных унижений, тем меньше — ожидать их от вас.

Надеюсь даже, что и пожертвования сего не сочтете вы таковым; но, хотя бы вы и ценили его во что-нибудь, мне кажется, пример мой должен убедить вас: что чувствительная и милая женщина, для одного меня существовавшая и теперь, может быть, умирающая от любви и тоски, очень, очень стоит молодого школьника, если вы хотите довольно смазливой и умной, но не практикованной и хилой.

Прощайте, *маркиза*; о моих чувствованиях к вам не говорю ни слова. Прошу вас только не испытывать меня более. Я ожидаю вашего ответа, но вспомните, когда станете писать, вспомните, пожалуйста, что чем легче для вас заставить меня позабыть обиду, вами мне причиненную, тем сильнее всякий отказ, всякое отлагательство напечатлется на моем сердце в чертах неизгладимых.

Париж, 3 декабря 17...

ПИСЬМО СЛИ

Маркиза де Мертей к виконту де Вальмону

стерегись, виконт, и не раздражай более крайней моей робости! Возможно ли приучить меня к постыдной мысли опасаться своего негодования и, что всего хуже, страшиться твоего мщения? Знаю, что ты имеешь средство очернить меня и что я ничем не могу тебе отплатить. Что бы я ни говорила, состояние твое нимало не пострадает — ни со стороны славы, ни со стороны спокойствия. В самом деле, чего тебе опасаться? Быть принуждену выехать за границу, если дадут время... но в чужих краях хуже ли живут? Если французский двор оставит тебя в покое, там, где расположишься жить, тогда стоит тебе только переменить поле побед. Пойми силу нравственных сих рассуждений! Я приступаю к делу.

Знаешь ли, виконт, почему я вторично не вышла замуж? Конечно, не потому что не нашла довольно выгодной партии, — а потому только, чтобы никто не имел права порицать мои деяния. Не думай также, чтоб я опасалась, что не стали бы более исполнять моей воли; пустое! Я всегда бы поставила на своем: но меня связало бы уже и то, если б кто-либо имел власть жаловаться на меня; словом — хотела обманывать для собственного удовольствия, а не по необходимости! Как же принять от тебя супружеское увещание, на которое не всякий бы и муж отважился? Твердишь мне, с одной стороны, о моих проступках — а с другой выставляешь свои милости и прощение! Но разве можно провиниться пред тем, кому мы ничем не обязаны? Я, право, не понимаю!

Рассмотрим, в чем состоит вся твоя *претензия*! Ты застал у меня Дансени, и это тебе не понравилось. Очень хорошо. Но что ты мог из того заключить? Что он зашел по нечаянности, как я тебе сказывала, или по моему приглашению, чего я тебе и не говорила. В первом случае письмо твое — обидное; в последнем — смешное; стоило труда писать! Но ты ревнив, а ревность не рассуждает! Так стану рассуждать за тебя.

Или у тебя есть соперник, или его нет. Буде есть, так надобно нравиться, чтобы тебя предпочли ему; буде же нет, все-таки надобно нравиться, чтобы его не искали. В обоих случаях должно поступать одинаковым образом: следовательно, не было и причины мучить себя, а тем меньше — беспокоить меня. Неужели ты разучился быть любезнейшим из всех, или не надеешься более на свои успехи? Перестань, виконт, ты сам себя обижаешь! Но я знаю, что это значит, и для того не позволю, чтобы ты и для самого себя принимал так много беспокойств — не отстаешь от благосклонностей моих для того только,

что имеешь надо мною власть. Полно ребячиться, неблагодарный! Не правда ли, что это походит уже на *сентиментальность*? И если бы я захотела продолжать, письмо это могло бы вылиться слишком нежным — но ты не заслуживаешь сего.

Не заслуживаешь также, чтобы и я оправдывалась. А чтобы наказать тебя за твои подозрения, я оставляю тебя при них; и для того ни о моем приезде, ни о дансениевых посещениях не скажу ни слова. Я думаю, ты немало попотел, чтобы разведать все и в подробности, не правда ли? Но успел ли в своем намерении? Желательно, чтоб, по крайней мере, труды сии доставили тебе возможное удовольствие; что касается до меня, они нимало не помешали моим забавам.

Итак, в ответ на грозное твое письмо скажу только то, что оно ни с которой стороны не могло ни понравиться мне, ни утратить меня; и что в настоящем случае меньше, нежели когда-либо, расположена я согласиться на твои требования.

В самом деле, принять тебя таким, каковым ты кажешься теперь, значило бы оказать тебе действительную неверность, и не возобновить ее с прежним моим любовником, но взять нового, который, по всему, далек уже от него. Я не так еще позабыла первого, чтобы ошибиться в сей мене. Вальмон, которого я любила, был прелестен; согласна даже и в том, что мало находила я мужчин любезнее его. Ах! Сделай милость, виконт, если ты его отыщешь, приведи ко мне; его-то приму с распростертыми объятиями.

Уведомь его, однако ж, что никак нельзя сего сделать ни сегодня, ни завтра. *Единоутробный* его много подпакостил ему; в торопливости недолго запутаться! А быть может, что я уступила эти дни Дансени. Ты же сам говоришь в письме своем, что шутить не любишь, когда изменяют своему слову. Итак, видишь, что нехотя надобно пообождать.

И какая тебе в том нужда? Ты знаешь, как отомстишь своему сопернику? Он не хуже обойдется с твоею любовницею, как и ты с его. Впрочем, всякую женщину можно заменить другою, не правда ли? Это твое правило. Самая *нежная, чувствительная, которая существовала бы для одного тебя и умира-ла бы от любви и тоскливости*, равно была бы пожертвована первой прихоти или опасности не быть ни на минуту осмеяну; и ты хочешь, чтоб неволили себя? Справедливо ли это!

Прощай, виконт; будь же помилее! Послушай, я и сама желала бы найти тебя прелестным; и, коль скоро уверена буду в том, то докажу и на деле. Право, я слишком добра!

Париж, 4 декабря 17...

ПИСЬМО СЛШ

Виконт де Вальмон к маркизе де Мертей

пешу отвечать на ваше письмо и постараюсь говорить пояснее, чтобы вы могли понять меня — что с вами не так легко, когда вы задумаете не понимать.

Нужно ли было вступать в бесконечные рассуждения, чтоб показать, что всякий из нас имеет в руках своих орудия на погубление другого и что общая польза требует щадить друг друга; не об этом, однако ж, предлежит речь. Но между крайностью погубить себя и необходимостью оставаться для общей пользы в тесной связи, — что мы и делали — есть еще тысяча средств. Следственно, нисколько не смешно было объявить, равно как и теперь повторить вам, что с сей самой минуты должен я остаться любовником вашим или неприятелем.

Чувствую и сам, что выбор сей тягостен; что для вас выгоднее было бы отделаться увертками, и что вы никогда не любили, чтобы кто-нибудь заставил вас говорить «да» или «нет»; но вы и сами должны бы чувствовать, что я не могу выпустить из тесного сего круга, не опасаясь быть осмеянным — и что я не привык сносить обидных шуток! Теперь ваша очередь решиться! Оставить выбор на вашу волю — могу, но оставаться в неизвестности — не могу.

Предупреждаю вас, однако ж, что не удастся более уловить меня плохими или правильными вашими доводами, что не ослепите также лстивыми надеждами для прикрытия вашего отказа, и что наконец настало время чистосердечия. Я сам подаю пример и с удовольствием объявляю, что предпочитаю всему мир и тесную связь; но если должно уже прервать и то и другое, кажется, я имею на сие все право и все средства.

Остается присовокупить еще, что малейшее сопротивление с вашей стороны приму я за настоящее объявление войны; вы видите, что ответ, коего я испрашиваю у вас, не требует ни длинных, ни мудреватых выражений. Довольно и двух слов.

Париж, 4 декабря 17...

Ответ маркизы Мертей написанный в низу сего же письма:

Коль так — война!

ПИСЬМО CLIV

Госпожа де Воланж к госпоже де Розмонд

екарские записки лучше всего покажут вам, любезный друг, в каком горестном положении находится наша больная, и для того пишу к вам о том, что не касается до ее болезни. Еще новое происшествие, которого никак не ожидала: получить письмо от господина де Вальмона. Он уdstаивает меня своею доверенностию и уполномочивает *х о д а т ь* за него у госпожи де Турвель, к коей приложено было особое письмо. Я отвечала на первое и возвратила последнее. Из письма его ко мне, при сем к вам препровождаемого, вы сами усмотрите, что невозможно было и не должно сделать того, о чем он просит меня. Да если бы я и хотела, несчастная приятельница не в состоянии понимать меня! Бред не прерывается. Но что вы скажете об отчаянии господина де Вальмона? Верить ли ему или думать, что он решился обманывать весь свет до самого нельзя?¹ Если он чистосердечен в сем случае, то может сказать, что сам составил свое благополучие. Я надеюсь, что он не слишком будет доволен ответом моим; признаюсь вам, однако ж, что всякое напоминание о несчастном сем приключении раздирает лишь сердце мое и еще больше вооружает его против виновника.

Прощайте, милостивая государыня; я возвращаюсь к горестным моим заботам, которые тем болезненнее делаются, что вся почти надежда потеряна. Чувствования мои давно вам известны.

Париж, 5 декабря 17...

¹ Поскольку в дальнейшей переписке не обнаружено ничего, что бы могло разрешить это сомнение, рассудили за лучшее пропустить и само письмо господина де Вальмона.

ПИСЬМО CLV

Виконт де Вальмон к шевалье Дансени

ва раза заходил я к тебе, любезный шевалье, но с тех пор, как ты переменил роль любовника на счастливого волюкиту, нельзя уже тебя и застать; это в порядке вещей. Камердинер твой уверил меня, однако, что ты будешь вечером дома и что ему велено тебя дожидаться; но я, будучи уведомлен о твоих затеях, тотчас смекнул, что на минуту только завернешь, чтоб, переодевшись по приличию, опять пуститься за поисками и победами. И это также в порядке вещей, и я хвалю тебя; но, может быть, с сегодняшнего вечера искушение поведет тебя по другой дороге; ты половину только знаешь своих дел: я открою тебе путь к другой, и потом сам решишь. Не поленись прочитать письма моего; оно не отвлечет тебя от твоих забав, а, напротив того, представит новые — не запутайся только в выборе!

Если бы я был у тебя в полной доверенности, если б узнал заблаговременно хотя бы некоторую часть тех тайностей, о которых ты же заставил меня догадываться, усердие мое, нексти услужливое, не расстроило бы сегодня твоего плана. Но остановимся на сем пункте. На что бы ты ни решился, худшее для тебя — составить благополучие другой.

Сегодняшней ночью положено у тебя свидание, не правда ли? С женщиною милою и которую ты обожаешь? В твои лета кого не обожают, по крайней мере первые восемь дней! Место, назначенное для подвигов, придает новое очарование утехам: прекрасный загородный домик, *для тебя одного нанятый*, представляя полную свободу, все покроет тайною. Все улажено: тебя ожидают, и ты с нетерпением собираешься туда лететь! Вот что мы оба знаем, хотя ты мне ничего и не сказывал. Слушай же теперь, чего ты не знаешь и что я должен тебе сказать.

Со дня моего возвращения в Париж думал я беспрестанно о средстве сблизить тебя, по данному обещанию, с девицею Воланж; и в последний еще раз, когда говорил тебе о сем, судя по твоим ответам, могу даже сказать, по твоим восторгам, полагал я, что мои старания составляют твое благополучие. Одному нельзя было успеть в трудном сем предприятии, и для того, приготовив все средства, предоставил остальное усердию милой твоей любовницы. В любви своей нашла она ресурсы, останавливавшие опытность мою; наконец, к беде твоей — во всем успела. Два дня пишет она ко мне, все препятствия преодолены, и благополучие твое зависит единственно от тебя.

В течение также этих двух дней она сама надеялась сообщить тебе сие известие, и, невзирая на частые отлучки своей матушки, приняла бы тебя, но ты и глаз не кажешь? Не скрою от тебя, что, по всем замечаниям, малютка досадует, кажется, и не без причины, что ты так мало заботишься о своей пользе.

Она нашла средство провести меня в свою комнату и вырвала у меня обещание доставить к тебе немедленно п р и л а г а е м о е у сего письмо. Судя по робкой торопливости, можно удариться об заклад, что дело идет о свидании, назначенном на сегодняшний вечер. Как бы то ни было, я обещал честью и дружбою, что ты получишь нежную грамотку вовремя, а потому не могу и не хочу нарушить своего слова.

Теперь, сударь, что ты станешь делать, будучи поставлен между кокетством и любовью — между удовольствием и благополучием? На что падет твой выбор? Если б я говорил с Дансени, которого знал три месяца тому назад, или, по крайней мере, с тем, который дней с восемь назад еще умолял меня, я уверен был бы в его сердце и, следовательно, в поступках его; но настоящий Дансени, которого перехватывают женщины, вдавшийся в волокитство и по обыкновению сделавшийся отчасти бессовестным, предпочтет ли молодую, слишком робкую девицу, не имеющую за собою других достоинств — кроме красоты, невинности своей и любви, — прелестям женщины, совершенно *практикованной*?

Что касается меня, любезный друг, мне кажется, что и при твоих даже прайлах, весьма сходных с моими, — судя по обстоятельствам, я бросился бы к молодой любовнице. Во-первых, прибыло бы одною больше; во-вторых, новизна и, наконец, страх лишиться после стольких трудов лестного плода — от одного только нерадения, — заставил бы меня предпочесть ее: потому что с этой стороны случай совершенно будет потерян и никогда не воротится, особливо после первой слабости: нередко в подобных встречах простая досада, одно пустое подозрение ревности могут помешать надежнейшей победе. Утопающая добродетель схватывается иногда и за веточки, одиножды же спасшись, бывает осторожна и нелегко уловляется!

Напротив того, с другой стороны, чего опасаться? Ни разрыва даже; а если и рассердится, то при мировой вдвое наградит за пропущенное удовольствие. И что, как не снисхождение может противоположить женщина, однажды сдавшаяся? Что выиграет она строгостию? — лишится удовольствия без всякой прибыли для своей славы.

Если, в чем я и не сомневаюсь, возьмешь ты сторону любви, чего требует и самое благоразумие, то, кажется, оно же не позволит извиняться в том, что не можешь быть на свидании; нужды нет, что станут дожидаться: если отважишься предъявить встретившуюся помеху — искушение заставит с л е д и т ь твои шаги для проверки. Женщины любопытны и упрямы; все может открыться! Суди по тому, что случилось со мною. Но если ты оставишь ее в надежде, поддерживаемой самолюбием, то, хотя и увидят обман, но в такое уже время, когда нельзя будет разыскивать. К утру можешь прибрать неодолимое препятствие, удержавшее тебя, например болезнь, смерть даже, если понадобится, или тому подобное; оказывай только побольше отчаяния, и все пойдет на лад!

Впрочем, на что бы ты ни решился, прошу только уведомить меня, и я всем буду доволен — не участвуя тут ни с которой стороны. Прощай, любезный.

В заключение скажу тебе, что мне очень жаль госпожу де Турвель, что разлука с нею доводит меня до отчаяния и что я не пожалел бы полвека своего, дабы посвятить ей остальные свои дни. Ах! Поверь мне — одна любовь может сделать нас счастливыми!

Париж, 5 декабря 17...

ПИСЬМО CLVI

Сесилия Воланж к шевалье Дансени
(приложенное к предыдущему)

ак это делается, милый мой друг, что я перестаяю видаться с тобою, когда не перестаяю желать сего? Неужели ты меньше меня заботаешься об этом? Ах! Теперь-то мне тяжело, сто раз тяжелее, нежели когда мы расставались! Больно было терпеть от других, а от тебя и еще несноснее!

Маменька несколько уже дней сряду не бывает дома; ты это знаешь, и я надеялась, что постараешься воспользоваться свободным этим временем, но ты и не думаешь обо мне; как я несчастна! Недавно упрекал ты меня, что я люблю тебя не так страстно, как ты меня! Я уверена была в противном, и вот тебе доказательство. Если б ты захотел меня видеть, то конечно бы увидел, потому что я не в тебя: занимаюсь тем только, что может нас сблизить и соединить. Ты заслуживаешь, чтобы я ничего не сказывала тебе о том, что я сделала и каких трудов все это стоило мне; но я слишком люблю тебя, и мне так хочется видаться с тобою, что не могу не сказать тебе. Теперь-то увижу, действительно ли ты любишь меня.

Я так спроворила, что швейцар на нашей теперь стороне и что он обещал пропускать тебя, как будто бы ничего не видит: мы можем положиться на него, он человек очень добрый. Остается только, чтоб никто не приметил тебя в доме; а это всего легче, если завернешь вечером, когда все уgomонятся. Например, с тех пор как маменька выезжает, она всегда ложится в одиннадцать часов; сколько еще времени останется!

Швейцар сказал мне, что если вздумаешь прийти, то постучись к нему в окошко; он тебя пропустит; до маленькой же лестницы нетрудно будет пробраться, и как тебе нельзя достать огня, то я приоткрою дверь от своей комнаты, чтобы было посветлее. Берегись, чтоб не наделать шума, а особливо проходя мимо маменькиных дверей. Горничной не опасайся, она дала мне слово, что не будет просыпаться; и эта девушка страх как мила! Назад вернешься тою же дорогою. Посмотрю теперь, придешь ли!

Ах! Отчего так сильно стало биться у меня сердце, когда я начала писать к тебе! Неужели случится со мною какая беда, или же надежда произвела во мне странное это волнение? Чувствую, однако ж, что я никогда не любила тебя так пламенно и никогда нетерпеливее не желала сказать тебе это. Приходи, милый, любезный друг, и доставь мне случай повторить сто раз, что я люблю тебя, обожаю и вечно одного тебя буду любить.

Я нашла средство уведомить господина де Вальмона, что мне нужно с ним переговорить; по дружбе своей, он, конечно, будет ко мне завтра, и я попрошу его, чтоб он тотчас отдал тебе мое письмо. Итак, ожидаю тебя завтра вечером; ты непременно придешь, если Сесилии твоей не хочешь видеть несчастною.

Прощай, милый мой; целую тебя от всего сердца.

Париж, 4 декабря 17..., вечером

ПИСЬМО CLVII

Шевалье Дансени к виконту де Вальмону

е сомневайтесь, любезный виконт, ни о моем сердце, ни о моих поступках: мне ли противиться желаниям Сесилии моей, когда я люблю ее — одну ее люблю и вечно буду любить? Откровенность, нежность ее очаровывают меня; слабости мои мимоходом развлечь их действие, но вовсе истребить — нет, не в силах. Запутавшись в постороннюю интригу, как — и сам не знаю, никогда не забывал Сесилии моей; воспоминания о ней нередко нарушали самые даже приятнейшие удовольствия — и, может быть, сердце мое никогда не воздавало ей искреннейшего почтения, как в те минуты, когда делался я против нее вероломным. Пощадите, однако ж, любезный друг, чувствительность ее и скройте от нее мои шалости, не для обольщения, но чтоб не огорчить ее. Благополучие Сесилии есть одно из ревностнейших желаний моих; и я век не простил бы себе самонадеявшегося проступка, стоившего ей одной слезы.

Чувствую, что я заслужил все ваши насмешки против так называемых вами новых правил моих; но вы можете поверить мне, что не ими руководствуюсь я теперь. Завтра докажу это на деле. Завтра же явлюсь с признанием к виновнице и товарищу заблуждений моих и скажу ей: «Читайте в сердце моем; оно питает к вам нежнейшую дружбу; дружба, подстрекаемая желаниями, так близка к любви!.. Мы оба обманулись; но если мог я впасть в заблуждение, то не могу и не хочу быть вероломным!»! Друга своего я знаю коротко;

она столько же добра, как и снисходительна, и не только простит меня, но и одобрит мое намерение. Не один уже раз сама она укоряла себя за то, что изменила дружбе; не один уже раз нежность ее устрасала ее любовь: будучи благоразумнее меня, она утвердит в душе моей спасительный сей страх, который по безрассудности своей старался я в ней истребить. Ей обязан буду — сделавшись лучшим, а вам — сделавшись счастливее. Любезные друзья! Разделите признательность мою. Мысль, что вы составляете благополучие мое, удваивает цену оною.

Прощайте, любезный виконт! Чрезвычайная моя радость не позволяет мне заняться вашими огорчениями и принять в них надлежащее участие. Для чего могу я быть вам полезным? Госпожа де Турвель, видно, неумолима! Говорят, что она притом очень больна. Как я жалею о вас! Не отчаивайтесь; с возвращением здоровья возвратится снисхождение ее, тогда навсегда утвердит она благополучие ваше. Сего желает дружба, а любовь, верно, исполнит.

Хотелось бы побеседовать с вами подольше, но время не терпит; может быть, Сесилия дожидается уже меня.

Париж, 5 декабря 17...

ПИСЬМО CLVIII

Виконт де Вальмон к маркизе де Мертей
(вручено при ее пробуждении)

то скажете, маркиза? И каково вам теперь после счастливой ночи, в утехх проведенной? Не чувствуете ли некоторой усталости? Признайтесь, что Дансени мил до крайности! Вы ожидали от него таких чудес, не правда ли? Но быть тому: пришлось признаться, что я заслуживаю, чтоб жертвовали мною такому сопернику. По чести, он всякого пленит своими достоинствами! Да и где найти столько любви, постоянства и нежности? О! Если он и вас столько же любит, как свою Сесилию, то не должно опасаться вам никакой соперницы: он доказал вам это сегодняшней ночью. Статься может, что кто-нибудь из женщин силою кокетства и похитит его у вас, но на одно мгновение: молодой человек не умеет противиться прелестным вызовам; одного слова, однако ж — от милой его — довольно, как вы и сами видите, чтоб рассеять призрак сей; итак, остается только вам сделаться милым сим предметом, чтоб быть совершенно счастливою.

Конечно, вы не ошиблись в расчетах; опытность ваша позволяет в том сомневаться. Однако ж соединяющая нас дружба, столь же искренняя с моей стороны, как и дознанная с вашей, заставила меня для вас же пуститься в испытания — это плод моего усердия; успех был полный, но благодарить не за что.

В самом деле, чего мне это стоило? Маловажного пожертвования и ничего не значащей уловки. Я согласился разделять с молодым рыцарем благосклонности его любовницы; он столько же имел на то права, как и я, хотя и не дорожу ею нисколько! Письмо, посланное к нему от Сесилии, я диктовал, чтобы выиграть только время, которое надлежало употребить на лучшее. Мое к нему письмо также ничего не заключало в себе: некоторые замечания дружбы, которыми бы новый любовник мог руководствоваться в выборе, но они были не нужны; надобно говорить правду, он и минуты не колебался.

Вы не верите? Но он сам будет к вам сегодня и по чистосердечию своему все расскажет; я уверен, что вы будете довольны его признанием; он скажет вам: *читайте в моем сердце*; так, по крайней мере, пишет ко мне; после этого как не примириться! Надеюсь, что, читая его признание, там же прочтете, что молодые любовники имеют свои опасности, а равно и то, что лучше иметь меня другом, нежели неприятелем.

Прощайте, маркиза, до первой встречи.

Париж, 6 декабря 17...

ПИСЬМО CLIX

Маркиза де Мертей к виконту де Вальмону
(в виде записки)

не люблю, чтобы к плохим поступкам присовокупляли еще и плохие шутки — это не в моих правилах. Когда кто обижает меня, я не гоняюсь за колкостями, а берусь за мщение. Как бы вы ни были теперь довольны собою, не забудьте, однако ж, что не первый уже раз торжествуете преждевременно и одни о такой победе, которая тогда же и изменяет вам. Прощайте.

Париж, 6 декабря 17...

ПИСЬМО CLX

Госпожа де Воланж к госпоже де Розмонд

пишу к вам из спальни несчастной нашей приятельницы, которая все еще почти в том же положении. После обеда хотели съехаться четыре доктора. К несчастью, все это служит доказательством не надежды, а очевидной опасности.

Кажется, однако ж, что с сегодняшней ночи начинается она приходить в память. Горничная пишет ко мне, что около полуночи госпожа де Турвель призвала ее, выслала всех и велела ей писать чрезвычайно длинное письмо, которое лишь только стала запечатывать, как с нею опять сделался припадок. Юлия не знала, к кому надписать; признаться, мне и самой показалось странно, чтоб нельзя было догадаться по содержанию, кому оно следовало; получив, однако ж, в ответ, что она боялась ошибиться, тем более что больная велела тотчас отправить пакет, я решилась распечатать его.

В самом деле, не относится оно ни к чьему лицу, потому что писано на общее. По всему, однако ж, видно, что несчастная наша приятельница намерена была писать к господину де Вальмону и нехотя предалась замешательству своих мыслей; как бы то ни было, я думаю, что никто не должен знать о сем письме, и для того посылаю его к вам; в нем вы увидите более, нежели я могла бы вам сказать, чем расстроена наша больная. Если ее огорченная чувствительность не уступит, надежда потеряна; тело худо поправляется, когда ослабевает дух!

Прощайте, милый и достойный друг; слава богу, что хотя бы вы избавлены от плачевных явлений, которые беспрестанно должна я иметь пред глазами!

Париж, 6 декабря 17...

ПИСЬМО CLXI

Президентша де Турвель к ...
(писанное горничною под ее диктовку)

ютое и пагубоносное бытие! еще ли не престанешь преследовать меня? еще ли не довольствуешься терзаниями моими — уничтожением, посрамлением? В самом даже гробу лишаешь меня спокойствия? Как! В мрачном сем жилище, в коем стыд велит мне погрестись, ужели мучения не прерываются — ужели надежда неизвестна? Не требую и не заслуживаю ни единой милости, лишь бы горести только мои не превышали сил моих! Для чего же и самые мучения мои делать несносными? Оставляя меня в тоске, отыми и жестокое воспоминание о потерянном благе. Лишив же меня оно-го, не представляй глазам моим убийственного изображения. Я была невинна и спокойна: увидев тебя — лишилась покоя; узнав тебя — сделалась преступницею. Виновник заблуждений моих! какое имешь право наказывать за них? Где друзья, толико любившие меня? где они? Несчастья мои ужасают их. Все удаляются от меня и оставляют без помощи! Умираю, и никто не плачет по мне. Всякое утешение отъято у меня. Жалость останавливается на краю пропасти, в которую ввергается преступник. Угрызения терзают его — и никто им не внимлет.

Ты же, коего я оскорбила; ты, коего почтением умножаются мои мучения; ты — один имея право мстить за себя — где, и что ты делаешь, оставив меня? приди, накажи неверную жену. Пусть претерплю должное! Я охотно бы подверглась твоему мщению, но не имела сил известить тебя о стыде твоём — не из притворства, но из почтения. Пусть, по крайней мере, письмо сие уведо-мит тебя о моем раскаянии. Небо вступилось за тебя; оно связало язык мой, лишило слов — боясь, чтобы ты не отпустил мне прегрешения, за которое го-товилось оно карать меня. Лишением прощения твоего соблюло оно правосу-дие свое!

Неумолимое и в самом мщении своем, предает тому, кто погубит меня. Для него — и от него мучусь теперь! Тщетно хочу сокрыться; он преследует, всюду окружает меня. Но как отличен он от самого себя! Глаза его — излива-ют единое мщение и презрение; уста — укоризны и оскорбления! Кто избавит меня от варварского его неистовства?

Что вижу, однако ж? это он!.. Не обманываюсь; его вижу! Милый друг! Прими в объятия свои, сокрой меня в недра твои; так, это ты, точно ты!

Какой пагубный призрак препятствовал мне узнать тебя? Сколько претерпела я в отсутствии твоём! Останься со мною, останься навсегда. Не оставив дыхания моего. Смотри, как бьется мое сердце! Ах! Не от страха бьется оно, но от сладостного трепетания любви. Для чего отвергаешь нежные мои ласки? Обрати на меня прелестный взор твой! Какие еще узы стараешься прервать? К чему сии приуготовления смерти? Кто мог изменить твои черты до такой степени? Что п р е д п р и н и м а е ш ь? Оставь меня; я трепещу! Милосердый Боже! опять то же чудовище! Милая! не оставляйте меня: вы советовали мне убежать от него, теперь помогите воспротивиться ему. Если нельзя уже видиться с тобою, отвечай по крайней мере на письмо мое, чтобы я знала, что ты любишь еще меня.

Оставь, однако ж, меня, жестокий! С какою лютостию опять восстаешь? Ужели и самая отрада устрашает тебя, чтоб не коснулась души моей? Ты усугубляешь мучения мои, велишь ненавидеть тебя? Но сколь болезненна ненависть! Колико снедает она сердце, изливающее оную! Для чего преследуешь меня?.. Что еще хочешь сказать? Не ты ли довел меня до того, что я не могу ни слушать тебя, ни отвечать тебе? Более не ожидай от меня ни слова.

Париж, 5 декабря 17...

ПИСЬМО CLXII

Шевалье Дансени к виконту де Вальмону

се ваши, сударь, поступки против меня теперь обнаружены. Известно также и то, что вы, проведя меня столь подлым образом, не страшитесь еще тщеславиться тем и торжествуете! Доказательство измены вашей видел я в письме, писанном вашей рукою. Признаюсь, что сердце мое надрывалось от горестных воспоминаний и от стыда, что я сам способствовал вам — обратить во зло слепую мою доверенность... Не завидую, однако ж, постыдной сей удаче вашей, и желаю только испытать: во всех ли случаях равно вы счастливы. Если, в чем я и не сомневаюсь, завтра утром, в девятом часу, придете вы к воротам Венсенского леса, близ деревни Сен-Манде, я постараюсь приготовить все потребное для извлечения от вас дальнейших объяснений.

Шевалье Дансени

Париж, 6 декабря 17..., вечером

ПИСЬМО CLXIII

Господин Бертран к госпоже де Розмонд

илостивая государыня!

С чувствительнейшим сожалением принимаю на себя прискорбную обязанность донести вам, милостивая государыня, о мучительнейшем для сердца вашего приключении. Бог да укрепит вас! Положитесь на Него: Он один подаст потребные силы для перенесения бедствий, коими усеяна горестная наша жизнь.

Господин де Вальмон, племянник ваш... Боже мой! Почему должен я огорчать столь почтенную особу?

Господин племянник ваш, по несчастью, пал на поединке, который он имел сегодня утром с шевалье Дансени. Причина их ссоры во все мне неизвестна: но видно из записки, которую, найдя в кармане господина виконта, при сем честь имею препроводить к вам, по всему видно, говорю я, что не он был начинщиком. И небу угодно, чтоб он же и пал!

Я случился в доме господина де Вальмона в то самое время, когда привезли его. Вообразите же весь ужас мой, когда я увидел господина племянника вашего, плавающего в крови, на руках его людей, в совершенном изнеможении от двух сквозных ран. Господин Дансени провожал его и даже плакал. Ах! Конечно, он должен плакать: но помогут ли слезы, когда ужасное бедствие уже нанесено!

Я не мог вытерпеть, и, хотя сам ничего не значу, но высказал ему все, что лежало на сердце. Но здесь-то господин виконт доказал, сколь он великодушен. Велел мне молчать, взял убийцу своего за руку, называл его другом, обнимал его и сказал нам: «Я требую, чтобы вы имели к сему господину все то почтение, которое заслуживает храбрый и благородный человек». Потом, при мне же, отдал ему пук бумаг, мне неизвестных, но которые, сколько я знаю, всегда берег он с великою важностию. Тут велел он, чтоб мы оставили его на малое время. Между тем послал я за необходимыми пособиями, душевными и телесными, но увы! ничто не помогло!.. Господин виконт лежал без чувств. Едва успели отсоборовать его, то и скончался.

Милосердый Боже! Держа на моих руках при рождении... дражайшую сию подпору знаменитого дома, мог ли я предвидеть, что на моих же руках закроет он глаза и что я же буду оплакивать и кончину его? Кончину столь раннюю и несчастную!.. Слезы льются против воли. Простите, милостивая государыня, если я осмеливаюсь раздражать горесть вашу своею печалью! Во всяком состоянии встречаются чувствительные сердца! И я был бы совершенно неблагодарный человек, если б не стал всю жизнь оплакивать хозяина, столь милостивого ко мне, и который удостоивал меня своею доверенностию.

Завтра, после выноса, опечатаю все вещи; положитесь на расторопность мою. Вам небезызвестно, что несчастным сим приключением духовная, в которой отказали виконту все ваше имение, уничтожается и что вы властны теперь сделать какое вам заблагорассудится распоряжение. Бude могу в чем служить, то покорнейше прошу не оставить меня вашими приказаниями и быть уверенной, что исполню их со всею точностию и ревностию.

Имею честь быть с глубочайшим почтением, милостивая государыня, вашим покорнейшим слугою.

Бертран

Париж, 7 декабря 17...

ПИСЬМО CLXIV

Госпожа де Розмонд к господину Бертрону

ейчас получила я твое письмо, любезный Бертран, вещающее об ужаснейшем приключении, в коем племянник мой сделался несчастною жертвою. Да, ты мне нужен, и я доставляю тебе приказания мои: для них-то оставляю я на несколько минут смертельную мою горестъ.

Дансениева записка, которую ты мне прислал, служит явным доказательством, что он был начинщиком поединка; а потому воля моя есть, чтобы ты тотчас подал просьбу от моего имени куда следует. Простив своему злодею, своему убийце, племянник мой исполнил то, что внушало ему природное его великодушие; но мне должно мстить за смерть, за человечество и за веру. Строгость законов слаба еще против сего остатка варварства, поныне заражающего наши нравы, и я не думаю, чтоб в подобных случаях предписывали нам прощение обиды. Итак, я хочу, чтобы ты принялся за сие дело со всем усердием и деятельностью, которых требует от тебя память моего племянника.

Прежде всего, повидайся с президентом ***, расскажи ему все и проси его советов. Я не пишу к нему от чрезвычайной расстроенности. Извини меня перед ним и покажи ему это письмо.

Прощай, любезный Бертран; хвалю тебя, благодарю за добрые твои чувства и остаюсь навсегда и пр.

Из замка ***, 8 декабря 17...

*...я увидел господина племянника вашего, плавающего в крови, на руках его людей,
в совершенном изнеможении от двух сквозных ран.*

ПИСЬМО CLXV

Госпожа де Воланж к госпоже де Розмонд

ная, что вы, любезный и почтенный друг мой, уведомлены уже о последовавшем с вами несчастии, и зная также всю привязанность вашу к виконту, не могу не изъявить вам искреннего своего сожаления и не принять сердечного участия в жестокой горести, ощущаемой вами в сии минуты. Судьбе, однако ж, угодно, чтоб я и еще умножила печаль вашу: что делать? Плачьте о несчастной нашей приятельнице! Мы лишились ее вчера, в одиннадцать часов полудни. Она пережила виконта, кажется, для того только, чтоб узнать о кончине его и, как сама отозвалась, чтобы пасть под бременем несчастий своих, коль скоро мера оных исполнится.

В самом деле, как вам неизвестно, два дня уже была она без чувств; вчера, когда утром приехал лекарь, хотя и подходили мы к ней, но она не узнавала нас, и мы не могли добиться от нее ни одного слова, знака даже. Но коль скоро отошли к камину и лишь только лекарь начал мне рассказывать о вальмоновой кончине, то несчастная Турвель пришла в память, от перелома ли болезни или от часто повторяемых слов: *Вальмона и его смерти*, — к мыслям, коими только она и занималась.

Как бы то ни было, раздернув с поспешностию занавес у кровати своей, вскричала она: «Как! Вы говорите, что Вальмон умер!» Тщетно старалась я успокоить ее, уверяя, что она не вслушалась, — никакие уверенья не действовали: она требовала от лекаря, чтобы он рассказал ей все подробности несчастного сего приключения. Я принялась опять уговаривать ее; но она, подождав меня, сказала тихо: «К чему обманывать? Разве он не умер для меня?» Надлежало исполнить ее волю. Несчастливая наша приятельница слушала сначала очень покойно, но вскоре прервала повествование, сказав: «Перестаньте, я довольно слышала». Просила, чтоб задернули занавес, и более не позволила лекарю подходить к ней.

Не успел он отправиться, то, выслав всех женщин, просила меня, чтобы я приподняла ее и пособила ей привстать на колени. Несколько минут пребыла она в сем положении, ничего не говоря и обливаясь слезами. Потом сложила руки и приподняла их к небу: «Всемогущий Боже! — сказала она слабым, но сокрушенным голосом, — не ропщу на правосудие Твое, но молю, отпусти Вальмону прегрешения его! Не постави ему во осуждение напастей, мною по достоянию претерпеваемых, да тем воспрославится милосердие Твое!» Я вошла в сии подробности, столь тягостные вашему сердцу, будучи уверена, что молитва госпожи де Турвель, конечно, подаст некоторую отраду скорбящей душе вашей.

Окончив сии слова, она опустилась ко мне на руки; и лишь только я положила ее в постель, то опять сделался с нею припадок и продолжался очень долго. Придя в память, просила она послать за отцом Ансельмом, примолвив: «Этот-то врач нужен мне теперь; чувствую, что страдания мои скоро окончатся!» Жаловалась на тягость в груди и с трудом могла говорить.

Вслед за сим приказала горничной подать ларчик, при сем препровождаемый, и просила меня переслать его к вам, коль скоро навеки закроет она глаза¹; по словам ее, в нем хранятся важные бумаги.

Отец Ансельм приехал в четыре уже часа и пробыл с нею наедине до шестого. Когда позвали нас, больная имела вид спокойный и веселый; но нетрудно было заметить, что отец Ансельм сильно плакал. Он оставался для исполнения последнего христианского долга. Картина сия, столь величественная и столь горестная, делалась и еще трогательнее противоположностью, которую составляли твердое и безмятежное упование больной и жестокая печаль ее духовного отца — почтенного старца, заливавшегося слезами, сидя у ее изголовья. Уныние было общее, и та только не плакала, которую же оплакивали!

Остальную часть дня провели мы в обыкновенных молитвах, которые, однако ж, прерываемы были частыми припадками больной. Наконец, на исходе одиннадцатого часу я заметила, что дыхание ее становилось тяжелее. Я протянула руку, чтоб посмотреть у ней пульс; она столько еще имела силы, что схватила ее и прижала к своему сердцу. Я не чувствовала никакого биения — несчастная в то же мгновение испустила дух!

Помните ли, милый друг, во время последнего вашего сюда приезда, нет еще тому и году, разговаривая вместе о некоторых особах, благополучие коих казалось нам более или менее сомнительным — с удовольствием остановились мы на счастливой участи сей самой женщины, которой должны теперь оплакивать и несчастья, и кончину! Столькие добродетели, любезные качества, приятность; столь кроткий и обходительный нрав; муж, которого она страстно любила и которой обожал ее; прелести, молодость, богатство, — все сии выгоды исчезли от одной неосмотрительности! О! Провидение! Нельзя не благоговеть к Твоим определениям, но сколь они непостижимы! Я прерываю, опасаясь умножить вашу горесть описанием своей тоски.

Прощайте. Спешу к дочери; она, узнав сегодня утром о скоропостижной кончине двух особ, ей з н а к о м ы х, занемогла и сама. Я велела ей лечь в постель; кажется, однако ж, что легкий припадок сей не может иметь последствий. В ее годы нельзя еще приобрести привычки к прискорбиям, и потому впечатление их бывает живее и сильнее. Чувствительность эта, столь деятельная, есть, конечно, похвальное свойство, но, видя перед глазами столь странные происшествия, должно всего страшиться! Прощайте, любезный и почтенный друг!

Париж, 9 декабря 17...

¹ В ларчике сем находились все письма, относящиеся до знакомства и связи ее с Вальмоном.

ПИСЬМО CLXVI

Господин Бертран к госпоже де Розмонд

илостивая государыня!

Вследствие предписания вашего, коим угодно было вам, милостивая государыня, удостоить меня, имел я честь быть у господина президента *** и, сообщив ему письмо ваше, объявить, что исполняя волю вашу, ожидаю его повелений. Почтенный сей начальник поручил мне донести вам, что просьба, которую намерены вы подать на Дансени, будет тягостна для памяти племянника вашего и что честь его пострадает, когда дело дойдет до судейского определения; несчастье немалое! Мнение его то, чтоб постараться пресечь всякие следствия, которые правительство легко может приказывать произвести, будучи извещено о несчастном сем приключении.

Замечания сии показались мне очень справедливыми, почему и решился ожидать дальнейших ваших приказаний.

Не откажитесь, милостивая государыня, вместе с оными приказать уведомить меня и о здоровье вашем, которое, конечно, должно быть расстроено от стечения толиких горестей. Я надеюсь, что вы простите усердию моему сию вольность.

Имею честь быть с глубочайшим почтением и пр.

Париж, 10 декабря 17...

ПИСЬМО CLXVII

Безымянное к шевалье Дансени

есть имею известить вас, что сегодня утром между королевскими приближенными, съехавшимися ко двору, шла речь о поединке, который имели вы недавно с виконтом де Вальмоном, почему и ожидать должно, что правительство возьмет свои меры. Извещение сие принесет вам немалую пользу, если вы употребите ходатайство ваших благодетелей для отвращения неприятных следствий и для собственной вашей безопасности.

Впрочем, буде позволите сказать вам свое мнение, я советовал бы вам показываться на публике не так часто,

как вы делаете, и, невзирая на снисхождение, которое обыкновенно оказывают к подобным случаям, поболее уважать законы.

Предосторожность сия тем нужнее, что мне известно уже, что какая-то госпожа де Розмонд, как говорят, вальмонова тетка, намерена подать на вас просьбу; тогда-то правительство не сможет отказать ей в удовлетворении. Не худо бы, кажется, подослать кого-нибудь к этой даме, чтобы упротить ее оставить свою жалобу.

Важные причины не позволяют мне подписаться под сим письмом; но я надеюсь, что вы, конечно, отдадите справедливость чувствам имеющего честь быть и пр.

Париж, 10 декабря 17...

ПИСЬМО CLXVIII

Госпожа де Воланж к госпоже де Розмонд

азнесшиеся здесь слухи о госпоже де Мертей весьма странны и неприятны. Вы знаете, любезный и почтенный друг мой, сколь мало расположена я верить тому, что почитаю ужасною клеветою, но, зная также, что и самое невероятное злоречие принимается всюду и что оставляемые впечатления истребляются нелегко, должна стараться о скором изобличении оных. Вчера только вечером услышала я о постыдном сем вымысле, начинающем распространяться; утром посылала проведать госпожу де Мертей, но посланному отвечали, что она уехала на мызу и пробудет там дня с два. Никто из людей не знает, к кому она поехала. Помощница горничной ее, которую я призывала к себе, говорит только, что госпожа ее велела ожидать себя в четверг. У кого же она гостит? Никто из знакомых не живет теперь за городом.

Как бы то ни было, вы одни можете доставить мне до ее возвращения потребные сведения, служащие в ее пользу: все ненавистные сии слухи основываются на некоторых обстоятельствах, открывающих будто истинную причину вальмонова поединка. Справедливость сих обстоятельств вам уже известна, по крайней мере, вы скорее всех можете их узнать; о сем-то и прошу вас. Впрочем, вот что рассказывают, или, лучше сказать, проговаривают сквозь зубы.

Говорят, что ссора, происшедшая между виконтом и Дансени, есть умысел госпожи де Мертей; что она обманывала их обоих; что, как обыкновенно

водится, соперники сперва подрались, а потом изъяснялись; что за изъяснением последовало примирение и что виконт для изобличения госпожи де Мертей и для собственного оправдания отдал Дансени кучу бумаг, содержащих переписку его с маркизой, в коей рассказывает она о себе самой и самым вольным образом соблазнительнейшие анекдоты.

К сему присовокупляют, что Дансени — в первом жару — давал читать сии письма всякому, кто ни просил, и что они ходят теперь по всему городу. Более всего говорят о двух¹: о том, в котором она описывает всю жизнь свою и правила, если верить, самые мерзкие, и о другом, которое служит к совершенному оправданию господина де Превана, потому что свидание было назначено с общего согласия; последствия сего приключения вам довольно известны.

К счастью, все заставляет меня верить, что сии слухи столь же ложны, как и ненавистны. Во-первых, обе мы знаем, что виконт не мог заниматься госпожою де Мертей; за Дансени же я вам порукою, что он не занимался ею; итак, по всему видно, что она не могла быть ни поводом, ни главною причиною их поединка. Не поверю также, чтоб и госпожа де Мертей, будучи в согласии с Преваном, захотела пустить в огласку такое происшествие, которое могло бы иметь для нее опаснейшие следствия, сделав непримиримым врагом человека, знавшего ее тайны и имевшего тогда многих друзей. Притом должно заметить и то, что после случившегося с ним приключения никто не вступился за него, да и сам он нигде не просил.

По сим-то размышлениям начинаю я подозревать, что Преван, а не другою кто, выдумал разнесшиеся теперь слухи, и считаю клевету сию не иначе как следствием ненависти и мщения того человека, которой, видя себя погибшим, надеется сим средством навестить сомнение или, по крайней мере, сделать выгодное развлечение. Но с которой бы стороны ни происходили пакости сии, всего нужнее истребить их. Они бы сами собою исчезли, если бы виконт и Дансени не объяснились после несчастного их дела и если б Вальмон, как говорят, не отдал ему своих бумаг.

В нетерпеливости — желая проверить сии слухи — посылала я сегодня поутру к Дансени; но и его нет в Париже. Люди его сказывали моему камердинеру, что он, получив какое-то письмо, отправился ночью, а куда — никто не знает. Конечно, он опасается последствий своего дела. От вас одних, почтенный мой друг, могу я получить подробные о всем сведения, столь нужные для госпожи де Мертей. Повторяя мою просьбу о скорейшем доставлении оных, есмь и пр.

P. S. Припадок дочери моей не имел, слава богу, никаких следствий; она свидетельствует вам свое почтение.

Париж, 11 декабря 17...

¹ Смотри письма LXXXI и LXXXV сей переписки.

ПИСЬМО CLXIX

Шевалье Дансени к госпоже де Розмонд

илостивая государыня!

Предпринимаемое мною намерение, может быть, покажется вам и наглым, и странным; но заклинаю вас, милостивая государыня, выслушать меня, не делая никаких заключений, и не вменять почтения и доверенности моей в дерзость или трусость. Чувствуя, сколь я виновен пред вами, во всю жизнь не простил бы себе проступка сего, если бы мог хоть подумать, что от меня зависело избежать его. Поверьте, однако ж, милостивая государыня, что, избавлен будучи от укоризн сих, не избавлюсь никогда от мучений совести и что невольным умножением вашей печали растрavляю и свои горести. Чтобы не усомниться в сих чувствах, в коих смею уверить вас, стоит вам отдать себе справедливость и взять в рассуждение, что, не имея чести пользоваться вашим знакомством, имею счастье вас знать.

Между тем, однако ж, как я плачусь на злобный рок, нанесший в одно время вам толикую скорбь, а мне толикия несчастья, меня заставляют опасаться новой беды, утверждая, что вы, предавшись мщению, не убоитесь искать удовлетворения и в самой строгости законов.

Но позвольте сделать вам примечание, что в сем случае горесть ваша вводит вас в заблуждение, потому что в этом деле честь виконта и моя сопряжены нераздельно, и что он неминуемо включен будет в приговор, который последовал бы против меня по вашему настоянию. Итак, кажется, я вправе ожидать с вашей стороны не препятствий, а пособия в стараниях моих предать несчастное сие приключение вечному забвению.

Но подобная увертливость, смешивающая виновного с невинным, не удовлетворяет еще разборчивой моей чувствительности! Стараясь удалить вас, как истца, прошу вашего мнения как судьи. Уважение особ, нами почитаемых — бесценно, и я не могу позволить вам лишить меня оно, не представив своего оправдания.

В самом деле, если вы признаете, что мщение позволительно, или, лучше сказать, необходимо, когда изменяют нам в любви, в дружбе, а особливо в доверенности, если вы признаете истину общего сего правила, все мои преступления исчезнут в глазах ваших. Не доверяйте моим словам и прочитайте,

буде сил ваших достанет, переписку, которую могу¹ вверить только вам. Бóльшая часть оригинальных писем не позволяет сомневаться и о копиях, к ним приложенных. Заметьте также, что все сии бумаги получил я от самого виконта; я ничего не прибавил и не утаил, исключая два письма, которые почел за нужное пустить в публику.

Первое потребно для отмщения за покойного виконта и за меня; мы оба имеем на то право, и Вальмон поручил мне исполнить сей долг. Притом же надеюсь оказать услугу и обществу, обнаружив пред ним женщину столь опасную, какова госпожа де Мертей и которая, как вы сами увидите, есть главная и единственная причина всему, что ни произошло между Вальмоном и мною.

Справедливость требовала обнародовать и второе письмо — для оправдания господина де Превана, с которым я почти вовсе не знаком, но который нимало не заслуживал ни тягостного наказания, правительством положенного, ни строгого осуждения публики, столь для всех опасного и под оковами коего стенает он по сие время, не имея никаких средств к изобличению виновницы.

Оба сии письма прилагаю в копии; подлинные остаются у меня; все прочее вверяю вам; и хотя залог сей очень важен для меня, но я стыжусь воспользоваться оным, да и участвующие, кажется, особы будут довольны, узнав, что бумаги сии находятся в ваших руках. Я избавляю их от убийственного замешательства принимать от постороннего доказательство на такие происшествия, которые желали бы они сокрыть от всего света.

Долгом также поставляю уведомить вас, что препровождаемая к вам переписка есть малая только часть огромной связки, из коей виконт при мне вынул ее и которую найдете вы при распечатывании сундуков его под следующей надписью: «*Счеты и расчеты между маркизою де Мертей и виконтом де Вальмоном*». В рассуждении остальных сих бумаг делайте, что благоразумие ваше внушит вам.

Имею честь быть и пр.

P. S. Следуя предостережению и советам друзей моих, решился я оставить Париж на некоторое время; местопребывание мое скрыто от всех, но для вас не может быть оно тайною. Если вы удостоите меня ответом, то покорнейше прошу написать на имя командора *** через П***, из деревни и дому коего имею честь писать к вам, пребывая.

Париж, 12 декабря 17...

¹ Из сей-то переписки, присланной по смерти президентши де Турвель, и из писем, вверенным госпоже де Розмонд госпожою де Воланж, составили предлагаемое собрание писем, подлинники коих хранятся и по днесь у наследников госпожи де Розмонд.

ПИСЬМО CLXX

Госпожа де Воланж к госпоже де Розмонд

то со мною будет, любезный и почтенный друг мой? Я перехожу, так сказать, от удивления к изумлению и от одной печали к новым горестям. Надобно быть матерью, дабы чувствовать, чего мне стоило вчерашнее утро; и хотя страхи мои отчасти уменьшились, но жестокое беспокойство остается, и я не предвижу ему конца.

Вчера, на исходе десятого часа утра, видя с удивлением, что дочь моя не сходила еще ко мне, послала я горничную свою узнать, что было причиною такой медлительности. Минуту спустя прибежала она в испуге и срезала меня, объявив, что нигде не нашла Сесилии и что и горничная ее не знает, куда она скрылась: вообразите себе мое положение! Я созвала всех людей, особенно швейцара; все клялись, что ничего не знают. Потом я пошла в ее комнату. Все было в беспорядке, из чего я и заключила, что она вышла на рассвете. Осмотрела все комоды и письменный столик — ничто не открывало следов: вещи и платье лежали на своем месте; она не взяла даже и кошелька своего с деньгами.

Вспомнив, что она только вчера слышала о разнесшихся слухах о госпоже де Мертей, что была ей предана до того даже, что весь вечер проплакала, вспомнив также, что она ничего не знала об отъезде госпожи де Мертей, я сперва подумала, что Сесилия пошла навестить ее, и по глупости отправилась к ней на мызу одна. Время, однако ж, в которое надлежало ей возвратиться, возвратило мне одни лишь беспокойства. Всякая минута усугубляла терзания мои, и я, нетерпеливо желая узнать все, не смела ни осведомиться, ни разведывать, опасаясь пустить в огласку такой поступок, который, может быть, нужно будет скрыть ото всех. Во всю мою жизнь я столько не страдала!

Наконец, в третьем уже часу я вдруг получила два письма, одно от дочери, а другое от игуменьи К*** монастыря. Дочь пишет только, что, опасаясь, чтобы я не воспротивилась внутренней ее склонности постричься в монахини, не смела говорить мне о том, и в заключение просит прощения в том, что без моей воли приняла такое намерение, которое я и сама, конечно, одобрила бы, если б знала побудившие ее к тому причины, которых, однако ж, закликает не принуждать ее открыть.

Игуменья, со своей стороны, уведомляет, что, видя молодую девицу одну в монастыре, не хотела было и принять ее; но, расспросив и узнав о ее состоянии, рассудила, что окажет мне услугу, дав убежище дочери моей и избавив ее от дальнего странствования, на что, по-видимому, она готова была пуститься. Игуменья, соглашаясь отдать дочь назад, буде я ее потребую, просит, по обыкновению своему, не противиться, по словам ее, столь решительному обету; и, наконец, извиняется, что не уведомила меня о сем происшествии поранее, потому что едва могла убедить Сесилию отписать ко мне — она была намерена скрыть свое местопребывание от всего света. Жестоко переносить, когда дети сумасбродствуют!

Я тотчас отправилась в монастырь к игуменье и потребовала свидеться с дочерью. С трудом могли ее привести — она вся дрожала. Я говорила с нею при собрании — и наедине: она твердила мне одно, заливаясь слезами: «В монастыре только могу быть счастлива!» Я позволила ей остаться, не вступая в послушницы, чего она убедительно просила. Боюсь, не смерть ли госпожи де Турвель и виконта де Вальмона расстроили ее! При всем моем почтении к монашескому сану, не могу без горести и ужаса подумать даже, чтоб дочь моя добровольно захотела постричься. Мы имеем столько обязанностей, что нет, кажется, нужды гоняться за новыми, и в ее ли лета можно знать, что нам свойственно и прилично!

Но более всего умножает тоску мою господин де Жеркур, которого ожидают сюда в скором времени; ужели должно разорвать выгодную сию партию! Кто же составит благополучие детей своих, если ни желания, ни старания недостаточны? Не оставьте меня, почтенный друг, своими советами; я ни на что не могу решиться; решить же жребий ближнего, дочери — и того ужаснее! В настоящем случае равно опасно употребить и строгость судьбы, и слабость матери.

Чувствую и ежечасно упрекаю себя, что умножаю горесть вашу, говоря о своих несчастиях; но сердце ваше мне известно. Утешение, доставленное другим, есть и ваше собственное.

Прощайте, любезный и почтенный друг; ответа вашего на оба мои письма ожидаю с крайним нетерпением.

Париж, 13 декабря 17...

*...она твердила мне одно, заливаясь слезами:
«В монастыре только могу быть счастлива!»*

ПИСЬМО CLXXI

Госпожа де Розмонд к шевалье Дансени

осле всего того, что вы, государь мой, писали и доставили ко мне, остается плакать и молчать. Жить для того только, чтобы быть свидетельницею неслыханных мерзостей, тягостно; быть женщиною и видеть, что одна из них в состоянии была пуститься на подобные злодейства, постыдно.

Государь мой, я охотно соглашаюсь предать молчанию и забвению все последствия несчастной сей связи, равно как и само приключение, наказавшее виновного, и желаю даже, чтоб вы других терзаний не чувствовали, кроме тех, кои неразлучны с горестным преимуществом, одержанным вами над моим племянником. Невзирая, однако ж, на все его проступки, к несчастью, довольно гласные — вижу, что ничто не утешит меня в потере сей и что вечно буду оплакивать его! Вот все мое мщение против вас — пусть сердце ваше измерит тягость оногo.

Позвольте, однако ж, сделать вам некоторое примечание, которого в ваши лета еще не делают, а именно: что если б все старались познать истинное свое благополучие, то не искали бы его вне пределов, положенных законами и верою.

Впрочем, вы можете быть уверены, что переданный мне залог будет сохранен во всей целости; и для того прошу уполномочить меня никому не отдавать его, даже и вам самим, без крайней необходимости, как то: оправдания вашего. Я ласкаю себя надеждою, что вы охотно согласитесь на мою просьбу; после горестного испытания столь мучительно предаваться и самому справедливому мщению.

Итак, полагаясь на ваше великодушие и разборчивую чувствительность, ожидаю, что доставите также ко мне и письма девицы Воланж, без сомнения у вас оставшиеся и которые теперь, конечно, не имеют для вас никакой цены. Знаю, сколь она виновна пред вами, но я не думаю, чтоб вы захотели наказать ее; самое даже почтение к самому себе не позволит вам срамить ту, которую вы столько любили. Следственно, и не для чего напоминать, что если дочь не достойна уважения, то, по крайней мере, мать заслуживает оногo; сия почтенная мать, против коей вы погрешили, и немало! Как вы ни оправдываете мнимую честность в чувствах, но кто первый покушается обольстить простое и невинное еще сердце, тот делается первым виновником развратности его и должен отвечать за последующие крайности и заблуждения.

Не удивляйтесь, государь мой, видя, что я сужу с такою строгостию; она служит истинным доказательством совершенного моего к вам почтения. Вы приобретете на него новые права, если оставите в скрытности такую тайну, которая чрез огласку сделает вам много вреда и нанесет смертельный удар сердцу матери, и без того вами обиженной.

Словом, хочу этим услужить другу моему; и если бы могла сомневаться, что вы откажете мне в сем утешении, то напомнила бы вам, что эту только от-раду вы мне и оставили.

Имею честь быть и пр.

Из замка ***, 15 декабря 17...

ПИСЬМО CLXXII

Госпожа де Розмонд к госпоже де Воланж

сли б должно было дожидаться из Парижа требуемых вами сведений, милый мой друг, о госпоже де Мертей, конечно, не имели бы вы от меня столь скорого ответа; и что бы я получила оттуда, кроме необстоятельных и неверных слухов? Но доставленные ко мне известия, — от кого я и не ожидала и ожидать не могла, — к несчастью, слишком достоверны. Ах! Милая моя! Как эта женщина обманула вас!

Не входя в подробности и не имея сил приступить даже к сей громаде мерзостей, скажу только, что никакие слухи, никакие вымыслы не могут сравняться с ее злодействами. Я надеюсь, милая моя, что вы, зная меня так коротко, поверите словам моим и не станете требовать дальних доказательств: довольно вам знать, что целая куча оных находится теперь в моих руках.

По сим самым уважениям прошу уволить от советов, которых вы ожидали от меня в рассуждении дочери вашей. Всего вернее, кажется, не препятствовать ее намерению. Конечно, никакие несчастья не могут побудить отречься от мира, если нет к тому внутреннего побуждения; но иногда и само желание сие должно почитать совершенным благополучием, тем более что дочь ваша сама говорит, что вы одобрили бы ее намерение, если б знали, какие причины завлекли ее в монастырь. Руководствующий чувствами нашими знает лучше всех наши тщетные умствования, что для всякого спасительно; и нередко то, что нам кажется действием Его строгости, напротив того, есть действие Его благодати.

Словом, мнение мое, которое, конечно, огорчит вас, а потому и покажется вам необдуманном, состоит в том, чтобы вы оставили дочь вашу в монастыре, когда уже сама она избрала себе сей род жизни; чтоб одобрили и отнюдь не противились принятому ею намерению и чтоб в ожидании исполнения одного отказали жениху без дальних размышлений.

Исполнив тягостную сию обязанность дружбы и лишена будучи всех средств к утешению вашему, из милости прошу вас, любезный друг, не требовать от меня никаких сведений о несчастном сем происшествии: оставим его в надлежащем забвении. Всякое исследование было бы бесполезно и горестно: определения Всемогущего непреложны; надобно покоряться им и верить, что намерения Его благи, даже и тогда, когда не позволяют нам постигать их. Прощайте, почтенный друг!

Из замка ***, 15 декабря 17...

ПИСЬМО CLXXIII

Госпожа де Воланж к госпоже де Розмонд

аким ужасным покровом прикрываете вы, почтенный друг, гибельную участь дочери моей и сами же страшитесь, чтоб я не покусилась приподнять его! Что еще утаиваете от меня? Что может быть убийственнее для сердца матери несносных подозрений, в которые вы меня ввергаете? Чем более размеряю дружбу и снисхождения ваши ко мне, тем более терзания мои умножаются: раз двадцать со вчерашнего дня покушалась я, дабы избавиться от жестокой сей неизвестности, принудить вас убеждениями объявить мне все без пощады, и всякий раз трепетала от ужаса, вспомя, что вы наложили на меня клятву ни о чем вас не спрашивать. Наконец решилась, с некоторою надеждою, обратиться к вашей дружбе: скажите — поняла ли я то, чего вы не хотели мне сказать и что снисхождение матери может еще загладить? Бude же несчастья мои превосходят и это предположение, в таком случае согласна и я, чтобы вы изъяснились молчанием. Впрочем, вот что мне известно уже и чего страшусь еще.

Дочь моя имела некоторую склонность к шевалье Дансени; узнав, что она получала от него письма и даже отвечала ему, я тотчас взяла свои меры, чтоб не допустить детской сей слабости до опасных следствий; но теперь, когда всего пришлось страшиться, думать должно, что надзор мой, может быть, был слаб, и я боюсь, не довершила ли своего заблуждения обольщенная Сесилия!

Предположение сие подтверждают все о б с т о я т е л ь с т в а, которые привожу я себе на память. Помните ли, как я писала вам, что дочь моя занемогла, услышав о несчастьи, последовавшем с виконтом де Вальмоном? Может быть, чувствительность сия происходила от одного воображения о тех опасностях, коим Дансени подвергался в сем бою. Она плакала при разнесшихся

слухах о госпоже де Мертей; но, может быть, то, что я почитала состраданием дружбы, было действием ревности или досады — видеть любовника своего вероломным. Сии самые причины, кажется, изъясняют и последний ее поступок. Нередко думаем мы, что возвышаемся к Богу, на самом же деле ненавидим только свет. Итак, удивительно ли, что вы, зная справедливость сих событий, подаете мне столь жестокий совет?

Однако ж, если все сие случилось уже, то и тогда, порицая дочь свою, все еще должна я стараться спасти ее от терзаний и опасности мечтательно-го и мгновенного обета. Буде Дансени не потерял вовсе чувствий честности, я думаю, он не откажется загладить то, чему сам был главным виновником... Наконец, можно, кажется, сказать, что столь выгодная женитьба должна по-льстить как ему, так и всей его фамилии.

Вот, любезный и почтенный друг мой, единственная моя надежда. Подтвердите ее без отлагательства, если это в вашей возможности. Судите теперь сами, с каким нетерпением должна я ожидать вашего ответа и каким смертельным ударом поразит меня ваше молчание¹.

Я печатала уже письмо, когда один из моих приятелей, пришедший навестить меня, рассказал новое приключение, покрывшее стыдом госпожу де Мертей. Все эти дни ни с кем я не виделась, следственно, ничего и не могла слышать о сем происшествии. Вот, однако ж, что мне сказывал очевидный сей свидетель.

Госпожа де Мертей, возвратясь третьего дня с мызы, проехала прямо в Итальянский театр: она имеет там ложу и сидела одна; всего страннее должно было казаться ей то, что во весь спектакль ни один мужчина не входил к ней. Перед разъездом зашла она по обыкновению своему в переднюю залу, где собралось множество знати; вдруг поднялся шепот, которого, однако, видно, не хотела она принять на свой счет, и, найдя пустое место на лавке, спокойно села; но в ту же минуту все дамы, сидевшие рядом с нею, как будто согласясь, встали и оставили ее совершенно одну. Столь приметное негодование было одобрено всеми мужчинами; шум умножился, и, как говорят, начали было уже и посвистывать. Посрамление ее тем еще не кончилось! На беду ее, Преван, который никуда не показывался после своего приключения, в то же самое время появился в зале. Лишь только увидели его, все — мужчины и женщины — окружили его, и, так сказать, носили на руках перед госпожою де Мертей в полном торжестве. Уверяют, что она показывала вид, будто ничего не слышит и не примечает, и что и в лице даже не переменилась; полно, не прибавляют ли! Как бы то ни было, положение сие, столь для нее постыдное, продолжалось, пока не закричали, что подали карету; тут со всех сторон поднялись хохот и свист. Прискорбно быть в родстве с этою женщиною! Превана обласкали все случившиеся тут офицеры, и теперь все уверены, что он получит прежнее место.

¹ Письмо это осталось без ответа.

Тот же самый приятель сказывал еще, что госпожа де Мертей почувствовала на следующую ночь сильный озноб; все думали, что лихорадка произошла от жестокого волнения, которое она принуждена была выдержать в зале; но со вчерашнего вечера открылась оспа, и самая злая. Признаться, смерть была бы совершенным для нее благополучием. Говорят также, что приключение это испортит все ее дело, которое на днях будут слушать и для которого потребно покровительство всего парламента.

Прощайте, почтеннейший друг; из всех сих происшествий вижу, что наносящие вред наказываются, но не нахожу в том ни малейшего утешения для несчастных, сделавшихся их жертвами.

Париж, 18 декабря 17...

ПИСЬМО CLXXIV

Шевалье Дансени к госпоже де Розмонд

уждения ваши, милостивая государыня, столь справедливы, что я ни в чем не могу отказать вам. В прилагаемом к сему пакету содержатся все письма девицы Воланж. Если положение ваше позволит вам прочесть их, вы, конечно, удивитесь, как можно с таким простодушием быть столь вероломной. Замечание сие более всего поразило меня при последнем чтении ее писем.

Но можно ли воздержаться от негодования против госпожи де Мертей, видя, с каким жестоким удовольствием старалась она развратить толику невинность и чистосердечие?

Нет, любовь моя исчезла навсегда!.. Чувствие это не может существовать при столь постыдной измене; и, конечно, не оно усиливается теперь оправдать девицу Воланж! Однако беспритворное сие сердце, кроткий и сговорчивый сей нрав с большею еще удобностию обратился бы к добру, если б не был увлечен ко злу. Кто из воспитанниц, выйдя из того же самого монастыря безо всякой опытности и почти без понятий и вступив в свет, как и всегда водится, с равным неведением доброго и худого; которая девица, говорю я, могла бы долее противиться столь злодейским ухищрениям? Ах! Чтобы быть снисходительным, довольно размыслить, сколько обстоятельств, не зависящих от нас, производят ужаснейший перелом, укореняя нашу честность, или навсегда развращая наши чувствования!

Точно так, милостивая государыня, и вы справедливо судили, полагая, что проступок девицы де Воланж, сколь, впрочем, ни обидный, не побудит, однако,

*Перед разъездом зашла она по обыкновению своему в переднюю залу,
где собралось множество знати...*

меня ко мщению. Довольно и того, что я должен перестать любить! Ненавидеть ее — свыше сил моих.

Мне ли нужны были размышления, чтоб почувствовать, сколь потерпела бы она, если б кто-нибудь узнал о ее приключении? С моей стороны, отвечаю вам за вечное молчание; если я и медлил исполнением вашей воли, то имел на то свои причины, которых не могу от вас скрыть: прежде всего желал удостовериться, не станут ли беспокоить меня по следствиям несчастного сего дела. Прося же вас, смею сказать, с некоторым на то правом предать забвению прошедшее, опасался еще, чтоб не сказали, что сим именно пожертвованием получил я от вас прощение. Честолюбие мое, признаюсь, не позволяло также, чтоб и вы могли в том усомниться. Вот мое оправдание, и я надеюсь, что вы не взыщете за сию разборчивость, а особливо в таком случае, где надлежало приобрести ваше почтение.

Сие же чувство побуждает меня теперь просить у вас последней милости: уведомить меня, не сделал ли я какого упущения в рассуждении обязанностей, которые налагали на меня несчастные обстоятельства, со мною встретившиеся. Коль скоро успокоен буду и с сей стороны, тотчас отправлюсь на Мальту для совершения добровольной клятвы отделиться от такого света, который в молодости моей нанес уже мне столькие огорчения! Там, вне отечества, постараюсь истребить и самую память неслыханным и злодейским сим умыслам, воспоминание коих не преминуло бы омрачать и стеснять мое сердце.

С совершенным почитанием имею честь быть и пр.

Париж, 26 декабря 17...

ПИСЬМО CLXXV

Госпожа де Воланж к госпоже де Розмонд

аконец жребий госпожи де Мертей, кажется, свершился, почтенный мой друг! Положение ее таково, что и первейшие враги ее негодуют на нее, но сожалеют еще о ней. Недаром говорила я, что она счастливее была бы, когда б умерла от оспы. Она спаслась, но без милосердия изуродована и лишилась одного глаза. Вы, конечно, отгадываете, что я не могла видаться с нею... говорят, однако ж, что нельзя и смотреть на нее без ужаса и отвращения.

Маркиз Н***, дышащий колкостями, говоря о ней вчера, сказал, что болезнь выворотила ее наизнанку

и что душа ее видна теперь на лице. К несчастью, все признали примечание сие справедливым.

К тому же третьего дня решили и дело госпожи де Мертей — все голоса были против ее. Вот новая беда! Протори, убытки, проволочка, пожилое и пр. — за все присудили взыскать с нее в пользу сирот; так что она и последним имением должна теперь поквитаться.

Госпожа де Мертей, узнав о сем решении, несмотря на свою слабость, той же ночью отправилась одна на почтовых. Никто из людей не захотел с нею ехать. Полагают, что она пробирается в Голландию.

Скоропостижный отъезд сей более всего наделал шуму, потому что она увезла бриллианты, принадлежащие наследникам покойного ее мужа, серебро, собственные вещи, словом, все, что могла взять с собою, оставя долга более, нежели на 50.000 ливров. Не совершенное ли это банкротство?

Родные положили собраться завтра для удовлетворения кредиторов. Я хотя и дальняя ей родня, однако ж дала слово помочь со своей стороны; но на собрании быть не могу. Обряд несравненно горестнейший требует моего присутствия. Завтра дочь моя вступает в послушницы. Почтенный друг! К жестокому сему пожертвованию одно молчание ваше могло приневолить меня!

Дансени уехал из Парижа уже две недели тому назад. Говорят, что он отправился на Мальту и расположится там жить. Может быть, время позволяет еще остановить его... Любезный друг! Ужели дочь моя так виновна!.. Простите матери, еще колеблющейся при столь ужасной известности.

Какой, однако ж, злобный рок преследует меня с некоторого времени и карает в любезнейших для меня предметах в дочери и в друге моем!

Кто не ужаснется, помыслив о бедствиях, которые может нанести одно вредное знакомство? Сколько несчастий избегнули бы, думая о сем поболее! Какая женщина не сокрылась бы еще первых слов соблазнителя! Какая мать могла бы видеть, не содрогаясь, что не она, а другой пользуется доверенностью ее дочери? Но сии поздние размышления приходят обыкновенно после горестных испытаний — а важнейшая и всеми почти дознанная истина эта остается забытою и помраченною вихрем необразованных наших нравов.

Прощайте, почтеннейший друг; должно признаться, что разум наш, недостаточный для предупреждения наших несчастий, всего меньше способствует к утешению нашему.

Париж, 14 января 17...

Конкретные причины и соображения, которые мы всегда будем соблюдать, заставляют нас здесь остановиться.

Мы не можем в настоящее время ни дать читателю продолжение приключений мадемуазель де Воланж, ни сообщить ему о зловещих событиях, которые усугубили несчастья или завершили наказание госпожи де Мертей.

Возможно, когда-нибудь нам будет позволено завершить эту работу; но мы не можем брать на себя никаких обязательств по этому вопросу, и когда бы могли, то полагали бы, что должны сначала посоветоваться со вкусом публики, которая не имеет тех же причин, что и мы, для интереса к этому чтению.

*Издатель*¹

Конец

¹ В переводе А. И. Леванды это послесловие было купировано (*примеч. ред.*).

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ	7
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ (письма I — L)	15
ЧАСТЬ ВТОРАЯ (письма LI — LXXXVII)	99
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ (письма LXXXVIII — CXXIV)	179
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ (письма CXXV — CLXXV)	251

Шодерло де Лакло

ОПАСНЫЕ СВЯЗИ

Компьютерная верстка,
обработка иллюстраций,
дополнительные комментарии
В. Шабловский

Сдано в печать 00.00.2022

Объем 10,5 печ. листов

Тираж 0000 экз.

Заказ № 5806/20

Бумага кремовая книжная дизайнерская
Stora Enso Lux Cream

На основании п. 2.3 статьи 1 Федерального закона № 436-ФЗ от 29.12.2010
не требуется знак информационной продукции, так как данное издание
классического произведения имеет значительную историческую, художественную
и культурную ценность для общества

ООО «СЗКЭО»

Телефон в Санкт-Петербурге: +7 (812) 365-40-44

E-mail: knigi@szko.ru

Интернет-магазин: www.szko.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт»,
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А, www.pareto-print.ru

По утверждению Стендаля, роман «Опасные связи», написанный в 1782 году, вошел в историю как одно из наиболее значительных прозаических произведений французской литературы XVIII века. Тем удивительнее факт, что его автор, Пьер Амбруаз Франсуа Шодерло де Лакло (1741–1803), отнюдь не стремился снискать себе славу на литературном поприще. Он был высокопоставленным военным, внесшим весомый вклад в разработку и модернизацию артиллерийских систем, а в годы Великой французской революции стал политиком, активно выступавшим за низложение короля. Из-под пера Лакло вышли несколько интересных трудов по истории революции и военному делу, однако ничто не указывало на удивительный успех его единственного худо-

жественного произведения.

«Опасные связи» — роман в письмах, главные герои которого, виконт де Вальмон и маркиза де Мертей, отчаянно интригуют, желая отомстить своим врагам. Будучи типичными представителями современного автору аристократического общества, они действуют мудро, но цинично и бездушно: виртуозно играя на человеческих слабостях, без колебаний приносят в жертву юную, наивную девушку Сесилию Воланж. Впрочем, злодейство в те времена не могло избежать справедливого возмездия...

Роман приобрел неимоверную популярность сразу же после выхода из печати; достаточно вспомнить, что первый двухтысячный тираж был распродан в течение месяца, сразу же последовало переиздание — и это не считая пятидесяти контрафактных публикаций в течение только ближайших двух лет! И в последующие годы о романе не забывали — ни благодарные читатели, ни суровые блюстители морали: в 1823 году «Опасные связи» были осуждены по приговору французского уголовного суда на уничтожение «за оскорбление нравственности». Позже литературные критики назвали роман вызывающе новаторским, предвещающим творчество Бальзака и Стендаля, а наступившая эра кинематографа подарила нам несколько отличных экранизаций.

На русском языке роман впервые был опубликован в 1804 году под названием «Вредные знакомства, или Письма, собранные одним обществом для предостережения других» в переводе Александра Ивановича Леванды (1765–1812), писателя, входившего в кружок И. А. Крылова и А. И. Клушина. Примечательно, что текст никак не был сокращен, кроме предисловия и одной фривольной сцены в третьей части (в данном издании все тексты восстановлены в полном объеме).

Книгу украшают 27 рисунков знаменитого французского художника, иллюстратора и дизайнера Жоржа Барбье (1882–1932), выполненных им для очередного парижского переиздания романа.

ISBN 978-5-9603-0774-1

9 785960 307741 >

